

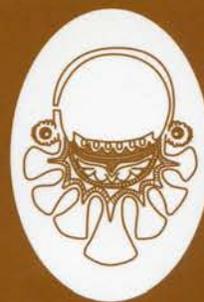
ISSN 0869-6063

Номер 4

Октябрь-Ноябрь-Декабрь
2018

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<https://ras.jes.su>

Российская Академия Наук

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2018

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

чл.-корр. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, д.и.н. А.А. Тишкин, акад. РАН В.Л. Янин,
проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуль (Франция), чл.-корр. НАН Украины Г.Ю. Ивакин, проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
д.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон (499)124-34-42
E-mail: ra@iaran.ru

Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2018

<i>Ното dominus</i> . О знаках собственности в Северной Месопотамии эпохи поздней первобытности (Часть 2) <i>Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н.</i>	5
Средний Урал в начале бронзового века: коптяковская культура <i>Корочкова О.Н.</i>	17
Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии <i>Малашев В.Ю., Торгоев А.И.</i>	36
Керамика городищ Тушемля и Банцеровщина: к вопросу о тушемлинско-банцеровской культуре <i>Лопатин Н.В.</i>	53
Бронзовые чаши и изделия из них на раннесредневековых памятниках Камско-Вятского междуречья <i>Лещинская Н.А., Пастушенко И.Ю.</i>	66
Шерстяные ковры из аланских погребений VIII–X вв.: качество шерсти и технология изготовления <i>Пахунов А.С., Елкина И.И., Тарасов П.Е., Вагнер М., Кочкаров У.Ю., Дзвлет Е.Г.</i>	81
Раскопки в восточной части московского кремля в контексте изучения городов Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. <i>Макаров Н.А., Энгватова А.В., Коваль В.Ю., Модин Р.Н.</i>	95

Публикации

Новые раннесредневековые погребения с территории Западного Предкавказья <i>Суханов Е.В., Свиридов А.Н.</i>	114
Новые данные о комплексе памятников у д. Хотяжи на Москве-реке (к проблеме славянской колонизации Подмосковья) <i>Заидов О.Н., Кренке Н.А., Лазукин А.В.</i>	130
Остеологическая коллекция селища Хотяжи 1 <i>Сердюк Н.В., Кренке Н.А., Зеленков Н.В., Сычевская Е.К.</i>	149
О печатях Федора Оксентьева <i>Рыбина Е.А.</i>	161

Критика и библиография

Лисицын С.Н. Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе, 2017 <i>Сорокин А.Н.</i>	167
Археологическая карта Чувашской Республики / Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Т. 1–3. Чебоксары, 2013–2015 <i>Беговаткин А.А., Кашкин А.В.</i>	174

Хроника

Наталья Дмитриевна Аксенова (к 90-летнему юбилею) <i>Руденко К.А., Ситдинов А.Г., Беляев Л.А., Кокорина Н.А., Кузьминых С.В.</i>	179
К 70-летию Владимира Ивановича Кулакова <i>Кашкин А.В.</i>	180
Памяти Анатолия Дмитриевича Пряхина <i>Медведев А.П., Винников А.З., Захарова Е.Ю., Сафонов И.Е., Цыбин М.В.</i>	181

Азгар Гатауллович Мухамадиев <i>Недашковский Л. Ф.</i>	183
Глеб Юрьевич Ивакин <i>Беляев Л. А., Гайдуков П. Г., Макаров Н. А., Чернецов А. В., Коваль В. Ю.</i>	186
Памяти Павла Юрьевича Черносвитова <i>Державин В. Л., Завьялов В. И., Старков В. Ф.</i>	188
Памяти Екатерины Георгиевны Дэвлет <i>Леванова Е. С., Король Г. Г., Савинов Д. Г., Советова О. С.</i>	190
Авторский указатель за 2018 год	193

CONTENTS

No. 4, 2018

<i>Homo dominus</i> . Marks of property in Northern Mesopotamia of the late prehistoric period. Part 2 <i>Munchaev R.M., Amirov Sh.N.</i>	5
The Middle Urals in the Early Bronze Age: the Koptyaki culture <i>Korochkova O.N.</i>	17
T-shaped catacombs of the Sarmatian period in the Northern Caucasus and Central Asia <i>Malashev V. Yu., Torgoev A.I.</i>	36
Pottery of the Tushemlya and Bantserovshchina fortified sites: on the issue of the Tushemlya-Bantserovshchina culture <i>Lopatin N.V.</i>	53
Bronze bowls and their derivatives from early medieval sites of the Kama-Vyatka Interfluve <i>Leshchinskaya N.A., Pastushenko I. Yu.</i>	66
Wool carpets from Alan burials of the 8 th –10 th centuries: wool quality and production technology <i>Pakhunov A.S., Elkina I.I., Tarasov P.E., Wagner M., Kochkarov U. Yu., Devlet E.G.</i>	81
Excavations in the eastern part of the Moscow Kremlin in the framework of studying towns of North-East Rus of the 12 th –13 th centuries <i>Makarov N.A., Engovatova A.V., Koval V. Yu., Modin R.N.</i>	95

Publications

New burials of the Early Middle Ages from Western Ciscaucasia <i>Sukhanov E.V., Sviridov A.N.</i>	114
New data on the complex of sites near the village of Khotyazhi on the Moskva river (to the issue of the Slavic colonization of Moscow vicinity) <i>Zaidov O.N., Krenke N.A., Lazukin A.V.</i>	130
Osteological collection of the Khotyazhi I settlement <i>Serdyuk N.V., Krenke N.A., Zelenkov N.V., Sychevskaya E.K.</i>	149
On the seals of Fyodor Oksentyev <i>Rybina E.A.</i>	161

Review of Books

Lisitsyn S.N. Ecological approach to the periodization of Epi-Paleolithic and Early Mesolithic in the Upper Volga region, 2017 <i>Sorokin A.N.</i>	167
Archaeological map of Chuvash Republic. E.P. Mikhaylov, N.S. Berezina. Vol. 1–3. Cheboksary, 2013–2015 <i>Begovatkin A.A., Kashkin A.V.</i>	174

Chronicle

Nataliya Dmitrievna Aksenova (to the 90 th anniversary) <i>Rudenko K.A., Sitdikov A.G., Belyaev L.A., Kokorina N.A., Kuzminykh S.V.</i>	179
To the 70 th anniversary of Vladimir Ivanovich Kulakov <i>Kashkin A.V.</i>	180
In memory of Anatoly Dmitrievich Pryakhin <i>Medvedev A.P., Vinnikov A.Z., Zakharova E. Yu., Safonov I.E., Tsybin M.V.</i>	181

In memory of Azgar Gataulovich Mukhamadiev <i>Nedashkovsky L.F.</i>	183
In memory of Gleb Yuryevich Ivakin <i>Belyaev L.A., Makarov N.A., Gaydukov P.G., Chernetsov A.V., Koval V.Yu.</i>	186
In memory of Pavel Yuryevich Chernosvitov <i>Derzhavin V.L., Zavyalov V.I., Starkov V.F.</i>	188
In memory of Ekaterina Georgievna Devlet <i>Levanova E.S., Korol G.G., Savinov D.G., Sovetova O.S.</i>	190
Contributors, 2018	193

НОМО DOMINUS. О ЗНАКАХ СОБСТВЕННОСТИ В СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ ПЕРВОБЫТНОСТИ (Часть 2)

© 2018 г. Р.М. Мунчаев*, Ш.Н. Амиров**

Институт археологии РАН, Москва

* E-mail: raufmunchaev@mail.ru

** E-mail: shahmardan@mail.ru

Поступила в редакцию 8.02.2018 г.

Статья посвящена диахронному анализу знаков собственности (печатей), обнаруженных в ходе исследований российской археологической экспедицией разновременных памятников Северной Месопотамии, от хассунской культуры до культуры периода Ниневия 5, датируемых в интервале от второй половины VII до начала III тыс. до н.э.

Ключевые слова: печати-штампы, цилиндрические печати, хассунская культура, халафская культура, убейдская культура, поздний халколит Северной Месопотамии, культура Ниневия 5.

DOI: 10.31857/S086960630003385-2

Печати из Ярм-Тепе 3 (табл. 1, рис. 1). Ярм-Тепе 3 представляет собой двухслойный памятник. Верхняя часть холма мощностью до 4 м принадлежит убейдской культуре, а нижележащие отложения мощностью около 7 м – халафской (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 139–146; Merpert, Munchaev, 1993).

Всего в ходе раскопок Ярм-Тепе 3 было извлечено 10 печатей. Все печати кроме одной (рис. 1, 10) изготовлены из камня. Часть печатей имела петлевидное ушко для подвешивания: одна (рис. 1, 1) – на тыльной стороне, другие –

одна подконической (рис. 1, 8) и четыре “капле-видной” формы (рис. 1, 4, 7, 9, 10) – в районе вершины. Остальные изделия (рис. 1, 2, 3, 5, 6) выглядят как пронизки, так как они не имеют выраженного ушка и просверлены непосредственно через тело штампа.

В отличие от Ярм-Тепе 2, где на печатях-штампах были отмечены только абстрактные изображения, в Ярм-Тепе 3 были также зафиксированы образы или предметные изображения. Как и на Ярм-Тепе 2, абстрактные изображения делятся на бессистемные (рис. 1, 4, 6, 8) и от-

Таблица 1. Печати с поселения Ярм-Тепе 3

Table 1. Seals from the settlement of Yarim-Tepe 3

Номер позиции на рис. 1	Размеры (см)	Материал	Квадрат	Глубина (м)
1	2.5 × 0.8 × 1.8	Камень	I-d	-2.25
2	1.9 × 1.2 × 1.6	—	—	—
3	2.0 × 1.6 × 0.6	—	I-b	-3.70
4	1.8 × 1.6 × 0.4	—	II-b	-5.47
5	2.0 × 1.8 × 0.8(1.1)	—	I-a	-3.50
6	2.7 × 2.2 × 0.9	—	IV-a	-4.49
7	2.0 × 1.4 × 0.4	—	IV-c	-6.55
8	1.5 × 1.3 × 1.8	—	I-c	-6.70
9	3.9 × 2.7 × 0.6	—	II-a	-4.45
10	5.2 × 4.1 × 1.0	Глина	VI-c	-6.20

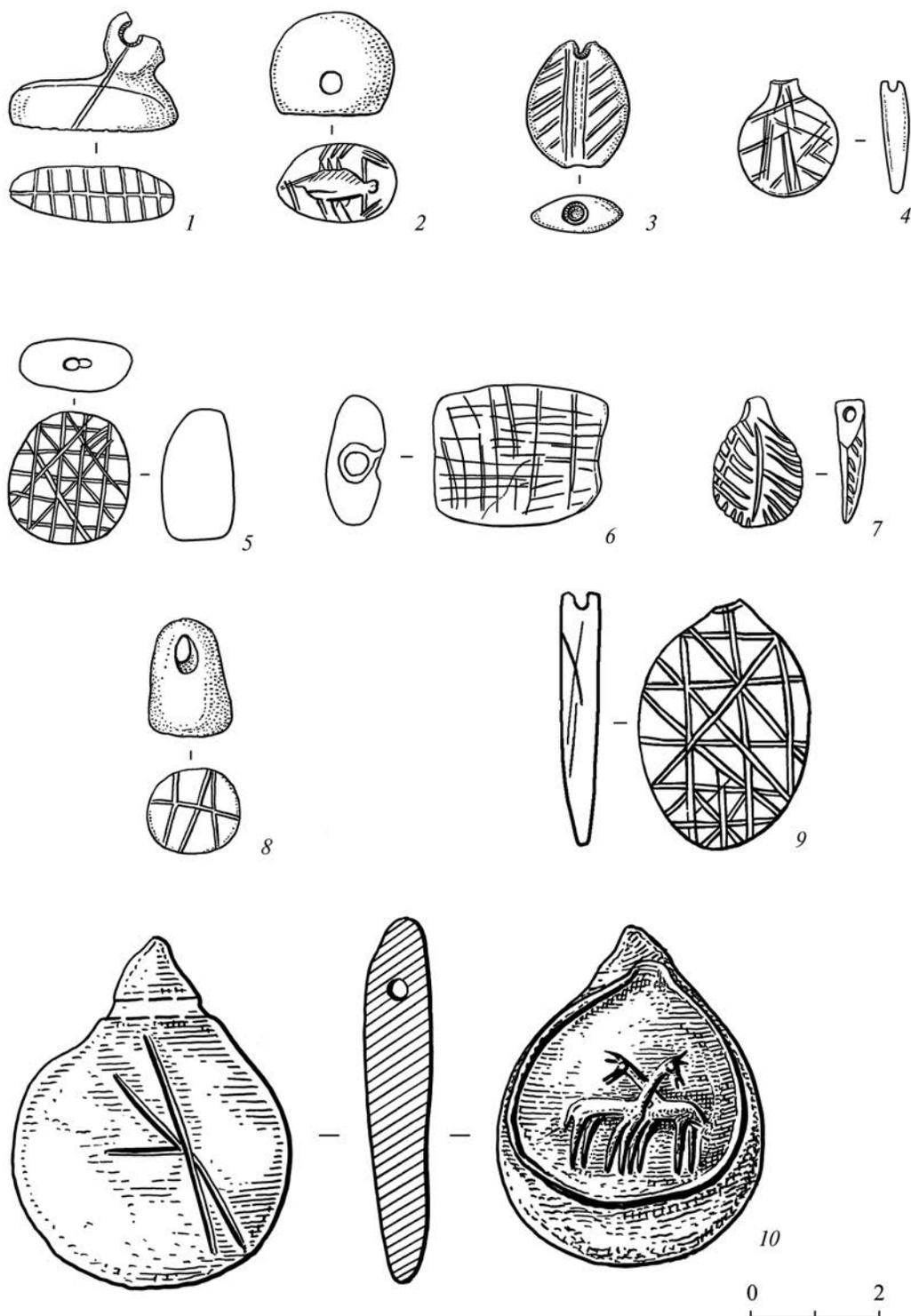

Рис. 1. Ярым-Тепе 3. Печати.

Fig. 1. Yarim-Tepe 3. Seals

носителю геометрически правильные (рис. 1, 1, 3, 5, 7, 9). В двух случаях отмечена комбинация прямой и косой штриховки (рис. 1, 5, 9).

Что касается образных изображений, то в Ярым-Тепе 3 они были отмечены два раза.

Одна печать содержит изображение скорпиона (рис. 1, 2), вторая — двух копытных (рис. 1, 10). Первая является, к сожалению, случайной находкой, вторая была найдена в контексте халафского слоя, в северном углу участка VI-с, на глу-

бине –6.20 м от 0 точки. Она представляет собой глиняную пластину “округленно-каплевидной” формы размерами 5.2 × 4.3 см. Изделие украшено гравировкой с двух сторон. С одной стороны находится геометрическая композиция из перекрещенных линий, с другой – сцена, воспроизводящая, вероятнее всего, двух онагров (рис. 1, 10). В свое время эта находка была опубликована как глиняная печать из халафского слоя Ярым-Тепе 3 (Merpert, Munchaev, 1993. P. 198, fig. 9, 30), однако, вероятнее всего, этот предмет представляет собой не печать, а подвеску. Единственный признак, который сближает его с халафскими печатями, это “каплевидная” форма. Все остальные признаки скорее говорят о том, что этот предмет имеет иное функциональное назначение. Если сравнивать его с другими халафскими печатями из обеих теллей группы Ярым-Тепе, то это будет единственная печать, изготовленная из глины. Помимо этого, это самый крупный предмет среди всех известных халафских печатей и единственный, имеющий гравированные изображения с двух сторон, причем одно из изображений представляет копытных животных. Сами по себе изображения животных характерны для росписи на халафских сосудах, но абсолютно неизвестны на халафских печатях, для которых типичны абстрактные сюжеты.

С халафскими отложениями Ярым-Тепе 3 связаны шесть печатей. По причине малочисленности планиграфическое размещение этих находок не демонстрирует каких-либо закономерностей. В халафской части слоя две печати (рис. 1, 4, 9) были обнаружены в прямоугольных конструкциях № 137 и 130, одна печать (рис. 1, 8), в “толосе” № 138, еще три печати (рис. 1, 6, 7, 10) были обнаружены вне комплексов, в слое. В убейдской части слоя из трех обнаруженных печатей одна (рис. 1, 1) была найдена в прямоугольном помещении № 60, вторая (рис. 1, 3) – в яме № 16, еще одна (рис. 1, 5) – в слое. Поскольку печати с предметными изображениями мало характерны для халафской культуры, то возможно, что, найденная вне контекста печать с изображением скорпиона (рис. 1, 2), также соотносится именно с убейдским слоем поселения.

Важно отметить, что в отличие от Ярым-Тепе 2, раскопки Ярым-Тепе 3 не были доведены до материка. В основном раскопе остались неисследованными около четырех метров наиболее ранних отложений. По сути, был вскрыт только заключительный период халафской эволюции,

представленный поздним и переходным этапами, как они известны на Ярым-Тепе 2. Учитывая, что нижняя часть культурного слоя Ярым-Тепе 3 осталась неисследованной, очевидно, что использование печатей в убейдское время значительно сокращается по сравнению с халафским периодом.

Из-за малочисленности находок проследить динамику в глиптике Ярым-Тепе 3 не представляется возможным. Резких различий между печатями из халафской и убейдской частей слоя не прослежено. Подобно другим сюжетам, связанным с материальной культурой Ярым-Тепе 3, относительно глиптики также можно говорить о преемственности развития халафской и североубейдской культур.

Сравнивая этот материал с аналогичным из соседнего поселения Ярым-Тепе 2, можно сделать ряд наблюдений. Так, ряд халафских печатей из Ярым-Тепе 3 (рис. 1, 4, 6, 7, 9) имеют с точки зрения морфологии и декора близкие реплики в соседнем поселении (Мунчаев, Амиров, 2018. Рис. 2, 4, 6, 11, 12), и вероятнее всего, они были изготовлены руками одних и тех же мастеров. Обнаруженные на Ярым-Тепе 2 заготовки печатей (Мунчаев, Амиров, 2018. Рис. 2, 15, 17) свидетельствуют, что по меньшей мере часть печатей изготавливалась на месте. В то же время в отличие от Ярым-Тепе 2 на Ярым-Тепе 3 не обнаружены печати с центрально организованными композициями или мотивом “шахматной доски”.

Как уже отмечалось, печати-штампы – довольно типичная категория находок для поселений, расположенных в различных частях халафской ойкумены. Наибольшее количество печатей происходит из поселений, находившихся в степной зоне, но в непосредственной близости от горных стран, которые представляли интерес для торгово-обменных контактов. В частности, одна из самых крупных коллекций собрана в Телле Арпачия (Mallowan, Cruikshank Rose, 1935. Fig. 50; Pl. VII), многочисленны печати в Тепе Гавра (Tobler, 1950. Pl. XCIIb, 1–4; CLXXII, 17–19); в Домузтепе, расположенном в долине Кахраманмараш, было обнаружено 29 печатей (Campbell et al., 1999. P. 413, 414). Именно с этими районами связано наибольшее морфологическое и стилистическое разнообразие халафских печатей (Atakuman, 2013). Тем не менее, на халафских поселениях во внутренних районах степной Джезиры печати-штампы

также являются распространенной категорией находок. Помимо Ярым-Тепе, большие коллекции были собраны на поселениях Чагар Базар (Mallowan, 1936. Fig. 14, 19; Cruels et al., 2013. P. 474. Fig. 42, 6, a–d), Телль Халула (Tell Halula, 2008. P. 18, 41; Tallon, Leberghe, 1997. P. 188; Duistermaat, 2013. P. 316. Fig. 28, 1, e–g), Телль Тавила (Becker, 2015. P. 166. Abb. 86, 87), Телль Халаф (Becker, 2015. P. 302–305. Abb. 139–141). На поселении Саби Абьяд в слоях с халафской керамикой было обнаружено 6 печатей-штампов (Duistermaat, 1996. P. 341; fig. 5, 1; 2013. P. 316. Fig. 28, 2).

Обращает на себя внимание стилистическое сходство многих халафских печатей. Так, печати из Ярым-Тепе 2 особенно напоминают некоторые экземпляры из Телля Арпачия. Даже создается впечатление, что они могли быть изготовлены в отдельных центрах одними и теми же мастерами. Одним из таких центров производства печатей мог быть район современного Мо-

сула на севере Ирака, где располагались такие богатые находками печатей халафские памятники как Телль Арпачия и Тепе Гавра. Памятники следующего за халафским периода, как показали раскопки убейдских слоев Ярым-Тепе 3, Тепе Гавра (XVIII–XII) и Телля Арпачия (ТТ 1–4), также содержат каменные печати-штампы. Они сохраняют традиции предшествующего времени и продолжают линию развития халафской глиптики. Печати-штампы иной иконографической традиции с изображениями людей и животных известны и на ряде памятников позднеубейдского времени Южной Месопотамии (Amiet, 1980. P. 108, 113, 119, 123, 126, 129), хотя в наиболее ранних памятниках убейдской культуры (Телль Уэйли) печати, судя по всему, неизвестны (Breniquet, 1991; Huot, 1992).

Печати из Телля Хазна 1 (табл. 2, рис. 2, 3). Всего на поселении Телль Хазна 1, было собрано 36 печатей и оттисков, в том числе 23 цилиндрических печатей и оттисков и 12 печатей-штампов

Таблица 2. Печати с поселения Телль Хазна 1

Table 2. Seals from the settlement of Tell Hazna 1

Номер позиции на рис. 2 и 3	Размеры (см)	Материал	Квадрат	Глубина (м)
2, 1	1.4 × 1.3	Камень	XII/18	–12.00
2, 2	2.2 × 1.4 × 0.7	–"–	XIX/19	–7.80–7.90
2, 3	1.8 × 0.6	–"–	XIII/20	–12.20
2, 4	2.7 × 2.6 × 1.0	–"–	XI/19	–11.70
2, 5	2.5 × 1.3 × 1.0	–"–	XIII/18	–10.00
2, 6	3.1 × 1.0	–"–	XV/10	–4.00
2, 7	1.2 × 0.8 × 0.5	–"–	XXII/14	–8.10
2, 8	1.6 × 1.4 × 1.1	Глина	XV/18	–15.00
2, 9	2.4 × 1.5 × 1.4	Глина	XIX/15	–5.00
2, 10	3.6 × 2.7 × 1.0	Камень	XII/18	–8.10
2, 11	3.6 × 2.2 × 0.9	Камень	XIV/17	–5.60
3, 1	1.7 × 2.5	Глина	XXII/14	–7.60
3, 2	1.6 × 3.4	–"–	XIX/15	–8.00
3, 3	1.6 × 2.5	–"–	XVI/17	–6.00
3, 4	1.3 × 2.6	Алебастр	XV/11	–2.15
3, 5	1.7 × 3.2	Глина	XIX/15	–7.20
3, 6	1.3 × 3.5	Камень	XIV/14	–2.35–2.40
3, 7	0.8 × 1.6	Камень	XIII/14	–5.10
3, 8	0.8 × 1.0	Алебастр	XVII/17	–6.25
3, 9	0.8 × 2.5	Камень	XV/14	–3.00
3, 10	1.5 × 2.0	Глина	XX/14	–5.20
3, 11	1.5 × 3.2	–"–	XXII/10	–9.50
3, 12	1.3 × 2.0	–"–	XVI/15	–4.50
3, 13	2.6 × 3.0	–"–	XVIII/17	–6.05

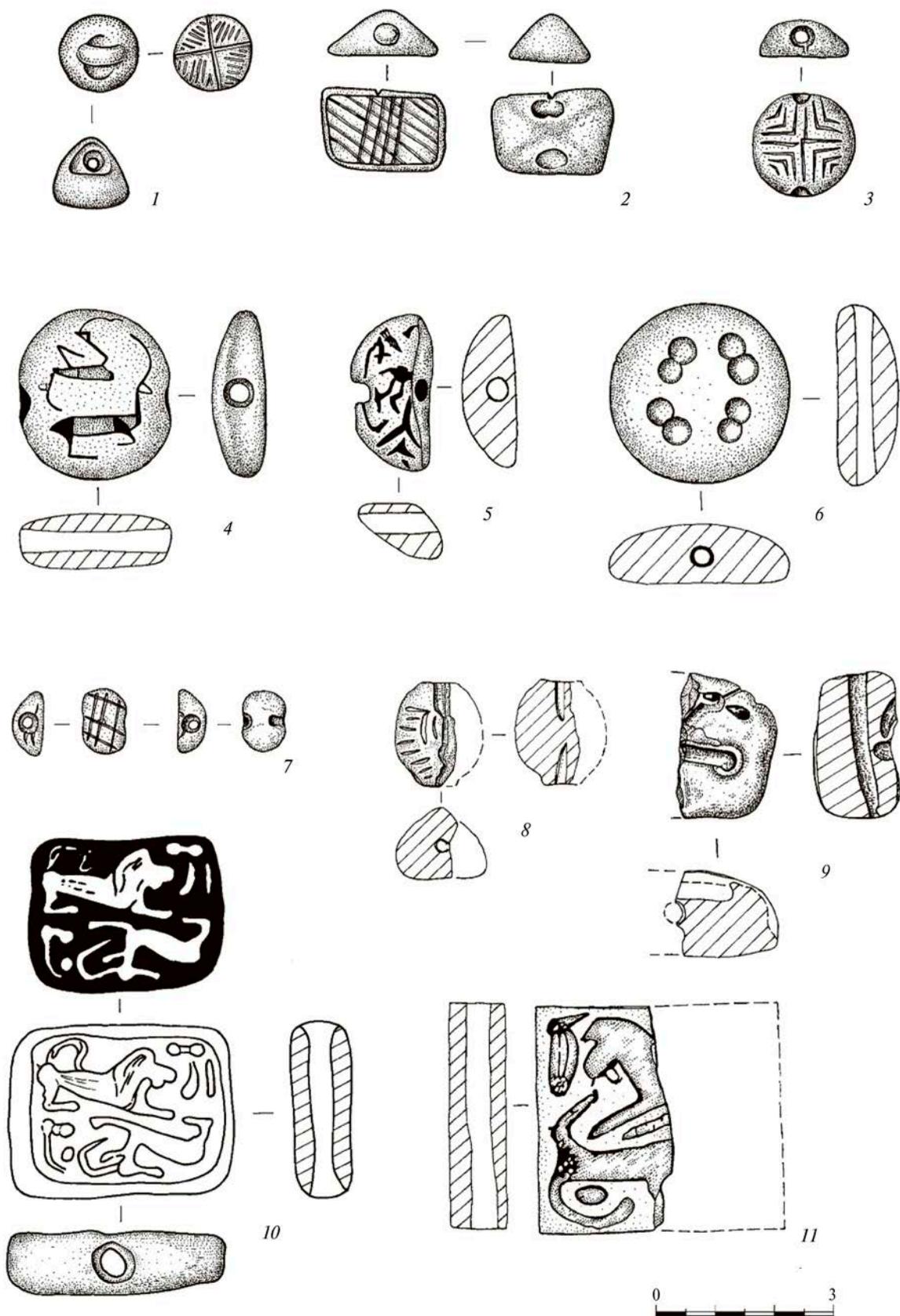

Рис. 2. Тель Хазна 1. Печати-штампы.

Fig. 2. Tell Hazna 1. Stemp seals

Рис. 3. Тель Хазна I. Цилиндрические печати.

Fig. 3. Tell Hazna 1. Cylinder seals

и оттисков; происхождение еще одного отпечатка неясно. Собственно печатей то в слое было обнаружено 25 (14 цилиндрических и 11 печатей-штампов), оттисков 10 (9 и 1 соответственно) (Мунчаев, Амиров, 2016. С. 287–309).

Судя по распределению этой категории находок в слое поселения, жители поселка Телль Хазна 1 пользовались печатями с момента создания поселения и до конца его функционирования. Самая ранняя находка была обнаружена в предматериковых слоях, и представлена бракованной заготовкой подвески-печати, которая была поломана во время изготовления. Эта находка может быть датирована периодом Поздний Халколит 2, в рамках первой трети IV тыс. до н.э. В вышележащих слоях, до времени возведения монументальных сооружений, печати не обнаружены совсем. Это связано, прежде всего, с тем, что материалы периодов, предшествующих времени строительства храмового комплекса на Телле Хазна 1, нерепрезентативны из-за недостаточности вскрытой площади поселения, которая к тому же пришлась на пространство за пределами архитектурных сооружений. В особенности это касается индивидуальных находок, какими являются печати.

Первая статистически значимая группа печатей датируется временем функционирования храмового комплекса (конец IV – начало III тыс. до н.э.)¹ и, очевидно, связана с ним. Все три обнаруженные печати представлены штампами, и все они были найдены поблизости от монументальных сооружений “теменоса”.

Поскольку верхние слои Телля Хазна 1 вскрыты на значительно большей площади, количество печатей так называемого периода Ниневия 5² значительно превосходит число печатей предшествующего времени. Всего в слоях этого периода было зафиксировано 28 очевидных свидетельств использования печатей.

В слоях периода 2 (ярусы 2.3–2.1) имеется восемь свидетельств использования печатей. В это время, в начале периода Ниневия 5, на поселении отмечено первое появление цилиндрических печатей (в контексте яруса 2.2, ближе к се-

редине XXIX в. до н.э.). Позднее наблюдается возрастание их относительного и абсолютного количества. Напротив, хотя печати-штампы продолжают использоваться вместе с цилиндрами, но их относительное количество сокращается. В целом, с момента появления печатей-цилиндров они используются общиной Хазны (в отложениях периодов 2–1) в два-три раза чаще, чем печати-штампы.

В слоях периода 1 (ярусы 1.3–1.1) и периода 0 зафиксировано 20 случаев использования печатей. Наибольшее количество их было обнаружено в конструкциях наиболее поздней фазы жизни поселения (12 свидетельств). Тот факт, что в наиболее поздних слоях, связанных со стационарной жизнью на поселении, а именно, в сооружениях яруса 1.1, было зафиксировано значительно больше печатей (без учета оттисков), чем в конструкциях предшествующего времени (ярусов 1.3–1.2), имеет логичное объяснение. Ярусы 1.3–1.1 демонстрируют непрерывность жизни на поселении. Соответственно, самая поздняя фаза стационарной жизни на поселении (ярус 1.1) аккумулировала почти весь набор печатей, которые использовались семьями жителей этого поселка в течение всего длительного периода.

Относительно поздней фазы жизни поселения, можно также сказать, что площадь поселка Телля Хазна 1 периода 1.1 вскрыта примерно наполовину, и к тому же в центральной части. Благодаря этому, мы можем примерно определить порядок количества знаков собственности, использовавшихся общиной в это время. Как свидетельствуют две находки, в погребении и в бытовом контексте периода 0, знаки собственности продолжали ограниченно использоваться жителями и после того, как стационарная жизнь на поселении прекратилась (Мунчаев, Амиров 2016. С. 289).

Все изображения на 23 цилиндрических печатях и оттисках представлены геометрическими орнаментами. Анализ изображений на цилиндрических печатях, которые использовались общинниками Телля Хазна 1 в течение двух веков, не позволяет установить диахронные тенденции в их оформлении.

Печати-штампы использовались на Телле Хазна 1 значительно дольше, чем цилиндры, на протяжении всего периода жизни поселения. Как было отмечено, всего на поселении было обнаружено 11 печатей-штампов и один оттиск штампа. Несмотря на то, что печати-штампы,

¹ Храмовый комплекс Телля Хазна 1 функционировал как централизованно управляемая структура не более двух веков.

² Период или культура Ниневия 5 существовала в Восточной Дезде и датируется в интервале XXIX–XXV вв. до н.э. На Телле Хазна 1 жизнь прекратилась в начале XXVII в. до н.э. (Мунчаев, Мерперт, Амиров 2004. С. 193–226; Мунчаев, Амиров 2016. С. 88–91).

изготовленные из камня, отличаются долговечностью, и представляли ценность, обозначая собственность, принадлежащую семье или профессионально-сословной группе, очевидно, что большая часть печатей-штампов была обнаружена в слоях близких ко времени функционирования храмового центра и времени непосредственно после завершения его использования. Во время работы храмового комплекса печати-штампы, судя по всему, использовались чаще, чем на позднем этапе жизни поселения. К этому выводу можно прийти на основании соотношения количества таких печатей и вскрытой площади соответствующих слоев.

Пять печатей-штампов из Телля Хазна 1 имеют округлую форму, две печати — неправильную форму, близкую к округлой, и три печати — прямоугольную. Закономерностей в распределение форм печатей-штампов в слое поселения не отмечено.

Геометрический орнамент зафиксирован на шести печатях, изображения животных — на четырех, изображения людей не отмечены ни разу. Геометрический орнамент представлен на прямоугольных печатях косой решеткой, на круглых печатях — либо группами точек, либо штриховкой, заполняющей пространство, разделенное на сектора. Изображения животных включают образы хищников (как правило, льва) и копытных. Большинство из них входят в состав парных композиций: животные или противостоят друг другу, или голова одного ориентирована к хвосту другого. Отмечены парные изображения двух копытных, двух хищников(?) и хищника (лев) вместе с копытным (газель). Большая часть печатей с животными (3 экз.) была обнаружена в помещениях “теменоса” и датируется временем его функционирования и непосредственно после этого. То есть время активного использования печатей с животными на Телле Хазна 1 — это вторая половина периода Джемдет-Наср и самое начало периода Ниневиа 5, что соответствует XXX — началу XXIX вв. до н.э. Находки печатей-штампов и их группировка (5 предметов) в конструкциях финала жизни поселения свидетельствуют о долговременности использования этой ценной категории находок, которые передавались общинниками из поколения в поколение и сохранялись до конца функционирования поселения.

Относительно материала, из которого изготовлены печати Телля Хазна 1, следует ска-

зать, что всего было зафиксировано 13 печатей из камня (в том числе пять печатей-цилиндров и восемь печатей-штампов) и 10 печатей из глины (из них восемь печатей-цилиндров и две печати-штампы), а также две цилиндрические печати из алебаstra. Цилиндрические печати из камня и алебаstra обнаружены в интервале от конца второго до конца первого периода, причем может быть отмечено незначительное увеличение их количества. Важным наблюдением является тот факт, что цилиндрические печати из глины использовались на поселении только на позднем этапе жизни (ярусы 1.3–0). В конце жизни поселения (период 1.1) их количество примерно совпадает с количеством каменных печатей. Этот факт является дополнительным свидетельством значительного ухудшения качества жизни общины на финальном этапе жизни поселения. Подобно цилиндрическим печатям, некоторое количество штампов также использовалось до конца периода стационарной жизни на поселении. В слоях первого периода зафиксировано пять печатей-штампов, из них четыре представлены каменными печатями.

Если говорить о цилиндрических печатях, обнаруженных в Хабурской степи, то следует отметить, что здесь наиболее ранние их оттиски датируются познеурукским временем. Например, они были зафиксированы на Телле Брак (Oates J., Oates D., 1997. P. 294. Fig.14), на Телле Мюзан (Buccellati, Kelly-Buccellati, 2007. P. 149. Fig.12). В течение первой половины III тыс. до н.э. цилиндрические печати и их оттиски известны практически на всех поселениях Хабурской степи, имеющих культурные отложения этого времени. Значительные коллекции были собраны на городских поселениях, таких как Телль Брак (историч. Нагар) (Collon, 1987. Fig. 41, 50, 51; Matthews, 1999. P. 294–297. Fig. 3, 7; Oates, 2005. P. 7; и др.), Телль Бейдар (историч. Набада) (Rova, 2006; Rova, Devecchi, 2008), Телль Барри (историч. Кахат) (например, Pecorella, Benoit, 2002. P. 37), Телль Арбид (например, Bieliński, 2009). Цилиндрические печати — регулярно встречающиеся индивидуальные находки на храмовых поселениях, подобных Теллю Хазна 1, таких как, например, Телль Кашкашок III (Мунчаев, Амиров, Сулейман, 2011. Рис. 5), и даже на рядовых поселениях, таких как Телль Ракай на Хабуре (Curvers, Schwartz, 1990. P. 20. Fig. 22, 23).

Вданном контексте становится понятным, какое значение приобретает коллекция цилиндри-

ческих печатей из Телля Хазна 1, представленная однородными предметами, происходящими из достаточно узкого и хорошо датированного культурно-хронологического горизонта. Здесь, прежде всего, важно отметить время первого появления цилиндрических печатей в слое Телля Хазны 1. Как было сказано, их самые первые образцы зафиксированы в слое, аккумулярованном после прекращения функционирования храмового комплекса и короткого перерыва жизни на поселении, в течение XXIX в. до н.э. Наиболее ранние цилиндрические печати Телля Хазна 1 обнаружены в контексте культуры Ниневия 5. (Мунчаев, Амиров, 2016. С. 287–308).

Опираясь на находки цилиндрических печатей из Телля Хазна 1, можно также отметить, что только одна печать (рис. 3, 1), из наиболее позднего слоя поселения, содержит крайне схематичные, линейные изображения копытных животных. На всех остальных печатях этой группы изображены геометрические композиции. Обобщая наблюдения сделанные на других поселениях Хабурской степи первой половины III тыс. до н.э. можно сделать вывод о том, что в целом для цилиндрических печатей первой половины периода Ниневия 5 (XXIX–XXVIII вв. до н.э.) характерными являются геометрические изображения³. В то же время для второй половины этого периода (XXVII–XXV вв. до н.э.) типичными, наряду с геометрическими сюжетами, становятся зооморфные и антропоморфные образы, которые к середине III тыс. до н.э. (период РД III) становятся качественно сложнее с точки зрения композиции сюжетов и иконографии изображений. Здесь, в частности, показательно сравнение цилиндрических печатей из равноценных поселений Телль Хазна 1 и Кашкашок III. Если в Телле Хазна 1, которое прекратило существование на рубеже XXVIII–XXVII вв. до н.э., мы почти не знаем иных изображений кроме геометрических, то в поселении Кашкашок III, которое функционировало несколько дольше, чем Телль Хазна, и его самые поздние отложения возможно, доживают до XXVI в. до н.э., (Мунчаев, Амиров, Сулейман, 2011), помимо пяти цилиндрических печатей, аналогичных обнаруженным на Телле Хазна 1, были найдены также оттиск цилиндри-

ческой печати с изображением газели и два оттиска цилиндрической печати с антропоморфным изображением.

Первые печати-штампы зафиксированы в Левантийском регионе. Они соотносятся с рубежом культур докерамического и керамического неолита и датируются в пределах второй половины VIII тыс. до н.э. К концу VII тыс. до н.э., в течение периода раннего керамического неолита, в северной части Леванта печати-штампы распространены уже достаточно широко. Об этом свидетельствует обнаружение более 100 печатей на поселении Телль Айн аль Керх, в слоях фазы Руж 2с. (Tsuneki et al., 1998; Tsuneki et al., 2007; Duistermaat, 2013. P. 317). В восточной Джебзире первые печати появляются в отдельных поселениях на этапе раннего керамического неолита, в течение развитого этапа “архаической хассуны”. Количество печатей из Ярым-Тепе 1 незначительно, но с самого начала они имеют завершенную и развитую форму. Очевидно, что этот культурный навык был импортирован на поселение в готовом виде. Первые печати могли поступать во внутреннюю степную часть Джебзиры из районов близких к горам, где находятся месторождения сырья, из которого были изготовлены эти печати. Если наиболее ранние печати хассунской культуры имеют штамп прямоугольной формы, то позднее появляются печати с круглым штампом. Судя по количеству печатей, их наиболее активное использование относится к среднему этапу жизни поселения Ярым-Тепе 1 (“стандартная хассуна”). На финальном этапе жизни поселения, количество печатей несколько сокращается.

В поселениях халафской культуры, в том числе в Ярым-Тепе 2, обнаружено исключительно большое количество печатей-штампов. Этот факт скорее всего может говорить о значительной внешней торговой активности. В халафских поселениях степной Джебзиры печати использовались начиная с самого раннего до позднего этапа жизни поселений. Количественная динамика говорит о том, что наиболее активно печати использовались на среднем этапе жизни Ярым-Тепе 2, к финальному периоду жизни поселения (переходный халафско-убейдский этап) количество печатей значительно сокращается. Для ранних халафских печатей из Ярым-Тепе 2 времени характерны печати с петлевидным ушком на тыльной стороне. Более поздние печат-

³ Этому утверждению не противоречит факт обнаружения на городских поселениях Хабурской степи (таких как Телль Брак), начиная с позднеурукского времени, исключительно редких оттисков цилиндрических печатей с изображениями людей и животных (Oates J., Oates D., 1997. P. 294. Fig. 14), что свидетельствует скорее всего о внешних торговых контактах.

ти из Ярм-Тепе 2 чаще имеют “каплевидную” форму. В убейдских слоях Ярм-Тепе 3 отмечено резкое сокращение количества печатей в сравнении с предшествующим халафским временем, но при этом в глиптике отмечена стилистическая преемственность. В слоях поселения Шейх Хомси эпохи раннего халколита, которое датируется рубежом V–IV тыс. до н.э., печати не были обнаружены, что может объясняться только недостаточной исследованной площадью этого поселения.

На поселении эпохи позднего халколита – ранней бронзы Телль Хазна 1, которое возникло до середины IV тыс. до н.э., печати-штампы известны начиная с самого раннего периода жизни поселения, и продолжали использоваться до финала жизни поселения. Наиболее ранние печати-штампы имеют геометрический орнамент. Печати-штампы с изображениями животных (кошачьих хищников и копытных) были обнаружены главным образом в монументальных помещениях храмового комплекса и датируются в пределах XXXI – начала XXIX вв. до н.э. Первое появление печатей-цилиндров с геометрическим орнаментом на Телле Хазна 1 датируется временем после прекращения функционирования храмового комплекса в XXIX в. до н.э. и соотносится с культурой “Ниневия 5”. Этот последний период жизни поселения Телль Хазна 1, в интервале от XXIX до начала XXVII в. до н.э. отмечен минимальными внешними контактами общины и поступательным ухудшением качества жизни, что было связано с аридизацией климата. Этот факт нашел отражение в глиптике. Значительное количество самых поздних цилиндрических печатей из Телля Хазна 1 было изготовлено из глины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. Кульгово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус, 2016. 604 с.
- Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. *Ното доминус*. О знаках собственности в Северной Месопотамии эпохи поздней первобытности (Часть 1) // РА. 2018. № 3. С. 9–22.
- Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., Сулейман А. Поселения Телль Хазна I и Кашкашок III в Северо-Восточной Сирии – сравнительный анализ // РА. 2011. № 2. С. 27–42.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука, 1981. 320 с.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. Кульгово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М.: Палеограф, 2004. 486 с.
- Amiet P. La glyptique mesopotamienne archaïque. 2e éd. rev. et corr. avec un supplément. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1980. 522 p.
- Atakuman Ç. Deciphering Later Neolithic stamp seal imagery of Northern Mesopotamia // Documenta Praehistorica. 2013. V. XL. P. 247–264.
- Becker J. Tell Ḥawīla, Tell Ḥalaf und Wādī Ḥamar: Ḥalaf- und ‘Obēd-Zeit in Nordost-Syrien. Bd. 1: Text. Berlin: Ex Oriente, 2015 (Biblioteca Neolithica Asiae Meredionalis et Occidentalis). 514 p.
- Bieliński P. Some Cylinder Seal Impressions on Pottery from Tell Arbid // Here and There across the Ancient Near East. Studies in Honor of Krystina Lyczkowska / Ed. O. Drewnowska. Warszawa: Agade, 2009. P. 1–9.
- Breniquet. C. ‘Les petits objets de l’époque d’Obeid découverts a tell el’Oueili en 1985 // ‘Oueili. Travaux de 1985. Sous la direction de Jean-Louis Huot. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations, 1991. P. 313–320.
- Buccellati G., Kelly-Buccellati M. Urkesh and the Question of the Hurrian Homeland // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. 2007. V. 175. № 2. P. 141–151.
- Campbell St., Carter E., Healey E., Anderson S., Kennedy A., Whitcher S. Emerging Complexity on Kaharamanmaras Plain, Turkey: The Domuztepe Project, 1995–1997 // AJA. 1999. V. 103. № 3. P. 395–418.
- Collon D. First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East. Chicago: University Chicago press; London: British Museum Publications, 1987. 208 p., 968 ill.
- Cruels W, Gomez A., Bouso M., Guerrero E., Tornero C., Sana M., Molist M., Buxo R., Baghdo A., Tunca O. Chagar Bazar in Northeast Syria: recent work // Interpreting the late Neolithic of Upper Mesopotamia / Ed. O.P. Nieuwenhuys et al. Turnhout: Brepols, 2013. P. 467–478.
- Curvers H., Schwartz G.M. Excavations at Tell Raqa’I: a Small Rural Site of Early Urban Northern Mesopotamia // AJA. 1990. V. 94. № 1. P. 3–23.
- Duistermaat K. The seals and sealings // Tell Sabi Abyad The Late Neolithic Settlement. V. II / Ed. P.M.M.G. Akkermans. Leiden; Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut, 1996. P. 339–402.
- Duistermaat K. Private matters: The Emergence of sealing practices in Neolithic Syria // Interpreting the late Neolithic of Upper Mesopotamia / Ed. O.P. Nieuwenhuys et al. Turnhout: Brepols, 2013. P. 315–322.
- Huot J.-L. The first farmers at Oueili // Biblical Archaeologist. 1992. V. 55. № 4. P. 188–195.
- Mallowan M.E.L. Excavations at Tell Chagar Bazar and an Archeological Survey of the Habur Region, second campaign, 1936 // Iraq. 1937. V. 4. № 2. P. 91–177.
- Mallowan M.E.L., Cruikshank Rose J. Prehistoric Assyria: the excavations at Tall Arpachiyah, 1933. London: Oxford University Press, 1935 (Iraq. V. II. Part 1). 178 p.

- Matthews R.J.* Tell Brak in the Ninevite 5 period // Languages and Cultures in Contact: At the Crossroads of Civilizations in the Syro-Mesopotamian Realm: Proceedings of the 42th RAI. Leuven: Peeters, 1999. P. 289–303.
- Merpert N.Ya, Munchaev R.M.* Yarim Tepe III. The Halaf levels // Early stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq. Tucson; London: The University of Arizona Press, 1993. P. 163–205.
- Oates J.* Archaeology in Mesopotamia. Digging deeper at Tell Brak // Proceedings of the British Academy. V. 131. Oxford: The British Academy: Oxford University Press, 2005. P. 1–39.
- Oates J., Oates D.* An Open Gate: Cities of the Fourth Millennium BC (Tell Brak 1997) // Cambridge Archaeological Journal. 1997. V. 7. № 2. P. 287–307.
- Pecorella P.E., Benoit R.P.* Tell Barri (Kahat): La Campagna del 2002: Relazione preliminare. Firenze: Firenze University Press, 2005. 212 p.
- Rova E.* Seal Impressions on Pottery in the Khabur Region in the IIIrd Millennium B.C.: Some New Evidence from Tell Beydar // Baghdader Mitteilungen. 2006. V. 37. P. 295–312.
- Rova E., Devecchi E.* Seal Impressions from Tell Beydar (2002–2006 Seasons) // Beydar Studies 1 / Eds.: M.-S. Lebeau, A. Suleiman. Turnhout: Brepols, 2008 (Subartu. V. XXI). P. 63–194.
- Tallon P., Leberghe K.* In Syrie Naar de Oorsprong van het Schrift. Brussels: Brepols, 1997. 296 p.
- Tell Halula (Valle del Eufrates, Siria): dos decades de investigaciones arqueológicas / Ed.M. Molist et al. Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona, 2008 (Treballs d'Arqueologia del Proxim Orient. V. 2). 53 p.
- Tobler A.J.* Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1950. 260 p.
- Tsuneki A., Hydar J., Miyake Y., Akahane S., Arimura M., Nishiyama Sh., Sha'aban H., Anezaki T., Yano S.* Second preliminary report of the Excavations at Tell el-Kerkh (1998), Northwestern Syria // Bulletin of the Antient Orient Museum. 1998. V. 19. P. 1–40.
- Tsuneki A., Hydar J., Odaka T., Hasegawa A.* A Decade of Excavations at Tell el-Kerkh, 1997–2006. Tsukuba: Department of Archaeology, University of Tsukuba, 2007. 25 p.

HOMO DOMINUS. MARKS OF PROPERTY IN NORTHERN MESOPOTAMIA OF THE LATE PREHISTORIC PERIOD (Part 2)

Rauf M. Munchaev *, Shakhmardan N. Amirov**

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

* E-mail: raufmunchaev@mail.ru

** E-mail: shahmardan@mail.ru

The article presents a diachronic analysis of the markings of property (seals) found by the Russian archaeological expedition during the investigation of Northern Mesopotamia sites of different periods, from the Hassuna culture to the culture of the Ninevite 5 period, dated between the second half of the 7th to the early 3rd millennium BC.

Keywords: stamp seals, cylinder seals, the Hassuna culture, the Halaf culture, the Ubaid culture, the Late Chalcolithic of Northern Mesopotamia, the Ninevite 5 culture.

REFERENCES

- Amiet P.*, 1980. La glyptique mesopotamienne archaïque. 2e éd. rev. et corr. avec un supplément. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique. 522 p.
- Atakuman Ç.*, 2013. Deciphering Later Neolithic stamp seal imagery of Northern Mesopotamia. *Documenta Praehistorica*, XL, pp. 247–264.
- Becker J.*, 2015. Tell Ḥawīla, Tell Ḥalaf und Wādī Ḥamar: Ḥalaf- und 'Obēd-Zeit in Nordost-Syrien, 1. Text. Berlin: Ex Oriente. 514 p. (Biblioteca Neolithica Asiae Meridionalis et Occidentalis).
- Bieliński P.*, 2009. Some Cylinder Seal Impressions on Pottery from Tell Arbid. *Here and There across the Ancient Near East. Studies in Honor of Krystina Lyczkowska*. O. Drewnowska, ed. Warszawa: Agade, pp. 1–9.
- Breniquet C.*, 1991. 'Les petits objets de l'époque d'Obeid découverts a tell el'Oueili en 1985. 'Oueili. *Travaux de 1985. Sous la direction de Jean-Louis Huot*. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations, pp. 313–320.
- Buccellati G., Kelly-Buccellati M.*, 2007. Urkesh and the Question of the Hurrian Homeland. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*, vol. 175, no. 2, pp. 141–151.
- Campbell St., Carter E., Healey E., Anderson S., Kennedy A., Whitchee S.*, 1999. Emerging Complexity on Kaharamanaras Plain, Turkey: The Domuztepe Project, 1995–1997. *American Journal of Archaeology*, vol. 103, no. 3, pp. 395–418.
- Collon D.*, 1987. First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East. Chicago: University Chicago press; London: British Museum Publications. 208 p., 968 ill.
- Cruels W, Gomez A., Bouso M., Guerrero E., Tornero C., Sana M., Molist M., Buxo R., Baghdo A., Tunca O.*, 2013. Chagar Bazar in Northeast Syria: recent work. *Interpreting the late Neolithic of Upper Mesopotamia*. O.P. Nieuwenhuyse, ed. Turnhout: Brepols, pp. 467–478.
- Curvers H., Schwartz G.M.*, 1990. Excavations at Tell al-Raqf'i: A Small Rural Site of. Early Urban Northern Mesopotamia. *American Journal of Archaeology*, vol. 94, no. 1, pp. 3–23.

- Duistermaat K.*, 1996. The seals and sealings. *Tell Sabi Abyad The Late Neolithic Settlement*, II. P.M.M.G. Akkermans, ed. Leiden; Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut, pp. 339–402.
- Duistermaat K.*, 2013. Private matters: The Emergence of sealing practices in Neolithic Syria. *Interpreting the late Neolithic of Upper Mesopotamia*. O.P. Nieuwenhuys, ed. Turnhout: Brepols, pp. 315–322.
- Huot J.-L.*, 1992. The first farmers at Oueili. *Biblical Archaeologist*, vol. 55, no. 4, pp. 188–195.
- Mallowan M.E.L.*, 1937. Excavations at Tell Chagar Bazar and an Archeological Survey of the Habur Region, second campaign, 1936. *Iraq*, vol. 4, no. 2, pp. 91–177.
- Mallowan M.E.L., Cruikshank Rose J.*, 1935. Prehistoric Assyria: the excavations at Tall Arpachiyah, 1933. London: Oxford University Press. 178 p. (*Iraq*, vol. II, part 1).
- Matthews R.J.*, 1999. Tell Brak in the Ninevite 5 period. *Languages and Cultures in Contact: At the Crossroads of Civilizations in the Syro-Mesopotamian Realm: Proceedings of the 42nd RAI*. Leuven: Peeters, pp. 289–303.
- Merpert N. Ya., Munchaev R.M.*, 1993. Yarim Tepe III. The Halaf levels. *Early stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq*. Tucson. London: The University of Arizona Press, pp. 163–205.
- Munchaev R.M., Amirov Sh.N.*, 2016. Tell' Khazna I. Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n.e. v Severo-Vostochnoy Sirii [Tell Hazna I. Cult and administrative centre of the 4th–3rd millennia BC in Northeastern Syria], 2. Moscow: Taus. 604 p.
- Munchaev R.M., Amirov Sh.N.*, 2018. Homo dominus. Marks of property in Northern Mesopotamia of the Late Prehistoric Period (Part 1). *Russ. Arkheol.*, 3, pp. 9–22 (In Russ.)
- Munchaev R.M., Amirov Sh.N., Suleyman A.*, 2011. Settlements Tell' Khazna I and Kashkashok III in Northeastern Syria: comparative analysis. *Russ. Arkheol.*, 2, pp. 27–42. (In Russ.)
- Munchaev R.M., Merpert N. Ya.*, 1981. Rannezemledel'cheskie poseleniya Severnoy Mesopotamii [Early Agricultural Settlements of Northern Mesopotamia]. Moscow: Nauka. 320 p.
- Munchaev R.M., Merpert N. Ya., Amirov Sh.N.*, 2004. Tell' Khazna I. Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n.e. v Severo-Vostochnoy Sirii [Tell Hazna I. Cult and administrative centre of the 4th–3rd millennia BC in North-eastern Syria]. Moscow: Paleograf. 486 p.
- Oates J.*, 2005. Archaeology in Mesopotamia. Digging deeper at Tell Brak. *Proceedings of the British Academy*, 131. Oxford: The British Academy: Oxford University Press, pp. 1–39.
- Oates J., Oates D.*, 1997. An Open Gate: Cities of the Fourth Millennium BC (Tell Brak 1997). *Cambridge Archaeological Journal*, vol. 7, iss. 2, pp. 287–307.
- Pecorella P.E., Benoit R.P.*, 2005. Tell Barri (Kahat): La Campagna del 2002: Relazione preliminare. Firenze: Firenze University Press. 212 p.
- Rova E.*, 2006. Seal Impressions on Pottery in the Khabur Region in the IIIrd Millennium B.C.: Some New Evidence from Tell Beydar. *Baghdader Mitteilungen*, 37, pp. 295–312.
- Rova E., Devecchi E.*, 2008. Seal Impressions from Tell Beydar (2002–2006 Seasons). *Beydar Studies I*. M.-S. Lebeau, A. Suleiman, eds. Turnhout: Brepols, pp. 63–194. (Subartu, XXI).
- Tallon P., Leberghe K.*, 1997. In Syrie Naar de Oorsprong van het Schrift. Brussels: Brepols. 296 p.
- Tell Halula (Valle del Eufrates, Siria): dos decades de investigaciones arqueologicas. M. Molist, ed. Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona, 2008. 53 p. (Treballs d'Arqueologia del Proxim Orient, 2).
- Tobler A.J.*, 1950. Excavations at Tepe Gawra, II. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 260 p.
- Tsuneki A., Hydar J., Miyake Y., Akahane S., Arimura M., Nishiyama Sh., Sha'aban H., Anezaki T., Yano S.*, 1998. Second preliminary report of the Excavations at Tell el-Kerkh (1998), Northwestern Syria. *Bulletin of the Antient Orient Museum*, 19, pp. 1–40.
- Tsuneki A., Hydar J., Odaka T., Hasegawa A.*, 2007. A Decade of Excavations at Tell el-Kerkh, 1997–2006. Tsukuba: Department of Archaeology, University of Tsukuba. 25 p.

СРЕДНИЙ УРАЛ В НАЧАЛЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА: КОПТЯКОВСКАЯ КУЛЬТУРА

© 2018 г. О.Н. Корочкова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru

Поступила в редакцию 15.05.2017 г.

В центре внимания — феномен коптяковской культуры Среднего Зауралья начальной поры бронзового века, демонстрирующий сложение производящего центра в среде населения преимущественно присваивающего образа жизни. Ограниченный ареал, малое количество памятников, среди которых выдающееся место занимает святилище Шайтанское Озеро II, беспрецедентное количество металлических предметов (сегодня их известно более 200), “энеолитический” облик некоторых групп керамики — все это резко выделяет ее на фоне соседних и отдаленных синхронных металлоносных культур первой трети II тыс. до н.э. (петровская, алакульская, кротовская, ташковская, одинонская). Подобный нетипичный набор признаков, свидетельствующих, с одной стороны, о прогрессивной металлообработке, а с другой, о сохранении многих архаичных черт предшествующей эпохи камня, требует взвешенной оценки и ориентирует на особую модель внедрения и развития инноваций в среде населения, обитавшего в регионе, лишенном условий для развития скотоводства и земледелия. К проверке предложена гипотеза сопряженности уральского металлокомплекса с меднорудными месторождениями Среднего Зауралья. Отдельного обсуждения заслуживает своего рода парадокс: сложение самостоятельного металлообрабатывающего центра в Зауралье в начале II тыс. до н.э., вобравшего новейшие достижения основных технологических традиций эпохи — сейминско-турбинских и петровско-алакульских, — произошло в зоне, не имевшей условий для производства пищи. Последнее обстоятельство представляется важным, т.к. существенно расширяет представление о ресурсах культур лесного пояса Евразии, раскрывает факторы и условия, обеспечивавшие их интеграцию в систему связей Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции.

Ключевые слова: Урал, бронзовый век, Западноазиатская металлургическая провинция, коптяковская культура, сейминско-турбинский феномен.

DOI: 10.31857/S086960630003386-3

Начало бронзового века в лесном Зауралье характеризуют комплексы коптяковского типа, которые были выделены в середине 1960-х годов К.В. Сальниковым (1964. С. 7–10). Сегодняшние источники позволяют уверенно говорить о самостоятельной культуре, отражающей включение региона в систему Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции эпохи бронзы.

Предваряя детальный анализ основных признаков этой археологической культуры, стоит подчеркнуть качество и достоверность полученной в последние годы информации. Дело в том, что первоначально коптяковская керамика была выделена типологически в результате раскопок многослойных памятников в горно-лесном Зауралье, которые чрезвычайно уязвимы для поиска стратиграфических доказательств в силу

маломощности культурного слоя. Именно поэтому материалы эпонимного памятника Коптяки 5, раскопанного в конце XIX в., вряд ли могут рассматриваться в качестве опорных. Сейчас ситуация кардинальным образом изменилась. Помимо ранее изученных поселений Калмацкий Брод, Аятское, Макуша, Коптяки 5–6 (Сальников, 1964. С. 7–10), Липовая Курья (Хлобыстин, 1976), Березки I, V (Петрин, Нохрина, Шорин, 1993. С. 119) в последнее десятилетие недалеко от Екатеринбурга раскопан комплекс объектов Палатки I, II (Викторова, 1999, 2001), культовый памятник Шайтанское Озеро II (Сериков и др., 2009; Сериков, 2013; Корочкова, Стефанов, 2010; 2013), получены новые коллекции при изучении Шигирского и Горбуновского торфяников (Чайркина, 2015. С. 24–25), системы Андреевских озер под Тюменью (Зах, 2012. С. 30).

Керамика. При выявлении основных этапов, общностей, культур дописьменной истории Урала и Западной Сибири керамика является предпочтительным, а порой и единственным опорным источником. Особое значение имеют информационные качества первых изученных комплексов, которые приобретают своего рода эталонный статус при составлении характеристики выделяемой культуры. Можно вспомнить множество затянувшихся дискуссий, обусловленных уязвимостью первого источника, например всем известная проблема соотношения “алакуль-федорово-замараево” (Корочкова, 2006. С. 402, 403). Аналогичная ситуация сложилась и в случае с коптяковской культурой. Самые первые описания строились на материалах, которые были выделены исследователями искусственно. О Коптяках 5 упоминалось выше, но точно так же коптяковская керамика была выделена и на остальных памятниках. Достоверные однослойные комплексы с датирующими вещами были неизвестны. Все публикации, посвященные коптяковской культуре, за исключением работ последних лет, крайне лаконичны, особенно в своей иллюстративной части. Однако после раскопок поселений Палатки I, II и святилища Шайтанское Озеро II (Шайтанка) ситуация изменилась кардинально. Керамику теперь можно достаточно уверенно типологизировать, что облегчает поиски аналогий и расширяет информационные перспективы источника.

Посуда вылеплена из теста с примесью талька, поверхность гладкая, иногда подлощенная. Сосуды преимущественно средних и малых размеров, но есть также крупные и миниатюрные емкости. На фоне известных керамических “сервизов” эпохи бронзы, коптяковский отличается удивительное многообразие форм. В его составе есть плоскодонные и круглодонные горшки, преимущественно с высокой шейкой, плавнопрофилированные и с ребристым профилем; прямостенные банки; сосуды колоколовидной и полуяйцевидной формы, полусферические чаши (рис. 1, 2). Венчик обычно уплощенный, орнаментирован по верхнему срезу, реже по внутреннему скошенному краю. Большая часть сосудов сплошь покрыта плотным орнаментом, разреженные зоны в большей степени характерны для нижней части сосудов. Орнамент на плоских днищах встречается редко, но всегда есть на круглодонных сосудах.

Коррелирует ли морфологическое разнообразие с орнаментальными стилями? В целом, да.

Наиболее многочисленной является группа посуды с округлым дном, покрытая монотонными линейно-прочерченными горизонтальными, наклонными и вертикальными бордюрами, чередующимися с мелкими вдавлениями (рис. 1, 3, 8, 11, 14; 2, 14–18). Другая группа посуды представлена характерными экземплярами горшечной формы с высокой шейкой, некоторые сосуды имеют ребро на переходе от шейки к тулову (рис. 1, 3, 5, 7, 9, 12; 2, 6–9). Эта посуда декорирована орнаментами из треугольников, зигзагов, выполненных прокатанной или печатной гребенкой, горизонтальных и зигзаговых лент протасенной гребенки, украшена отпечатками углом гребенчатого штампа, которые являются своего рода индикатором коптяковской орнаментики. Особый колорит придают узоры из ромбов, треугольников, меандровидных ступенчатых фигур, косых крестов, нередко обрамленных “бахромой” из мелких треугольных вдавлений или уголковых отпечатков гребенчатым штампом. По мнению В.Д. Викторовой, за различными стилями орнаментации скрываются две одновременные группы: более ранняя — с гребенчатым орнаментом, а вторая, поздняя, характеризуется применением прочерченного способа орнаментации (Викторова, 1999. С. 53). Это заключение не подкреплено убедительными аргументами, в ряду которых должны быть учтены стратиграфия, культурно-хронологические аналогии, связи, поэтому согласиться с ним сложно. И еще пара существенных замечаний:

1. Сейчас представления о коптяковской керамике строятся преимущественно на материалах святилища Шайтанское Озеро II — памятника неординарного во всех отношениях. Это накладывает своего рода ограничения на полученные выводы, так как керамические комплексы культурных памятников порой резко контрастируют с поселенческими (Стефанов, Корочкова, 2006. С. 101; Стефанов, 2011. С. 54; Молодин, Гришин, 2016. С. 226–230).

2. Шайтаноозерскую керамику отличает ярко выраженный архаизм. Посуду, украшенную прочерченным орнаментом (рис. 1, 8, 11, 14; 2, 17), исследователи нередко относили к каменному веку (см.: Чемякин, 1999. Рис. 1, 14). Показательно, что в материалах раскопок последних лет сосуды с таким орнаментом отмечаются повсеместно, а вот в публикациях 1950–1970-х годов они отсутствуют. Внимательный просмотр коллекций ранее исследованных памятников, как

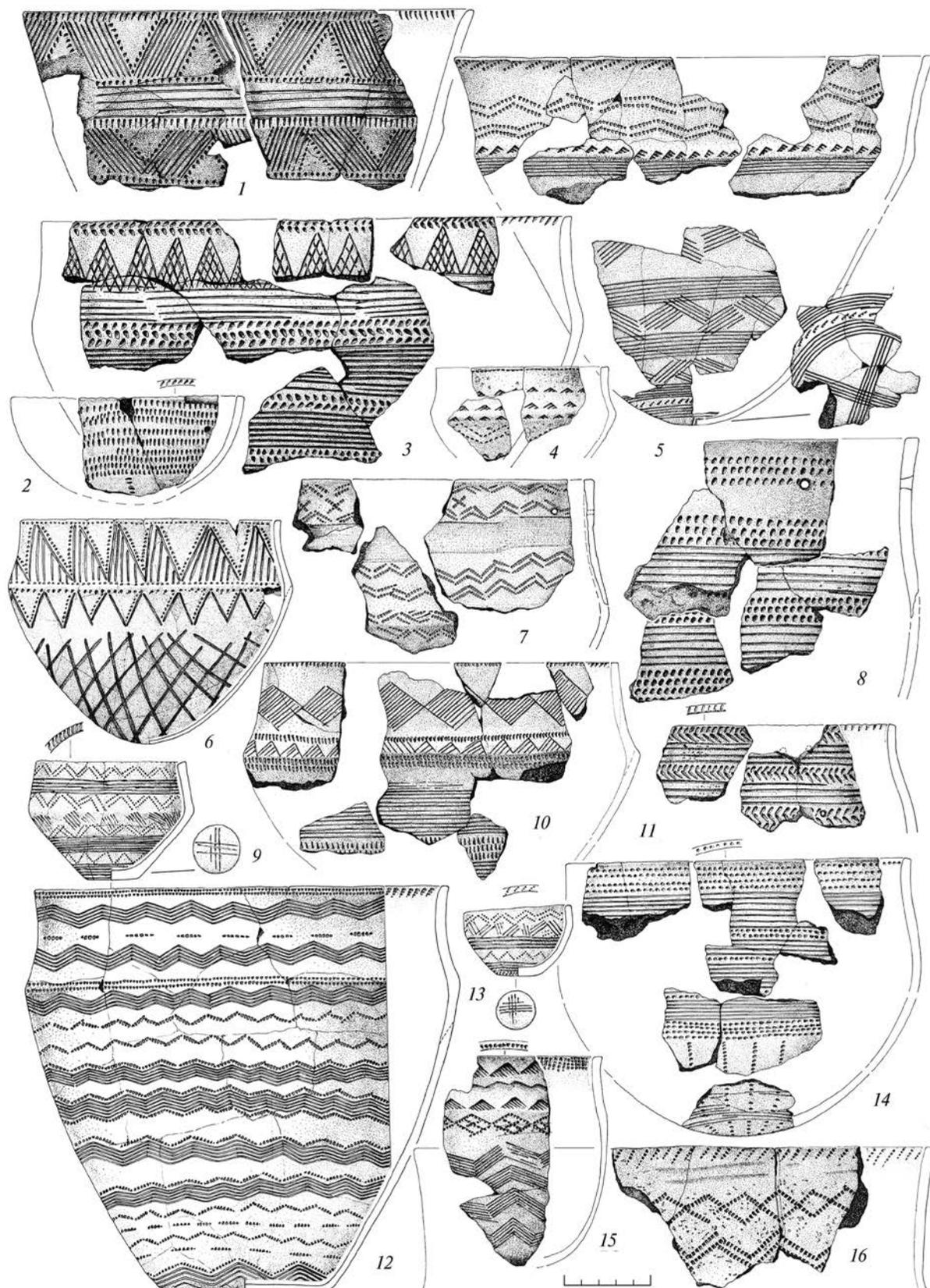

Рис. 1. Керамика коптяковского типа. Шайтанское Озеро II.

Fig. 1. Pottery of the Koptiyaki type. Shaitanskoe Lake II

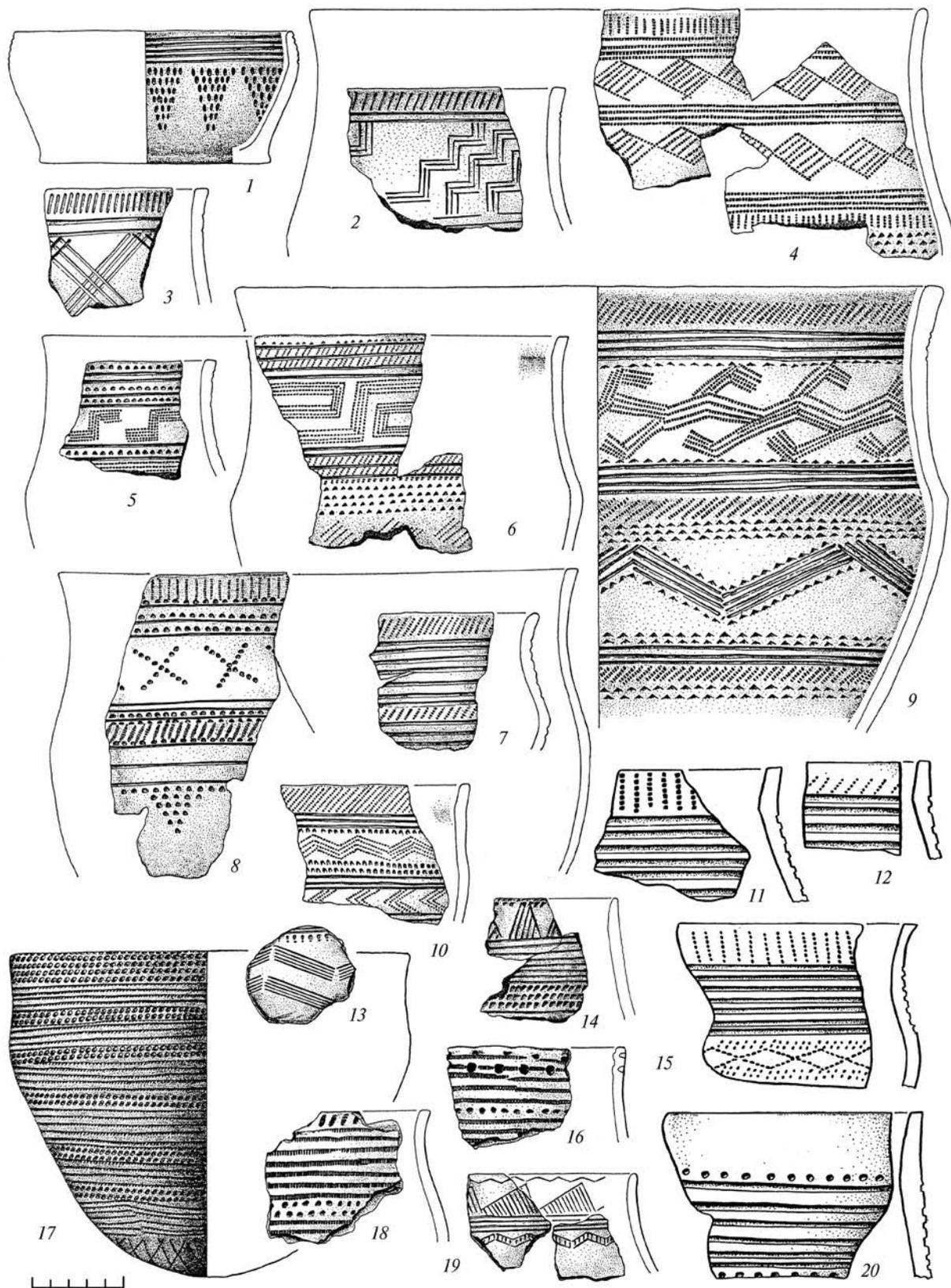

Рис. 2. Керамика коптыяковского типа: 1–10 – Коптыяки 5; 11, 12, 20 – Березки V; 13, 16–19 – Андреевское Озеро, раскоп 5 участок VI; 14 – Коптыяки 3; 15 – Березки I.

Fig. 2. Pottery of the Koptiyaki type

правило, сопровождается выявлением подобной группы посуды (пос. Аятское, Балакино, VI разрез Горбуновского торфяника, Коптяки 2, 6).

Какую информацию несет коптяковская керамика? Она определенно указывает на связь с традициями предшествующего времени. Но вряд ли они исчерпывались исключительно наследием аятской культуры, орнаментике которой присущ гребенчатый геометризм. Очевидным является лесостепной вклад, о чем свидетельствуют сосуды, вылепленные и декорированные по стандартам алакульской культуры в ее раннем варианте. На это указывают типичные узоры из треугольников, горизонтальных и зигзаговых бордюров, выполненных проташенной гребенкой (рис. 1, 5, 12). В шайтаноозерском собрании обнаруживаются и другие инокультурные реплики, например сосуды с раскрытым устьем и ребром (рис. 1, 1), ориентирующие на круг аналогий, связанных с абашевской (баланбашской) культурой. Что касается “ташкковского наследия”, о котором пишет В.А. Зах (2012. С. 38, 39), его присутствие достаточно спорно.

В целом керамический комплекс коптяковской культуры воспринимается как синкретичный, а баланс различных групп в рамках каждого поселения мог колебаться. Причины этого (локальные, хронологические, информационные) еще предстоит выяснить, но признание многокомпонентности и неоднородности коптяковской керамики открывает возможности для культурной идентификации некоторых комплексов, воспринимавшихся как неординарные, единичные. Речь идет о поселении Мохиревское III в Талицком районе Свердловской области, памятниках побережья Андреевского озера (Стефанов, Корочкова, 2000. С. 11–26). Керамика этих памятников, в частности ЮАО-VI, раскопы 5, 10 (Стефанов, Корочкова, 2000. Рис. 3, 4), имеет определенное сходство с коптяковской Среднего Зауралья, но вместе с тем обладает ярко выраженным своеобразием, причины которого обусловлены либо хронологией, либо лежат в области связей. Некоторые из них (в частности, ЮАО-VI, раскоп 8; САО, раскоп 6 (Стефанов, Корочкова, 2000. Рис. 6, 7); Чепкуль 5, 20 (Зах, 2012. Рис. 3–6)) вряд ли стоит определять исключительно в коптяковском контексте. Они вполне могут указывать на формирование здесь локального варианта, стимулированного тесными контактами местного населения с носителями алакульской культуры. Этот вывод со-

гласуется с динамикой андроновской колонизации в регионе, для которой характерно более интенсивное освоение группами степного населения ландшафтов, благоприятных для скотоводства (Корочкова, 2009. С. 44–45). Точно так же определенным своеобразием обладают памятники Прикамья, в керамике которых прослеживается местный компонент. Исследователи связывают его с предшествующими культурами гаринского типа (Денисов, Мельничук, Митряков, 2011. С. 115).

Металлокомплекс коптяковской культуры к настоящему времени насчитывает около 240 металлических предметов (из них 80% обнаружены на Шайтанке), представительную серию каменных изделий. Металл Шайтанского Озера II подробно опубликован в ряде статей (Сериков и др., 2009. Рис. 5–11; Корочкова, Стефанов, 2010. Рис. 3; Корочкова, Стефанов, 2013. Рис. 1–3; Корочкова, Спиридонов, 2016), поэтому сейчас внимание акцентируется только на некоторых принципиальных деталях. Металлокомплекс включает кельты (рис. 3), ножи-кинжалы, ножи-скобели и ножи-пилки, ажурные рукояти (рис. 4), наконечники копий (рис. 5, 1–4, 18, 21, 37) и стрел (рис. 5, 19, 20), чеканы (рис. 5, 36, 41–43), долота (рис. 5, 38–40), многочисленные миниатюрные инструменты (рис. 5, 27, 31, 34, 35), украшения (рис. 5, 6–25), отходы производства (рис. 5, 28, 29). Большая часть изделий отлита из среднелегированных оловянных сплавов (содержание олова от 1 до 10%), есть также несколько изделий, отлитых из чистой меди. У половины изделий отмечается повышенное содержание цинка, свинца, мышьяка, сурьмы. За подобной насыщенностью примесями, по мнению специалистов, кроется или подмешивание лома чужеродного по составу металла, или геохимические особенности меди и лигатуры, определившей рецептуру этого сплава (Кузьминых, Луньков, Орловская. 2015. С. 89).

Предметы сделаны в разных технологических традициях. Самой многочисленной является серия орудий, отлитых при помощи “слепой втулки”: кельты, наконечники копий, чеканы. Кельты представлены массивными (рис. 3, 1–5, 7, 12, 13) и миниатюрными (рис. 3, 6, 8, 9) экземплярами, с выраженными ребрами жесткости, только у двух орудий нет подобных ребер. Характерной приметой зауральских экземпляров является обязательность боковых ложных ушек (рис. 3, 1–7, 12–14). Все кельты декорированы

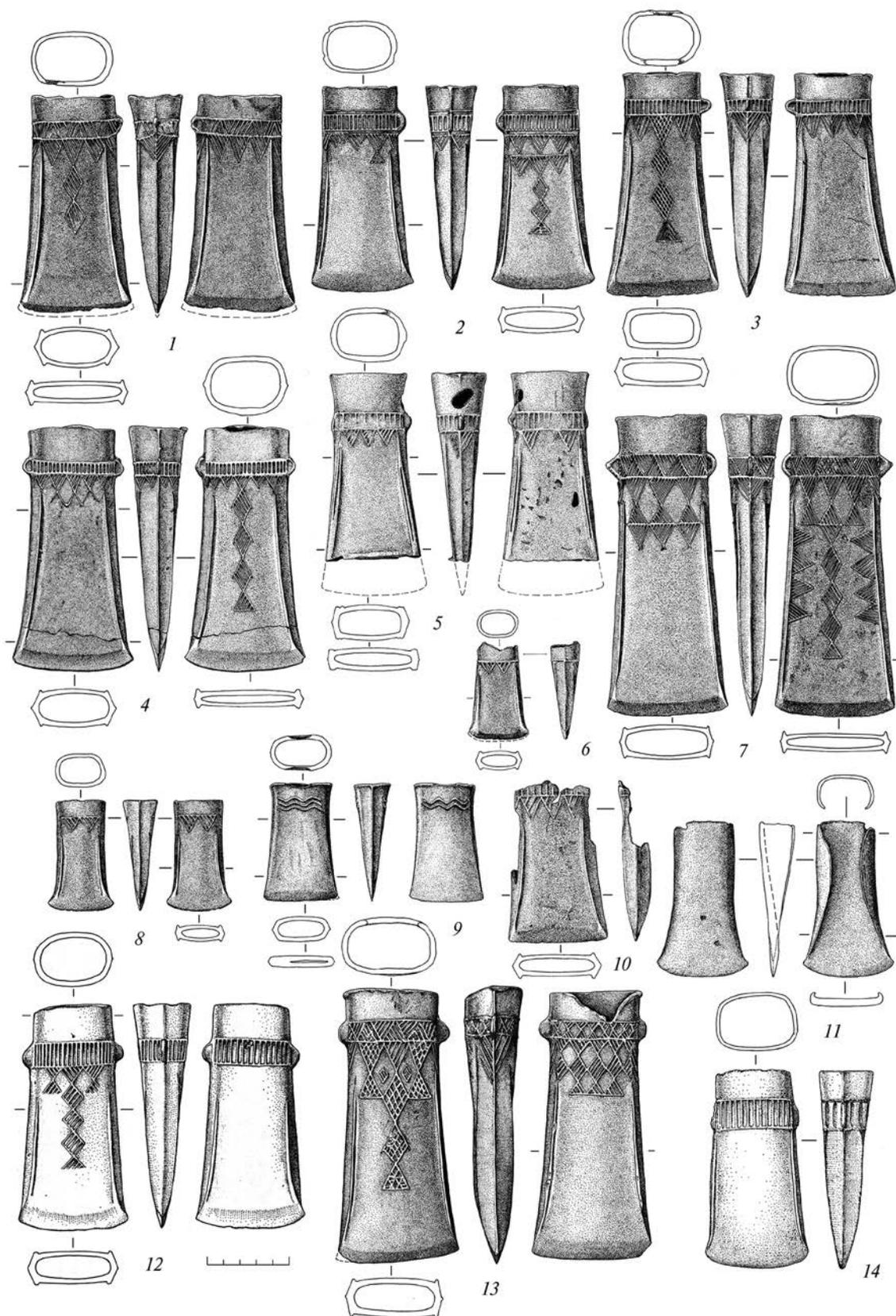

Рис. 3. Кельты бронзовые: 1–11 – Шайтанское Озеро II; 12 – Сигаево; 13 – Андреевское озеро, 14 – Сулем.

Fig. 3. Bronze celts

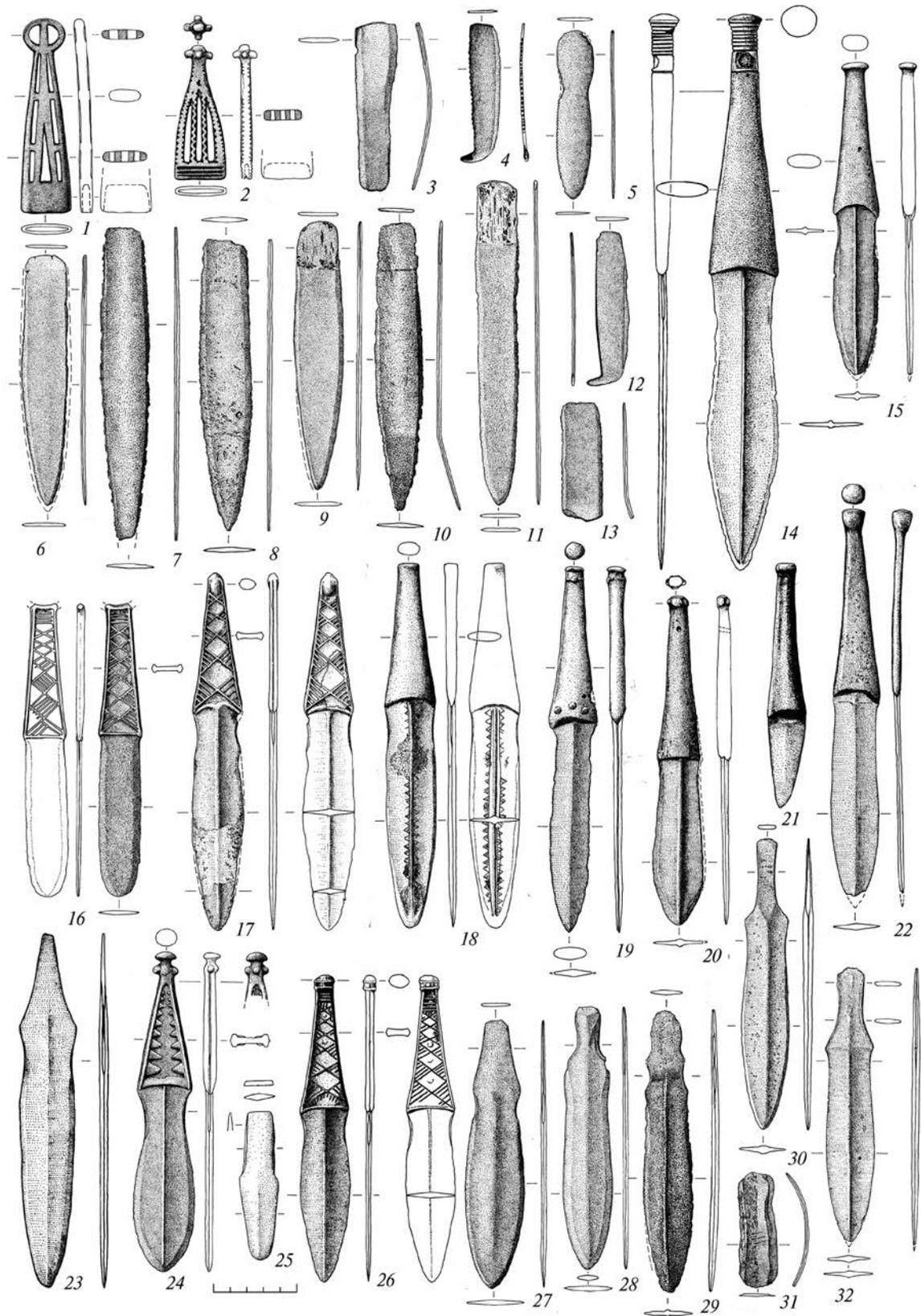

Рис. 4. Ножи и ножи-кинжалы бронзовые: 1–17, 20, 24, 27–32 – Шайтанское Озеро II; 18, 19 – Ирбитское озеро; 21 – Большой Куяш; 22 – Каменка; 23 – озеро Березовое; 25 – Березки Ve; 26 – Палатки I.

Fig. 4. Bronze knives and knives-daggers

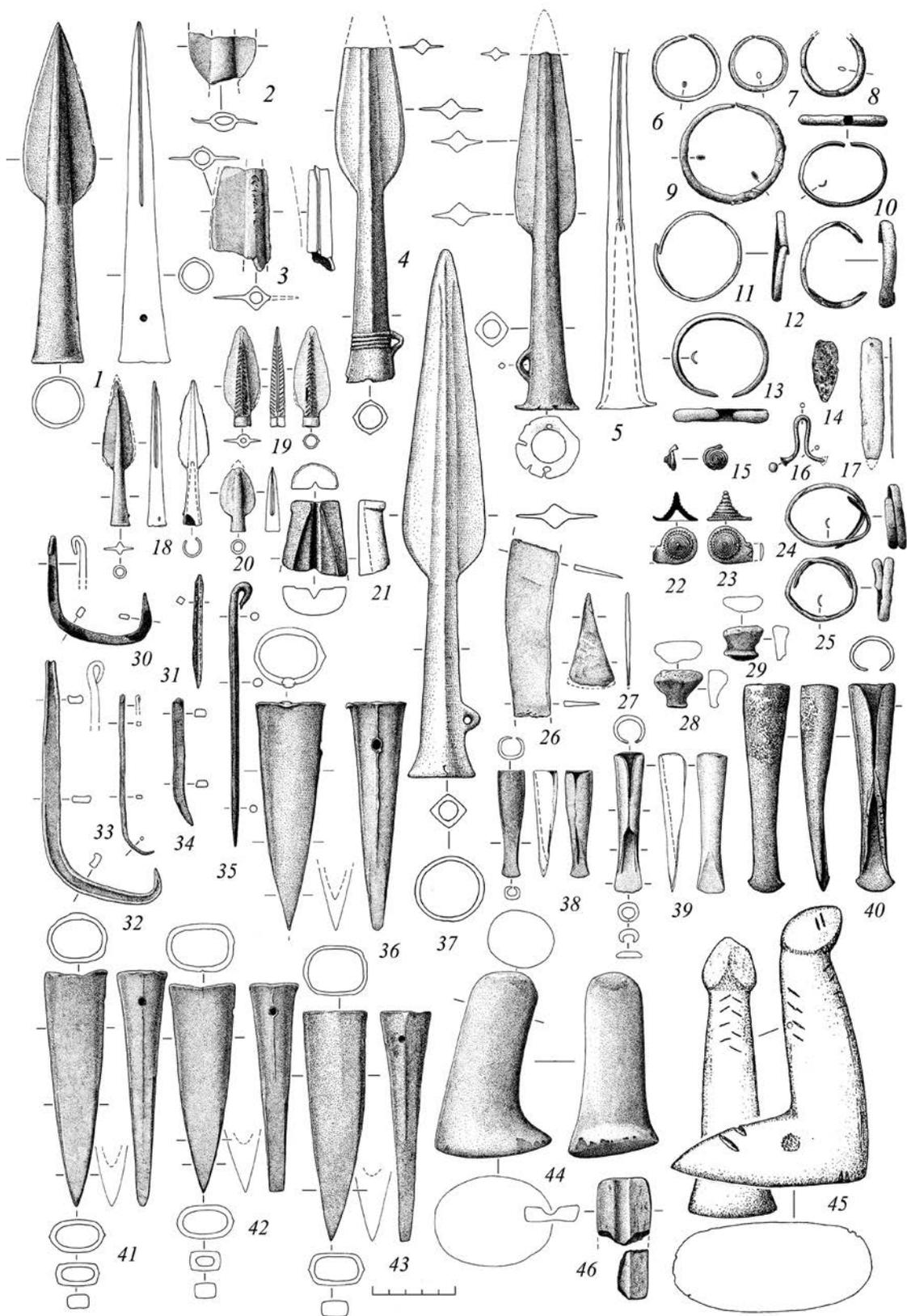

Рис. 5. Изделия из бронзы (1–20, 22–43) и камня (21, 44, 45, 46): 1–3, 6–13, 15–20, 22–29, 32, 36, 38, 39, 41–44, 46 – Шайтанское Озеро II; 4 – Сигаево, 5 – Булзи; 14, 21, 30, 31, 34, 35 – Палатки I; 37 – Каменск-Уральский, 40 – Андреевское озеро; 45 – Коптяки 9.

Fig. 5. Bronze (1–20, 22–43) and stone (21, 44, 45, 46) objects

преимущественно композициями из свисающих ромбов и треугольников. Исключений всего два: на одном предмете – орнамент в виде волны, на другом – “лесенка” (рис. 3, 9, 14).

Ножи-кинжалы сделаны по сейминско-турбинским (далее – СТ) и евразийским (степным) стандартам (рис. 4). Типичную СТ серию составляют пластинчатые двулезвийные ножи без выделенного черенка (рис. 4, 6–11), а также две ажурные рукояти (рис. 4, 1–2). Евразийские реплики представлены ножами с выделенным перехватом (иногда сложной конфигурации), коротким черешком и двулезвийным клинком с нервюрой. Особую группу составляют кинжалы с прилитой рукоятью и грибовидным или крестовидным навершием (рис. 4, 14, 15, 19–22). Южное (лесостепное и степное) происхождение имеют орудия с несомкнутой втулкой (рис. 3, 11; 5, 38–40), крюки (рис. 5, 30, 32, 33), обломки серпов (рис. 5, 26), желобчатые браслеты (рис. 5, 6–13, 24, 25), листовидные подвески (рис. 5, 14, 17) характерные для петровско-алакульской металлообработки.

Самобытность коптяковскому металлокомплексу придают специфические орудия, которые не имеют аналогий в других регионах. Речь идет о так называемых втульчатых чеканах (рис. 5, 36, 41–43), которые по мнению специалистов использовались как оружие ударного действия (Кузьминых, Стефанов, 2012. С. 45). Оригинальной является серия цельнолитых кинжалов с орнаментированной рукоятью. Клинки таких кинжалов в четырех случаях двулезвийные с нервюрой (рис. 4, 17, 18, 24, 26), но есть и пластинчатый (рис. 4, 16). Подобные предметы известны исключительно в Зауралье. Особо стоит отметить многочисленную категорию миниатюрных орудий, относящихся к категории стамесок, долот, стержней с различным сечением рабочего края (рис. 5, 27, 31, 34, 35). Специалисты предполагают, что среди них есть специальные инструменты для нанесения ретуши на каменных орудиях, а также для вырезания негативов орнаментов на литейных матрицах. Обломки подобных матриц для отливки кельта (Эдинг, 1940. С. 21. Рис. 10, 2) и ножа (Викторова, 2001. Рис. 5, 11) известны.

Даже краткое описание коптяковского металлокомплекса указывает на его самобытный характер, обусловленный наличием типичных сейминско-турбинских, самусьско-кижировских (далее – СК), евразийских (степных), смешанных и оригинальных форм. Превалирующий

компонент сомнений не вызывает, он связан с СТ традициями, которые в Зауралье проявляются уже в несколько трансформированном виде (Сериков и др., 2009. С. 77). Речь идет прежде всего о “ложноушковых” кельтах кижировского типа, основная часть которых сосредоточена в Зауралье (Корочкова, Спиридонов, Стефанов, 2015). Есть основания полагать, что выработка подобных стандартов связана с действием зауральского центра металлообработки, сложение которого отражает стабильную фазу СТ феномена (Черных, Кузьминых, 1989. С. 271) и подтверждает высказанную ранее версию о хронологическом сближении СТ и СК комплексов (Корочкова, Стефанов, 2011. С. 79, 80). Д.Г. Савинов предложил именовать зауральский центр “коптяковско-сейминским”, подчеркивая тем самым его стадиальность и генезис (Савинов, 2013. С. 7).

Каменный инвентарь, также благодаря раскопкам Шайтанского Озера II, представляет весомую выборку разнообразных предметов и позволяет надежно связывать с коптяковской культурой многочисленную серию каменных предметов, обнаруженных в неочевидном контексте. Среди них: наконечники стрел треугольной, реже листовидной формы с плоским (рис. 6, 40–46, 52–54, 59–68) и скошенным (рис. 6, 1–6, 14–16) основанием, выемкой (рис. 6, 17, 34, 39, 49–50), черешковые экземпляры единичны (рис. 6, 8, 9, 10, 19), ножи (рис. 7, 41–43), скребки (рис. 7, 15–18, 20–23, 27, 28, 34, 35), пластины (рис. 7, 24–26, 33). Замечательную серию составляет колчаный набор наконечников, сделанных на пластинах (рис. 7, 1–14). В этот же ряд следует включить редкие, но характерные песты-терочники, в том числе “сапожковидные” (рис. 5, 44, 45). Стоит отметить, что распространение подобных терочников, имевших хождение в том числе и на восточной окраине СТ ареала, с запада ограничено Зауральем. Основной круг аналогий каменным изделиям укладывается в СТ горизонт (Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 104, 105; Матющенко, Синицына, 1988. С. 82–84).

Поселения и жилища. Единственное достоверное жилище в Среднем Зауралье раскопано на памятнике Палатки I. Котлован прямоугольной формы размером 8×5.6 м был вписан в выемку гранитного разлома и углублен в материк на 0.2 м. Автор публикации упоминает о глинобитной печи и глиняной “лежанке”, облицованной камнем (Викторова, 1999. С. 50–51). Однако подобная трактовка раскопанных сооружений со-

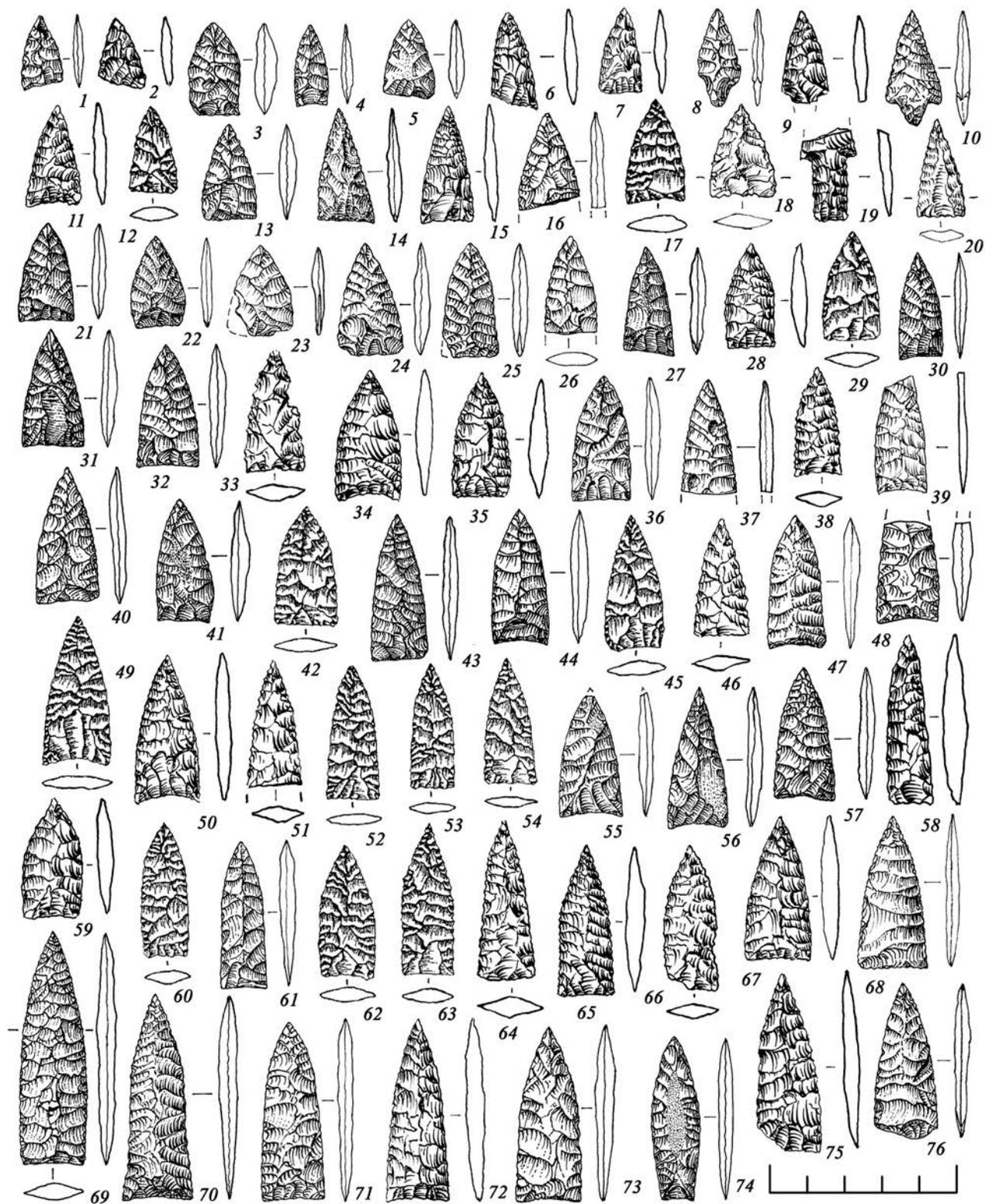

Рис. 6. Каменные наконечники стрел. Шайтанское Озеро II.

Fig. 6. Stone arrowheads. Shaitanskoe Lake II

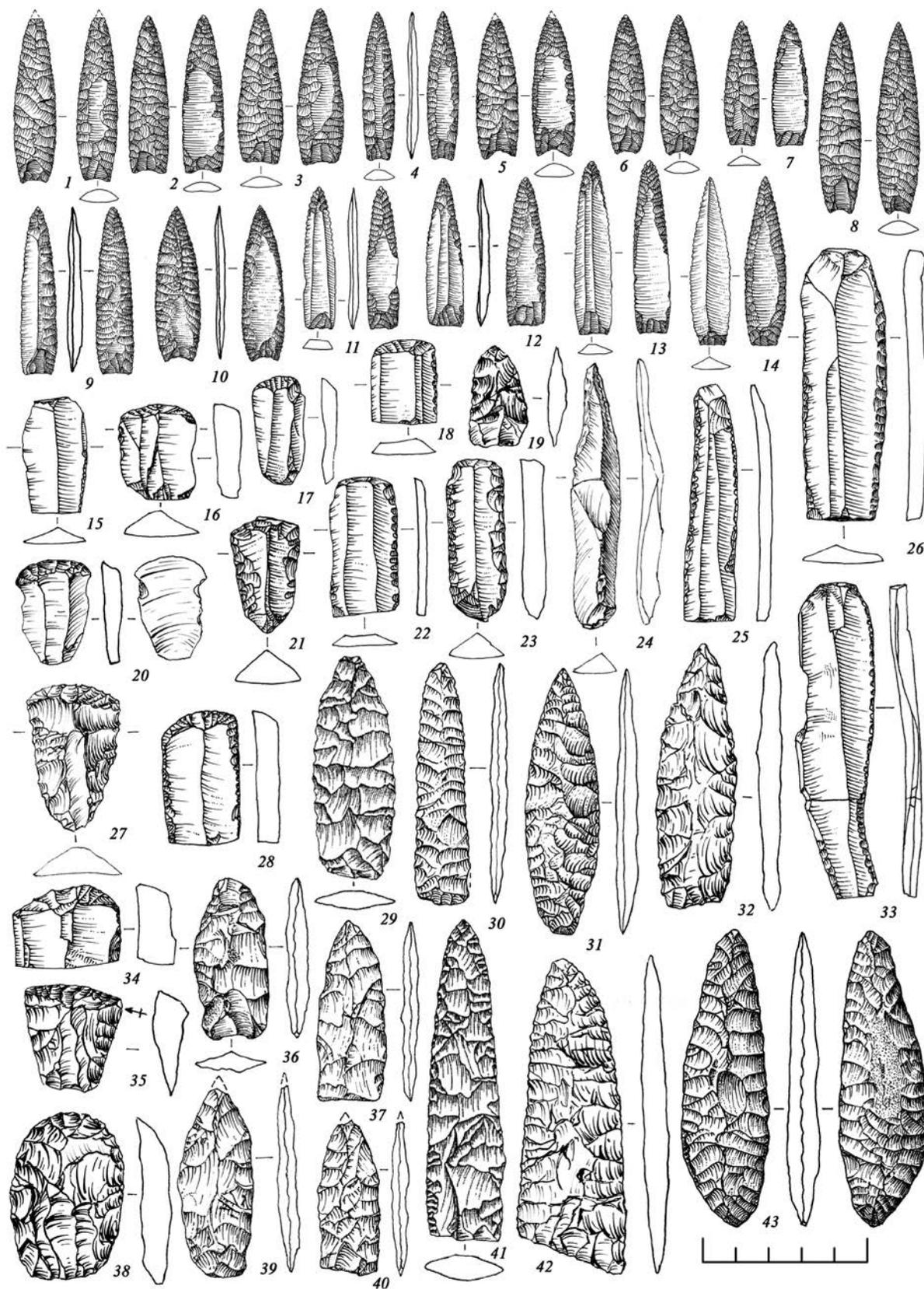

Рис. 7. Изделия из камня. Шайтанское Озеро II.

Fig. 7. Tools made of stone. Shaitanskoe Lake II

мнительна. Сооружение открытых очагов с обмазкой глиной и обустройство материковых выступов около стен типичны для местной домостроительной традиции, а вот сооружение глинобитных печей — это уже новация средневековья.

Несколько жилищ, в заполнении которых обнаружена керамика коптяковского типа, раскопано на побережье Андреевского озера в Нижнем Притоболье: ЮАО-VI, раскопы 5, 10 (Стефанов, Корочкова, 2000. С. 11–19), Чепкуль 20 (Зах, Иванов, 2007. С. 13–14), а также в Прикамье: пос. Заосиновское VII, Непряха VII, Партизан IV (Денисов, Мельничук, 1991. С. 102; Денисов, Мельничук, Митряков, 2011. С. 113, 114). Все раскопанные объекты — компактные постройки каркасно-столбовой конструкции с прямоугольными котлованами площадью 50–80 м², углубленные в материк на 0.2–0.5 м. Котлованы имеют характерные выступы длиной 1–3 м, шириной 0.6–1.0 м, которые обозначали выход из жилища. В центре некоторых построек располагались очаги открытого типа с глиняной обмазкой и кострища.

Погребения исследованы при раскопках могильника Березки Ve (одна могила) на побережье оз. Аргазы (Петрин, Нохрина, Шорин, 1993. С. 151), на территории поселения Палатки I (по мнению автора раскопок, здесь находились 10 погребений; Викторова, 2001. С. 95–100) и культового памятника Шайтанское Озеро II (среди исследованных на святилище объектов всего четыре бесспорных захоронения, остальные названы погребениями условно; Корочкова, Мосунова и др., 2018). Погребальная обрядность отличается заметной поливариантностью: грунтовые погребения по обряду ингумации, кремация на месте и на стороне с последующим захоронением останков в могиле, с сопроводительным инвентарем и безынвентарные. В восьми погребениях зафиксированы останки людей — младенца, детей 6–8 лет, двух взрослых мужчин и женщины.

Для начала бронзового века на огромной территории от Урала до Алтая археологически зафиксировано две основных погребальных традиции. Одна из них — “курганная” — связана со степным миром (синташтинская, петровская, позднее алакульская и федоровская культуры). Вторая — “бескурганная” — воплощена в мемориалах СТ типа и погребениях кротовской, елунинской, одиновской культур, тяготеющих к северной лесостепи и южнотаежной полосе

и маркирующих кротовско-елунинский массив (Матющенко, Синицына, 1988; Молодин, Гришин, 2016; Корочкова, 2011. С. 22, 23). Коптяковская культура, по признакам погребальной обрядности, близка образованиям именно этого круга и наследует традиции предшествующего времени.

Территория в широтном направлении простиралась от Среднего Прикамья до Тюменского Притоболья, в меридиональном — от Нижнего Тагила до Кыштымского озерного края (рис. 8). Ядро культуры, судя по концентрации памятников, локализовалось в Среднем Зауралье. При составлении карты, к сожалению, приходилось опираться на сведения, почерпнутые преимущественно из разведочных сборов. Раскопанные поселения единичны. Но именно на этой территории обнаружена основная масса случайных находок бронзовых изделий СТ и СК типов, которые после раскопок святилища Шайтанское Озеро II можно уверенно рассматривать в коптяковском контексте. И еще одна весьма существенная особенность: количество памятников II тыс. до н.э. в Среднем Зауралье резко контрастирует с археологической картой III тыс. до н.э. (Чаиркина, 2005. Рис. 1). Это связано с серьезными изменениями в биогеоценозе. На рубеже III–II тыс. до н.э., соответствующего суббореальному периоду, происходило интенсивное заболачивание водоемов, сократилась их продуктивность, что сказалось на уменьшении плотности населения (Чаиркина, 2005. С. 30). Таким образом, становление новой эпохи — бронзы — происходило в экстремальных условиях. Помимо того, что эти территории теряли качества, необходимые для поддержания традиционных занятий рыболовством и охотой, здесь не было и необходимых условий для развития скотоводства и земледелия, которые обеспечивают переход к производящей экономике. Но эта же карта демонстрирует совершенно определенную приуроченность основного массива коптяковских находок к зоне меднорудных проявлений региона. Не исключено, что подобная комбинация отражает направленность основных занятий местного населения, связанных с поисками и разработкой медных залежей. Однако это не более чем возможная версия. Проверить ее тем более сложно, что ландшафты в зоне меднорудных месторождений подверглись колоссальному антропогенному воздействию, поэтому археологические памятники здесь обнаружить весьма проблематично.

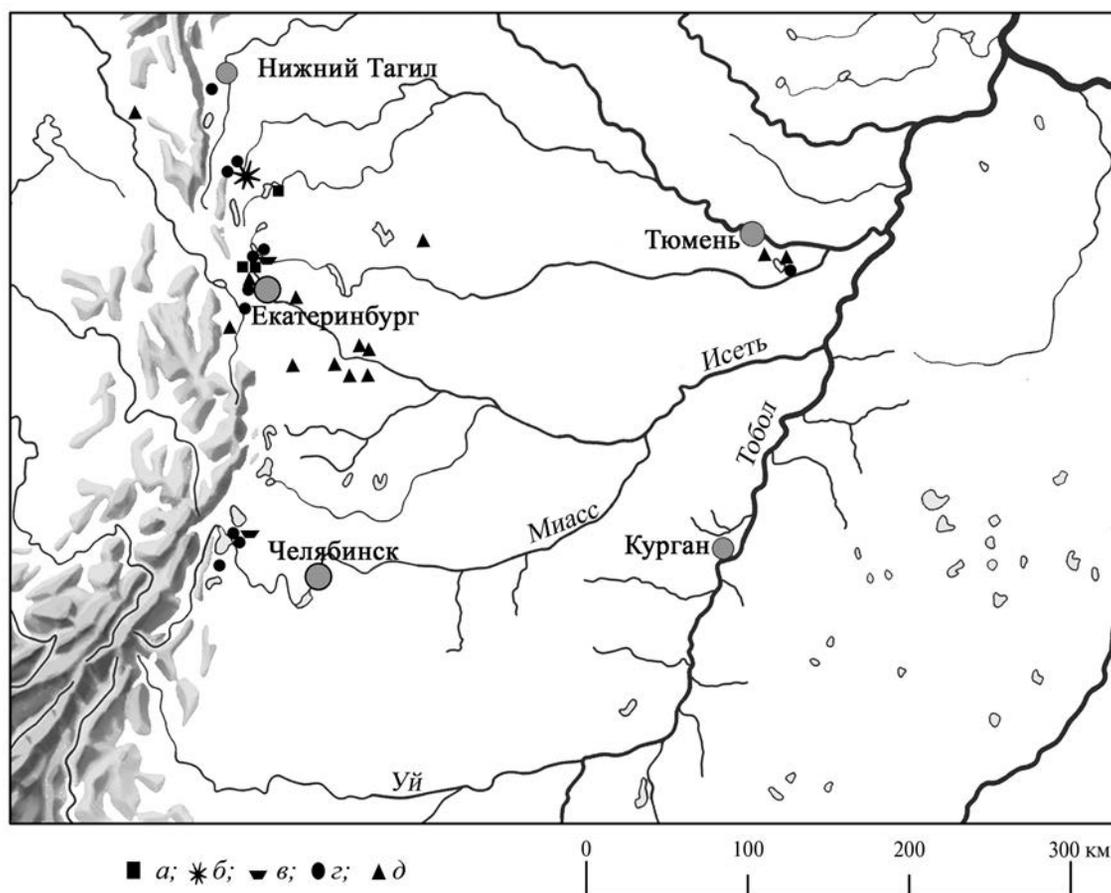

Рис. 8. Карта памятников коптыяковской культуры. Условные обозначения: а – поселение; б – святилище; в – погребение, г – разведочные сборы; д – случайные находки металлических изделий.

Fig. 8. Map of the Koptiyaki culture sites

Оценивая перечень основных признаков, составляющих самобытность коптыяковской культуры, приходится признать, что некоторые из них и сегодня недостаточны для реконструкции данного феномена. И, пожалуй, самую заметную особенность составляет малочисленность известных памятников (есть версия, что часть памятников, расположенных по берегам озер, подтоплена в результате строительства гидротехнических сооружений, но вряд ли количество их велико) и небольшая территория. А между тем, речь идет об образовании, которое соответствует периоду становления производящей экономики в регионе. Об этом убедительно свидетельствует феномен местного центра металлообработки. Соседние культуры отчетливо демонстрируют сопряженность этих показателей. Так, например, культуры производящего круга – кротовская, елунинская, синташтинская, петровская и алакульская – занимают весьма протяженные пространства, а вот ташковская, ориентирован-

ная на присваивающее хозяйство, локализована на ограниченной территории Нижнего Притобольшья (Корочкова, 2012. С. 28–29).

Попытаемся объяснить отмеченное своеобразие коптыяковской культуры, рассмотрев возможные версии *культуроге́неза*, происходившего в условиях становления металлоносной эпохи. Известны два основных исследовательских подхода: автохтонный и миграционный. Согласно первой версии, высказанной К.В. Сальниковым (1964. С. 10), поддержанной М.Ф. Косаревым (1981. С. 80) и А.Ф. Шориным (Петрин, Нохрина, Шорин, 1993. С. 183), коптыяковская культура сложилась на основе местной аятской культуры и свидетельствует о формировании и развитии в Зауралье андроновидной традиции, которая впоследствии дала начало федоровской и черкаскульской культурам. Миграционную версию разрабатывали Е.М. Берс (1963. С. 65), Л.П. Хлобыстин (1976. С. 57–67) и В.Д. Викторова (1999. С. 54; 2011). Как показывают реалии сегодняш-

него дня, обе точки зрения — автохтонная и миграционная, нуждаются в уточнении в связи с появлением новых материалов и достижений в изучении коптяковских и петровско-алакульских древностей. Действительно, в облике коптяковской керамики заметны черты, присущие именно раннеалакульской гончарной традиции. Однако преобладающим, основным компонентом оставался местный. А вот исчерпывался ли он только аятским — это вопрос, который нуждается в уточнении. Номинанты, и вполне реальные, на эту роль в Зауралье уже обозначились. Речь идет о комплексах карасьеозерского типа (Чаиркина, 2005. С. 297), в которых прослеживаются характерные черты гончарной традиции ранней поры бронзового века — орнамент из оттисков шагающего и шагающе-проташенного гребенчатого штампа на сосудах, в том числе ребристого профиля. Еще раньше обратил внимание на такую керамику М.Ф. Косарев, обозначив подобные комплексы как принадлежащие самумьско-сейминской эпохе (Косарев. 1981. Рис. 27, 28). Иная модель анонсирована в работах В.А. Заха. Он полагает, что ареал коптяковской культуры охватывал лесостепные и южнотаежные территории от Урала до Ишима, а ее сложение — это результат “...взаимодействия ташковского населения и проникающих с началом аридизации в лесостепь носителей петровско-алакульской культурной традиции” (Зах, 2012. С. 38).

Полагаю, что причины разногласий, касающиеся, в первую очередь, оценки местного субстрата, лежат в иной плоскости. Дело в том, что нынешние представления о характере коптяковской культуры основаны прежде всего на материалах культового памятника Шайтанское Озеро II. Зафиксированное здесь многообразие типов посуды, сочетающих архаичные и новационные черты, не характерно для поселенческих комплексов и, по-видимому, отражает разнообразный состав участников, принимавших участие в проводившихся на территории святилища обрядах. Отсюда более перспективной является разработка версии о многокомпонентности “коптяковского культурогенеза”. В процессы интеграции было вовлечено население, находившееся на разных стадиях социально-экономического развития, археологически представленное различными типами памятников, которые исследователи относят к энеолиту (более удачным представляется в данном случае термин “квазиэнеолит”; Кузьминых С.В., 1993) и бронзовому веку. Расшировка роли ташковской культуры

в этих процессах нуждается в самом пристальном внимании, так как она локализована в подтаежном Притоболье, а в Среднем Зауралье присутствие ее носителей не зафиксировано.

С позиций сегодняшних источников генезис коптяковской культуры воспринимается как результат воздействия на местные аборигенные культуры, которые к началу II тыс. до н.э. находились, по сути, на стадии каменного века, носителей СТ традиций и групп лесостепного населения, археологически представленных комплексами ранней фазы алакульской культуры. Эти культурные импульсы обеспечили включение зауральского региона в систему связей металлоносных культур Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции.

Предлагаемая модель строится преимущественно на среднеуральских материалах. В основе ее лежит взаимодействие населения с различным уровнем технологий и культурных достижений в условиях интеграций, обусловленных повышенной динамичностью, стимулированной становлением производящей экономики, развитием транспорта, распространением новых достижений и знаний, сопровождавшихся внедрением металла, становлением местных традиций металлообработки. Укоренение этих новаций в различных регионах осуществлялось по разным сценариям, которые во многом зависели от особенностей вмещающего ландшафта, наличия минерального сырья, условий для развития скотоводства и подготовленности местного населения к кардинальным переменам в системе жизнеобеспечения. В нашем случае необходимо принимать во внимание особенности территории, на которой разворачивалось становление коптяковской культуры. Это горно-лесное Зауралье, приуроченное к области меднорудных месторождений, морфологически близких рудам Алтайской горной области. В зоне их локализации образовывались самородная медь и окисленные руды (куприт, азурит, малахит), пригодные для извлечения меди. Данное обстоятельство вполне объясняет повышенное внимание к этой территории мигрирующих с востока СТ кланов, равно как и абашевских с запада. Хотя надо сказать, что археологические примеры подобного интереса единичны. Наиболее яркий из них — остатки абашевской литейной мастерской Серный Ключ под Нязепетровском (Борзунов, Бельтикова, 1999. С. 43–52). Более того, в Среднем Зауралье практически нет предметов,

соответствующих ранней фазе СТ феномена, отмеченного существованием высокоранговых знаков воинской субкультуры. Археологическими признаками такой субкультуры являются массивные бронзовые орудия индивидуального типа: ножи-кинжалы с фигурными рукоятями и скульптурными навершиями, наконечники копий с вильчатым стержнем и крюком (Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 28–35, 62–64, 66, 67; Молодин, Нескоров, 2010. Рис. 1–19).

Металлокомплекс горно-лесного Зауралья, ассоциируемый с местной коптяковской культурой, представляет собой конгломерат различных технологических традиций. Здесь нет вещей с ярко выраженным индивидуальным обликом, но выделяются своеобразные серии оригинальных предметов, выработанных в местной среде. Некоторые нюансы аналитики указывают на вполне вероятное использование окрестных руд для развивающейся металлообработки (Дегтярева, 2010. С. 87, 88). Выработка собственных стандартов производства, воплощенных в кельгах так называемого кижировского типа, втульчатых чеканах и цельнолитых кинжалах с орнаментированной рукоятью, бытовавших в ограниченной среде, указывают на формирование в горно-лесном Зауралье собственного металлообрабатывающего центра (“коптяковско-сейминского”). Период его существования, о чем сообщают радиоуглеродные даты Шайтанского Озера II (Черных, Корочкова, Орловская, 2017), лежал в пределах 2000–1650 гг. до н.э.

Своеобразие уральского феномена заключается в том, что сложение центра происходило в условиях преимущественно присваивающего образа жизни местного населения. Этот, на первый взгляд, исторический нонсенс, объясняется совокупностью ряда факторов, которые и сказались на характере местного культурогенеза в начале бронзового века. Определяющее значение имели: миграции СТ кланов с востока на запад; наличие меднорудных источников и тесные связи с миром степных скотоводческих культур. В итоге местное население было втянуто в интеграционные процессы формирующейся Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции. Не исключено, что добывающая и обрабатывающая сферы производства были поддержаны особыми знаниями и навыками пришлого (литейное и кузнечное дело) и местного (традиции землепользования, поисковые и горные работы) населения.

Первостепенными стали связи, направленные на поддержание металлопроизводства. Использование преимущественно оловянных сплавов особенно остро ставит проблему поставок легирующих добавок. Не исключено, что она была решена путем получения бронзового лома из степных районов. Во всяком случае, обилие лома в металлокомплексе Шайтанки и неустойчивый состав примесей в металле – тому подтверждение. Степные заимствования и влияния явно прослеживаются в керамике и металле (Корочкова, Спиридонов, 2016).

По аналогии с моделью жизнеобеспечения иткульской культуры раннего железного века, локализованной на той же территории, можно предположить, что эти связи были подкреплены взаимовыгодным обменом между среднеуральскими производителями металла и степными скотоводами (Бельтикова, 2005. С. 168). Уральская модель фиксирует внимание на необходимых факторах и условиях, которые вовлекают уязвимый в отношении производства пищи регион в систему новых связей и способствуют включению его в систему связей Западноазиатской металлургической провинции. По сути, речь идет о зарождении основной жизнеобеспечивающей стратегии региона, основанной не только на добыче сырья, но и на производстве высокотехнологичной продукции, прежде всего оружия, при условии тесных интеграций со скотоводческими культурами степного пояса.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 16-06-00174а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бельтикова Г.В.* Среда формирования и памятники зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга): сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. С. 162–186.
- Берс Е.М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1963. 114 с.
- Борзунов В.А., Бельтикова Г.В.* Стоянка абашевских металлургов в горно-лесном Зауралье // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: материалы науч. конф. Ч. 2 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1999. С. 43–52.
- Викторова В.Д.* Коптяковская культура в горно-лесном Зауралье // Третьи Берсовские чтения: К 95-летию А.А. Берса и 90-летию Е.М. Берс: материалы науч.-

- практич. конф. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 49–54.
- Викторова В.Д.* Погребальные комплексы на острове Каменные Палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 95–107.
- Викторова В.Д.* Генезис коптяковской культуры // Шестые Берсовские чтения: сб. ст. Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 98–106.
- Дежарева А.Д.* История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф.* Заосиновское VII поселение и проблема формирования культуры эпохи бронзы в Среднем Прикамье // Археология и этнография Марийского края. Вып. 19: Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991. С. 102–113.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Митряков А.Е.* Малоизученный хронологический горизонт Заосиново VII – Непряха VII – Партизаны IV эпохи бронзы Среднего Прикамья // Шестые Берсовские чтения: сб. ст. Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 107–116.
- Зах В.И.* Коптяковская культура в Нижнем Притоболье // ВИАЭ. 2012. № 2 (17). С. 29–40.
- Зах В.А., Иванов С.Н.* Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль 20 на севере Андреевской озерной системы // ВИАЭ. 2007. № 7. С. 12–21.
- Корочкова О.Н.* О некоторых аспектах «андроновской» историографии // Современные проблемы археологии России: материалы Всерос. археолог. съезда / Ред.: В.И. Молодин, А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 402–406.
- Корочкова О.Н.* Культурные интеграции позднего бронзового века: факторы, темпы, модели // УИВ. 2009. № 2 (23). С. 40–49.
- Корочкова О.Н.* Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: факторы, механизмы, динамика: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 37 с.
- Корочкова О.Н.* Дискуссионные аспекты изучения ташковской культуры // ВИАЭ. 2012. № 3 (18). С. 24–33.
- Корочкова О.Н., Мосунова А.В., Спиридонов И.А., Стефанов В.И.* Погребальные комплексы святилища эпохи бронзы Шайтанское Озеро II на Среднем Урале // РА. 2018. № 1. С. 135–149.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А.* Степные знаки в металле святилища Шайтанское Озеро II // УИВ. 2016. № 4 (53). С. 68–76.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А., Стефанов В.И.* О металлообработке эпохи поздней бронзы горно-лесного Зауралья: кельты кижировского типа // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 61–67.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. 2010. № 4. С. 120–129.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Погребальный обряд // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 21–29.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // РА. 2013. № 1. С. 87–96.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 287 с.
- Кузьминых С.В.* Квазиэнеолитические культуры Северной Евразии: проблема периодизации // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тез. докл. XII Уральского археологического совещания (19–22 апреля 1993 г.). Екатеринбург: Изд-во Ин-та истории и археологии УрО РАН, 1993. С. 117, 118.
- Кузьминых С.В., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б.* О металле культурного памятника эпохи бронзы на Шайтанском озере (Средний Урал) // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 89–94.
- Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Втульчатые чеканы эпохи бронзы: истоки многовековой традиции // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 143–148.
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В.* Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. 136 с.
- Молодин В.И., Гришин А.Е.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 452 с.
- Молодин В.И., Нескоров А.В.* Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // АЭАЕ. 2010. № 3 (43). С. 58–71.
- Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф.* Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). Новосибирск: Наука, 1993. 211 с.
- Савинов Д.Г.* О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // Теория и практика археологических исследований: сб. науч. тр. № 2 (8). Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2013. С. 5–16.
- Сальников К.В.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВАУ. Вып. 6. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1964. С. 5–23.
- Сериков Ю.Б.* Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. соц.-пед. академия, 2013. 408 с.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изу-

- чении бронзового века Урала // АЭАЕ. 2009. № 2 (38). С. 67–78.
- Стефанов В.И. Керамика // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 51–55.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2006. 160 с.
- Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука, 1976. 65 с.
- Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 314 с.
- Чаиркина Н.М. Торфяниковые памятники Зауралья: анализ и интерпретация: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2015. 42 с.
- Чемякин Ю.П. Коптяки VI – сто лет спустя // Третьи Берсовские чтения: К 95-летию А.А. Берса и 90-летию Е.М. Берса: материалы науч.-практич. конф. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 54–59.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Черных Е.Н., Корочкова О.Н., Орловская Л.Б. Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского транскультурного феномена // АЭАЕ. 2017. № 2. С. 45–55.
- Эдинг Д.Н. Новые находки на Горбуновском торфянике // Археологические памятники Урала и Прикамья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940 (МИА; № 1). С. 41–57.

THE MIDDLE URALS IN THE EARLY BRONZE AGE: THE KOPTYAKI CULTURE

Olga N. Korochkova

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru

The focus is on the phenomenon of the Koptyaki culture in the Middle Trans-Ural region of the early Bronze Age demonstrating the formation of a production centre in predominantly appropriating economic environment. A limited area, a small number of sites, among which the sanctuary Shaitanskoye Lake II occupies a prominent place, an unprecedented number of metal objects (over 200 are known today), the “eneolithic” appearance of some groups of pottery – all this distinguishes the Koptyaki culture sharply against the background of neighbouring and remote synchronous metalliferous cultures of the first third of the 2nd millennium BC (Petrovka, Alakul, Krotovo, Tashkovo, and Odino). Such an unusual combination of signs testifying to advanced metal processing technology, on the one hand, and to the preservation of many archaic features of the preceding stone era, on the other hand, requires a balanced assessment and emphasizes a particular model of the introduction and development of innovations by people living in a region devoid of conditions for cattle breeding and agriculture development. The author proposes a hypothesis of conjugation of the Ural metal complex with copper ore deposits of the Middle Trans-Urals. There is a sort of paradox which deserves a special discussion: the formation of an independent metal-working centre in the Trans-Urals in the early 2nd millennium BC which absorbed the latest achievements of the principal technological traditions of the era – those of Seyma-Turbino and Petrovka-Alakul – took place in a zone that did not provide the conditions for food production. The latter circumstance seems to be important, since it significantly expands our idea of the resource base of the Eurasian forest belt cultures and reveals the factors and conditions that ensure their integration into the system of ties of the West Asian (Eurasian) metallurgical province.

Keywords: the Urals, the Bronze Age, the West Asian metallurgical province, the Koptyaki culture, the Seima-Turbino phenomenon

REFERENCES

- Bel'tikova G.V., 2005. The formation environment and sites of the Trans-Urals (Itkul') centre of metallurgy // *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Fedorovicha Geninga): sbornik nauchnykh trudov [Archaeology of the Urals and Western Siberia (to the 80th anniversary of Vladimir Fedorovich Gening): collected papers]*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 162–186. (In Russ.)
- Bers E.M., 1963. Arkheologicheskie pamyatniki Sverdlovskaya i ego okrestnostey [Archaeological sites of Sverdlovsk and its vicinity]. Sverdlovsk: Sverdlovskoye knizhnoye izdatel'stvo. 114 p.
- Borzunov V.A., Bel'tikova G.V., 1999. A camp site of the Abashevo metal-makers in the mountain-forest Trans-Urals // *120 let arkheologii vostochnogo sklona Urala: Pervye chteniya pamyati Vladimira Fedorovicha Geninga: materialy nauchnoy konferentsii [120 years of archaeological studies of the Urals eastern slope: 1st Readings in memory of Vladimir Fedorovich Gening: proceedings of the scientific conference]*, 2. V.T. Kovaleva, ed. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 43–52. (In Russ.)

- Chairkina N.M., 2005. Eneolit Srednego Zaural'ya [The Eneolithic of the Middle Trans-Urals]. Ekaterinburg: Ural'skoye otdelenie RAN. 314 p.
- Chairkina N.M., 2015. Torfyanikovye pamyatniki Zaural'ya: analiz i interpretatsiya: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Peat-bog sites of the Trans-Urals: an analysis and interpretation: the Synopsis of a doctoral thesis in History]. Novosibirsk. 42 p.
- Chemyakin Yu.P., 1999. Koptyaki VI – a hundred years later // *Tret'i Bersovskie chteniya: K 95-letiyu A.A. Bersa i 90-letiyu E.M. Bers: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii [3rd Bers Readings: to the 95th anniversary of A.A. Bers and the 90th anniversary of E.M. Bers: proceedings of the Scientific and Practical Conference]*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, pp. 54–59. (In Russ.)
- Chernykh E.N., Korochkova O.N., Orlovskaya L.B., 2017. Issues of the calendar chronology of the Seima-Turbino transcultural phenomenon // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 2, pp. 45–55. (In Russ.)
- Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V., 1989. Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (seyminsko-turbinskiy fenomen) [Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Seima-Turbino phenomenon)]. Moscow: Nauka. 320 p.
- Degtyareva A.D., 2010. Istoriya metalloproduktstva Yuzhno-go Zaural'ya v epokhu bronzy [The history of metal production of the Southern Trans-Urals in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka. 162 p.
- Denisov V.P., Mel'nichuk A.F., 1991. The settlement of Zaosinovo VII and the problem of the Bronze Age culture formation in the Middle Kama region // *Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya [Archaeology and Ethnography of Mari Region]*, 19. *Pozdnyy eneolit i kul'tury ranney bronzy lesnoy polosy evropeyskoy chasti SSSR [The Late Eneolithic and Early Bronze cultures of the forest belt of the European USSR]*. Yoshkar-Ola, pp. 102–113. (In Russ.)
- Denisov V.P., Mel'nichuk A.F., Mitryakov A.E., 2011. Poorly studied Bronze Age chronological horizon Zaosinovo VII – Nepryakha VII – Partizany IV of the Middle Kama region // *Shesty Bersovskie chteniya: sbornik statey Vserossiyskoy arkheologicheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [6th Bers Readings: collected articles of the All-Russian Archaeological Scientific and Practical Conference]*. Ekaterinburg: Kvadrat, pp. 107–116. (In Russ.)
- Eding D.N., 1940. New findings from the Gorbunovo peat bog // *Arkheologicheskie pamyatniki Urala i Prikam'ya [Archaeological sites of the Urals and the Kama region]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 41–57. (MIA, 1). (In Russ.)
- Khlobystin L.P., 1976. Poselenie Lipovaya Kur'ya v Yuzhnom Zaural'ye [The settlement of Lipovaya Kur'ya in the Southern Trans-Urals]. Leningrad: Nauka. 65 p.
- Korochkova O.N., 2006. Some aspects of the “Andronovo” historiography // *Sovremennyye problemy arkheologii Rossii: materialy Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda [Contemporary issues of the Russian archaeology: Proceedings of the All-Russian Archaeological Congress]*. V.I. Molodin, A.P. Derevyanko, eds. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 402–406. (In Russ.)
- Korochkova O.N., 2009. Cultural integration of the late Bronze Age: factors, rates, patterns // *Ural'skiy istoricheskii vestnik [Ural Historical Journal]*, 2(23), pp. 40–49. (In Russ.)
- Korochkova O.N., 2011. Vzaimodeystvie kul'tur v epokhu bronzy v Srednem Zaural'ye i podtayezhnom Tobolo-Irtys'ye: faktory, mekhanizmy, dinamika: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Interaction of cultures during the Bronze Age in the Middle Trans-Urals and the under-taiga Tobol-Irtys' region: factors, mechanisms, dynamics: the Synopsis of a doctoral thesis in History]. Moscow. 37 p.
- Korochkova O.N., 2012. Controversial issues of studying the Tashkovo culture // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnologii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 3(18), pp. 24–33. (In Russ.)
- Korochkova O.N., Mosunova A.V., Spiridonov I.A., Stefanov V.I., 2018. Burial assemblages from the Bronze Age sanctuary of Shaitanskoye Lake II in the Middle Urals // *Ross. arkheol.*, 1, pp. 135–149. (In Russ.)
- Korochkova O.N., Spiridonov I.A., 2016. Signs of the steppe in the metal objects from the Shaitanskoye Lake II sanctuary // *Ural'skiy istoricheskii vestnik [Ural Historical Journal]*, 4(53), pp. 68–76. (In Russ.)
- Korochkova O.N., Spiridonov I.A., Stefanov V.I., 2015. The Late Bronze Age metalworking of the mountain-forest Trans-Urals: palstaves of the Kizhirovo type // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, no. 2(62), vol. 6, pp. 61–67. (In Russ.)
- Korochkova O.N., Stefanov V.I., 2010. A Bronze Age cult site on Lake Shaitanskoye near Yekaterinburg (based on the materials of 2008 excavations) // *Ross. Arkheol. [Russian Archaeology]*, 4, pp. 120–129. (In Russ.)
- Korochkova O.N., Stefanov V.I., 2011. Burial rite // *Satyga XVI: seyminsko-turbinskiy mogil'nik v tayezhnoy zone Zapadnoy Sibiri [Satyga XVI: Seima-Turbino burial ground in the taiga zone of Western Siberia]*. A.Ya. Trufanov, ed. Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy, pp. 21–29. (In Russ.)
- Korochkova O.N., Stefanov V.I., 2013. A Bronze Age cult site on Lake Shaitanskoye near Yekaterinburg (based on the materials of 2009–2010 excavations) // *Ross. Arkheol.*, 1, pp. 87–96. (In Russ.)
- Kosarev M.F., 1981. Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri [The Bronze Age of Western Siberia]. Moscow: Nauka. 287 p.
- Kuz'minykh S.V., 1993. Quasi-Eneolithic cultures of Northern Eurasia: the periodization issue // *Arkheologicheskie kul'tury i kul'turno-istoricheskie obshchnosti Bol'shogo Urala: tezisy dokladov XII Ural'skogo arkheologicheskogo soveshchaniya [Archaeological cultures and cultural-historical communities of the Great Urals: Proceedings of the XII Ural Archaeological Meeting]*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Instituta istorii i arkheologii Ural'skogo otdeleniya RAN, pp. 117–118. (In Russ.)

- Kuz'minykh S.V., Lun'kov V. Yu., Orlovskaya L.B., 2015. Metal from a Bronze Age ritual site on Shaitanskoye Lake (the Middle Urals) // *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 241, pp. 89–94. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., Stefanov V.I., 2012. Pick shaft-hole hammer axes of the Bronze Age: the origins of centuries-long tradition // *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya Severnoy Evrazii: ot artefaktov k prochteniyu proshlogo [Archaeological and ethnographic studies of Northern Eurasia: from artifacts to reading the past]*. L.A. Chindina, ed. Tomsk: Agraf-Press, pp. 143–148. (In Russ.)
- Matyushchenko V.I., Sinitsyna G.V., 1988. Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska [The burial ground near the village of Rostovka in Omsk vicinity]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 136 p.
- Molodin V.I., Grishin A.E., 2016. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi [The Sopka-2 site on the Om' River], 4. Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoy kul'tury [Cultural and chronological analysis of the burial complexes of the Krotovo culture sites]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. 452 p.
- Molodin V.I., Neskorov A.V., 2010. The collection of Seima-Turbino bronzes from the Irtysh region (the tragedy of a unique monument destroyed by unauthorized excavations in the 21st century) // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 3(43), pp. 58–71. (In Russ.)
- Petrin V.T., Nokhrina T.I., Shorin A.F., 1993. Arkheologicheskie pamyatniki Argazinskogo vodokhranilishcha (epokhi kamnya i bronzy) [Archaeological sites of the Argazi Reservoir (the Stone and Bronze Ages)]. Novosibirsk: Nauka. 211 p.
- Sal'nikov K.V., 1964. Some issues of the history of the forest Trans-Urals in the Bronze Age // *Voprosy arkheologii Urala [Issues of the Uralian Archaeology]*, 6. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 5–23. (In Russ.)
- Savinov D.G., 2013. Two ways of distribution of Seyma-type bronze objects to the East // *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov [Theory and practice of archaeological research: Collected papers]*, 2(8). Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 5–16. (In Russ.)
- Serikov Yu.B., 2013. Shaytanskoye ozero – svyashchennoye ozero drevnosti [Shaitanskoye Lake: a sacred lake of antiquity]. Nizhniy Tagil: Nizhnetagil'skaya gosudarstvennaya sotsial'no-pedagogicheskaya akademiya. 408 p.
- Serikov Yu.B., Korochkova O.N., Kuz'minykh S.V., Stefanov V.I., 2009. Shaitanskoye Lake II: new subjects in studying the Uralian Bronze Age // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 2(38), pp. 67–78. (In Russ.)
- Stefanov V.I., 2011. Pottery // *Satyga XVI: seyminsko-turbinskiy mogil'nik v tayezhnoy zone Zapadnoy Sibiri [Satyga XVI: Seima-Turbino burial ground in the taiga zone of Western Siberia]*. A.Ya. Trufanov, ed. Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy, pp. 51–55. (In Russ.)
- Stefanov V.I., Korochkova O.N., 2000. Andronovskie drevnosti Tyumenskogo Pritobol'ya [The Andronovo antiquities in Tyumen area of the Tobol region]. Ekaterinburg: Poligrafist. 108 p.
- Stefanov V.I., Korochkova O.N., 2006. Urefty I: zaural'skiy pamyatnik v andronovskom kontekste [Urefty I: a Trans-Ural site in the Andronovo context]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 160 p.
- Viktorova V.D., 1999. The Koptyaki culture in the mountain-forest Trans-Urals // *Tret'i Bersovskie chteniya: K 95-letiyu A.A. Bersa i 90-letiyu E.M. Bers: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii [3rd Bers Readings: to the 95th anniversary of A.A. Bers and the 90th anniversary of E.M. Bers: Proceedings of the Scientific and Practical Conference]*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, pp. 49–54. (In Russ.)
- Viktorova V.D., 2001. Burial complexes on Kamennye Palatki island // *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale [Rescue archaeological research in the Middle Urals]*, 4. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, pp. 95–107. (In Russ.)
- Viktorova V.D., 2011. The genesis of the Koptyaki culture // *Shestyte Bersovskie chteniya: sbornik statey Vserossiyskoy arkheologicheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [6th Bers Readings: collected papers of the All-Russian Archaeological Scientific and Practical Conference]*. Ekaterinburg: Kvadrat, pp. 98–106. (In Russ.)
- Zakh V.A., Ivanov S.N., 2007. The Bronze Age complex of the multilayer settlement Chepkul' 20 in the North of Andreevskoye Lake system // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 7, pp. 12–21. (In Russ.)
- Zakh V.I., 2012. The Koptyaki culture in the Lower Tobol region // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 2(17), pp. 29–40. (In Russ.)

Т-ОБРАЗНЫЕ КАТАКОМБЫ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

© 2018 г. В.Ю. Малашев^{1,*}, А.И. Торгоев^{2,**}

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия

² Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

* E-mail: malashev@yandex.ru

** E-mail: torgoevasan@mail.ru

Поступила в редакцию 20.06.2017 г.

В статье рассматривается диагностически важный признак погребального обряда аланской культуры – погребальные сооружения в виде Т-образной катакомбы. Обосновывается происхождение катакомб аланской культуры на северокавказской основе от катакомб предшествующего времени (III/II в. до н.э. – начало II в. н.э.). Сопоставлены аланские погребальные сооружения с катакомбами Средней Азии. При формальном типологическом сходстве различия значимы, и они свидетельствуют о том, что среднеазиатские катакомбы вряд ли могли быть исходными для северокавказских. И в Средней Азии, и на Кавказе Т-образные катакомбы имеют самостоятельную линию развития. Отсутствие Т-образных катакомб на территории степи от Средней Сырдарьи и Согда до Северного Кавказа для последних веков до н.э. – II в. н.э. (времени, предшествующего формированию аланской культуры и синхронной ее ранней части) ставит под сомнение возможность миграции носителей данного обряда из Средней Азии на Кавказ.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Средняя Азия, катакомбы, аланская культура, сарматское время.

DOI: 10.31857/S086960630003387-4

Гипотеза о связи катакомб аланской культуры Т-образной конструкции (длинные оси входной ямы и камеры взаимоперпендикулярны, тип I, по: Смирнов, 1972; Мошкова, Малашев, 1999); положение погребенного перпендикулярно длинной оси входной ямы) с культурами среднеазиатского региона (в первую очередь сырдарьинского круга) имеет давнюю историографию (Нечаева, 1956; 1961. С. 151; Смирнов, 1972. С. 80). В настоящее время ее сторонником является Т.А. Габуев (1997. С. 79; 1999. С. 63–65). Исследователи предполагали, что появление катакомб данного типа в центральных и восточных районах Северного Кавказа является результатом миграции среднеазиатского населения. Альтернативная точка зрения сформулирована М.П. Абрамовой (1993. С. 186): формирование погребального обряда аланской культуры происходит из двух компонентов – степного (наличие курганной насыпи) и северокавказского (традиция погребения в катакомбах). Сторонником данной концепции является и один из авторов (Мошкова, Малашев, 1999. С. 200; Малашев, 2007. С. 491; Габуев, Малашев, 2009. С. 147; Ма-

лашев, Торгоев, 2012; Малашев, 2016)¹. С этой же точкой зрения солидарна В.Б. Ковалевская (2005. С. 79, 80; 2016). На генетическую связь погребальных сооружений аланской культуры с катакомбами предшествующего (III в. до н.э. – начало II в. н.э.) культурного пласта указывали В.Б. Виноградов и Я.Б. Березин (1985), что, по их мнению, аргументирует генезис аланских катакомб на местной основе.

В данной работе рассматривается один из аспектов погребального обряда аланской культуры – погребальное сооружение в виде Т-образной катакомбы, который дополнен наблюдениями над другими обрядовыми особенностями. Будет продемонстрирована возможность происхождения катакомб аланской культуры на местной северокавказской основе от катакомб предшествующего времени (III/II в. до н.э. – начало II в. н.э.) и сопоставлены аланские погребальные сооружения с типологически близкими катакомбами Средней Азии.

¹ Различие точек зрения М.П. Абрамовой и В.Ю. Малашева состоит в оценке роли позднесарматского (Абрамова, 1993. С. 186) или среднесарматского (Малашев, 2016. С. 60, 61) степного компонента.

Ранние Т-образные катакомбы на Северном Кавказе и в Средней Азии не синхронны между собой: в настоящий момент нет материалов, подтверждающих существующую точку зрения о том, что в Средней Азии есть Т-образные катакомбы, датирующиеся ранее I (II) в. н.э.

Грунтовые катакомбы центральных районов Северного Кавказа III/II в. до н.э. — начала II в. н.э. (в первую очередь Чегемский курган-кладбище и Нижне-Джулатский могильник: (рис. 1, 1–5) подробно рассмотрены в работах М.П. Абрамовой (дальнейший их анализ по: Абрамова, 1993). Все погребения — грунтовые и, как правило, использовались для коллективных многозаховоронений. Катакомбы являются доминирующей формой погребальных сооружений. В III—I в. до н.э. катакомбы представлены типами I и II; при этом тип II (по: Смирнов, 1972; Мошкова, Малашев, 1999; длинная ось камеры является продолжением длинной оси входной ямы) несколько более характерен для Нижне-Джулатского могильника, чем для Чегемского. Ориентировка погребенных неустойчива, преобладает в южный и западный секторы. Положение погребенных — вытянутое, изредка скорченное, а также на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Кости животных присутствуют в 30% погребений. В I — начале II в. н.э. преобладают катакомбы типа I. Ориентировка погребенных также неустойчива, преобладает в южный и западный секторы. Положение погребенных — вытянутое, изредка скорченное, а также на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Кости животных в Нижне-Джулатском могильнике отсутствуют, в Чегемском, обнаружены в пяти комплексах. Для второй половины II — начала III в. н.э. (синхронные аланской культуре несколько погребений Нижне-Джулатского могильника) встречены катакомбы только типа I. Господствует широтная ориентировка, при преобладании восточной. Положение погребенных — вытянутое, изредка скорченное, а также на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Кости животных в погребениях отсутствуют. Очевидно, здесь речь уже идет о влиянии аланской культуры или трансформации обряда данных памятников в обрядовую традицию аланской культуры.

Основные диагностические признаки погребального обряда аланской культуры для второй половины II — первой половины V в. н.э. даются на основе таких могильников, как Алхан-Калинский, Братское, Октябрьское, Виноградная,

Бесланский, Брут 1 и 2, Экажево I и др. (Абрамова, 1997; Воронин, Малашев, 2006; Габуев, Малашев, 2009; Малашев, 2012; Габуев, 2014; Малашев, Мамаев, 2011) (рис. 1, 6–9; 2). В некрополях присутствуют как подкурганые, так и грунтовые катакомбы. Подкурганые катакомбы в ряде могильников (Бесланский, Брут 2) окружены ровиками кольцевой (реже квадратной) формы с двумя перемычками в северном и южном секторах. Как подкурганые, так и грунтовые катакомбы — Т-образной конструкции. Входные ямы ориентированы чаще меридионально с отклонениями. У задних стенок находились ступеньки. Камеры овальной или прямоугольной в плане формы расположены у северной стенки входной ямы. В могильниках правобережья Среднего Терека (Виноградная, Октябрьский, Братское) встречается широтная ориентировка входных ям с расположением камеры в западном или восточном секторе (Абрамова, 1997. С. 97. Рис. 2–5). Все погребенные лежат перпендикулярно длинной оси входной ямы в вытянутом положении, скорченном или на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Погребения использовались только для однократных захоронений, чаще индивидуальных. Преобладающая ориентировка погребенных — широтная: восток — юго-восток (головой направо от входа) или запад — северо-запад (головой налево от входа).

Подробнее об ориентировке погребальных сооружений и погребенных по отдельным могильникам.
Бесланский могильник (подкурганые и бескурганые): преобладающая ориентировка входных ям — меридиональная с расположением камеры у северной стенки; преобладающая ориентировка погребенных — восток—юго-восток (головой — направо от входа); скорченные погребения составляют не более 10% и характерны для бескурганых катакомб. **Могильник Брут 1 и 2** (подкурганые и бескурганые): доминирует меридиональная ориентировка входных ям с расположением камеры у северной стенки; преобладающая ориентировка погребенных — запад—северо-запад (головой налево от входа); скорченные погребенные, а также на спине с согнутыми в коленях ногами составляют около 25% и характерны для бескурганых катакомб. **Могильники Экажево I, Насыр-корт, Алхан-кала, Алхан-юрт** (подкурганые): доминирует меридиональная ориентировка входных ям с расположением камеры в северном секторе; ориентировка погребенных — в восточном секторе (головой направо от входа). Встречены вытянутые и скорчен-

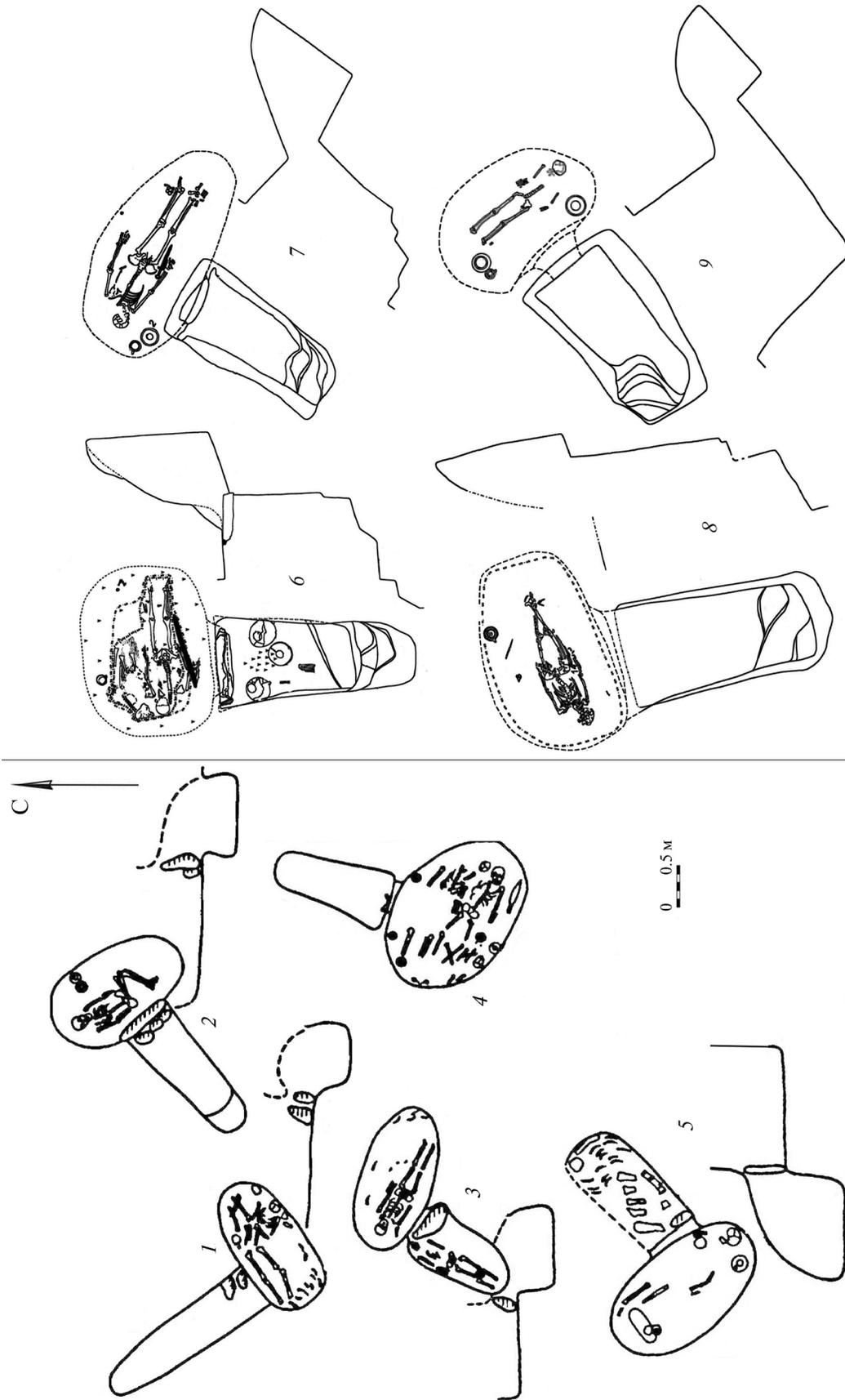

Рис. 1. Т-образные катакомбы (тип I, по: Смирнов, 1972; Мошкова, Малашев, 1999) III/II в. до н.э. – начала II в. н.э. (1–5) и второй половины II – первой половины III в. н.э. (6–9). 1–3, 5 – Четемский курган-кладбище: 1 – погр. 24; 2 – погр. 61; 3 – погр. 27; 5 – погр. 52; 4 – Нижне-Джулатский могильник, погр. 100 (по: Абрамова, 1993). 6–8 – могильник Брут 2: 6 – кург. 10; 7 – кург. 11; 8 – кург. 14 (по: Габуев, Малашев, 2009); 9 – Бесланский могильник, кург. 717 (по: Малашев, 2012).

Fig. 1. T-shaped catacombs (type I) of the 3rd / 2nd centuries BC – the early 2nd century AD (1–5) and the second half of the 2nd – the first half of the 3rd century AD (6–9)

ные погребения. **Могильники** Братское, Октябрьское, Виноградная (подкурганые): доминирует широтная ориентировка входных ям с расположением камеры в западном секторе (Абрамова, 1997. Рис. 2–5). В целом, ориентировка входных ям и камер – неустойчива; унификация имеет место в рамках отдельного могильника, что отражается и на ориентировке погребенных.

Эволюция конструктивных особенностей катакомб в рамках второй половины II – первой половины V в. н.э. (Малашев, 2010. С. 119, 120). Катакомбы второй половины II – первой половины/середины III в. н.э. (рис. 1, 6–9) имеют сравнительно короткую входную яму трапециевидной или прямоугольной формы, короткий слабо выраженный дромос, овальную, реже прямоугольную камеру. Свод камеры понижается от входа к передней стенке. Начиная с середины III в. н.э. фиксируются изменения: входная яма становится уже и длиннее; вход в камеру – прямоугольный со скругленным верхом; наличие протяженного, хорошо выраженного дромоса; камера прямоугольной формы с хорошо выраженными углами, свод выносится вверх от входа (рис. 2, 1, 2). Со второй половины IV в. н.э. входные ямы становятся еще более узкими и длинными (рис. 2, 3, 4). Форма свода на уровне тенденции меняется от куполообразного, характерного для середины III – начала IV в. н.э., к стрельчатому, распространяющемуся со второй половины IV в. н.э. Изменяется конструкция ступенек у задней стенки камеры: от угловых и расположенных в виде лестничных пролетов, характерных для второй половины II – раннего IV в. н.э., к ступенькам вдоль боковой стенки входной ямы, получившим распространение со второй половины IV в. н.э. В первой половине V в. н.э. ступеньки делаются по всей ширине задней стенки входной ямы (рис. 2, 5). Перечисленные морфологические изменения фиксируются как отчетливо проявляющаяся тенденция.

Еще одна особенность обряда, фиксирующаяся с середины III в. н.э., – посыпка (до 5–7 см толщиной) дна камер древесным углем. Важно также подчеркнуть, что на протяжении второй половины II – первой половины V в. н.э. не характерно наличие костей животных в погребении² и использование курильниц в составе инвентаря.

В Средней Азии катакомбы Т-образной формы, как и на Кавказе, имеют свой генезис и де-

лятся на хронологические группы в рамках трех крупных историко-культурных областей их распространения: Согдиана, Средняя Сырдарья и Тянь-Шань с Ферганской долиной. Остановимся на характеристике катакомб, обосновании хронологии и возможном генезисе в этих районах.

Говоря о среднеазиатских катакомбах, речь идет о двух типах: I (Т-образных) и II. В литературе по археологии Средней Азии катакомбы типа I обычно называют “кенкольскими”, а типа II, вслед за Ю.А. Заднепровским, – катакомбами “лявандакского” типа.

Для Согдианы катакомба, имеющая входную яму и дромос, соединяющий последнюю с камерой, – совершенно чуждый тип погребального сооружения, что неоднократно отмечалось исследователями. В этом районе известны наиболее ранние катакомбы Т-образной формы, точнее, их конструктивно близкие прототипы.

Ранние катакомбы Т-образной формы и их прототипы не образуют монокультурных могильников. Они являются впускными в культурные слои поселений, как погребение на Кок-тепа (Rapin et al., 2001; Рапен и др., 2014) (рис. 3, 3) и погр. 1 на поселении эпохи бронзы Саразм (Исаков 1983. С. 222. Рис. 1; Курбанов 2015. Рис. 72, 76, 79) (рис. 3, 4), либо в курганы более раннего времени: погр. 2 в кургане Сирлибайтепа (Иваницкий, Иневаткина, 1988) (рис. 3, 6). Они входят в состав могильников с разными типами погребальных сооружений: катакомбные погребения в могильниках Акджар-тепа (Обельченко, 1962), Агалыксай (Обельченко, 1969) и Янги-Рабат (Vallée-Raewsky, 2013).

Вход в камеру, как правило, находится в северной стенке. В Янги-Рабате (кург. 1) (рис. 3, 5) было три яруса ступенек, форма входной ямы приближалась к квадрату, почти вдвое превышая размеры камеры (Vallée-Raewsky, 2013. Fig. 3). В катакомбах Агалыксая и Акджартепа заплечики находились в нижней части входной ямы (рис. 3, 1, 2). Эта особенность встречается у более ранних или синхронных катакомб типа II (катакомба 3 в Саразме: Курбанов 2015. Рис. 76). Большие входные ямы с обязательными заплечиками внизу, а часто и со ступеньками вдоль трех стенок являются характерной особенностью ранних катакомб Самаркандского Согда. В Бухарском Согде, судя по раскопкам О.В. Обельченко, они не встречены. В данных погребениях часто встречающиеся ступеньки оканчивались заплечиками в нижней части входной ямы.

² *In situ* в камере неизвестны.

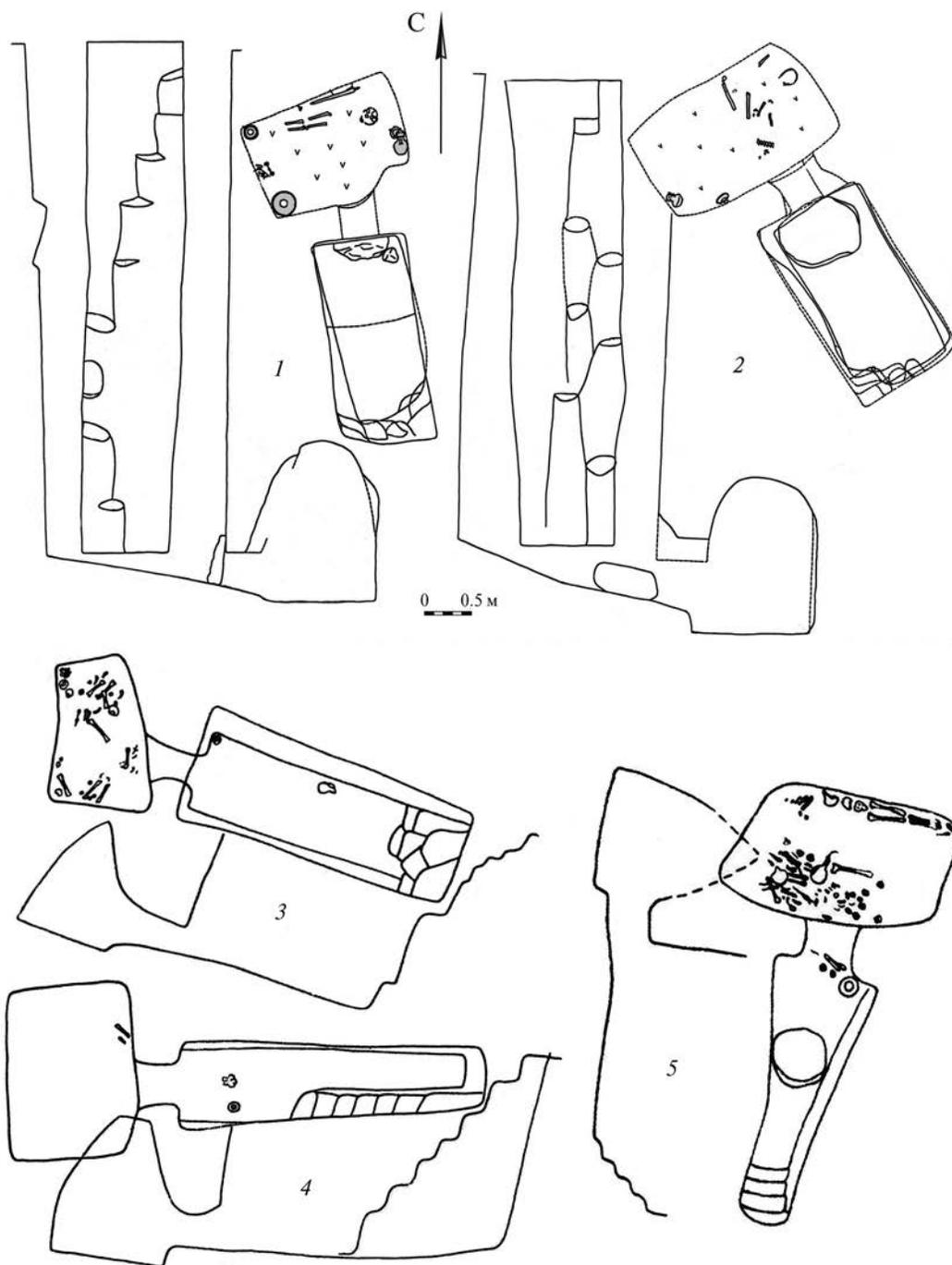

Рис. 2. Т-образные катакомбы (тип I, по: Смирнов, 1972; Мошкова, Малашев, 1999) второй половины III – начала IV в. н.э. (1, 2) и второй половины IV – первой половины V в. н.э. (3–5). 1, 2 – могильник Экажевские 1 курганы (Экажево I): 1 – кург. 3; 2 – кург. 4 (по: Воронин, Малашев, 2006); 3, 4 – Октябрьский: 3 – кург. 6; 4 – кург. 3; 5 – Брутский грунтовый могильник, погр. 1 (по: Абрамова, 1975).

Fig. 2. T-shaped catacombs (type I) of the second half of the 3rd – the early 4th century AD (1, 2) and the second half of the 4th – the first half of the 5th century AD (3–5)

Наиболее ярким погребением этой группы является захоронение на Кок-тепа (Рапэн и др., 2014), впущенное в холм более раннего поселения. В этом погребении ширина входной ямы немногим менее ширины камеры, во входной яме было

два ряда ступенек по трем стенкам (рис. 3, 3). Длинная ось прямоугольной меридионально ориентированной камеры являлась продолжением длинной оси входной ямы. Однако погребенная лежала перпендикулярно длинной оси входной

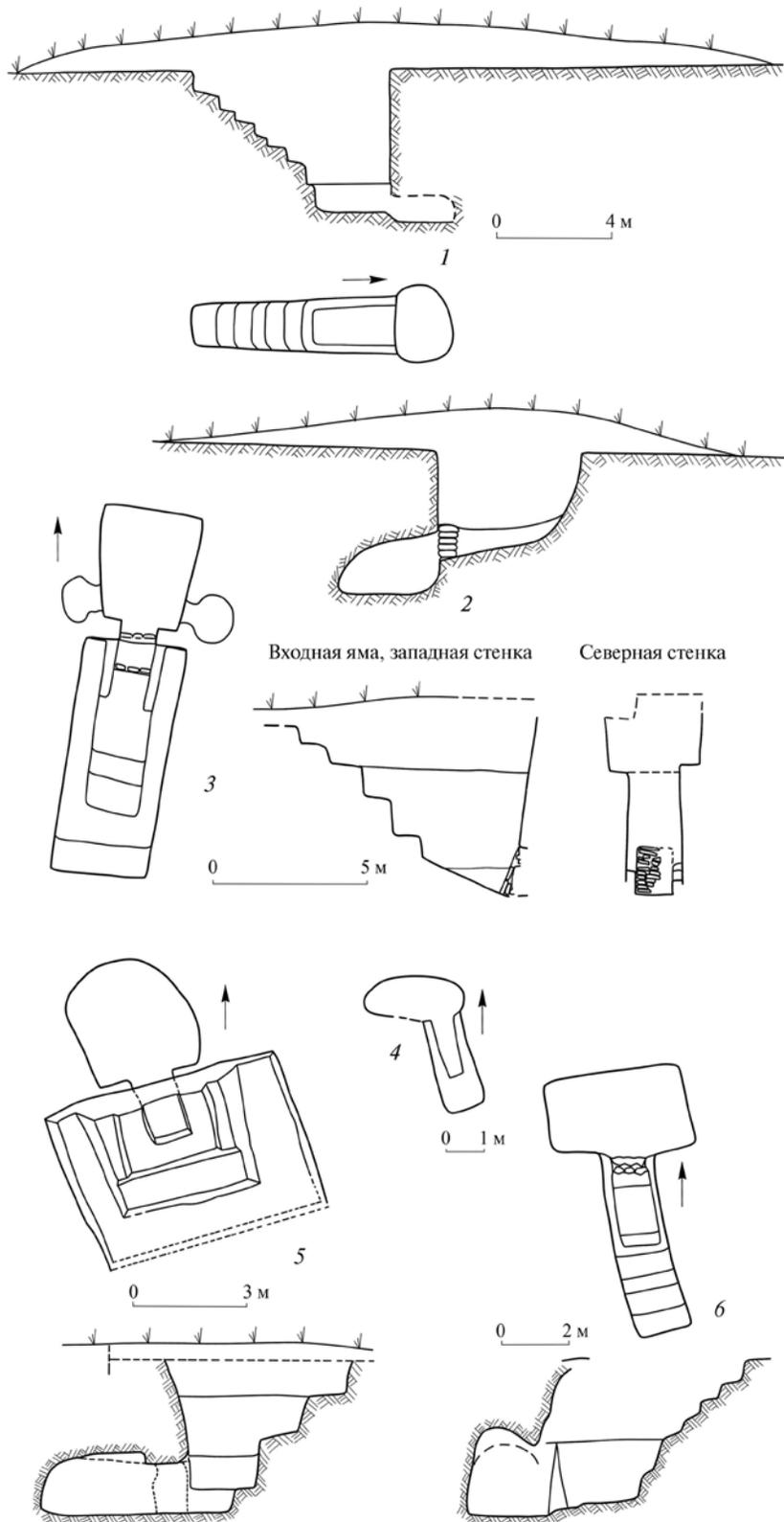

Рис. 3. Т-образные катакомбы Согдианы: 1 – могильник Агалыксай, кург. 8 (по: Обельченко, 1969. Рис. 2); 2 – Ак-джартепа (по: Обельченко, 1962. Рис. 1, без масштаба); 3 – Кок-тепа (по: Рапэн и др., 2014. Рис. 5, 6); 4 – погр. 1, раскоп II на поселении Саразм (по: Исаков, 1983. Рис. 2); 5 – Янги-Рабат, кург. 1 (по: Vallée-Raewsky, 2013. Fig. 3); 6 – Сирлибай-тепа (по: Иваницкий, Иневаткина, 1988. Рис. 2А, Б).

Fig. 3. Sogdiana's T-shaped catacombs

ямы, головой на восток, что характерно для захоронений в катакомбах Т-образной формы. При этом соотношение длинных осей камеры и входной ямы соответствует катакомбам типа II, что позволяет рассматривать данное сооружение как переходную форму из типа II в тип I. Авторы раскопок, на основании стеклянных бус и, главным образом, китайского зеркала, сочли возможным датировать это погребение первыми десятилетиями I в.н.э. (Рапен и др., 2014. С. 99). Такой дате не противоречит и дата костяного гребня с протомами коней, кубической керамической курильницы и треножника западного типа (единственного в среднеазиатском регионе).

В Согде самые ранние катакомбы, исследованные в Бухарском оазисе, относятся к типу II; их нижняя дата не может опускаться ранее II в. до н.э. (Обельченко, 1992. С. 103–106). Одним из наиболее поздних по времени в катакомбах типа II является захоронение в кург. 2 могильника Орлат. Дж.Я. Ильясов и Д.В. Русанов датировали погребение в рамках I–II вв. н.э. (Plyasov, Rusanov, 1998. P. 130). К аналогичной дате на основании анализа вещевого комплекса этого погребения пришел и В.Е. Маслов (1999. С. 229). Данный комплекс является хронологическим репером для оценки верхней даты катакомб типа II в Согде.

Катакомба из Кок-тепа, которую можно считать прообразом Т-образных катакомб, датируется в рамках I в.н.э., т.е. несколько ранее, чем катакомба из кург. 2 могильника Орлат. Таким образом, катакомбы типа II, будучи древнее катакомб типа I, могли сосуществовать с ними в рамках второй половины I – первой половины II в. н.э.

Схема смены форм погребальных сооружений района выглядит следующим образом. Первоначально существует обряд погребения в ямах, характерных для коренного населения. Во II в. до н.э. или несколько ранее появляются подбойные захоронения и катакомбы типа II (Обельченко, 1961. С. 109). В рамках второй половины I – первой половины II в. н.э., с тенденцией в сторону омоложения, появляются ранние катакомбы Т-образной формы (тип I) с заплечиками в нижней части входной ямы. Во II–III вв. н.э. согдийские Т-образные катакомбы приобретают устойчивую форму с узкой входной ямой, часто со ступеньками у задней стенки. Погребенные, как правило, ориентированы головой в восточный сектор. Подобные катакомбы хорошо пред-

ставлены в Сазаганском и Миранкульском могильниках в Самаркандском Согде, могильниках Хазара и Кызыл-тепа в Бухарском Согде (Обельченко, 1992. С. 92, 93). К IV в. н.э. катакомбы Т-образной формы в Согде исчезают. В наиболее поздних по времени согдийских катакомбах встречаются захоронения очищенных костей (?) по зороастрийскому обряду (Обельченко, 1992. С. 50–52. С. 7 вклейки).

В районе Средней Сырдарьи исследован наибольший массив катакомб; присутствуют катакомбы типов I и II. Общая ситуация с распространением катакомб в данном районе напоминает ситуацию в Согде. Здесь известны могильники, полностью состоящие из катакомб Т-образной формы, которые чаще всего не имеют заплечиков в нижней части входной ямы (рис. 4, 2, 7); они же преобладают в могильниках с ямами и катакомбами типа II. Практически всегда могильники с катакомбами связаны с укрепленными поселениями и являются их некрополями.

В среднем течении Арыси, правом притоке Сырдарьи, исследована самая большая выборка погребальных комплексов (могильники Борижарский и Культобе), где значительную часть составляют Т-образные катакомбы.

Датировка катакомб Средней Сырдарьи и Тянь-Шаня, как и этническая атрибуция, у исследователей разнится. Большинство полагает, что катакомбы Т-образной формы в этих районах могут датироваться ранее рубежа эр. Однако обоснований столь ранней даты нет.

Инвентарь основной массы катакомб Средней Сырдарьи и Тянь-Шаня представлен преимущественно керамикой, хронология которой разработана недостаточно хорошо для датировки в рамках коротких временных интервалов. Опорные керамические комплексы надо датировать на основании вещей, хронология которых хорошо разработана, или монет, а таких индикаторов известно немного. Как будет показано ниже, катакомбы Т-образной формы не могут быть датированы ранее I (II) в. н.э.

С катакомбами Т-образной формы на Средней Сырдарье появляются инновации в вещевом комплексе. В них массово находятся бусы из египетского фаянса и появляются железные пряжки с подвижным язычком, имеющие аналогии в комплексах средне- и позднесарматского времени. В абсолютном большинстве катакомб типа I на Арыси встречаются характерные кувшины

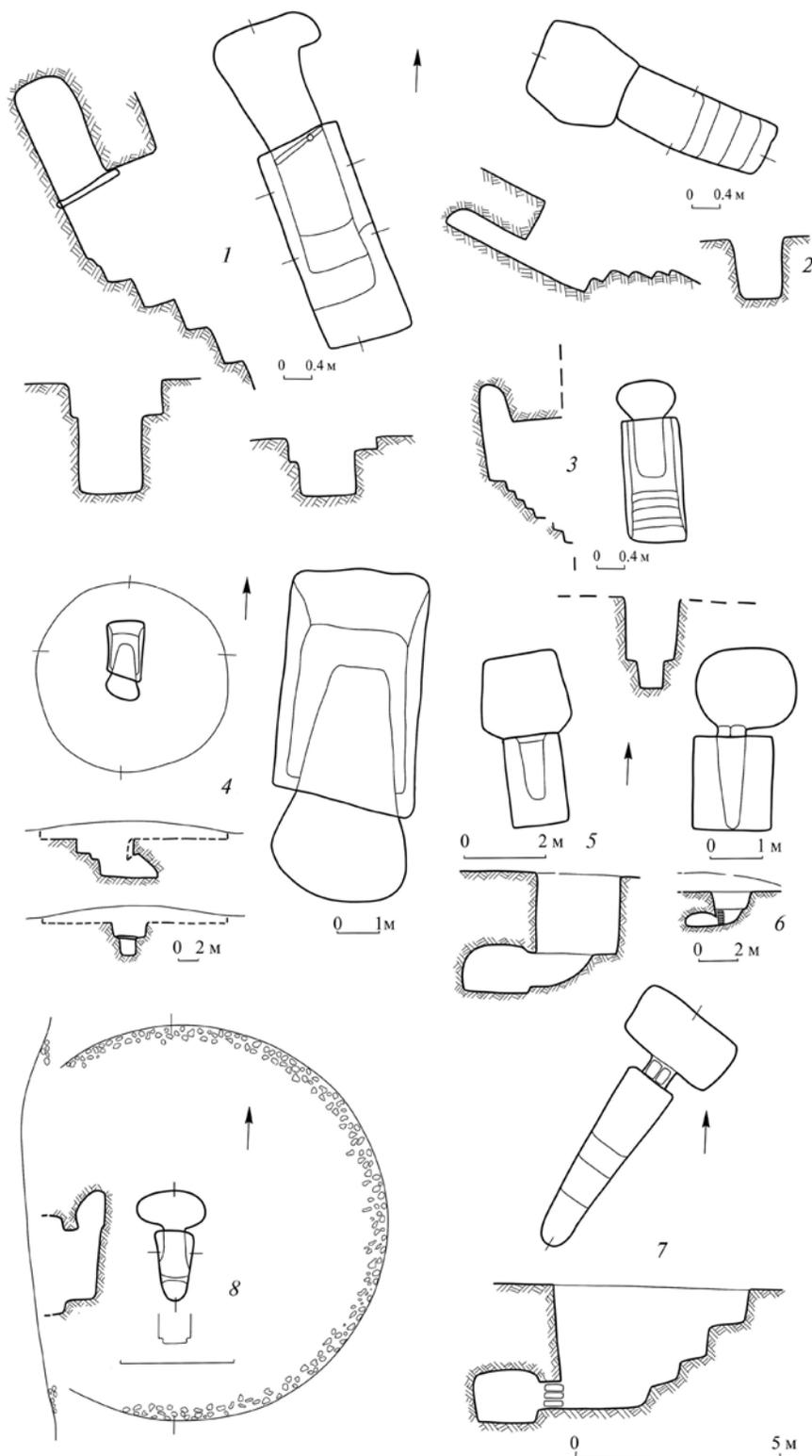

Рис. 4. Т-образные катакомбы Средней Сырдарьи и Тянь-Шаня: 1 – Шаушукумский могильник, кург. 50, катакомба 1 (по: Максимова и др., 1968. Рис. 11); 2 – Шаушукумский могильник, кург. 50, катакомба 2 (по: Максимова и др., 1968. Рис. 11); 3 – Шаушукумский могильник, кург. 56 (по: Максимова и др., 1968. Рис. 12, 1–3); 4 – могильник Жаман-Тогай, кург. 9 (по: Максимова и др., 1968. Рис. 2, 1–4); 5 – могильник Кылышжар, кург. 4 (по: Подушкин, 2007. Табл. 4); 6 – могильник Каратобе, кург. 3 (по: Подушкин, 2000. С. 54); 7 – могильник Кылышжар, кург. 10 (по: Подушкин, 2010. Рис. 4); 8 – могильник Кум-Арык, кург. 33 (по: Кожомбердиев, 2012. Рис. 14).

Fig. 4. T-shaped catacombs of the middle reaches of the Syr-Darya and the Tien Shan

с манжетом в верхней части горла, декорированные потеками ангоба. А.Н. Подушкин относил их к I–IV вв. н.э. Но дата их может быть скорректирована. При раскопках городища Культобе³ в одном из помещений между нижним и следующим полом получен керамический комплекс, в который входили как лепные (рис. 5, 5–10), так и станковые сосуды (рис. 5, 1–4). Лепные сосуды в целом характерны для керамики раннего этапа оттарско-каратауской культуры, среди станковых сосудов выделяются два кувшина с манжетами в верхней части горла, покрытые потеками ангоба (рис. 5, 1, 2), аналогичные сосудам из катакомб могильника Борижар (Ержигитова, 2009. Рис. 2, 5, 9, 10) и других некрополей по Арыси (Подушкин, 2000. Развертка № 72; 74; 75; 92; 93). Под нижним полом в этом помещении

³ Раскопки городища Культобе проводились Туркестанской археологической экспедицией ИА НАНК им. А.Х. Маргулана под руководством Е.А. Смагулова. В работах 2011–2014 гг. принимали участие сотрудники Тянь-Шаньской экспедиции Государственного Эрмитажа А.И. Торгоев и А.В. Кулиш.

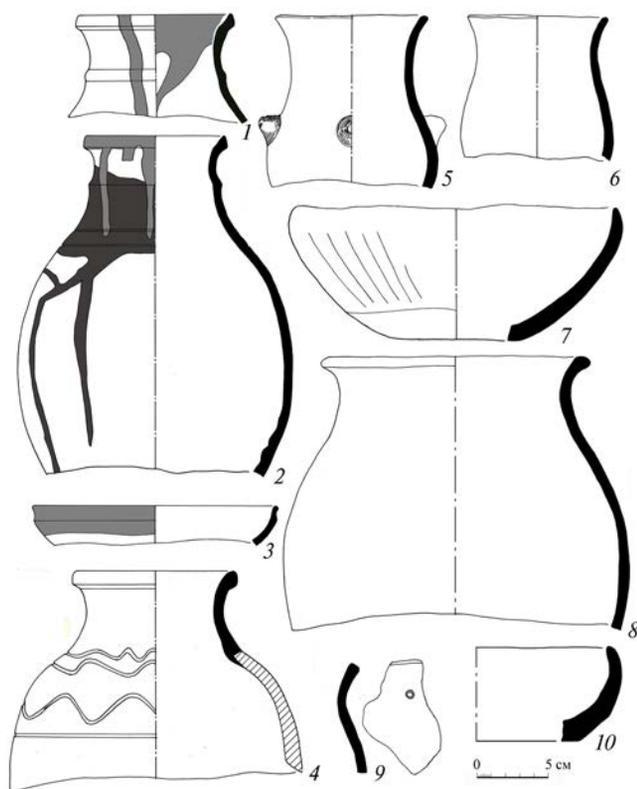

Рис. 5. Керамика из заполнения между полами помещения 13 замка, пристроенного к крестовидной постройке на городище Культобе Туркестанское. Рисунки А.И. Торгоева.

Fig. 5. Pottery from the layer discovered between the floors of construction 13 of the fortress, built on the cross-shaped construction on the site Kultobe of Turkestan

была найдена медная монета кушанского царя Хувишки (Смагулов и др., 2016. С. 528) (рис. 6), определяющая *terminus post quem* данного комплекса. Монета относится к третьему иконографическому типу по Е.В. Зеймалю (1983. С. 209). Правление Хувишки, исходя из установленной в настоящее время начальной даты правления Канишки (128/129 г.н.э.), оценивается от 153 до 191 г.н.э. (Маршак, Грене, 2010. С. 154). Данная находка через датировку кувшинов с манжетами в верхней части горла дает один из реперов для хронологической оценки серии катакомб.

В Т-образных катакомбах Средней Сырдарьи известны три фибулы, встреченные только в памятниках данного района. В погр. 7 могильника Культобе восточной группы найдена одночленная лучковая фибула 15-I вар. 4 (Подушкин, 2016. Рис. 4, 7), датируемая в рамках второй половины II – первой половины III в. н.э. (Амброз, 1966. С. 50, 51; Кропотов, 2010. С. 80). С ней находился кувшин с манжетом на венчике, что дает основание для его датировки.

В катакомбе 18 того же могильника найдена двучленная серебряная фибула с ромбической спинкой (рис. 7, 1). А.Н. Подушкин (2006. С. 228) датировал комплекс широко, в рамках I в. до н.э. – IV в.н.э.; позже, на основании попытки анализа этой фибулы, он сузил датировку до конца I – II в. н.э. (Подушкин, 2014. С. 126). Фибула из этого комплекса – гибридная и не имеет прямых аналогий. Она морфологически напоминает, с одной стороны, сильно профилированные застежки с крючком для тетивы и широкой ромбической спинкой гр. II вар. I-3 (Ам-

Рис. 6. Медная монета Хувишки из-под нижнего пола помещения 13 замка, пристроенного к крестовидной постройке на городище Культобе Туркестанское. Фото А.В. Кулиша.

Fig. 6. Copper of Chuvishka originated from the bottom of construction 13 of the fortress, built on the cross-shaped construction on the site Kultobe of Turkestan

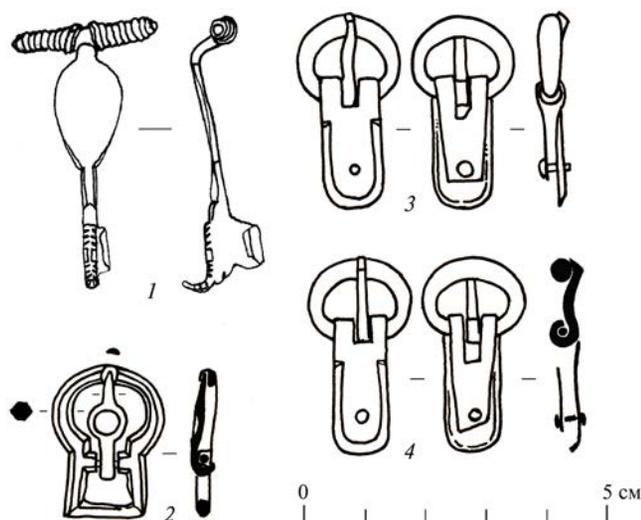

Рис. 7. Датированные предметы из Т-образных катакомб Средней Сырдарьи и Тянь-Шаня: 1 – серебряная фибула из кург. 18 могильника Культобе; 2 – бронзовая пряжка из катакомбы 5 Борижарского могильника; 3, 4 – бронзовые пряжки из кург. 55 могильника Кенкол. Рисунки А.И. Торгоева.

Fig. 7. Dating finds from the T-shaped catacombs of the middle reaches of the Syr-Darya and the Tien Shan

бронз, 1966. С. 41), с другой, – по наличию завитка на конце приемника, сближается с одночленными пружинными фибулами гр. 13 вар. 8 (Амброз, 1966. С. 46) с коленчато изогнутой ромбической спинкой. Датировка первых может определяться в рамках первой половины III в. н.э. (Габуев, Малашев, 2009. С. 134), вторых – серединой – второй половиной этого столетия (Малашев, Яблонский, 2008. С. 62). Для оценки хронологии значима также орнаментальная композиция на ножке и завитке (рис. 7, 1): нарезки и узкие надпилы напоминают схему украшения накладок мазунинского типа, появление которых относится ко времени не ранее III в. н.э., скорее ближе к его середине (Малашев, Яблонский, 2008. С. 53–55; Голдина, Красноперов, 2012. С. 25). Нехарактерный для Средней Азии прием орнаментации может свидетельствовать о том, что фибула могла быть изготовлена в Приуралье, то есть дата фибулы может рассматриваться в рамках III в. н.э., скорее, не ранее середины.

Фибула типа *Aucissa* (Литвинский, 1973. Табл. 18, 2, 3) происходит из кург. 7 могильника Джун – самой ранней датированной катакомбы в регионе. Подобные застежки появляются не ранее финала I в. до н.э., период наибольшего распространения относится к I в. н.э., они встречаются вплоть до середины III в. н.э. включительно (Амброз, 1966. С. 26, 27; Литвинский, 1967. С. 31, 32;

Скрипкин, 1977. С. 116, 117; Труфанов, 2009. С. 217; Кропотов, 2010. С. 273); по мнению В.В. Кропотова, их датировка в памятниках Восточной Европы рассматривается как вторая половина I – начало II в. н.э. (2010. С. 273, 332. Рис. 98а). Учитывая отдаленность находки от основных территорий распространения, можно допускать для данного комплекса дату и позднее I в. н.э. Не ранее I в. н.э. датируется зеркало из этого комплекса типа VIII по А.М. Хазанову (Скрипкин, 1990. С. 152, 172). Что касается костяного навершия гребня, то подобная находка происходит из уже анализированного комплекса I в. н.э. из Кок-тепа.

Более поздние даты дает подбор аналогий многочисленным пряжкам из цветных металлов. В катакомбе 5 могильника Борижар (Байпаков и др., 2005. С. 92, 93. Рис. 2.20, 1–9, 11) была найдена бронзовая пряжка с фигурной рамкой; язычок имел округлое расширение в средней части с неглубокой выемкой (рис. 7, 2). Морфологически она сходна с позднеримскими ременными застежками, представителем или дериватом которых и является. Подобные пряжки с укороченной задней частью рамки находят серию аналогий от Венгрии до Нижнего Дона и характерны для комплексов второй половины II – первой половины III в. н.э. (Вадаи, Кульчар, 1984. С. 248, 256; Малашев, 2000. Рис. 3Б, 2, 3; 5А, 3. С. 208; Труфанов, 2009. С. 218). Учитывая наличие фасетировки, ее датировка может рассматриваться как первая половина III в. н.э.

Типологически (и хронологически) близка борижарской застежке серебряная пряжка с фигурной раненой рамкой из Т-образной катакомбы кург. 10 могильника Кылышжар (Подушкин, 2010. Рис. 4, 5); ее отличает наличие круглых дисков с выемкой в центре, расположенных при переходе от передней к задней части рамки. В комплексе, помимо пряжки, находился железный кинжал с кольцевым навершием, которые встречаются вплоть до первой половины III в. н.э. (Габуев, Малашев, 2009. С. 129, 130). Пряжка может являться дериватом провинциально римских образцов с датировкой первой половиной III в. н.э.

На Арыси крайне немногочисленны комплексы из Т-образных катакомб, которые имеют тенденцию к датировке временем ранее II в. н.э. Из примеров следует привести комплекс катакомбы 7 восточной группы курганов могильника Культобе Т-образной формы с длинной входной ямой без дромоса и одиночным погребением, ориентированным головой на восток (Подушкин,

2016. Рис. 2, 3). В инвентаре находились длинный меч, кинжал, несколько наконечников стрел, обломки накладок на лук, кубическая курильница, керамический сосуд и костяная ложечковидная подвеска. Автор раскопок, основываясь на ранних аналогиях вещам, прежде всего ложечковидной подвеске, датировал погребение в рамках I в. до н.э. — II в. н.э. Меч имеет железное перекрестие, сломанное под тупым углом, образующим треугольный выступ. Мечи с таким перекрестием рассмотрены В.Е. Масловым (1999. С. 221), относящим их бытование в степных комплексах к I — началу II в. н.э. К упомянутой сводке можно добавить еще один меч из погребения второй половины I в. н.э. у с. Весняне (Симоненко, 2010. Рис. 27, 1). Оно, видимо, синхронно погребению в катакомбе типа II кург. 3 могильника Культобе, которое по инвентарю в свою очередь синхронизируется с кург. 2 могильника Орлат⁴.

Таким образом, для Средней Сырдарьи, как и для Согда, катакомбы типа II предшествуют катакомбам типа I (Т-образным). Как и в Согде, ранние Т-образные катакомбы Сырдарьи (Чардара) и Арыси имеют заплечики внизу входной ямы (Максимова и др., 1968. Рис. 9) (рис. 4, 1, 3, 5, 6). В могильнике Шаушукум исследованы катакомбы со ступеньками и заплечиками внизу входной ямы, схожие с катакомбами Самаркандского Согда (Максимова и др., 1968. Рис. 11; 12). Есть переходные типы катакомб — кург. 9 могильника Жаман-Тогай (Максимова и др., 1968. Рис. 2, 1–4; Табл. I). Правда, из-за ограбления неясно положение погребенного, но ступенчатая входная яма с заплечиками (рис. 4, 4), небольшая камера и наличие бронзового котла в инвентаре напоминает погребение из Кок-тепа. Очевидно, катакомбы типов I и II в этом районе сосуществуют в первой половине II в. н.э.

С памятниками Сырдарьи связан вопрос хронологии могильника Кенкол и памятников кенкольского типа на Тянь-Шане⁵. Наиболее ранним в могильнике Кенкол следует считать кург. 55,

⁴ Верно сопоставляя комплекс из катакомбы 3 с комплексом из кург. 2 Орлат, А.Н. Подушкин датировал культобинскую катакомбу II–I вв. до н.э. (2012. С. 43). Однако здесь имеет место неверный посыл в датировке, так как рассматривались только ранние аналогии вещам, и делалась попытка связать комплекс с данными письменных источников о передвижениях сюнну (с. 43–46). На самом деле комплексы синхронны, а даты приводимых аналогий часто нуждаются в ревизии.

⁵ В данной статье не затрагиваются катакомбы Т-образной формы Ферганской долины из-за их сложности датировок и, главное, вследствие того, что этот тип памятников в Ферганской долине появляется с Тянь-Шаня и Средней Сырдарьи и не может быть ранее, чем в указанных районах.

в камере которого были найдены две бронзовые пряжки (Таласская долина, 1949. С. 23) с округлой рамкой, прогнутым в средней язычком и прямоугольным фасетированным щитком со скругленной задней частью (рис. 7, 3, 4). Они близки пряжкам П4, которые в целом можно датировать в рамках первой половины — середины III в. н.э. (Малашев, 2000. Рис. 2. С. 208, 209). Территориально наиболее близкая им аналогия происходит из кург. 110 могильника Шаушукум (Максимова и др., 1968. Табл. XVII, 8). В инвентаре кург. 55, помимо пряжек, сохранился горшок с ушками для подвешивания (Бернштам, 1940. Табл. XIV, вверху). Горшок с ушками имеет аналогии в инвентаре катакомбы 15 могильника Тулебай-тобе II (Подушкин, 2000. С. 100, 101), который по инвентарю не может быть датирован ранее II — III в. н.э. Таким образом, могильник Кенкол, вряд ли имеет основания для датировки ранее III в. н.э., а основное количество катакомб датируется в рамках III–V вв. н.э.

На Тянь-Шане Т-образные катакомбы появляются позже, чем на Сырдарье, катакомбы типа II там пока неизвестны. При разборе признаков ранних катакомб в Согде и на Средней Сырдарье, уже был отмечен такой признак, как заплечики в нижней части входной ямы. На Тянь-Шане подобные катакомбы известны, но крайне мало численны. Одна катакомба с такой конструкцией входной ямы была изучена в кург. 33 могильника Кум-Арык (Чуйская долина) (Кожомбердиев, 2012. С. 75. Рис. 14) (рис. 7, 8). Инвентарь, в частности золотая крестовидная накладка с каплевидными кастами, оконтуренными зернью (Кожомбердиев, 2012. Рис. 10, 1; Алымова и др., 2008. С. 27), дает основание датировать это погребение временем не ранее II — III вв. н.э. На Тянь-Шане катакомбы Т-образной формы продолжают существовать в V — середине VI в. н.э. (Кожомбердиев, 1977. С. 224; Алымова и др., 2008. С. 27–30) и даже использоваться в VII в. н.э. (Торгоев, 2004. С. 91).

В Средней Азии, как и на Кавказе, Т-образные катакомбы, имеют самостоятельную линию развития. Среднеазиатские камерные могилы типа I, скорее всего, происходят от катакомб типа II, привносятся в Среднюю Азию из степных районов (южноуральские степи) не ранее рубежа III–II вв. до н.э. и не имеют местного происхождения. Катакомбы типа I (Т-образные) меняют тип II в I–II вв. н.э. и продолжают существовать вплоть до VII в. н.э.

Приведенные характеристики показывают, что при формальном типологическом сходстве

Таблица. Отличия ранних среднеазиатских катакомб типа I от синхронных северокавказских катакомб

Table. The early Central Asian catacombs of type I and North Caucasian catacombs of the same period: the differences

Общие данные	Северный Кавказ	Средняя Азия
Характеристика могильников	Курганные и безкурганные. Монокультурные некрополи городищ. Подкурганные никогда не бывают впускными и всегда под индивидуальной насыпью	Курганные и безкурганные. Самостоятельных могильников не образуют: входят в состав некрополей со смешанным погребальным обрядом. Встречаются впускные в более ранние курганы и поселения
Пропорции входной ямы (длина/ширина)	Не превышает 2:1	Почти всегда более 2:1
Конструкции входной ямы	Ступеньки угловые, отсутствие заплечиков	Ступеньки по всей ширине входной ямы. Наличие заплечиков в придонной части входной ямы
Положение погребенного	Вытянуто на спине, скорченно на боку, на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями	Вытянуто на спине
Ориентировка	Преимущественно широтная, но встречается меридиональная. Устойчива в рамках лишь отдельного могильника	Преобладает ориентировка в восточный сектор, изредка – в западный
Курильницы	Отсутствуют	Часто
Кости животных в камере	Отсутствуют	Часто

различия значимы, и они свидетельствуют о том, что среднеазиатские катакомбы вряд ли могли быть исходными для северокавказских (см. табл.). Предпочтительнее выглядит гипотеза о формировании катакомб аланской культуры на местной основе, тем более что эта линия хорошо прослеживается. Мешает также принять точку зрения о среднеазиатском генезисе погребальных сооружений аланской культуры и полное отсутствие Т-образных катакомб на территории степи от Средней Сырдарьи и Согда до Северного Кавказа в последних веках до н.э. – II в. н.э., т.е. времени, предшествующего формированию аланской культуры и синхронного ее ранней части.

Заметим также, что в районе Нижнего Дона и Приазовья, где алан фиксирует Иосиф Флавий во второй половине I в. н.э., полностью отсутствуют подкурганные Т-образные катакомбы в составе могильников среднесарматской культуры⁶. При этом роль носителей среднесарматской культуры в сложении аланской культуры Северного Кавказа подтверждается соответствием по двум признакам, отражающим близость идеологических представлений, имеющих диагностическое значение и свидетельствующих об общих культурных корнях: наличие тайников, содержавших парадные уздечные набо-

⁶ Наличие Т-образных катакомб в некрополях меотской культуры Нижнего Дона не имеет отношения к обсуждаемой проблеме в связи с их самостоятельным генезисом, восходящим к памятникам Прикубанья.

ры, и наличие изображений в зверином стиле на деталях сбруйных наборов, очень близких по репертуарному сходству ряда мотивов и образов изображениям в “сарматском зверином стиле” I – первой половины II в. н.э. (Малашев, 2016. С. 61, 166, 167). Другим компонентом в формировании аланской культуры являлось местное население Северного Кавказа III/II в. до н.э. – начала II в. н.э. (Малашев, 2016. С. 43, 44; 60, 61), которое было носителем традиции захоронения в Т-образных катакомбах. В этом случае отпадает необходимость выискивать и среднеазиатские корни происхождения Т-образных катакомб аланской культуры, и происхождение алан из среды носителей катакомбного обряда на территории Средней Азии.

Статья является развитием и дополнением доклада, прочитанного на Международной научной конференции “Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации” – XXVII Крупновские чтения (Махачкала, 23–27 апреля 2012).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П.* Катакомбные погребения IV–V вв. из Северной Осетии // СА. 1975. № 2. С. 213–233.
- Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: ИА РАН, 1993. 240 с.
- Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 1997. 165 с.

- Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в.н.э. М., 1966 (САИ; Вып. Д1–30). 142 с.
- Альмова А.К., Притеева Н.А., Шаршеналиева А.К.* Золото древнего Кыргызстана. Бишкек: Государственный исторический музей КР, 2008. 60 с.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.* Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: БАУР, 2005. 224 с.
- Бернштам А.Н.* Кенкольский могильник. Л.: Изд-во ГЭ, 1940. 34 с.
- Таласская долина / Отв. ред А.Н. Бернштам. Алма-Ата, 1949 (Тр. Семиреченской экспедиции: оригинал-макет текста). 225 с. Библиотека ИИМК РАН, PQ 1411.
- Вадаи А.Х., Кульчар В.* К вопросу о так называемых сарматских пряжках // Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae. Т. XXXVI. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984.
- Виноградов В.Б., Березин Я.Б.* Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в.н.э. // Античность и варварский мир / Отв. ред. А.В. Исаенко. Орджоникидзе: СОГУ, 1985. С. 43–63.
- Воронин К.В., Малашев В.Ю.* Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М.: ИА РАН, 2006. 152 с.
- Габуев Т.А.* Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время // РА. 1997. № 3. С. 71–82.
- Габуев Т.А.* Ранняя история алан. Владикавказ: Иростон, 1999. 148 с.
- Габуев Т.А.* Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Иростон, 2014. 148 с.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.
- Голдина Р.Д., Красноперов А.А.* Конструктивная и хронологическая классификация материалов Ныргындинского I могильника II–III вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в.н.э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Изд-во Удм.ГУ, 2012. С. 9–55.
- Ержигитова А.А.* Отчет об археологических исследованиях курганов Борижарского могильника в 2007–2008 годах // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе “Культурное наследие” в 2008 году. Алматы: Типография комплексы, 2009. С. 232–235.
- Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983. 344 с.
- Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н.* Раскопки кургана Сирлибай-тепе // ИМКУз. Вып. 22. Ташкент, 1988. С. 44–59.
- Исаков А.И.* Работы Косатарошского отряда в 1977 году // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XVII (1977 г.). Душанбе: Дониш, 1983. С. 210–224.
- Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2005. 398 с.
- Ковалевская В.Б.* От редактора // Малашев В.Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М.: ИА РАН, 2016. С. 5–7.
- Кожомбердиев И.К.* Материалы для археологической карты Кетмень-Тюбинской котловины // Кетмень-тубе. Фрунзе: Илим, 1977. С. 219–227.
- Кожомбердиев И.К.* Могильник Кум-Арык // Архивные материалы по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2012. С. 64–81.
- Кропотов В.В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
- Курбанов Ш.Ф.* Памятники античного периода верховьев Зеравшана. Душанбе: Ирфон, 2015. 208 с.
- Литвинский Б.А.* Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА. 1967. № 2. С. 29–37.
- Литвинский Б.А.* Украшения из могильников Западной Ферганы М.: Восточная литература, 1973 (Могильники Западной Ферганы; Т. 3). 211 с.
- Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. Алма-ата: Гылым, 1968. 264 с.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. 2000. Вып. 1. С. 194–232.
- Малашев В.Ю.* Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики: сб. ст. / Отв. ред. Н.Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 487–501.
- Малашев В.Ю.* Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным): Матер. семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III / Отв. ред А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 117–142.
- Малашев В.Ю.* Отчет об исследовании Бесланского могильника в Правобережном районе Республики северная Осетия-Алания в 2011 г. (в зоне строительства автомагистрали М-29 “Кавказ” на участке обхода г. Беслан) // Архив ИА РАН. 2012. Р-1. № 30168–30170.
- Малашев В.Ю.* Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в.н.э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с.
- Малашев В.Ю., Мамаев Х.М.* Алхан-Калинский могильник (материалы раскопок 1937–1938 гг.) // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказ / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный-Москва: ИА РАН-ИГИ, 2011. С. 237–279.

- Малашев В.Ю., Торгоев А.И.* Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: матер. Междунар. научн. конф. (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.) / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 206–209.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т.* Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.
- Маршак Б., Грене Ф.* (с дополнениями П. Бернара). Кушанская живопись на ткани // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии: сб. ст. в честь Поля Бернара. Самарканд: Noshirlik yog'dusi, 2010. С. 154–163.
- Маслов В.Е.* О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи: сб. / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.А. Башилов. М.: ИА РАН, 1999. С. 219–236.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю.* Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья: сб. ст. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 172–212.
- Нечаева Л.Г.* Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе: рукопись дис. ... канд. ист. наук. Л., 1956 // Архив ИА РАН. Р-2. № 1338.
- Нечаева Л.Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л.: ЛГУ, 1961. С. 151–159.
- Обельченко О.В.* Лявандакский могильник // ИМКУз. Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 97–176.
- Обельченко О.В.* Могильник Акджар-тепа // ИМКУз. Вып. 3. Ташкент, 1962. С. 57–70.
- Обельченко О.В.* Агалыксайские курганы // ИМКУз. Вып. 9. Ташкент, 1969. С. 56–72.
- Обельченко О.В.* Культура античного Согда. М.: Наука, 1992. 256 с.
- Подушкин А.Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан: Изд. центр МКТУ им. Ходжи Ахмета Яссави, 2000. 202 с.
- Подушкин А.Н.* Программа “Археологические и письменные памятники государства Канзюй (Кангюй) II в. до н.э. – VI в. н.э.”: динамика реализации и некоторые итоги // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар: НПФ “ЭКО”, 2006. С. 208–229.
- Подушкин А.Н.* Некоторые итоги археологического исследования могильника Кылышжар в 2006 году // Кадырбаевские чтения-2007. Актобе: ПринтА, 2007. С. 138–144.
- Подушкин А.Н.* Сарматы в Южном Казахстане // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 201–217.
- Подушкин А.Н.* К этнической истории государства Кангюй II в. до н.э. – I в.н.э. (по материалам могильников Орлат и Культобе) // Stratum plus. 2012. № 4. С. 31–51.
- Подушкин А.Н.* Комплекс катакомбы 18 могильника Культобе с фибулой сарматского типа // Нижне-волжский археологический вестник. Вып. 14. Волгоград: Издатель, 2014. С. 118–129.
- Подушкин А.Н.* Материалы могильника Культобе I в. до – II в. н.э.: о сарматах и сюнну в Южном Казахстане // Кадырбаевские чтения 2016 г. Актобе: ПринтА, 2016. С. 204–212.
- Рапэн К., Исамиддинов М., Хасанов М.* “Аристократическая” гробница кочевников на городище Коктепе близ Самарканда // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Т. II / Науч. и отв. ред. А.-П. Франкфор. Самарканд: МИЦАИ, 2014. С. 70–116.
- Симоненко А.В.* Сарматские всадники северного Причерноморья. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2010. 328 с.
- Скрипкин А.С.* Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 2. С. 100–120.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. 300 с.
- Смагулов Е.А., Закиров С., Ержигитова А.А.* Строительные материалы и архитектурные объекты цитадели древнего Туркестана // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 507–535.
- Смирнов К.Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1. С. 73–81.
- Торгоев А.И.* Геральдический пояс с Верхнего Таласа // Археологические вести. Вып. 10. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 88–91.
- Труфанов А.А.* Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // STRATUM plus. № 4: Полевой дневник: Римское время. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005–2009. С. 117–328.
- Ilyasov J., Rusanov D.* A study on the Bone Plates from Orlat // Silk road art and archaeology. V. 5 (1997/1998). Kamakura, 1998. P. 107–159.
- Rapin C., Isamiddinov M., Khasanov M.* La tombe d'une princesse nomade à Koktepe près de Samarkand // Comptes Rendus des Séances de l'année. Janvier; Marsel; Paris, 2001. P. 33–92.
- Vallée-Raewsky J.* Résultats préliminaires de la fouille des kourganes de Yangi-rabat et Akdzhar-tépé dans la région de Samarkand (Ouzbékistan) // L'archéologie Française en Asie Centrale: Nouvelles recherches et enjeux socio-culturels. Paris; Bichkek; Kaboul, 2013. P. 399–410.

T-SHAPED CATACOMBS OF THE SARMATIAN PERIOD IN THE NORTHERN CAUCASUS AND CENTRAL ASIA

V. Yu. Malashev^{1,*}, A.I. Torgeev^{2,**},

¹ Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

² State Hermitage, St. Petersburg, Russia

* E-mail: malashev@yandex.ru

** E-mail: torgoevasan@mail.ru

The article discusses burial structures in the form of a T-shaped catacomb being a critically important feature of the burial ceremony of the Alanian culture. The authors prove the genesis of the Alanian culture catacombs on the North Caucasian basis from the catacombs of the previous time (3rd/2nd century BC – the early 2nd century AD). Alanian burial structures are compared with the catacombs of Central Asia. Given the formal typological similarity, the differences are still significant indicating that the Central Asian catacombs could hardly have been the genetic basis for the North Caucasian ones. Both in Central Asia and in the Caucasus, T-shaped catacombs followed independent lines of their development. The absence of T-shaped catacombs in the steppe from the Middle Syr Darya and Sogdiana to the North Caucasus during the last centuries BC through to the 2nd century AD (the period preceding the Alanian culture formation and synchronous to its early stage) challenges the possibility of the migration of this tradition bearers from Central Asia to the Caucasus.

Keywords: Northern Caucasus, Central Asia, catacombs, Alanian culture, Sarmatian period.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1975. Catacomb burials of the 4th–5th centuries AD from North Ossetia. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 2, pp. 213–233. (In Russ.)
- Abramova M.P., 1993. Tsentral'noye Predkavkaz'ye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.) [The Central Ciscaucasus in the Sarmatian period (the 3rd century BC – the 4th century AD)]. Moscow: IA RAN. 240 p.
- Abramova M.P., 1997. Ranniye alany Severnogo Kavkaza [The early Alans of the North Caucasus]. Moscow: IA RAN. 165 p.
- Alymova A.K., Priteyeva N.A., Sharshenaliyeva A.K., 2008. Zoloto drevnego Kyrgyzstana [Gold of Ancient Kyrgyzstan]. Bishkek: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey Kyrgyzskoy Respubliki. 60 p.
- Ambroz A.K., 1966. Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR. II v. do n.e. – IV v. n.e. [Buckles of the south of the USSR's European part of the 2nd century BC – the 4th century AD]. Moscow. 142 p. (SAI, D1–30).
- Baypakov K.M., Smagulov E.A., Erzhigitova A.A., 2005. Rannesrednevekovyye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana [Early medieval necropoleis of South Kazakhstan]. Almaty: BAUR. 224 p.
- Bernshtam A.N., 1940. Kenkol'skiy mogil'nik [The Kenkol burial ground]. Leningrad: Izdatel'stvo GE. 34 p.
- Erzhigitova A.A., 2009. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh kurganov Borizharskogo mogil'nika v 2007–2008 godakh [Report on the archaeological investigations of the mounds of the Borizhar burial ground in 2007–2008]. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po Gosudarstvennoy programme "Kul'turnoye naslediyе" v 2008 godu [Report on archaeological research in the framework of the State programme "Cultural Heritage" in 2008]*. Almaty: Tipografiya kompleks, pp. 232–235.
- Gabuyev T.A., 1997. Some issues of the Central Ciscaucasia ethnic history during the Sarmatian Period. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 3, pp. 71–82. (In Russ.)
- Gabuyev T.A., 1999. Rannaya istoriya alan [Early history of the Alans]. Vladikavkaz: Iriston. 148 p.
- Gabuyev T.A., 2014. Alanskiye knyazheskiye kurgany V v. n.e. u sela Brut v Severnoy Osetii [Monuments of early alans of the central part regions of the North Caucasus]. Vladikavkaz: Iriston. 148 p.
- Gabuyev T.A., Malashev V. Yu., 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [The early Alan sites of the central regions of the North Caucasus]. Moscow: Taus. 468 p.
- Goldina R.D., Krasnoperov A.A., 2012. Constructive and chronological classification of materials from the Nyrgynda I burial ground of the 2nd – 3rd centuries. *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaya atributsiya [The Kama antiquities of the Iron Age (the 6th century BC – the 15th century AD): chronological attribution]*. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 9–55. (In Russ.)
- Ilyasov J., Rusanov D., 1998. A study on the Bone Plates from Orlat. *Silk road art and archaeology*, 5 (1997/1998). Kamakura, pp. 107–159.
- Isakov A.I., 1983. Activities of the Kosatarosh squad in 1977. *Arkheologicheskiye raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XVII (1977). Dushanbe: Donish, pp. 210–224.
- Ivanitskiy I.D., Inevatkina O.N., 1988. Excavations of the Sirlibaytepe mound. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana [History of the material culture of Uzbekistan]*, 22. Tashkent, pp. 44–59. (In Russ.)
- Kovalevskaya V.B., 2005. Kavkaz – skify, sarmaty, alany I tys. do n.e. – I tys. n.e. [The Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans of the 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow: IA RAN. 398 p.
- Kovalevskaya V.B., 2016. From the Editor. *Malashev V. Yu. Pamyatniki srednesarmatskoy kul'tury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e.*

- [Sites of the Middle Sarmatian culture of the North Caucasus steppes and their traditions in the burial mounds of the North-Eastern Caucasus of the second half of the 2nd – the middle 5th century AD]. Moscow: IA RAN, pp. 5–7. (In Russ.)
- Kozhombardiyev I.K., 1977. Materials for the archaeological map of Ketmen-Tyube basin. *Ketmen'-tyube [Ketmen-Tyube]*. Frunze: Ilim, pp. 219–227. (In Russ.)
- Kozhombardiyev I.K., 2012. The Kum-Aryk burial ground. *Arkhivnyye materialy po arkheologii Kyrgyzstana [Archival materials on the archaeology of Kyrgyzstan]*. Bishkek: Ilim, pp. 64–81. (In Russ.)
- Kropotov V.V., 2010. Fibuly sarmatskoy epokhi [Buckles of the Sarmatian Period]. Kiyev: ADEF-Ukraina. 384 p.
- Kurbanov Sh.F., 2015. Pamyatniki antichnogo perioda verkhov'yev Zeravshana [The ancient sites of the Zeravshan headwaters]. Dushanbe: Irfon. 208 p.
- Litvinskiy B.A., 1967. The Djun burial ground and some aspects of the Kangju issue. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 2, pp. 29–37. (In Russ.)
- Litvinskiy B.A., 1973. Ukrasheniya iz mogil'nikov Zapadnoy Fergany [Ornaments from the burial grounds of West Fergana]. Moscow: Vostochnaya literatura. 211 p. (Mogil'niki Zapadnoy Fergany, 3).
- Maksimova A.G., Mershchiyev M.S., Vaynberg B.I., Levina L.M., 1968. Drevnosti Chardary [Antiquities of Chardara]. Alma-Ata: Gylm. 264 p.
- Malashev V. Yu. Otchet ob issledovanii Beslanskogo mogil'nika v Pravoberezhnom rayone Respubliki severnaya Osetiya-Alaniya v 2011 g. (v zone stroitel'stva avtomagistrali M-29 "Kavkaz" na uchastke obkhoda g. Beslan) [Report on the investigations of the Beslan burial ground in Pravoberezhny district of the Republic of North Ossetia-Alania in 2011 (in the construction area of M-29 "Kavkaz" highway, Beslan bypass section)]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Scientific Archive of the Institute of Archaeology, RAS]*, 2012, R-1, № 30168–30170.
- Malashev V. Yu., 2000. Periodization of belt sets of the Late Sarmatian Period. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbors on the Don]*, 1. Rostov-na-Donu, pp. 194–232. (In Russ.)
- Malashev V. Yu., 2007. The cultural situation in the central regions of the North Caucasus in the 2nd – 4th centuries AD. *Tri chetverti veka. D.V. Deopiku – druz'ya i ucheniki: sbornik statey [Three quarters of a century. To D.V. Deopik – friends and students: collected articles]*. N.N. Bektimirova, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 487–501. (In Russ.)
- Malashev V. Yu., 2010. Central regions of the North Caucasus in the Late Sarmatian Period. *Stanovleniye i razvitiye pozdnesarmatskoy kul'tury (po arkheologicheskim i estvennonauchnym dannym): Materialy seminarov Tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov [The formation and development of the Late Sarmatian culture (according to archaeological and science data): Proceedings of the seminar of the Centre for the Sarmatian Historical and Cultural Studies]*, III. A.S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 117–142. (In Russ.)
- Malashev V. Yu., 2016. Pamyatniki srednesarmatskoy kul'tury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v.n.e. [Sites of the Middle Sarmatian culture of the North Caucasus steppes and their traditions in the burial mounds of the North-Eastern Caucasus of the second half of the 2nd – the middle 5th century AD]. Moscow: IA RAN. 208 p.
- Malashev V. Yu., Mamayev Kh.M., 2011. The Alkhan-Kala burial ground (excavation materials of 1937–1938). *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Kavkaz [Issues of ancient and medieval archaeology of the Caucasus]*. Kh.M. Mamayev, ed. Groznyy-Moscow: IA RAN: Institut gumanitarnykh issledovaniy, pp. 237–279. (In Russ.)
- Malashev V. Yu., Torgoyev A.I., 2012. T-shaped catacombs of the Sarmatian period of the North Caucasus and Central Asia. *Noveyshiye otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskiy chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Recent discoveries in archaeology of the North Caucasus: research and interpretation. XXVII Krupnov Readings: proceedings of the International Scientific Conference]*. M.S. Gadzhiev, ed. Makhachkala: Mavrayev", pp. 206–209. (In Russ.)
- Malashev V. Yu., Yablonskiy L.T., 2008. Stepnoye naseleeniye Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoye vremya [Steppe population of the Southern Urals in the Late Sarmatian Period]. Moscow: Vostochnaya literatura. 365 p.
- Marshak B., Grene F., Bernar P., 2010. Kushan painting on fabric. *Traditsii Vostoka i Zapada v antichnoy kul'ture Sredney Azii: sbornik statey v chest' Polya Bernara [Traditions of the Orient and the West in the ancient culture of Central Asia: collected articles to Paul Bernard]*. Samarkand: Noshirlik yog'dusi, pp. 154–163. (In Russ.)
- Maslov V.E., 1999. The dating of images on the belt plates from the Orlat burial ground. *Evrasiyskiye drevnosti. 100 let B.N. Grakovu: arkhivnyye materialy, publikatsii, stat'i: sbornik [Eurasian antiquities. The 100th anniversary of B.N. Grakov: archival materials, publications, articles: collection]*. A.I. Melyukova, M.G. Moshkova, V.A. Bashilov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 219–236. (In Russ.)
- Moshkova M.G., Malashev V. Yu., 1999. Chronology and typology of the Sarmatian catacomb burial structures. *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleza i srednevekov'ya: sbornik statey [The archaeology of the Volga-Ural region in the Early Iron and Middle Ages: collected articles]*. A.S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 172–212. (In Russ.)
- Nechayeva L.G., 1956. Mogil'nik Alkhan-Kala i katakombnyye pogrebeniya sarmatskogo vremeni v Nizhnem Povolzh'ye i na Severnom Kavkaze (Rukopis'): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk. Leningrad [The Alkhan-Kala burial ground and catacomb burials of the Sarmatian Period in the Lower Volga region and in the North Caucasus (Manuscript): a thesis for the Doctoral Degree in History]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Scientific Archive of the Institute of Archaeology, RAS]*, R-2, № 1338.
- Nechayeva L.G., 1961. To the ethnic attribution of undercut and catacomb burials of the Sarmatian Period in the

- Lower Volga region and in the North Caucasus. *Issledovaniya po arkheologii SSSR [Studies in the archaeology of the USSR]*. Leningrad: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 151–159. (In Russ.)
- Obel'chenko O.V., 1961. The Lyavandak burial ground. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana [History of the material culture of Uzbekistan]*, 2. Tashkent, pp. 97–176. (In Russ.)
- Obel'chenko O.V., 1962. The Akjar-tepa burial ground. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana [History of the material culture of Uzbekistan]*, 3. Tashkent, pp. 57–70. (In Russ.)
- Obel'chenko O.V., 1969. The Agalyksay burial mounds. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana [History of the material culture of Uzbekistan]*, 9. Tashkent, pp. 56–72. (In Russ.)
- Obel'chenko O.V., 1992. Kul'tura antichnogo Sogda [The culture of ancient Sogdiana]. Moscow: Nauka. 256 p.
- Podushkin A.N., 2000. Arysskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana IV v. do n.e. – VI v.n.e. [The Arys culture of Southern Kazakhstan of the 4th century BC – the 6th century AD]. Turkestan: Izdatel'skiy tsentr Mezhdunarodnogo kazakhsko-turetskogo universiteta imeni Khodzhi Akhmeta Yassavi. 202 p.
- Podushkin A.N., 2006. The Programme “Archaeological Sites and Written Monuments of the State of Kantszuj (Kangju) of the 2nd century BC – the 6th century AD”: the dynamics of implementation and some results. *Izucheniye pamyatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ya [Research on the archaeological sites of the Pavlodar Irtysh region]*, 2. Pavlodar: EKO, pp. 208–229. (In Russ.)
- Podushkin A.N., 2007. Some results of the archaeological research of the Kilyshjar burial ground in 2006. *Kadyrbayevskiy chteniya-2007 [Kadyrbaev readings – 2007]*. Aktobe: PrintA, pp. 138–144. (In Russ.)
- Podushkin A.N., 2010. Sarmatians in South Kazakhstan. *Drevniye kul'tury Evrazii: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.N. Bernshtama [Ancient cultures of Eurasia: Proceedings of the International Conference dedicated to the 100th anniversary of A.N. Bernshtam]*. St. Petersburg: Info-ol, pp. 201–217.
- Podushkin A.N., 2012. On the ethnic history of the state of Kangju of the 2nd century BC – the 1st century AD (based on the Orlat and Kultobe burial grounds). *Stratum plus*, 4/2012, pp. 31–51. (In Russ.)
- Podushkin A.N., 2014. Catacomb complex 18 of the Kultobe burial ground with a Sarmatian type buckle. *Nizhnevolskiy arkheologicheskiy vestnik [The Lower Volga Archaeological Bulletin]*, 14. Volgograd: Izdatel', pp. 118–129. (In Russ.)
- Podushkin A.N., 2016. Materials of the Kultobe I burial ground of the 1st BC – 2nd century AD: on the Sarmatians and Xiongnu in South Kazakhstan. *Kadyrbayevskiy chteniya 2016 g. [Kadyrbaev readings – 2016]*. Aktobe: PrintA, pp. 204–212. (In Russ.)
- Rapen K., Isamiddinov M., Khasanov M., 2014. “Aristocratic” grave of nomads in the Koktepe fortified settlement near Samarkand. *Arkheologiya i istoriya Tsentral'noy Azii v trudakh frantsuzskikh uchenykh [Archaeology and history of Central Asia in the works of French researchers]*, II. A. – P. Frankfor, ed. Samarkand: Mezhdunarodnyy Institut Tsentral'noaziatskikh issledovaniy, pp. 70–116. (In Russ.)
- Rapin C., Isamiddinov M., Khasanov M., 2001. La tombe d'une princesse nomade à Koktepe près de Samarkand. *Comptes Rendus des Séances de l'année*. Janvier; Marsel; Paris, pp. 33–92.
- Simonenko A.V., 2010. Sarmatskiye vsadniki severnogo Prichernomor'ya [Sarmatian horsemen of the northern Black Sea region]. St. Petersburg: Izdatel'stvo filologicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 328 p.
- Skripkin A.S., 1977. Buckles of the Lower Volga. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 2, pp. 100–120. (In Russ.)
- Skripkin A.S., 1990. Aziatskaya Sarmatiya [Asian Sarmatia]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 300 p.
- Smagulov E.A., Zakirov S., Erzhitova A.A., 2016. Construction materials and architectural objects of the ancient Turkestan ark. *Aktual'nyye problemy arkheologii Evrazii [Topical issues of the archaeology of Eurasia]*. Almaty: Institut arkheologii imeni A. Kh. Margulana, pp. 507–535. (In Russ.)
- Smirnov K.F., 1972. Sarmatian catacomb burials of the Southern Urals, the Volga region and their relationship to the catacombs of the North Caucasus. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1, pp. 73–81. (In Russ.)
- Talasskaya dolina [Talas Valley]. A.N. Bernshtam, ed. Alma-Ata, 1949. 225 c. (Trudy Semirechenskoy ekspeditsii: original-maket teksta). *Biblioteka Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk [Collection of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]*. PQ 1411.
- Torgoyev A.I., 2005. Heraldic belt from Upper Talas. *Arkheologicheskiye vesti [Archaeological Chronicles]*, 10. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 88–91. (In Russ.)
- Trufanov A.A., 2009. Chronology of the burial grounds of the Piedmont Crimea in the 1st century BC – 3rd century AD. *Stratum plus*, 4/2005–2009, pp. 117–328. (In Russ.)
- Vadai A. Kh., Kul'char V., 1984. To the issue of so-called Sarmatian buckles. *Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae*. T. XXXVI. Budapest: Akadémiai Kiadó. (In Russ.)
- Vallée-Raewsky J., 2013. Résultats préliminaires de la fouille des kourganes de Yangi-rabat et Akdzhar-tépé dans la région de Samarkand (Ouzbékistan). *L'archéologie Française en Asie Centrale: Nouvelles recherches et enjeux socioculturels*. Paris; Bichkek; Kaboul, pp. 399–410.
- Vinogradov V.B., Berezin Ya.B., 1985. Catacomb burials and their carriers in the Central Ciscaucasia in the 3rd century BC – the 4th century AD. *Antichnost' i varvarskiy mir [Antiquity and the barbarian world]*. A.V. Isayenko, ed. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 43–63. (In Russ.)
- Voronin K.V., Malashev V. Yu., 2006. Pogrebal'nyye pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka ravninnoy zony Respubliki Ingushetiya [Burial sites of the Bronze and Early Iron Age of the Republic of Ingushetia plain zone]. Moscow: IA RAN. 152 p.
- Zeymal' E.V., 1983. Drevniye monety Tadzhikistana [Ancient coins of Tajikistan]. Dushanbe: Donish. 344 p.

КЕРАМИКА ГОРОДИЩ ТУШЕМЛЯ И БАНЦЕРОВЩИНА: К ВОПРОСУ О ТУШЕМЛИНСКО-БАНЦЕРОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2018 г. Н.В. Лопатин

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: n.lopatin@gmail.com

Поступила в редакцию 22.05.2018 г.

В статье сравниваются наборы керамики двух эталонных памятников, от названий которых образованы наименования археологических культур третьей четверти I тыс. н.э. в лесной зоне Поднепровья — городищ Банцеровщина и Тушемля (верхние горизонты культурного слоя). Большинство исследователей считает культуры типа Банцеровщины и Тушемли родственными или объединяет их вместе. Сопоставление наборов керамики показывает, что на фоне самого общего сходства хорошо заметны их отличительные черты. Массовые типы 4 и 8 (с широким верхним краем), хотя и присутствуют на обоих памятниках, но представлены главным образом разными вариантами. Формы с более узким (относительно тулова) краем характерны только для Банцеровщины (типы 1б, 3б, 7). Яйцевидные сосуды типа 6 с выглаженной поверхностью являются особенностью комплекса Тушемли. Сосуды с ребром немногочисленны на обоих памятниках. Индивидуальными формами представлены миски и несколько маломерных сосудов.

Ключевые слова: Верхнее Поднепровье, лесная зона, I тысячелетие н.э., культурные группы, Тушемля, Банцеровщина, лепная керамика.

DOI: 10.31857/S086960630003388-5

Согласно сложившейся во второй половине XX в. археологической карте для периода третьей четверти I тыс. н.э., Верхнее Поднепровье и Подвинье, а также средняя Белоруссия заняты относительно однородными древностями “типа Тушемля-Банцеровщина”, именуемыми по названиям двух эталонных памятников на востоке и западе ареала. Комплексы верхних горизонтов этих городищ впервые определил как “ближайшие аналоги” П.Н. Третьяков при публикации раскопанного им в 1955–1957 гг. городища Тушемля (Третьяков, 1963. С. 30)

Задача выявления среди древностей второй и третьей четв. I тыс. н.э. лесной зоны Поднепровья мелких территориальных и хронологических групп осознавалась в науке как актуальная уже более 40 лет назад (Щукин, 1975. С. 68); подчеркивалась ее актуальность и позднее (Обломский, 1996. С. 103). Однако и по сей день разделение даже таких крупных общностей, как тушемлинская (тушемлинско-банцеровская) и колочинская культуры, остается противоречивым и декларативным (см.: Лопатин, 2017б). Древности типа Тушемля-Банцеровщина трактуются либо как единая культура (Митрофанов,

1978. С. 123; Горюнов, 1981. С. 47; Седов, 1982. С. 34), либо как две родственные (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 32; Исланова, 2014. С. 28). Впрочем, большого значения этой альтернативе никто из авторов, кажется, не придает, и зачастую “объединительная” и “разделительная” терминологии используются фактически как равнозначные (ср.: Казанский, 2014. С. 80; 2016. С. 195, 207). В ряде случаев исследователи ограничиваются той или иной частью ареала (как правило, в современных пределах России или Белоруссии), также не уделяя серьезного внимания проблеме соотношения рассматриваемой отдельно части с соседними группами (Шмидт, 2003; Шадыра, 1999). Для обозначения культурных групп как правило используются термины, образованные от одного из названий памятников — “тушемлинская культура” (в России) и “банцеровская культура” (в Белоруссии).

При рассмотрении современного состояния проблемы соотношения тушемлинской и колочинской культур был сделан вывод о том, что основным источником для ее разработки остается массовый керамический материал, который до сих пор, по сути дела, полноценно не задейство-

ван ни в одном исследовании (Лопатин, 2017б. С. 65). В данной статье обратимся к сопоставлению двух ключевых керамических комплексов, происходящих с указанных памятников, давших названия культурным группам.

Коллекция городища Банцеровщина, исследованного раскопками С.А. Дубинского в 1926–1928 гг., имела сложную судьбу, но частично сохранилась в депаспортизованном виде и ныне находится в трех музейных собраниях Минска. Она уже публиковалась в том или ином объеме археологами разных поколений (Дубинский, 1927, 1928; Лявданский, 1932; Митрофанов, 1967, 1978; Лопатин, 1993). Материалы раскопок П.Н. Третьякова на городище Тушемля хранятся в Смоленском государственном музее-заповеднике. Публиковались автором раскопок (Третьяков, 1963) и мною (Лопатин, 1995; Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 99 и др.). Общепринятая дата верхнего слоя Банцеровщины – VI–VIII вв. (Митрофанов, 1967. С. 261). Верхний слой Тушемли традиционно датируется этим же временем, однако ряд исследователей, вслед за П.Н. Третьяковым, относил его к позднему рубежу данного периода. В настоящее время, по рассмотрении оснований этой точки зрения, мне представляется более вероятной, наоборот, его ранняя дата – середина I тыс. н.э. (см.: Лопатин, 2017а. С. 150–152).

Остановимся прежде всего на характеристике коллекций. Несмотря на депаспортизованность, керамические материалы Банцеровщины хорошо идентифицированы в целом как происходящие из верхнего горизонта памятника; они морфологически легко отделяются от материалов культуры штрихованной керамики, относящихся к нижнему горизонту того же городища. Всего для публикации удалось привлечь 53 крупных фрагмента (некоторые – предположительно от одних и тех же экземпляров), позволяющих сделать графическую реконструкцию верхней части сосуда (Лопатин, 1993. С. 88). В их числе 8 целых форм (рис. 1, 2, 3, 5, 8), которые не репрезентативны для характеристики всей коллекции, поскольку некоторые из них являются редкими, а ряд наиболее массовых типов целыми сосудами не представлен. Значительная часть коллекции, очевидно, утрачена, поскольку первоначально в ней было 20 целых сосудов верхнего горизонта и до 13 тысяч фрагментов всех периодов (Митрофанов, 1967. С. 249).

Верхний горизонт Тушемли известен серией целых сосудов, находившихся в нескольких помещениях покинутой кольцевой постройки,

которая позднее сгорела. Сосуды были реставрированы и выборочно (10 экз.) опубликованы в виде фото (Третьяков, 1963. С. 69). Более полная подборка фотоснимков сохранилась в отчетной документации в Архиве ИИМК РАН. В фондах Смоленского музея большинство сосудов на момент моей работы с коллекцией хранилось в разбитом виде, но, как оказалось, без серьезных утрат. Практически все сосуды (в количестве 19) удалось подобрать из фрагментов и графически реконструировать (рис. 1, 4, 6, 7, 10, 11). Попутно выяснилось, что в коллекции имеется также керамика верхнего горизонта, оставшаяся за пределами публикации. Это корчага с ребром (рис. 1, 4) и небольшая серия фрагментов венчиков (о них ниже), не имеющих отношения к нижнему и среднему горизонтам памятника (соответственно днепровско-двинской культуры и “типа среднего слоя Тушемли”).

Типологические определения делались в соответствии с системой, разработанной мною в диссертации 2000 г. и наиболее полно опубликованной в совместной монографии (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 30–48). Эта схема, в свою очередь, разрабатывалась на основе типологии из свода памятников киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992. С. 46), исправленной и дополненной с целью наиболее адекватно и полно охватить материалы более широкого территориального и хронологического диапазона (включая Верхнее Поднепровье и Подвинье, по третью четверть I тыс. н.э. включительно). Однако период третьей четверти I тыс. был в той работе периферийным. Теперь, при специальном изучении керамики Банцеровщины и Тушемли, сделаны два дополнения: типы 3 и 8 разделены каждый на два варианта. Не будем останавливаться на подробном описании каждого типа (обозначены цифрами) и варианта (буквы), а укажем на их различия при характеристике коллекций.

Типология разрабатывалась на основе целых форм сосудов, но для достижения корректности сравнения преобладающих численно фрагментов керамики применяется ее модификация, в которой все формы усечены до верхних частей определенного размера (рис. 2, 4). Всё последующее исследование проводится на основе верхних частей сосудов, и только для прояснения спорных вопросов обращаемся к некоторым целым формам. Эмпирически было выяснено, что типологические определения в большинстве случаев возможны для фрагментов, высота которых

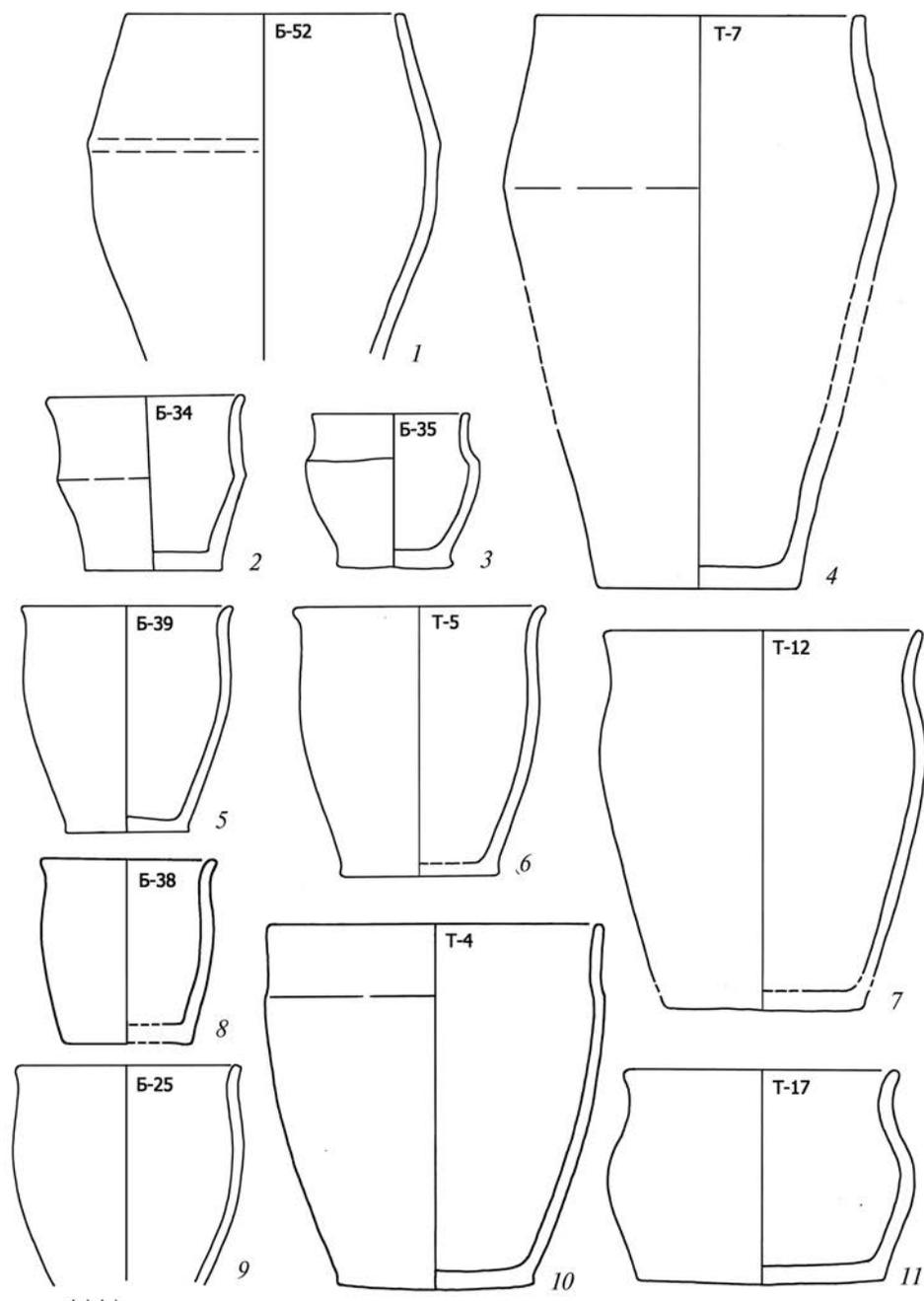

Рис. 1. Некоторые целые формы керамики из верхних горизонтов Банцеровщины (1–3, 5, 8, 9) и Тушемли (4, 6, 7, 10, 11).

Fig. 1. Some whole shapes of pottery from the upper horizons of Bantserovshchina (1–3, 5, 8, 9) and Tushemlya (4, 6, 7, 10, 11)

(от верхнего края) составляет 80% минимального радиуса верхней части сосуда (R_{min} , см. рис. 3). В коллекции Банцеровщины часть фрагментов не удовлетворяла данному критерию и здесь не учитывается. Те же экземпляры, которые незначительно меньше заданного минимума высоты и при этом типологически определимы, приводятся с указанием на уровень 80% в виде засечки, находящейся ниже профиля.

Всего в статье для сравнения удалось привлечь 41 экземпляр керамики Банцеровщины (в том числе не более 37 от разных типологически определимых сосудов и 2 – редких форм за пределами типологии) и 19 – Тушемли (из которых 2 принадлежат мискам, также за пределами типологии). Выборка на первый взгляд небольшая, однако она количественно вполне обычна для памятников изучаемого культурного круга и по-

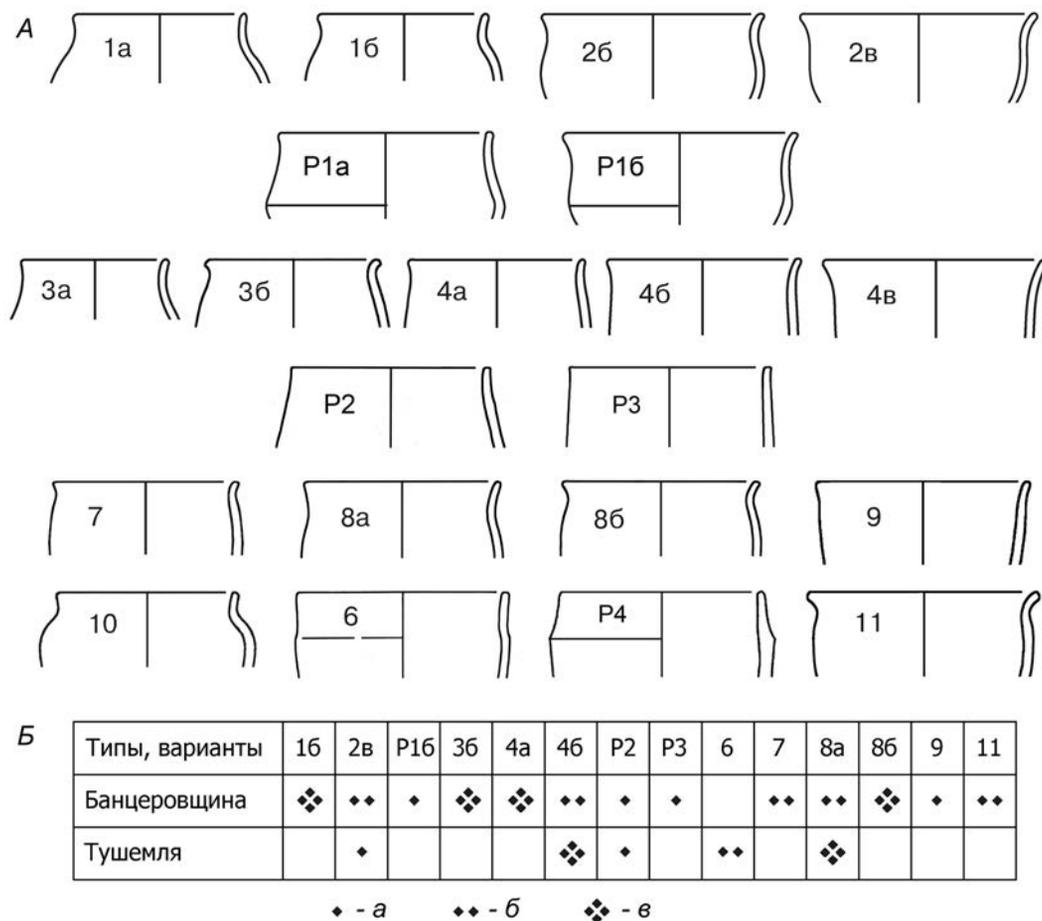

Рис. 2. Типология керамики второй – третьей четверти I тыс.н.э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье: А – типы и варианты керамики; Б – количественное соотношение типов и вариантов керамики в материалах Банцеровщины и Тушемля (а – 1 экз.; б – 2–4 экз.; в – 5 и более экз.).

Fig. 2. Typology of pottery of the second – third quarters of the 1st millennium AD in the Upper Dnieper and Dvina regions

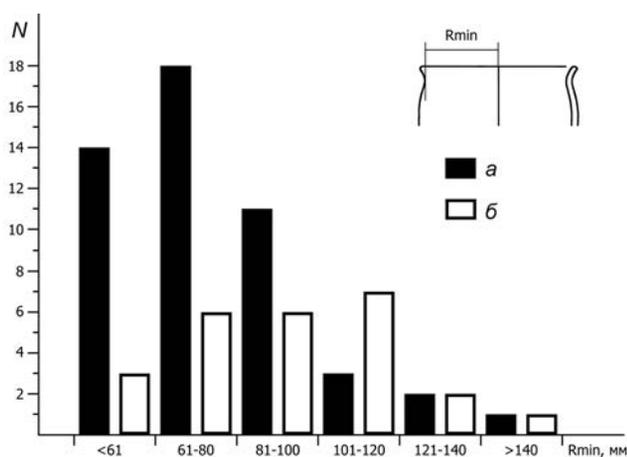

Рис. 3. Распределение размеров сосудов согласно признаку Rmin (а – Банцеровщина, б – Тушемля).

Fig. 3. Distribution of vessel sizes according to Rmin (а – Bantserovshchina, б – Tushemlya)

этому является тем источником, который расширить в большинстве случаев невозможно. Вся эта керамика представлена на рисунках (рис. 1, 4–8). Поскольку многие фрагменты очень сходны друг с другом, для индивидуализации на них указаны индексы согласно картотеке автора, они же упрощают сопоставление фрагментов с целыми формами тех же сосудов (рис. 1).

Обратимся сперва к основной массе керамики, профили которой имеют два плавных перегиба (в форме буквы S). Отдельные экземпляры отличаются друг от друга пропорциями элементов этой фигуры, степенью плавности/резкости, закрытости/открытости. Различия нарастают постепенно, и в целом эту совокупность керамики можно воспринимать как единое “облако форм” с наибольшими различиями на удаленных друг от друга краях. Сходным образом построена и типологическая таблица, в каждом горизонтальном

ряду которой собраны экземпляры с похожим абрисом тулова и плеча, а слева направо нарастает открытость форм. Резких границ между типами и вариантами зачастую нет, так что система имеет в большей мере служебный, технический смысл: она позволяет наметить локализацию того или иного комплекса, набора посуды в пределах единого “облака форм”.

Даже поверхностный взгляд на собранные материалы (рис. 4–8) приводит к выводу, что керамика Банцеровщины представлена более мелкими сосудами, формы которых при этом более закрытые (сужающиеся кверху)¹. Поскольку данных об объемах сосудов не много, продемонстрируем различия в размерах на примере распределения значений признака Rmin (рис. 3). Можно предположить, что в керамическом наборе Тушемли оказались отобранные сосуды определенных категорий (в первую очередь крупные сосуды для хранения), поскольку характер их расположения *in situ* в пределах помещений постройки последнего периода свидетельствует о том, что этот комплекс не связан с обычным поселенческим культурным слоем². Однако среди керамики Банцеровщины есть крупные экземпляры закрытых форм (рис. 6, 7, 13), и это говорит о том, что признак раскрытости/закрытости обусловлен главным образом не размерами и назначением горшков, а культурными традициями.

В наборе Тушемли особенно заметна группа из 13 сосудов, которая делится на два варианта — 4б (рис. 4, 1–6) и 8а (рис. 4, 7–13). Отгиб края у них сходный, диаметры по верху и по тулову близки друг другу, а верхняя часть тулова у первых имеет почти прямую стенку, близкую к вертикали, у вторых — слегка выпуклую и сужающуюся к шейке. К первым примыкает фрагмент “огромной корчаги” (Третьяков, 1963. С. 67), переходный к варианту 2в (рис. 5, 8), о котором речь будет ниже, а также фрагмент еще одного очень крупного, но сильно деформированного в огне сосуда (рис. 5, 7).

Приняв эти 13 сосудов за точку отсчета, выясним отличия наиболее массовой части набора

¹ Знак у правого верхнего края профиля сосуда на рис. 5–8 означает приблизительность установки фрагмента относительно вертикали.

² В том числе была открыта замечательная группа из 9 горшков в кв. 53 и 54, восемь из которых составляли пары: в больший сосуд вставлен меньший (рис. 4, 4 и 9; 5 и 8; 6 и 7; 10 и 11; 3). Вторая по численности группа — 4 горшка в кв. 109 (рис. 4, 1, 12, 13; 5, 1).

Банцеровщины. Здесь есть экземпляры, очень похожие на тушемлинские: к варианту 4б относятся 3 экз. (рис. 6, 21–23), а к 8а — два (рис. 7, 3, 4). Однако преобладают другие варианты тех же типов: 4а, отличающийся от 4б некоторой наклонностью стенок тулова (рис. 6, 14, 17–20), и 8б, который, в отличие от 8а, имеет более резкую профилировку верхней части (рис. 7, 5–10) и, таким образом, занимает переходное положение по отношению к типу 11, у которого эта профилировка еще более подчеркнута (рис. 7, 11).

Некоторые фрагменты одного и того же сосуда тяготеют к разным типам и вариантам (напр., рис. 6, 14 и 15), что является обычным явлением для раннесредневековой лепной керамики лесной зоны. Так, второй фрагмент (рис. 7, 12) вышеупомянутого сосуда типа 11 занимает положение, переходное между типами 11 и 2в. К последнему по формальным признакам (вертикальные стенки тулова, имеющие внизу заметный закругленный перегиб к сужению) относятся еще два экземпляра (рис. 7, 1, 2). Из них один, очень крупный, выделяется тонкими стенками и выглаженной поверхностью (рис. 7, 2). Все экземпляры варианта 2в — и с Тушемли (выше), и с Банцеровщины — отличаются от классического прототипа этой формы, выделенной по материалам киевской культуры, пониженным расположением перегиба тулова, что делает их переходными к типу 4 (вариантов б и в). Есть в коллекции и единичный экземпляр типа 9 (рис. 7, 13), определяемого по сужающимся книзу стенкам, без какой-либо шейки.

В материалах Банцеровщины многочисленны формы, сужающиеся к краю. Варианты 1б (рис. 6, 3, 5–8, 15) и 7 (рис. 6, 1, 2, 4), имеющие закругление траектории стенки тулова, различаются степенью его выпуклости (более сильная у 1б). У варианта 3б тулово расширяется книзу прямолинейно (рис. 6, 9–13). Границы между перечисленными тремя таксонами размыты, как и между рядом других.

Небольшой серией среди сосудов из комплекса сгоревшей круговой постройки Тушемли представлены сосуды типа б, которые можно назвать яйцевидными — с выпуклым нерасчлененным туловом и оформлением верха в двух вариантах — с загнутым внутрь краем или прямым, отделенным от тулова легким уступом (рис. 1, 10; 5, 1–3). Дополнительный их общий признак — лощеная или выглаженная поверхность. В единственном экземпляре найден крупный сосуд

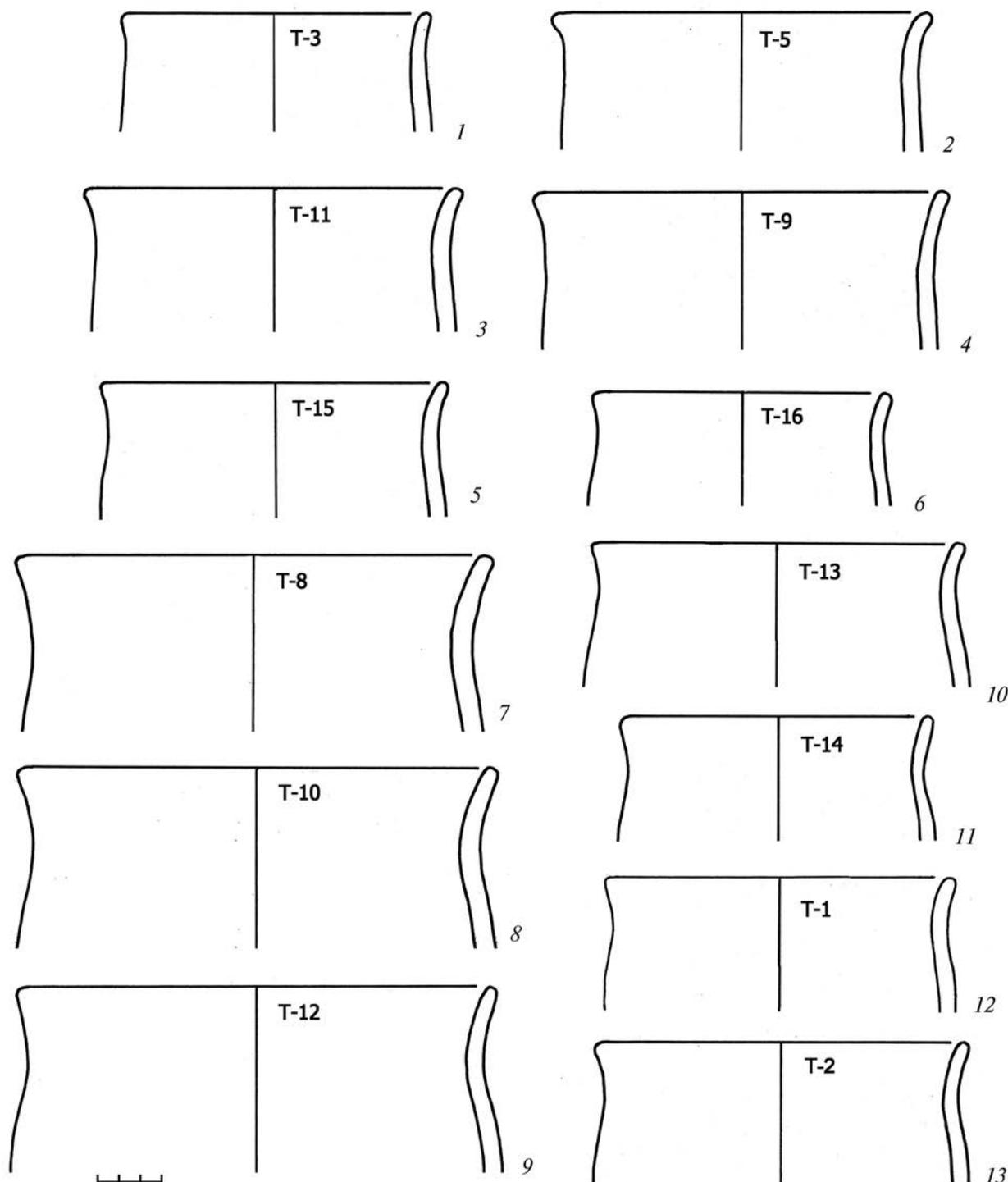

Рис. 4. Керамика типов 4 и 8 городища Тушемля.

Fig. 4. Pottery of types 4 and 8 from the Tushemlya fortified settlement

с ребром типа Р-2 (рис. 1, 4; 5, 6), не упомянутый в публикации П.Н. Третьякова. Формой профиля, толстостенностью и примесью крупного шамота (наряду с дресвой) он близок керамике киевской культуры Подесенья, хотя и отличается от всех аналогов стройностью пропорций.

В этот же комплекс входят две глубокие миски: во-первых, с лощеной поверхностью, уступом и раструбообразным верхом (рис. 5, 4), во-вторых, грубая, S-образного профиля (рис. 1, 11; 5, 5). Первая стилистически близка вышеупомянутым горшкам типа 6 с уступом, вто-

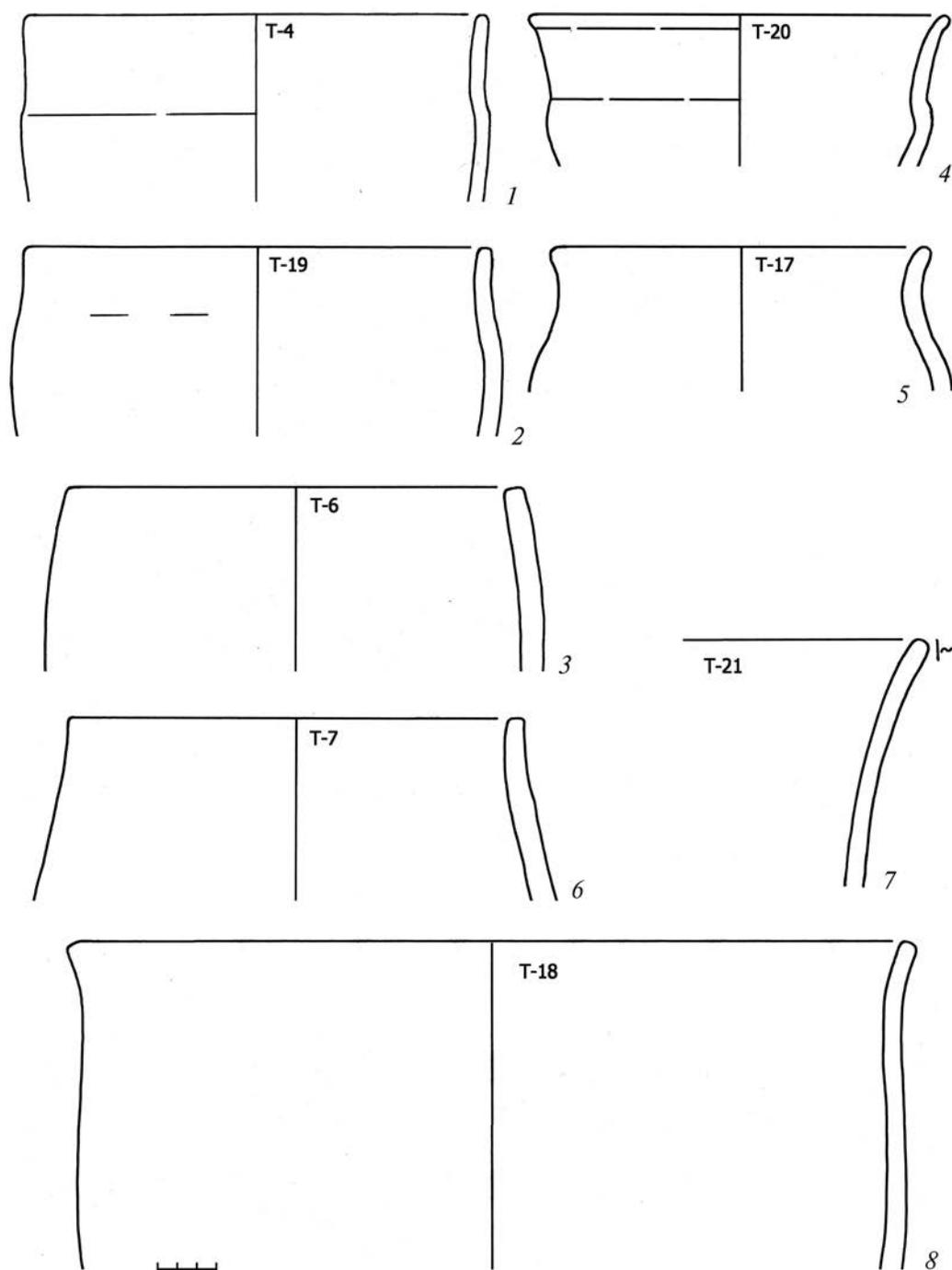

Рис. 5. Керамика разных типов городища Тушемля.

Fig. 5. Pottery of different types from the Tushemlya fortified settlement

рая — основной массе горшковидных сосудов комплекса³.

³ Непонятно, почему автором раскопок к комплексу сгоревшей постройки в публикации отнесены еще два сосуда — третья миска и малая чашечка (Третьяков, 1963. С. 67–69. Рис. 27: 1; 29: 8). Это отнесение опровергается материалами полевой документации (Третьяков, 1955, 1957) и паспортами находок, из которых следует, что эти экземпляры керамики ни в плане, ни стратиграфически к этому комплексу не относятся.

Помимо рассмотренного комплекса сосудов, к верхнему горизонту Тушемли относится небольшое количество разрозненных фрагментов керамики (рис. 8, 1–8), что свидетельствует о наличии незначительных следов культурного слоя этого времени, предшествовавшего сооружению и пожару постройки. Фрагменты в основном мелкие, но некоторые из них могут быть

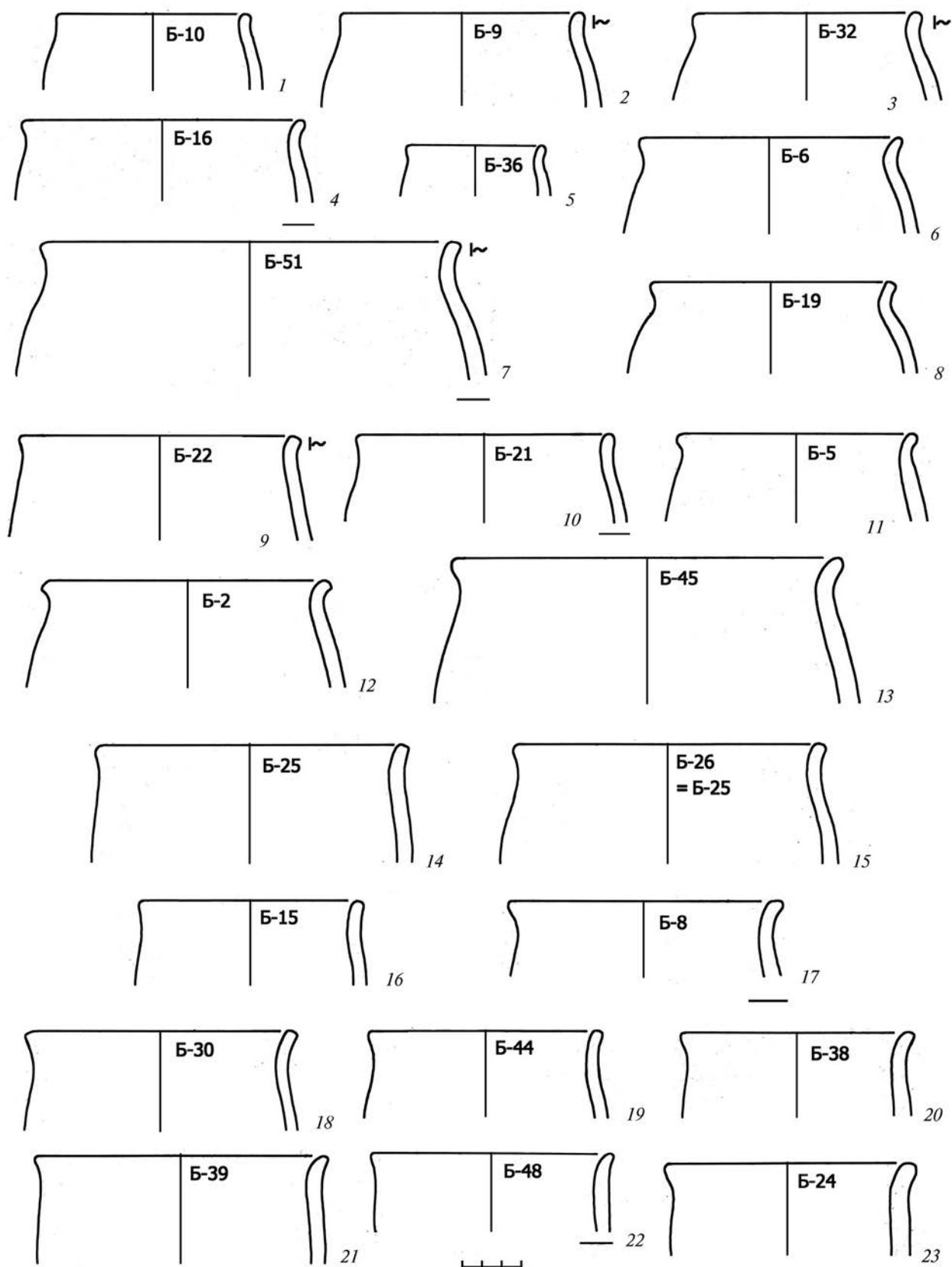

Рис. 6. Керамика городища Банцеровщина.

Fig. 6. Pottery of the Bantserovshchina fortified settlement

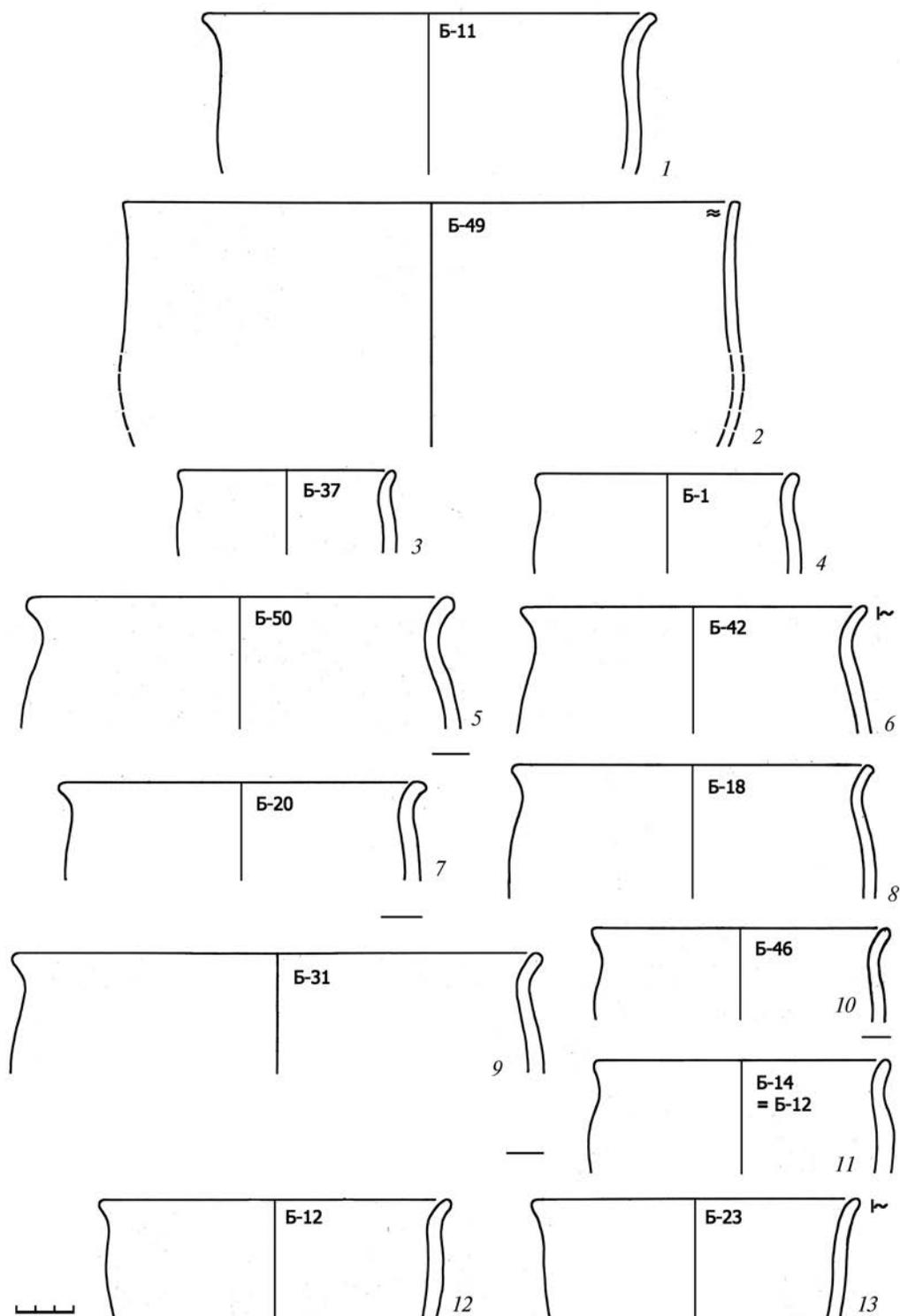

Рис. 7. Керамика городища Банцеровщина.

Fig. 7. Pottery of the Bantserovshchina fortified settlement

сопоставлены с керамикой из постройки. Прямые венчики с уплощенным краем (рис. 8, 1–3) переключаются с вышеупомянутым сосудом типа Р2. Фрагмент сосуда с уступом (рис. 8, 5), покрытый грубым лощением, продолжа-

ет серию горшков типа 6. Фрагмент стенки ложенной миски (рис. 8, 4), скорее всего, однотипен целой миске с уступом. Три фрагмента малых сосудов (рис. 8, 6–8) могут быть отнесены к типу 9, но лишь предположительно:

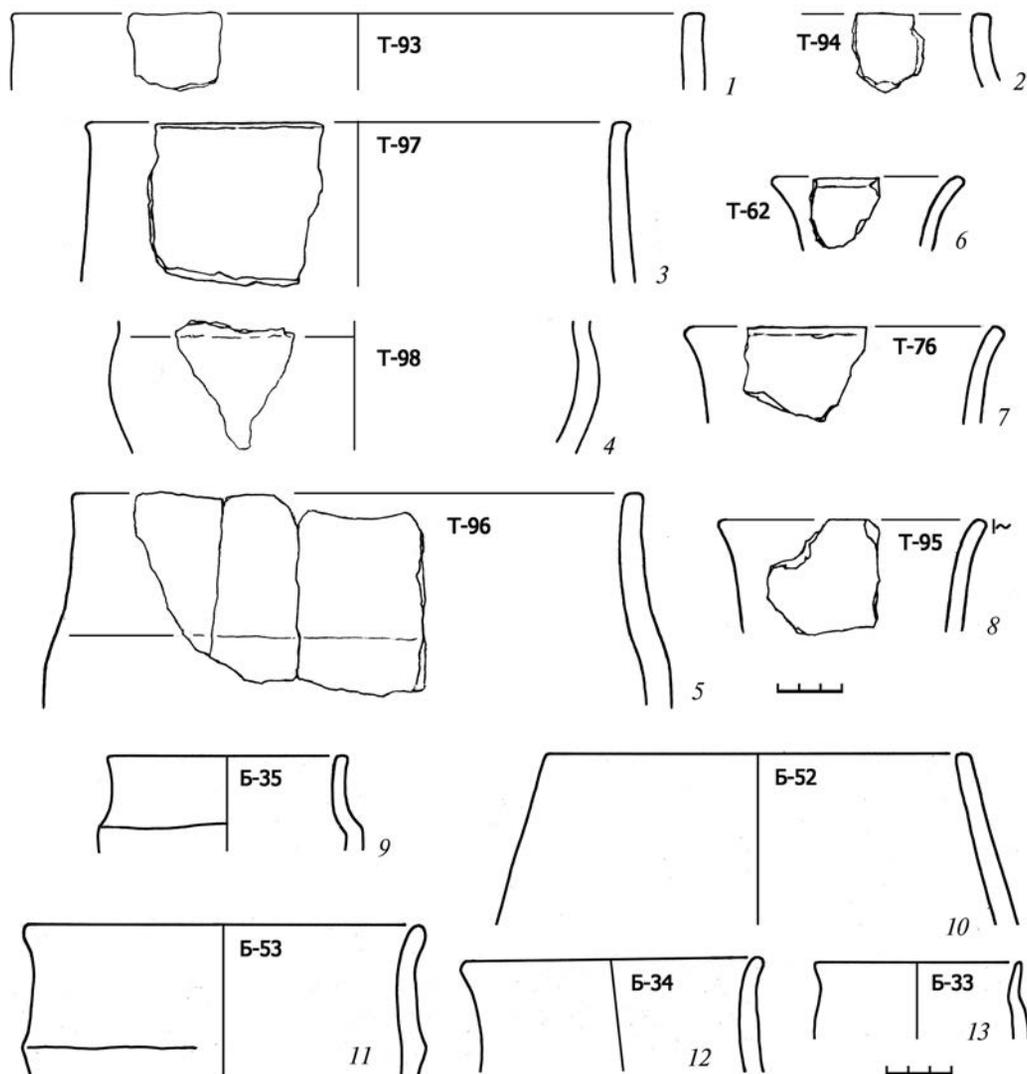

Рис. 8. Фрагментарная керамика Тушемли (1–8) и редкие формы керамики Банцеровщины (9–13).

Fig. 8. Ceramic fragments from Tushemlya (1–8) and rare shapes of the Bantserovshchina pottery (9–13)

в таком размере хорошие аналогии им мне неизвестны.

В наборе керамики Банцеровщины ряд примечательных форм представлен единичными экземплярами. В первую очередь это разные варианты реберчатых сосудов: P16 (рис. 8, 11), P3 (рис. 1, 2; 8, 12), P2 с оформлением ребра валиком (рис. 1, 1; 8, 10). Интересно, что последний очень похож по пропорциям на сосуд того же типа с Тушемли (см.: рис. 1, 1, 4). Еще два небольших сосуда (рис. 1, 3; 8, 9; 8, 13) имеют индивидуальные формы.

Сопоставление наборов керамики (рис. 2, Б) показывает, что на фоне самого общего сходства хорошо заметны их отличительные черты. Массовые типы 4 и 8 (с широким верхним краем),

хотя и присутствуют на обоих памятниках, но представлены главным образом разными вариантами. Формы с более узким (по сравнению с туловом) краем характерны только для Банцеровщины (типы 16, 36, 7). Яйцевидные сосуды типа 6 с выглаженной поверхностью являются особенностью комплекса Тушемли. Сосуды с ребром немногочисленны на обоих памятниках. Индивидуальными формами представлены миски и несколько маломерных сосудов.

Проблема культурного единства памятников типа Тушемля-Банцеровщина на материале двух памятников, хоть и эталонных, нерешаема. Можно лишь предполагать, что два рассмотренных керамических набора представляют разные варианты родственных традиций. Тем не менее

на основе выполненного исследования следует планировать дальнейшее сравнение керамических наборов памятников изучаемого культурного круга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горюнов Е.А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981. 136 с.
- Дубінскі С.А.* Varia // Гістарычна-археолёгічны зборнік. № 1. Менск, 1927. С. 360.
- Дубінскі С.А.* Досьледы культур жалезнага пэрыяду на Віцебшчыне, Магілёўшчыне і Меншчыне // Працы катэдры археолёгіі Інстытуту беларускай культуры. Т. I. Менск, 1928. С. 278–282.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.
- Исланова И.В.* Памятники типа Подол (культурные контакты населения Верхневолжья в третьей четверти I тыс. н.э.) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014 (Раннеславянский мир; вып. 15). С. 26–44.
- Казанский М.М.* Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014 (Раннеславянский мир; вып. 15). С. 45–142.
- Казанский М.М.* Водные пути из Балтики к Черному морю в позднеримское время и в эпоху переселения народов // Stratum plus. 2016. № 4. С. 191–241.
- Лопатин Н.В.* Керамический комплекс верхнего слоя городища Банцеровщина // Archaeoslavica-2 / Pod redakcją M. Parczewskiego. Kraków, 1993. С. 87–97.
- Лопатин Н.В.* Тушемля, Демидовка, Колочин: о соотношении керамики верхних слоев // КСИА. 1995. Вып. 195. С. 9–15.
- Лопатин Н.В.* Несколько заметок о верхнем слое городища Тушемля // De mare ad mare. Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н.А. Кренке. Смоленск: Свиток, 2017а. С. 149–156.
- Лопатин Н.В.* О тушемлинской и колочинской культурах // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А.М. Обломского. М.: ИА РАН, 2017б (Раннеславянский мир; вып. 19). С. 63–69.
- Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г.* Северные рубежи раннеславянского мира. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; вып. 8). 252 с.
- Лявданский А.Н.* Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции // Сообщения ГАИМК. 1932. № 7, 8. С. 54–61.
- Митрофанов А.Г.* Банцеровское городище // Белорусские древности: докл. к конф. по археологии Белоруссии. Минск: [Б. и.], 1967. С. 243–261.
- Митрофанов А.Г.* Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н.э. – VIII в. н.э.). Минск: Наука и техника, 1978. 160 с.
- Обломский А.М.* Колочинская культура // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: [Б. и.], 1996 (Раннеславянский мир; вып. 3). С. 96–108.
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982 (Археология СССР). 328 с.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С.* Памятники киевской культуры: (Свод археологических источников). Киев: Наукова думка, 1992. 221 с.
- Третьяков П.Н.* [Городище Тушемля. Отчеты, описи, дневники] // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 85, 86, 110, 112. 1955, 1957.
- Третьяков П.Н.* Древние городища Смоленщины // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3–140.
- Шадыра В.І.* Банцараўская культура // Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і раньняе сярэднявечча / Навук. рэд.: В.І. Шадыра, В.С. Вяргей. Мінск: Беларуская навука, 1999. С. 359–375.
- Шмидт Е.А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск: [Б. и.], 2003. 296 с.
- Шукин М.Б.* О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян (по поводу статей Э.А. Рикмана, И.С. Винокура, В.В. Седова и И. Вернера) // СА. 1975. № 4. С. 57–70.

POTTERY OF THE TUSHEMLYA AND BANTSEROVSHCHINA FORTIFIED SITES: ON THE ISSUE OF THE TUSHEMLYA-BANTSEROVSHCHINA CULTURE

© 2018 Nikolay V. Lopatin

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: n.lopatin@gmail.com

The article compares the pottery assemblages from the two standard sites whose names were used to identify archaeological cultures of the third quarter of the 1st millennium AD in the forest zone of the Dnieper region, the fortified sites of Bantserovshchina and Tushemlya (the upper horizons of the cultural layer). Most researchers either consider cultures of Bantserovshchina and Tushemlya type related or unite them. Comparison of the pottery assemblages shows that their distinctive features are clearly visible against the background of most general similarity. Frequent types 4 and 8 (with a wide upper edge), although present on both monuments, are represented mainly by different variants. Shapes with a narrower (relative to the trunk) edge are characteristic only of Bantserovshchina (types 1b, 3b, 7). Egg-shaped vessels of type 6 with smoothed surface is a feature of the Tushemlya assemblage. Ribbed vessels are few in both sites. Bowls and a few small vessels represent individual shapes.

Keywords: the upper Dnieper region, forest zone, 1st millennium AD, cultural groups, Tushemlya, Bantserovshchina, hand-made pottery.

REFERENCES

- Goryunov E.A., 1981. Rannie etapy istorii slavyan Dneprovskogo Levoberezh'ya [The early history of the Slavs of the Dnieper's left bank]. Leningrad: Nauka. 136 p.
- Dubinski S.A., 1927. Varia. *Gistarychna-arkheolögichny zbornik [Historical and Archaeological Collection of Articles]*, 1, Minsk, p. 360 (In Belarusian).
- Dubinski S.A., 1928. Studies on the Iron Age cultures in Vitebsk, Minsk and Mogilev regions. *Pratsy katedry arkheolögii Instytutu belaruskay kul'tury [Transactions of the Archaeology Department of the Institute for the Belarusian Culture]*, 1. Minsk, pp. 278–282 (In Belarusian).
- Eremeyev I.I., Dzyuba O.F., 2010. Ocherki istoricheskoy geografii lesnoy chasti puti iz varyag v greki [Studies on the historical geography of the forest part of the Route from the Varangians to the Greeks]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 670 p.
- Islanova I.V., 2014. The Podol type sites (cultural contacts of the Upper Volga region's population in the third quarter of the 1st millennium AD). *Problemy vzaimodeystviya naseleeniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Issues of the interaction of the Eastern Europe's population during the Great Migration Period]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 26–44. (Rannoslavlyanskiy mir, 15). (In Russ.)
- Kazanskiy M.M., 2014. Archaeological situation in the Middle Dnieper region in the 7th century. *Problemy vzaimodeystviya naseleeniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Issues of the interaction of the Eastern Europe's population during the Great Migration Period]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 45–142. (Rannoslavlyanskiy mir, 15). (In Russ.)
- Kazanskiy M.M., 2016. Water routes from the Baltic to the Black Sea in the late Roman period and in the Great Migration period. *Stratum plus*, 4, pp. 191–241. (In Russ.)
- Lopatin N.V., 1989 Tushemlya, Demidovka, Kolochin: correlation of the pottery from the upper layers. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archeology]*, 195, pp. 9–15. (In Russ.)
- Lopatin N.V., 1993. The ceramic complex of the upper layer of the Bantserovshchina fortified settlement. *Archaeoslavica-2*. M. Parczewski, ed. Kraków, pp. 87–97. (In Russ.)
- Lopatin N.V., 2017a. Notes on the upper layer of the Tushemlya fortified settlement. *De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya: sbornik statey k 60-letiyu N.A. Krenke [De mare ad mare. Archaeology and history: collected articles dedicated to the 60th anniversary of N.A. Krenke]*. Smolensk: Svitok, pp. 149–156. (In Russ.)
- Lopatin N.V., 2017b. About the Tushemlya and Kolochin cultures. *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie slavyanskikh kul'tur: K 60-letiyu A.M. Oblomskogo [Europe from La Tene to the Middle Ages: the barbaric world and the birth of Slavic cultures: to the 60th anniversary of A.M. Oblomsky]*. Moscow: IA RAN, pp. 63–69. (Rannoslavlyanskiy mir, 19). (In Russ.)
- Lopatin N.V., Furas'yev A.G., 2007. Severnye rubezhi rannoslavlyanskogo mira [Northern frontiers of the Early Slavic world]. Moscow: IA RAN. 252 p. (Rannoslavlyanskiy mir, 8).
- Lyavdanskiy A.N., 1932. Archaeological research in the Belarusian SSR after the October Revolution. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury [Communications of the State Academy of the History of Material Culture]*, 7–8, pp. 54–61. (In Russ.)
- Mitrofanov A.G., 1967. The Bantserovshchina fortified settlement. *Belorusskie drevnosti: doklady k konferentsii po arkheologii Belorussii [Belarusian antiquities: reports to the conference on the archaeology of Belarus]*. Minsk, pp. 243–261.
- Mitrofanov A.G., 1978. Zheleznyy vek Sredney Belorussii (VII–VI vv. do n.e. – VIII v.n.e.) [The Iron Age of Middle

- Belarus (7th – 6th centuries BC – 8th century AD)]. Minsk: Nauka i tekhnika. 160 p. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M.*, 1996. The Kolochin culture. *Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [Gaponovskiy hoard and its cultural and historical context]*. Moscow, pp. 96–108. (Ranneslavianskiy mir, 3). (In Russ.)
- Sedov V.V.*, 1982. Vostochnye slavyane v VI–XIII vv. [Eastern Slavs in the 6th – 13th centuries]. Moscow: Nauka. 328 p. (Arkheologiya SSSR).
- Terpilovskiy R.V., Abashina N.S.*, 1992. Pamyatniki kievskoy kul'tury: (Svod arkheologicheskikh istochnikov) [Sites of the Kiev culture: (a catalogue of archaeological sources)]. Kiev: Naukova dumka. 221 p.
- Tret'yakov P.N.* Gorodishche Tushemlya. Otchety, opisi, dnevniki [The fortified settlement of Tushemlya. Reports, inventories, diaries]. *Rukopisnyy otdel Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk [Manuscript Division of the Scientific Archives of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]*, F. 35, Op. 1, Ed. khr. 85, 86, 110, 112. 1955, 1957.
- Tret'yakov P.N.*, 1963. Ancient fortified settlements of Smolensk region. *Tret'yakov P.N., Shmidt E.A. Drevnie gorodishcha Smolenshchiny [Ancient fortified settlements of Smolensk region]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 3–140. (In Russ.)
- Shadyra V.I.*, 1999. The Bantserovshchina culture. *Arkheologiya Belarusi [Archaeology of Belarus]*, 2. Zhalezny vek i rannyye syar-ednyavechcha [The Iron Age and the Early Middle Ages]. V.I. Shadyra, V.S. Vyargey, eds. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 359–375. (In Belarusian).
- Shmidt E.A.*, 2003. Verkhneye Podneprov'ye i Podvin'ye v III–VII vv.n.e. Tushemlinskaya kul'tura [The Upper Dnieper and Dvina regions in the 3rd – 7th centuries AD. The Tushemlya culture]. Smolensk. 296 p.
- Shchukin M.B.*, 1975. Some issues of the Chernyakhov culture and the origin of the Slavs (to the articles by E.A. Rikman, I.S. Vinokur, V.V. Sedov and I. Werner). *Sovet. Arkheol.*, 4, pp. 57–70. (In Russ.)

БРОНЗОВЫЕ ЧАШИ И ИЗДЕЛИЯ ИЗ НИХ НА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКАХ КАМСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2018 г. Н.А. Лещинская*, И.Ю. Пастушенко*

*Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета,
Ижевск, Россия*

** E-mail: arch@mail.ru*

Поступила в редакцию 26.10.2016 г.

После доработки 15.06.2018 г.

В статье впервые анализируется комплекс редких для средневековых памятников бассейна рек Кама и Вятка находок бронзовых чаш и изделий из них. Приводится каталог изделий, аналитические данные о морфологии предметов, их датировке, местоположении на памятниках, формах использования в материальной и духовной культуре населения Прикамья. Представлены результаты рентгенофлуоресцентного анализа металла предметов, которые показывают, что все сосуды изготовлены из высокооловянистой бронзы методом горячейковки литой заготовки. Для Прикамья чаши – это категория “дальнего” раннесредневекового импорта центральноазиатского происхождения. Изготовление украшений из чаш – местная традиция. Топография находок чаш, сопровождающие их комплексы указывают на ритуально-поминальный, сакральный характер изделий; менее выражена статусность украшений из чаш.

Ключевые слова: Камско-Вятское междуречье, раннее средневековье, археологические памятники и культуры, импорт, высокооловянистые бронзы, металлические чаши.

DOI: 10.31857/S086960630003389-6

Предметы “дальнего” импорта на археологических памятниках Волго-Уральского региона и прежде всего “восточное серебро” всегда вызвали интерес исследователей. Только перечисление авторов обобщающих тематических работ (без учета серии публикаций по конкретным изделиям и памятникам) с привлечением, в том числе, прикамских материалов свидетельствует об этом: Я.И. Смирнов (1909 г.), Л.А. Мацулевич (1929, 1940 гг.), И.А. Орбели, К.В. Тревер (1935 г.), В.П. Даркевич (1976 г.), В.Ю. Лещенко (1976 г.), Б.И. Маршак (1971, 2006 гг.), К.В. Тревер, В.Г. Луконин (1987 г.), В.Ю. Морозов (1995, 1996 гг.), Р.Д. Голдина (2010, 2011 гг.) и др.

На этом фоне в тени научного интереса оказалась такая категория импортной посуды, как раннесредневековые бронзовые чаши, которые “потерялись” среди ярких кладов восточной торевтики. В лучшем случае в научных публикациях констатировался факт наличия такого рода импорта. В качестве исключения можно отметить аналитический обзор находок металлических орнаментированных чаш из высоко-

оловянистых бронз X–XI вв. из средневековых могильников Поветлужья (Никитина, Руденко, 1992), металлической посуды Поволжья и Прикамья VIII–XIV вв. (Руденко, 2000). Пожалуй, единственная работа, посвященная раннесредневековым бронзовым чашам Прикамья, основанная на развернутой многоплановой характеристике бронзового сосуда из Аверинского II могильника ломоватовской археологической культуры, была опубликована Е.М. Черных (2004). Вместе с тем систематизация и анализ бронзовых чаш с памятников Камско-Вятского междуречья как категории раннего импорта в эпоху средневековья может дать интересные данные об их месте в материальной и духовной культуре населения региона, а в совокупности с другими категориями привозных изделий позволить исследователям приблизиться к пониманию этапов, направлений, путей поступления “дальнего” импорта в Прикамье.

В Камско-Вятском междуречье известные на сегодняшний день находки раннесредневековых бронзовых чаш и изделий из них происходят из

памятников ломоватовской, неволинской, еманаевской археологических культур (рис. 1–6).

Памятники ломоватовской культуры V–IX вв., локализованные в Верхнем Прикамье, большинство исследователей связывают с раннесредневековым этапом в этногенезе древних коми-пермяков. Единственная находка бронзовой чаши (рис. 6, 4) происходит из Аверинского II могильника VI–IX вв. в верховьях р. Кама. Чаша с уплощенным дном, пробитым отверстием, “ребром” и орнаментом на внутренней стороне (приложение, 1) найдена на уровне дневной поверхности, в центре своеобразной площадки, образованной группой погребений конца VIII–IX в. Однако наблюдения над планиграфией и стратиграфией объектов на участке могильника, где найдена чаша, позволили Е.М. Черных высказать предположение, что сама чаша могла быть связана с более ранним святилищем и функционально использоваться как ритуальная утварь. Время же ее попадания к верхнекамскому населению, возможно, совпало с поступлением раннесредневекового импорта в Прикамье в VI–VII вв. (Черных, 2004. С. 95, 99, 100).

Неволинская культура конца IV – середины IX в. в Сылвенско-Иренском поречье – юго-восточный ареал формирования древних коми-пермяков при участии разноэтничных компонентов. Находки фрагментов трех бронзовых чаш происходят из Верх-Саинского курганный-грунтового могильника и Верх-Саинского I городища VI–IX вв. в бассейне р. Шаква, правого притока р. Сылва.

Неволинская коллекция представлена подвеской, выполненной из фрагмента бронзовой чаши (приложение, 2), зафиксированной в женском (16–18 лет) захоронении (курган 42, погр. 1) Верх-Саинского могильника. Судя по расположению погребального инвентаря, подвеска, скорее всего, относилась к нагрудным украшениям костюмного комплекса (рис. 2, 4–8). Погребение исследователями памятника включено в хронологическую группу VI в. (Голдина, Перевозчикова, 2012. Табл. 1), что подтверждается находкой простой прямоугольной поясной накладкой с полусферическими головками-шпеньками, пик распространения которых приходится на VI в. (рис. 2, 4). Кроме того, фрагмент второй бронзовой подвески из погребения (рис. 2, 8) представляет собой вторичное использование части арочной шумящей подвески, наиболее характерной для вятских азелинских памятников конца IV–V в. (Лещинская, 2014. Табл. 11, 13; 97, 13).

Два фрагмента бронзовых чаш происходят с Верх-Саинского I городища: один (приложение, 3) из слоя 5 вала городища, датируемого не позднее VII в., второй (приложение, 4) – из слоя 4 культурных напластований VI–IX вв. площадки памятника. Бронзовые сосуды неволинской коллекции реконструируются как чаши, возможно, полусферической формы, с диаметром 10–15 см, с внутренним бортиком подтреугольной формы (рис. 2, 1–3).

Другая территория находок фрагментов бронзовых чаш – бассейн р. Вятка – центральный ареал средневековой еманаевской культуры VI–IX вв. Ее памятники занимают территорию, включающую р. Вятка с притоками, верховья рек Б. и М. Кокшага, Иеть – левобережных притоков марийского течения Волги. В этнокультурной традиции – это западный ареал древнепермской ойкумены, контактная зона между древними пермянами и поволжско-финскими племенами. На памятниках еманаевской культуры как таковые бронзовые чаши не обнаружены, найдены подвески, изготовленные

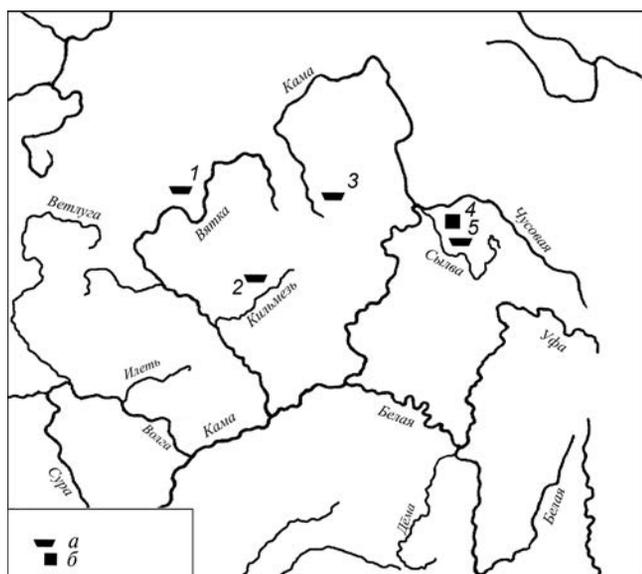

Рис. 1. Карта-схема локализации памятников Камско-Вятского междуречья с находками раннесредневековых бронзовых чаш и изделий из них. 1 – Концовский могильник; 2 – Тат-Боярский могильник; 3 – Аверинский II могильник; 4 – Верх-Саинское I городище; 5 – Верх-Саинский могильник. Условные обозначения: а – могильник, б – городище

Fig. 1. A schematic map localizing the Kama-Vyatka interfluvium sites with finds of early medieval bronze bowls and items made from them

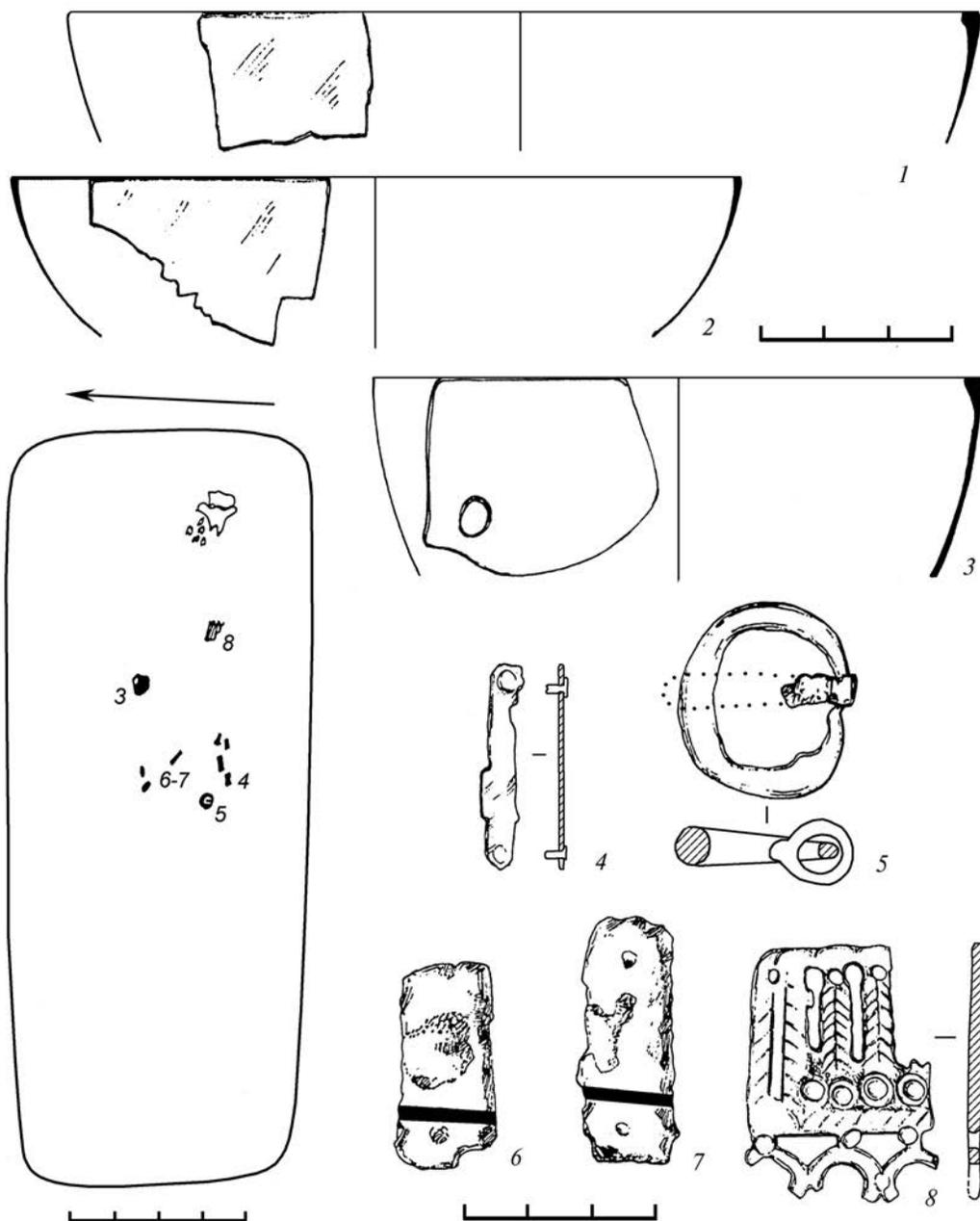

Рис. 2. Бронзовые чаши неволинской культуры. 1, 2 – Верх-Саинское I городище; 3–8 – Верх-Саинский могильник, к. 42, п. 1: 3 – чаша; 4 – накладка; 5 – пряжка; 6, 7 – фрагменты предметов; 8 – фрагмент подвески. 1–5, 8 – бронза; 6, 7 – железо.

Fig. 2. Bronze bowls of the Nevolino culture

из них. Все они происходят из двух некрополей: Концовского могильника VI–VII вв. на правобережье среднего течения Вятки – 4 экз. (погр. 25, 28, 30) (Стефанова, 1982; Иванова, 1988), Тат-Боярского могильника VI–VIII вв. на правобережье р. Лобань, правого притока р. Кильмезь (левый приток Вятки) – 12 экз. (погр. 4, 14, 52, разведочные сборы) (Денисова, 1988; Голдина, 1988; Лещинская, 1990).

Типологически вся еманаевская коллекция подвесок из бронзовых чаш представлена изделиями подтрапещевидной формы, разной степени профилированности, с системой крепления подвесок через одну, реже две петли и восьмерковидное соединительное звено (рис. 3, 4). Большинство изделий – это крупные подвески, длиной 4.5–8 см, шириной сторон от 1–2.5 до 3.8–7.2 см. Лишь в одном случае, высту-

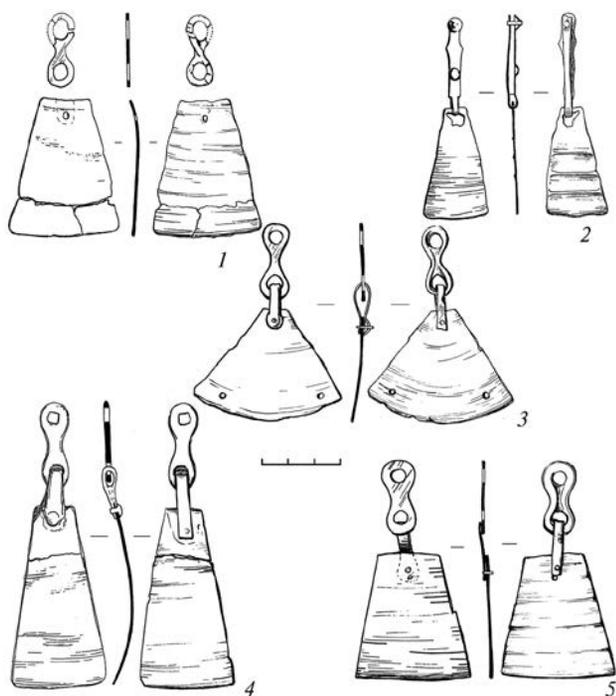

Рис. 3. Подвески из бронзовых чаш Тат-Боярского могильника. 1 – п. 14; 2 – п. 52; 3, 5 – сборы; 4 – п. 4.

Fig. 3. Pendants made from the bronze bowls of the Tat-Boiyary burial ground

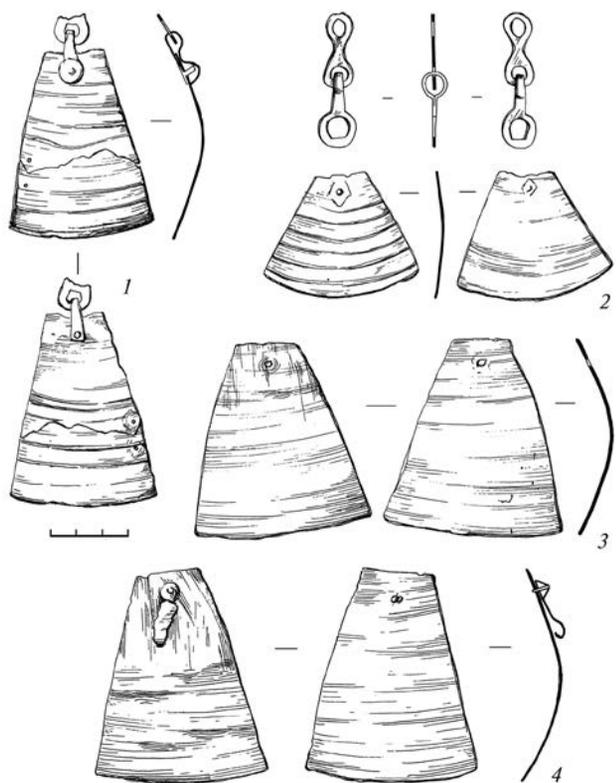

Рис. 4. Подвески из бронзовых чаш Концовского могильника. 1 – п. 30; 2 – п. 28; 3, 4 – п. 25.

Fig. 4. Pendants made from the bronze bowls of the Konets burial ground

пая в качестве привесок двухсоставных накладок (Приложение, 7–14), это были небольшие пластины длиной 4.5 см и шириной от 1 до 2.5 см.

Основной массив подвесок происходит из погребений VI в. (приложение, 5, 6, 17–20). Эта дата убедительно подтверждается поясной гарнитурой “догеральдического” облика. Прежде всего это трехсоставные пряжки с вытянутыми подпрямоугольными или подтреугольными щитками, округло-овальными рамками с нависающим или значительно выступающим язычком (рис. 7, 2, 3, 5; 8, 2, 3) или пряжки с щитком, имеющим округлые выступы, иногда “роговидное” оформление конца пластин, округлые рамки с далеко выступающей иглой или В-образные рамки с плоским сечением (рис. 8, 4, 8, 11, 12). Еманаевские экземпляры пряжек аналогичны изделиям из погребений верх-саинской стадии (VI в.) неволинской культуры, сопровождаемых сасанидскими монетами, относящимися к правлению Пероза (457–484 гг.) и Кавада I (484, 488–531 гг.) (Голдина, Перевозчикова, 2012. С. 322–325. Табл. 1, 1, 6; 2, 7–9).

Оформление щитков пряжек округлыми и роговидными выступами известно в материалах VI в. памятников Поволжья, Приаралья, Кавказа и других территорий Восточной Европы (Ахмедов, Белоцерковская, 2007. Рис. 18, 6, 7; Богачев, 2010. С. 157, 158. Табл. I, ч. 3, 4. Рис. 1, 3, 9, 14; 2, 1, 2, 4, 8; Комар, 2000. С. 37, 38. Рис. 3, 27–29). Не противоречат этой датировке и находки вместе с пряжками в еманаевских погребениях простых прямоугольных поясных накладок (рис. 8, 9), наконечника ремня типа коробочки (рис. 7, 4). Самый поздний по времени вятский погребальный комплекс, содержащий подвеску из чаши, – погр. 14 Тат-Боярского могильника (рис. 7, 6–13), где обнаружены две накладки геральдического облика (рис. 7, 10, 11), время появления которых – не ранее начала–середины VII в. (Голдина, 2012а. С. 213–215. Табл. 13, 15, 26; 14, 17, 18; 2012б. Рис. 5, 30, 38, 39; Голдина, Кананин, 2012. Табл. 3, 6, 8–13, 36).

Половозрастная идентификация вятских захоронений основывается преимущественно на характере погребального инвентаря, только в двух случаях есть антропологические определения (приложение, 5, 7–14). Из шести погребений четыре были мужскими (приложение, 5, 6, 15, 16), сопровождавшиеся, помимо деталей костюма, орудиями труда, оружием, элементами конского снаряжения. Локализация подвесок

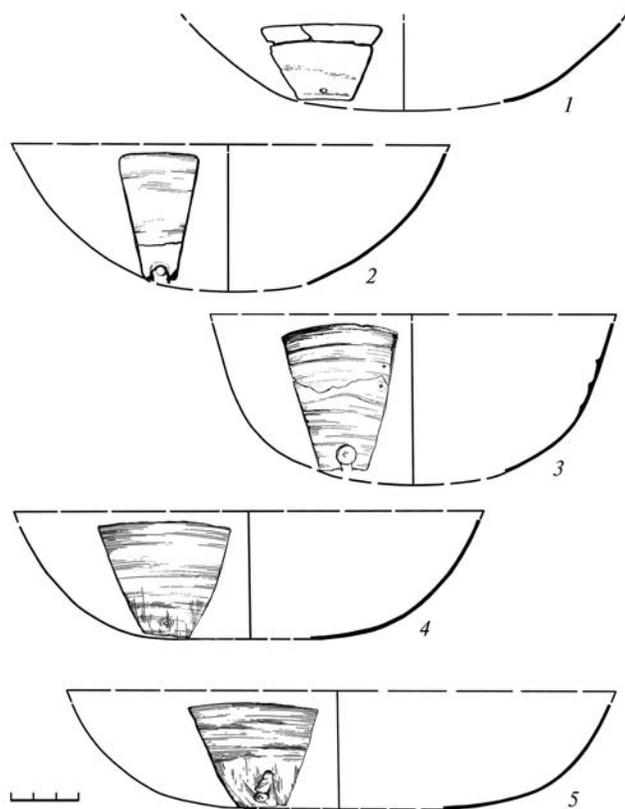

Рис. 5. Реконструкции бронзовых чаш еманаевской культуры. 1, 2 – Тат-Боярский могильник, п. 14, 4; 3–5 – Концовский могильник (3 – п. 30; 4, 5 – п. 25).

Fig. 5. A reconstruction of the bronze bowls of the Emanaev culture

в этих погребениях позволяет отнести их к шейно-нагрудным украшениям костюмного комплекса, а нахождение совместно с разного типа пронизками и гривной реконструирует их как элемент сложной пронизи, крепящейся к гривне (рис. 8, 7). В женских погребениях подвески входили в состав головного убора – фиксировались на кожаных ремешках в области висков.

Судя по морфологическим особенностям и составу металла, 16 вятских подвесок изготовлены из 9 бронзовых чаш. Большинство чаш (7 экз.) реконструируется как сосуды с округлым или уплощенным дном, с предполагаемым диаметром 14–20 см, с возможной высотой не менее 4–5.5 см (рис. 5; 6, 2, 5). У двух бронзовых сосудов стенки восстанавливаются как прямые, наклонные, от высоких чаш (рис. 6, 1, 3). Однако это, возможно, связано со вторичной проковкой изделий-подвесок с целью получения плоского профиля. Стенки сосудов имели толщину от 0.3 до 1.5 мм, как правило, утолщение идет ко дну. У чаш со следами “ребер” на внутренней сторо-

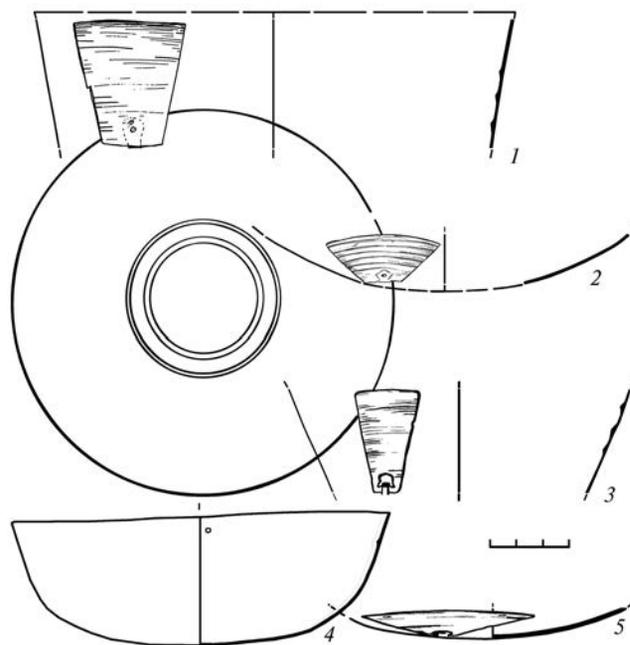

Рис. 6. Бронзовая чаша и реконструкции чаш камско-вятских памятников. 1, 3, 5 – Тат-Боярский могильник (1, 5 – разведочный сбор; 3 – п. 52); 2 – Концовский могильник, п. 28; 4 – Аверинский II могильник.

Fig. 6. A bronze bowl and a reconstruction of bowls from the Kama-Vyatka sites

не стенки несколько толще. Подвески изготавливались, по всей видимости, из заготовок, вырубленных из целых сосудов или их лома. Затем полученные обломки размечались острозаточенным инструментом – прочерчивались очертания будущего изделия. Следы такой разметки в виде отчетливых линий, иногда достаточно глубоких, хорошо видны на внутренних поверхностях нескольких предметов. Потом контур изделия вырубался зубилом, следы его фиксируются иногда в виде небольших “желобков” на торцах подвесок, слегка наклонных по отношению к длинной оси предмета. После этого края тщательно обрабатывались абразивом. На всех изделиях обрубался и венчик сосуда. Отверстия для крепления подвески либо сверлились, либо пробивались.

Если обратиться ко всему комплексу ранне-средневековых бронзовых чаш Камско-Вятского междуречья, то сылвенские сосуды отличаются от вятских меньшим диаметром (10–15 см) и наличием треугольного бортика с внутренней стороны, а камская аверинская чаша – наличием орнамента. Весь же комплекс чаш объединяет технология их производства – все сосуды изготовлены из высокооловянистой бронзы, методом горячейковки литой заготовки. Эта

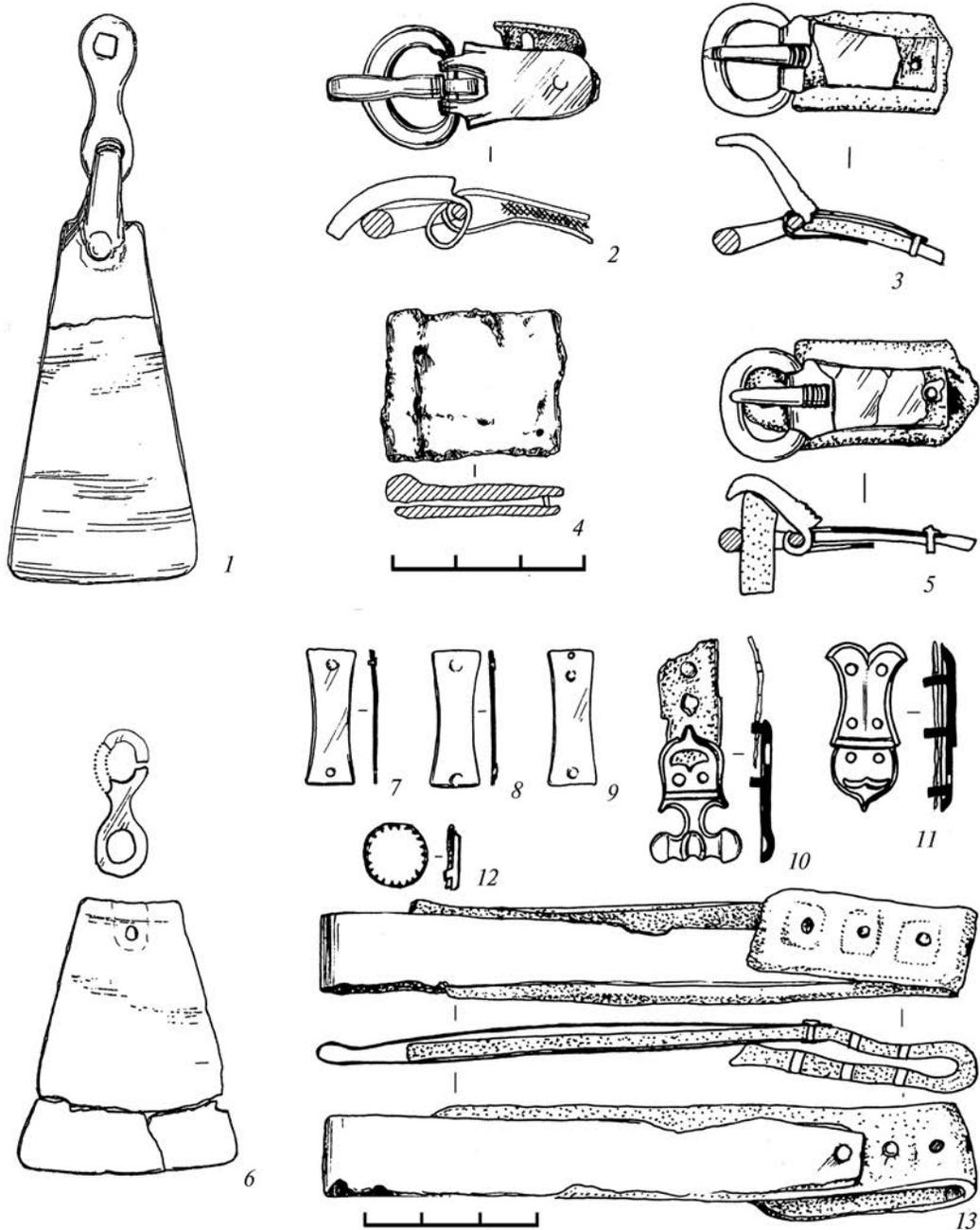

Рис. 7. Хронологические индикаторы комплексов с подвесками из чаш Тат-Боярского могильника. 1–5 – п. 4 (1 – подвеска; 2, 3, 5 – пряжки; 4 – наконечник ремня); 6–13 – п. 14 (6 – подвеска; 7–12 – накладки; 13 – наконечник ремня). 1–3, 5–13 – бронза; 4 – железо.

Fig. 7. Chronological indicators of the complexes with pendants made from the Tat-Boyary bronze bowls. 4 – iron

техника работы с высокооловянистой бронзой имеет древнюю традицию в странах Востока, сохранившуюся в Южной Индии до наших дней. Данная технология не раз описывалась и с привлечением евразийских археологических материалов: И.Г. Равич (2004, 2011 гг.), В.А. Завьялов, В.А. Галибин (1990 г.), М.С. Шемаханская (2008 г.) и др. Отлитую заготовку подверга-

ли проковке в ходе многократного нагревания в определенном температурном режиме. Затем поверхности обрабатывались: внешняя – абразивом, внутренняя – шабрением вручную или на примитивном токарном станке. Следы такой обработки зафиксированы на аверинской чаше (Черных, 2004. С. 96, 97) и на большинстве вятских подвесок из чаш. На неволинском Верх-

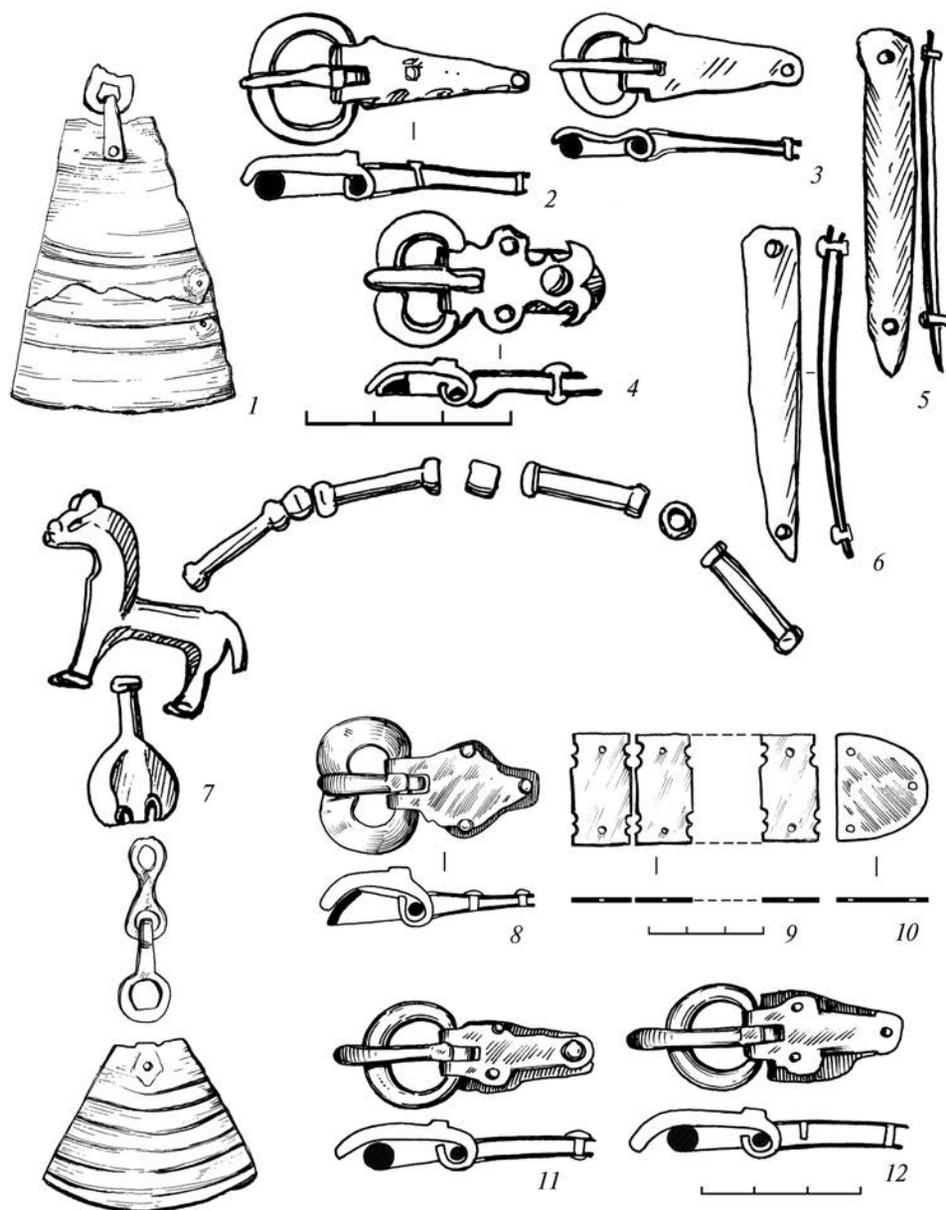

Рис. 8. Хронологические индикаторы комплексов с подвесками из чаш Концовского могильника. 1–6 – п. 30 (1 – подвеска; 2–4 – пряжки; 5, 6 – наконечники ремней); 7–12 – п. 28 (7 – пронизь с подвеской; 8, 11, 12 – пряжки; 9 – накладки; 10 – наконечник ремня). Бронза.

Fig. 8. Chronological indicators of the complexes with pendants made from the Konets bronze bowls

Саинском I городище фрагменты чаш по обеим поверхностям были тщательно заполированы. В ходе процедуры шабрения с закреплением изделия на вращающемся станке оформлялись особенности сосуда: “ребро” и концентрические окружности на дне (аверинская чаша), форма венчика (верх-саинские фрагменты чаш), сглаженные “ребра” на внутренней поверхности (вятские изделия). Технологическая процедура заканчивалась нагреванием чаш до красного каления и закалкой в воде (Черных, 2004. С. 96).

Учитывая традиционность, универсальность технологии изготовления чаш из высокооловянистой бронзы, есть вероятность получить специфические характеристики, связанные с проблемой их происхождения, при определении химического состава металла. С этой целью был проведен рентгенофлуоресцентный анализ поверхности изделий, выполненный канд. ист. наук С.Е. Перовщиковым (Институт истории и культуры народов Приуралья УдГУ). Работа осуществлялась при помощи спектрометра S1

Turbo SD LE. Процедура исследований стандартна. Анализ проходил в универсальном режиме, время накопления спектра – 1 мин; изучаемая поверхность с предварительно удаленной патиной – 1 см². Учитывая негомогенность древнего металла, с каждого предмета взято по три пробы, с аверинской чаши – шесть. Результаты серий измерений математически усреднялись. Анализы с процентным распределением содержания элементов в каждом образце представлены в таблице. Учтены также данные эмиссионно-спектрального анализа аверинской чаши (выполнены в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН канд. техн. наук А.Н. Егорьковым) и химические показатели сплавов аверинской чаши и подвесок из погр. 25 Концовского могильника, полученные рентгеновским фазовым анализом в лаборатории Физико-технического института УрО РАН (Черных, 2004. С. 96–98).

Результаты анализа показали, что металл всех чаш действительно представлен высокооловянистыми бронзами. При этом отмечается достаточно высокое содержание в бронзе олова – от 22.2 до 39.8%. Конечно, не исключено, что высокие показатели олова связаны с негомогенностью сплавов. Так, при анализе чаши из Аверинского II могильника получены три различных результата: 25.5, 31.77 и 33 – усреднено 30.09%. Тем

не менее, показатель олова в камско-вятских изделиях довольно высок, что отличает эти изделия от других средневековых бронзовых чаш (очень немногочисленных, для которых нам известны составы сплавов). В частности, блюдо из разрушенного кургана у слободы Большая Орловка в бассейне Дона рубежа VIII–IX вв., но с возможностью его производства, по мнению авторов, не позднее VII в., имеет в составе сплава 20% олова (Равич, Флеров, 2000. С. 140, 144). Спектральный анализ средневековой сферической чаши из Узунского собрания (Южный Таджикистан, Вахшская долина, г. Узун) выявил в металле 22.5% олова (Шемаханская, 1985. С. 205, 206. Табл. III).

В коллекции металлических чаш из высокооловянистых бронз X–XI вв. древнемарийских могильников Поветлужья показатели олова – 15.69–26.44% (Никитина, Руденко, 1992. С. 51). Есть значительные отличия камско-вятских сосудов от перечисленных изделий и по примесям. Вместе с тем по составу металла прикамские бронзовые чаши практически идентичны сплавам, из которых изготовлены бронзовые зеркала и подвески из них, обнаруженные на тех же памятниках неволинской и еманаевской культур Камско-Вятского междуречья. Прикамские раннесредневековые зеркала содержали 54.23–

Состав сплавов бронзовых чаш из памятников Камско-Вятского междуречья

Alloy compositions of the bronze bowls from the Kama-Vyatka sites

№	Памятник	Рисунок	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Fe	Ni	Co	Cd	Cr	Mn	Pd
1	Верх-Саинский м-к, к. 42, п. 1	2, 3	56.23	39.8	0.02	0.05	0.37	0.11	2.69	0.02	0.09	0.22	–	0.06	0.5
2	Верх-Саинское I городище, вал	2, 1	73.5	24.1	0.04	–	0.33	0.74	0.79	–	0.12	–	–	0.1	0.26
3	Верх-Саинское I городище, площадка	2, 2	67.36	30.3	0.04	–	0.36	0.42	0.54	0.08	0.14	0.23	0.06	0.1	0.42
4	Концовский м-к, п. 25	4, 3	75.77	22.23	0.03	–	0.31	0.2	0.89	–	0.14	–	–	0.9	0.31
5	Концовский м-к, п. 25	4, 4	71.2	25.87	0.5	0.24	0.33	0.28	0.99	0.05	0.12	–	–	0.1	0.37
6	Концовский м-к, п. 28	4, 2	68.07	28.37	0.1	0.28	0.38	0.61	1.42	0.02	0.15	–	–	0.08	0.44
7	Концовский м-к, п. 30	4, 1	69.4	26.0	0.04	0.31	0.36	1.19	1.88	0.02	0.13	0.23	–	0.08	0.43
8	Тат-Боярский м-к, п. 4	3, 4	70.6	26.6	0.05	–	0.34	0.34	1.18	–	0.14	–	–	0.1	0.38
9	Тат-Боярский м-к, п. 14	3, 1	62.06	34.03	0.22	0.04	0.37	0.02	2.08	0.02	0.11	–	–	0.08	0.46
10	Тат-Боярский м-к, п. 52	3, 2	75.11	22.33	0.03	0.23	0.3	0.06	1.21	0.05	0.15	–	–	0.1	0.37
11	Тат-Боярский м-к, сбор	3, 5	66.67	29.27	0.22	0.15	0.39	0.13	2.32	0.09	0.13	–	–	0.09	0.44
12	Тат-Боярский м-к, сбор	3, 3	73.0	24.5	0.02	0.22	0.3	0.33	0.71	0.35	0.15	–	–	+	0.39
13	Аверинский II м-к	6, 4	66.2	31.77	–	–	0.37	0.03	0.9	–	0.14	–	–	0.09	0.41
14	–"–	6, 4	72.6	25.5	–	0.03	0.34	0	0.92	–	0	–	–	0.09	0.37
15	–"–	6, 4	осн.	33.0	–	–	0.02	–	0.6	0.04	–	–	–	–	–

Примечания. 1–14 – рентгенофлуоресцентный анализ, выполнен С.Е. Перевошиковым; 15 – эмиссионно-спектральный анализ, выполнен А.Н. Егорьковым (по: Черных, 2004).

77.03% меди и 19.23–42.00% олова (Лещинская, Пастушенко, 2017. Табл. 1), зафиксированы близкие показатели и по примесям.

Использование изделий из высокооловянистой бронзы имеет древнюю традицию у прикамских племен. Прежде всего это бляхи разных размеров, а также прямоугольные или трапециевидные подвески – самые популярные элементы костюмных комплексов. Серия рентгенофлуоресцентных анализов этих предметов из памятников позднepenьяноборского времени Прикамья показала такое же высокое процентное содержание олова в сплавах, как и в металле раннесредневековых бронзовых зеркал и чаш. Так, показатели олова в сплавах подобных украшений из вятского Ошкинского могильника конца I–III в. худяковской культуры, предшествовавшей еманавской культуре, – 24–34% (Перевошиков, Сабирова, 2014. С. 456). Бляхи Нырғындинского I могильника II–III вв. из Удмуртского Прикамья содержали 22.6–37.3% олова, чуть меньший показатель олова в трапециевидных подвесках этого памятника – 18.4–23.6% (Голдина и др., 2012. С. 342, 343).

Возможно, устойчивая приверженность во времени к изделиям с высокими показателями олова в сплавах была связана с их цветом. Концентрация олова в сплаве в интервале 20–23% придавала вещи золотисто-желтый цвет, а 24–28% олова – серебристо-серый или серо-стальной цвет (Перевошиков, Сабирова, 2014. С. 456) – цвета металла, которые всегда высоко ценились у финно-угорских народов Приуралья и Зауралья. Не менее ценились и другие характеристики высокооловянистых изделий: высокая степень полированности и повышенная коррозионная стойкость. Кроме того, исследователи отмечают и акустические свойства ковanej высокооловянистой бронзы, придающие предметам особое музыкальное звучание.

Перечисленные особенности изделий из высокооловянистых бронз определили во многом и характер их использования в финно-угорской среде. Большинство находок чаш, их фрагментов или изделий из них происходит из могильников. Топография находок целых чаш, сопровождающие их комплексы указывают на использование изделий в ритуально-поминальной обрядовой практике. Е.М. Черных считает ритуальной чашей прикамский бронзовый сосуд из Аверинского II могильника (2004. С. 95, 99, 100). Пробитое в чаше отверстие для подвешивания, по

мнению В.Ю. Лещенко, – признак использования привозной металлической посуды в местной среде Прикамья в религиозной обрядности (1976. С. 176, 183–186). Преимущественно в межмогильном пространстве или в засыпи могил зафиксированы средневековые бронзовые орнаментированные чаши в древнемарийских могильниках Поветлужья, иногда сопровождаемые жертвенно-поминальными комплексами вещей. Все вместе, по справедливому замечанию исследователей, предполагает использование чаш в поминальных ритуалах (Никитина, Руденко, 1992. С. 61, 62). Положение же этих сосудов кверху дном, так же как и битые глиняной посуды, “умерщвление” острых железных предметов в погребальной практике народов Приуралья и Поволжья символизировало ритуальное противопоставление мира “живых” и мира “мертвых”.

Если обратиться к находкам бронзовых чаш в раннесредневековых памятниках Зауралья, то и там ясно прослеживается связь изделий с сакрально-культовой практикой. В Васюганском кладе VII в. (р. Васюган, Томское Приобье) найдены целая чаша с пробитым отверстием и три фрагмента подобных чаш, один из которых использовался для погребальной маски, а также набор антропо- и зооморфных культовых предметов (Могильников, 1964. С. 227, 228. Рис. 1). Под курганом погребения на берегу р. Малая Киргизка, в окрестностях Томска, в 1896 г. обнаружена бронзовая чаша, в которой находились обгоревшие фрагменты человеческого черепа, а перед ней располагалась воткнутая в землю орнитоморфная поделка (Анучин, 1899. С. 127, 128). На могильнике Рёлка VI–VIII вв. Среднего Приобья бронзовая чаша зафиксирована рядом со скоплением вещей в насыпи кургана 1, где, в том числе, находились и бронзовые антропоморфные изображения (Чиндина, 1977. С. 27. Рис. 3; 44, 6).

Немногочисленные находки чаш как престижного элемента погребального инвентаря в захоронениях скорее можно рассматривать как социальный маркер погребенного: погр. 3, 5 (VI–VIII вв.) могильника Архиерейская заимка в Томском Приобье (Беликова, Плетнева, 1983. С. 38, 39, 86. Рис. 75, 1); погр. 2 кургана 10 (VII в.) Ново-Турбаслинского могильника около г. Уфа (Мажитов, 1964. С. 106, 108. Рис. 1, 1); погр. 51 (конец X – первая половина XI в.) древнемарийского Дубовского могильника (Архипов, 1984.

Рис. 25; Никитина, Руденко, 1992. С. 62); погр. 4 (рубеж IX–X вв.) Перемчалкинского могильника на Оке (Алихова, 1948. С. 186. Табл. VI, 3, 4). На Вятке же сохраняется устойчивая традиция использования привозных высокооловянистых изделий (зеркала, чаши) для производства местных типов украшений.

Трудность решения вопроса о центрах производства раннесредневековых бронзовых высокооловянистых чаш, путях поступления их в Приуралье во многом связана со степенью доступности источников по публикациям, небольшим количеством серий химико-технологического анализа подобных изделий. На сегодняшний день самые ранние чаши и изделия из них VI–VII вв. обнаружены в Приуралье на памятниках неволинской и еманаевской культур. Близки им типологически и хронологически следующие чаши: из погр. 2 кургана 10 Ново-Турбаслинского могильника в Башкирии с комплексом инвентаря первой половины VII в. (Мажитов, 1964. Рис. 1, 2–15); в Зауралье – из Васюганского клада VII в., курганного захоронения на р. Малая Киргизка, Рёлкинского могильника VI–VIII вв.

Другая группа раннесредневековых изделий – орнаментированные бронзовые чаши – также немногочисленна. В Зауралье это целый и один фрагментированный сосуды с ложчатым оформлением стенок из погр. 3, 5 могильника Архиерейская заимка, которые Б.И. Маршаком отнесены к изделиям VIII в. среднеазиатской торевтики (Беликова, Плетнева, 1983. С. 86). Скорее всего, “выпадение” чаши Аверинского II могильника произошло не ранее конца VIII–IX в. (что не исключает ее появление в более раннее время), судя по ее практически полной аналогии из погр. 4 конца IX – начала X в. Перемчалкинского могильника на Оке.

Поступление неорнаментированных бронзовых чаш в Прикамье в VI–VII вв. шло, вероятнее всего, в одном потоке с коваными высокооловянистыми бронзовыми зеркалами, которые найдены на одних и тех же памятниках, иногда совместно в погребениях (могильники Тат-Боярский, погр. 4; Концовский, погр. 25). Но если исходной областью происхождения прикамского набора зеркал, скорее всего, могла быть джетыясарская культура Северо-Восточного Приаралья (Лещинская, Пастушенко, 2017. С. 109), то для бронзовых чаш можно говорить

лишь в целом об их центральноазиатском происхождении.

В частности, неорнаментированные бронзовые чаши из высокооловянистой бронзы хорошо известны в Средней Азии: в слоях позднекушанского времени на поселениях Ак-Тепе II, Зор-Тепе, Ак-Курган, Чакалак-Тепе (Шемаханская, 2008); на раннесредневековых городищах Пенджикент, Айтугды-Тепе, Аждина-Тепе, Афрасиаб (Распопова, 1980. С. 125, 126. Рис. 80, 3; 83, 1–16; Шемаханская, 2008). В литературе есть ссылки на раннеисламскую посуду из высокооловянистой бронзы с территории Ирана (Равич, Флеров, 2000. С. 142). Аверинская прикамская орнаментированная чаша, атрибутированная ведущим специалистом Государственного Эрмитажа А.А. Ивановым, с его точки зрения, морфологически близка к иранским образцам VIII–X вв., но имеет ряд отличий: внутреннее “ребро” и грубую обработку поверхности, что не позволяет более точно определить место ее производства (Черных, 2004. С. 90).

Все вместе фиксирует в целом юго-восточное направление торговых связей населения Прикамья в раннем средневековье, что особенно ярко проявляется в археологическом материале неволинской, ломоватовской культур, о чем уже неоднократно писалось (см. работы И.Ю. Пастушенко, Е.В. Голдиной, Р.Д. Голдиной). Пути поступления бронзовых чаш, как и других предметов центральноазиатского происхождения на территорию неволинской культуры (Кунгурская лесостепь) в середине I тыс. н.э., скорее всего, проходили по водоразделам бассейнов рек Урал, Белая, Сытва, Тобол с возможностью как “восточного” маршрута (Западносибирская → Мясоготовская → Красноуфимская → Кунгурская лесостепь), так и “южного” направления (Приуральская → Красноуфимская → Кунгурская лесостепь) (Пшеничнюк, 1983; Савельев, 2002). О налаженных юго-восточных коммуникациях в определенной мере можно судить и по уникальному Кузебаевскому кладу ювелира VII в. в Удмуртском Прикамье. Состав клада, по мнению исследователей, указывает на мастерскую ремесленника – выходца из Средней Азии или профессионала, знакомого с техникой и технологией ювелирного дела в государствах Средней Азии и Востока (Останина и др., 2011).

Вопрос о путях проникновения изделий из высокооловянистой бронзы на Вятку пока остается открытым. Однозначно ответить, было ли

это прямое поступление или оно шло из ареала неволинской культуры, трудно без дополнительных источников со смежных территорий. Нуждается в осмыслении и факт большого количества бронзовых чаш (9 экз.), из которых изготовлены вятские подвески, происходящие с двух небольших некрополей (могильники Тат-Боярский — 54 погребения; Концовский — 30 погребений). Использовали ли вятские мастера целые чаши или закупали их лом? Решение этих вопросов, как и расширение темы включенности камско-вятского населения в общеевразийские коммуникативные процессы эпохи средневековья — перспектива дальнейших исследований.

Работа выполнена при финансовой поддержке со стороны Минобрнауки РФ на выполнение базовой части государственного задания (НИР № 2174) в сфере научной деятельности в 2014–2016 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Каталог раннесредневековых бронзовых чаш и изделий из них Камско-Вятского междуречья

1. Аверинский II могильник, межмогильное пространство, ломоватовская культура.

Чаша с уплощенным дном, диаметром 14.5 см, высотой 5, толщиной стенок 0.1–0.15. С внутренней стороны имела “ребро” в 0.9 см от венчика, на дне — орнамент из двух концентрических окружностей, в стенке — пробитое отверстие (рис. 6, 4). На внешней стороне сосуда отчетливо прослеживаются следы грубой механической обработки, внутренняя сторона хорошо заполирована.

Литература: Черных, 2004.

2. Верх-Саинский могильник, курган 42, погр. 1, жен., 16–18 лет, неволинская культура.

Подвеска неправильной подпрямоугольной формы, с максимальными размерами 3.3 × 3.7 см, с отверстием для подвешивания, выполнена из фрагмента чаши, с сохранившимся небольшим внутренним бортиком у венчика, шириной около 0.4 см. Предполагаемый диаметр чаши — 10 см, толщина стенок — 0.08–0.09 (рис. 2, 3).

Это и все остальные изделия каталога публикуются впервые.

3. Верх-Саинское I городище, вал, неволинская культура.

Фрагмент чаши, с максимальными размерами 2.3×2.7 см, хорошо заполирован с обеих сторон. Реконструируемые параметры: диаметр — около 15 см, толщина стенок — 0.06. С внутренней стороны у венчика фиксируется бортик подтреугольной формы, шириной 3.1–3.9 мм (рис. 2, 1).

4. Верх-Саинское I городище, площадка памятника, неволинская культура.

Фрагмент чаши, с максимальными размерами 2.8 × 4.1 см, тщательно заполирован с обеих сторон. Реконструируется чаша, вероятно, с округлым дном, диаметром около 12 см, толщиной стенок 0.05. С внутренней стороны чаши, у венчика, фиксируется бортик подтреугольной формы, шириной до 1.7–1.8 мм (рис. 2, 2).

5. Тат-Боярский могильник, погр 4., жен.? (муж. — по погребальному инвентарю), 15–16 лет, еманаевская культура.

Подвеска подтрапециевидной формы с петельным креплением и восьмерковидным соединительным звеном. Длина подвески — 7.3 см, ширина — от 1.5 до 3.8 (рис. 3, 4). На внутренней и внешней сторонах фиксируются следы шабрения, на одной из боковых граней — технологический след от удара. Реконструируется чаша с округлым дном, диаметром 16 см, толщиной стенок 0.07–0.08, высотой не менее 5 (рис. 5, 2).

6. Тат-Боярский могильник, погр. 14, еманаевская культура.

Подвеска подтрапециевидной формы с отверстием для крепления, следами от петли. С подвеской связана находка восьмерковидного соединительного звена. Длина подвески — 5 см, ширина — от 2 до 4.5 (рис. 3, 1). С обеих сторон фиксируются следы шабрения, на внутренней стороне есть тонкая линия от разметки, на одной из боковых граней — след от удара. Реконструируется чаша с уплощенным дном, диаметром не менее 16 см, толщиной стенок 0.06 (рис. 5, 1).

7–14. Тат-Боярский могильник, погр. 52, жен., 40–50 лет, еманаевская культура.

Восемь подтрапециевидных пластин были привесками двухсоставных накладок. Основа накладок — согнутая пополам пластина с фигурно-геометрической формой внешней стороны и полусферическими шляпками. Крепление с основой осуществлялось напрямую, через пробитое отверстие в привеске. Длина привесок — 4.5 см, ширина — от 1 до 2.5 (рис. 3, 2). Изготовлены из чаши диаметром не менее 14 см,

толщиной стенок от 0.04 до 0.1, со сглаженными “ребрами” на внутренней стороне, следами шабрения на внешней поверхности (рис. 6, 3). Отдельные экземпляры привесок имеют технологические следы разметки и ударов.

15. Тат-Боярский могильник, разведочный сбор, еманаевская культура.

Подвеска подтрапещевидной формы с петельным креплением, восьмерковидным соединительным звеном и двумя отверстиями в основании. Длина подвески — 4.5 см, ширина — от 1 до 6.5 (рис. 3, 3). С обеих сторон изделия фиксируются следы шабрения. Подвеска изготовлена из округлого днища чаши, толщиной от 0.5 до 1 мм (рис. 6, 5).

16. Тат-Боярский могильник, разведочный сбор, еманаевская культура.

Подвеска трапещевидной формы с петельным креплением и восьмерковидным соединительным звеном. Длина подвески — 5 см, ширина — от 2.5 до 4.7 (рис. 3, 5). На внутренней поверхности фиксируются сглаженные “ребра”, на внешней — следы шабрения. Реконструируется чаша диаметром около 18 см, с прямыми стенками толщиной 0.1–0.15 (рис. 6, 1).

17, 18. Концовский могильник, погр. 25, еманаевская культура.

Две крупные подтрапещевидные подвески с пробитыми отверстиями для подвешивания и фрагментами петельного крепления на одной из них. Размеры подвесок: А (рис. 4, 3) — длина — 7.7 см, ширина — от 2.5 до 7.2; Б (рис. 4, 4) — длина — 8 см, ширина — от 2.5 до 6.9. На внешней и внутренней сторонах фиксируются следы шабрения, перпендикулярно им вокруг отверстий — следы обработки абразивом. На внутренней поверхности и боковых гранях встречаются технологические следы разметки и удара. Подвески изготовлены из двух чаш с уплощенным дном, диаметром около 17 см (рис. 5, 4) и 20 (рис. 5, 5), высотой не менее 4–4.5, толщиной стенок 0.05–0.09.

19. Концовский могильник, погр. 28, еманаевская культура.

Подтрапещевидная подвеска с отверстием. Для крепления подвески использовалась система из трех элементов: две петли и восьмерковидное соединительное звено. Длина подвески — 4.5 см, ширина — от 2 до 6 (рис. 4, 2). На внешней стороне фиксируются сглаженные следы “ре-

бер”, на внутренней стороне — следы шабрения. Подвеска изготовлена из придонной части чаши с толщиной стенок 0.6–1 мм. Предполагаемый диаметр чаши — не менее 14 см (рис. 6, 2).

20. Концовский могильник, погр. 30, еманаевская культура.

Подтрапещевидная подвеска со следами ремонта, с двойным петельным креплением. Длина подвески — 7–7.3 см, ширина — от 2.2 до 5.5 (рис. 4, 1). На обеих сторонах изделия фиксируются следы шабрения, на внутренней поверхности — “ребра”, на боковых торцах — следы от удара. Реконструируется чаша с округлым дном диаметром около 15 см, высотой не менее 5.5, толщиной стенок 0.03–0.095 (рис. 5, 3).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алихова А.Е.* Перемчалкинский могильник // Археологический сборник. Т. 1. Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1948. С. 173–211.
- Анучин Д.Н.* К истории искусства и верований у приуральской чуди (чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ) // Материалы по археологии восточных губерний России. III. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1899. С. 87–160.
- Архинов Г.А.* Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984 (Археология и этнография Марийского края; вып. 8). С. 113–159.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В.* Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; вып. 9). С. 133–275.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М.* Памятники Томского Приобья в V–VIII вв.н.э. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 244 с.
- Богачев А.В.* В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдических форм // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.: Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия: сб. материалов IV Междунар. археолог. конф. (Самара, 17–21 ноября 2008 г.). Самара: Офорт, 2010. С. 155–168.
- Голдина Р.Д.* Отчет об археологических раскопках Тат-Боярского могильника в Кильмезском районе Кировской области летом 1988 г. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 273а.
- Голдина Р.Д.* О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV — начало IX в.н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. — XV в.н.э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Удм. ун-т, 2012а (Материалы и исследования Камско-Вятской археол. эксп.; т. 25). С. 203–285.

- Голдина Р.Д.* О датировке поломской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. — XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Удм. ун-т, 20126 (Материалы и исследования Камско-Вятской археол. эксп.; т. 25). С. 399–414.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Хронология верхокамских древностей VI–XIV вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. — XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Удм. ун-т, 2012 (Материалы и исследования Камско-Вятской археол. эксп.; т. 25). С. 427–446.
- Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А.* О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI — начало IX в.н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. — XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Удм. ун-т, 2012 (Материалы и исследования Камско-Вятской археол. эксп.; т. 25). С. 321–375.
- Голдина Р.Д., Перевозчиков С.Е., Сабирова Т.М.* О составе металла некоторых украшений Нырғындынского I могильника I–III вв. н.э. в Среднем Прикамье // Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Нырғындынский могильник II–III вв. н.э. на Средней Каме. Ижевск: Удм. ун-т, 2012 (Материалы и исследования Камско-Вятской археол. эксп.; т. 22). С. 341–362.
- Денисова Т.В.* Отчет о разведочных работах в Кильмезском районе Кировской области, проведенных летом 1988 г. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 278а.
- Иванова М.Г.* Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 2–24.
- Комар А.В.* Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк: Изд-во Донец. нац. ун-та, 2000 (Труды по археологии; т. 1). С. 19–53.
- Лещенко В.Д.* Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М.: Искусство, 1976. С. 176–188.
- Лещинская Н.А.* Отчет об археологических исследованиях Тат-Боярского могильника в Кильмезском районе Кировской области летом 1990 г. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 303.
- Лещинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск, 2014 (Материалы и исследования Камско-Вятской археол. эксп.; т. 27). 472 с.
- Лещинская Н.А., Пастушенко И.Ю.* Раннесредневековые бронзовые зеркала Камско-Вятского междуречья: истоки и пути поступления // Stratum Plus. 2017. № 5. С. 99–112.
- Мажитов Н.А.* К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1964. С. 101–110.
- Могильников В.В.* Васюганский клад // СА. 1964. № 2. С. 227–231.
- Никитина Т.Б., Руденко К.А.* Чаши из могильника Нижняя Стрелка // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992 (Археология и этнография Марийского края; вып. 21). С. 51–71.
- Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б.* Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. Ижевск: Удмуртия, 2011. 218 с.
- Перевозчиков С.Е., Сабирова Т.М.* Цветной металл Ошкинского могильника конца I–III в. по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск, 2014 (Материалы и исследования Камско-Вятской археол. эксп.; т. 27). С. 452–470 (приложение, II).
- Пищеничюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 199 с.
- Равич И.Г., Флеров В.С.* Высокооловянные кованые восточные бронзы на территории Хазарии // РА. 2000. № 3. С. 134–146.
- Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 139 с.
- Руденко К.А.* Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 180 с.
- Савельев Н.С.* Население Мясогутовской лесостепи в V–III вв. до н.э.: дис. ... канд. ист. наук. [Рукопись]. Уфа, 2002. 285 с.
- Стефанова И.И.* Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск: НИИ при Совмине УАССР, 1982. С. 90–103.
- Черных Е.М.* Бронзовая чаша из Аверинского II могильника: К вопросу об использовании привозной посуды населением Прикамья в I тыс. н.э. // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 90–100.
- Чиндина Л.А.* Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 192 с.
- Шемаханская М.С.* Химико-технологическое исследование бронзовых изделий из Узунского собрания. Прил. II // Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине). М.: Наука, 1985. С. 205–206.
- Шемаханская М.С.* Феномен высокооловянистой бронзовой посуды — от древности до наших дней // Исследования в консервации культурного наследия. Вып. 2: Материалы конф., посв. 50-летию юбилею ГосНИИР (Москва, 11–13 декабря 2007 г.). М.: Индрик, 2008. С. 291–298.

BRONZE BOWLS AND THEIR DERIVATIVES FROM EARLY MIEVEAL SITES OF THE KAMA-VYATKA INTERFLUVE

Nadezhda A. Leshchinskaya*, Igor Y. Pastushenko*

Institute of the History and Culture of the Cis-Ural Peoples at the Udmurt State University, Izhevsk, Russia

* E-mail: arch@mail.ru

The paper presents the first-ever analysis of bronze bowls and their derivatives which are rare for medieval sites from the Kama and Vyatka basins. It comprises a catalogue of the artifacts, analytic data on their morphology, dating, site location and how they were used within the material and spiritual culture by the Kama region's population. There are X-ray fluorescence results proving that all the vessels were hot-forged from high-tin bronze cast bars. As to the Kama region, the bowls belong to the category of the early medieval long-distance import which is Central Asian by origin. There was a local tradition to make decorations from the bowls. Topography of the bowls' finds and accompanying complexes indicate their funeral and sacral purpose, the status of using decorations from the bowls is less significant.

Keywords: Kama-Vyatka interfluve, early Middle Ages, archaeological sites and cultures, import, high-tin bronze alloys, metal bowls.

REFERENCES

- Akhmedov I.R., Belotserkovskaya I.V., 2007. The culture of the Ryazan–Oka burial grounds. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e. [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD]*. Moscow: IA RAN, pp. 133–275. (Rannelslavianskiy mir, 9). (In Russ.)
- Alikhova A.E., 1948. The Peremchalki burial ground. *Arkheologicheskiy sbornik [Archaeological collection]*, 1. Saransk: Mord. gos. izd., pp. 173–211. (In Russ.)
- Anuchin D.N., 1899. To the history of the art and beliefs of the Ural Chud (Chud images of flying birds and mythical winged creatures). *Materialy po arkheologii vostochnykh guberniy Rossii [Materials on the archaeology of the eastern provinces of Russia]*, III. Moscow: Tip. E. Lissnera i Yu. Romana, pp. 87–160. (In Russ.)
- Arkipov G.A., 1984. The Dubovskoe burial ground. *Novye pamyatniki arkheologii Volgo-Kam'ya [New archaeological sites of the Volga-Kama region]*. Yoshkar-Ola: Mar. NII, pp. 113–159. (Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya, 8). (In Russ.)
- Belikova O.B., Pletneva L.M., 1983. Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e. [The sites of the Tom region of the Ob river basin in the 5th–8th centuries AD]. Tomsk: TGU. 244 p.
- Bogachev A.V., 2010. In search of a style: the composition and chronology of complexes with buckles of pre-heraldic forms. *Kul'tury evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e.: Voprosy mezhetnicheskikh kontaktov i mezhkul'turnogo vzaimodeystviya: sb. materialov IV Mezhdunar. arkheol. konf. (2008) [Cultures of Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium AD: Issues of interethnic contacts and intercultural interaction: Proceed. of the IV Intern. Archaeol. Conf. (2008)]*. Samara: Ofort, pp. 155–168. (In Russ.)
- Chernykh E.M., 2004. A bronze bowl from the Averiny II burial ground: to the use of imported ware by the Kama region's population in the 1st millennium AD. *Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: Materialy i issledovaniya [Cult sites of the Kama-Vyatka region: materials and studies]*. Izhevsk: Udm. IYal UrO RAN, pp. 90–100. (In Russ.)
- Chindina L.A., 1977. Mogil'nik Relka na Sredney Obi [The Relka burial ground in the Middle Ob region]. Tomsk: Izd. TGU. 192 p.
- Denisova T.V. Otchet o razvedochnykh rabotakh v Kil'mezskom rayone Kirovskoy oblasti, provedennykh letom 1988 g. [Report on reconnaissance work in Kilmez district of Kirov Region in the summer of 1988]. *Arkhib Instituta istorii i kul'tury narodov Priural'ya UdmGU [The Archive of the Institute of history and culture of the Cis-Ural Peoples of Udmurt State Univ.]*, F. 2, D. 278a. (Unpublished)
- Goldina R.D. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Tat-Boyarskogo mogil'nika v Kil'mezskom rayone Kirovskoy oblasti letom 1988 g. [Report on the archaeological excavations of the Tat Boyary burial ground in Kilmez district of Kirov Region in the summer of 1988]. *Arkhib Instituta istorii i kul'tury narodov Priural'ya UdmGU [The Archive of the Institute of History and Culture of the Cis-Ural Peoples of Udmurt State Univ.]*, F. 2, D. 273a. (Unpublished)
- Goldina R.D., 2012a. On the dating and chronology of the Nevolino culture (the late 4th – the early 9th century AD). *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v.n.e.): khronologicheskaya atributsiya [Antiquities of the Kama region of the Iron Age (the 6th century BC – 15th century AD): chronological attribution]*. Izhevsk: Udm. Univ., pp. 203–285. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheol. eksp., 25). (In Russ.)
- Goldina R.D., 2012b. On the dating of the Polom culture. *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaya atributsiya [Antiquities of the Kama region of the Iron Age (the 6th century BC – 15th century AD): chronological attribution]*. Izhevsk: Udm. Univ., pp. 399–414. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheol. eksp., 25). (In Russ.)
- Goldina R.D., Kananin V.A., 2012. The chronology of the Upper Kama antiquities of the 6th – 15th centuries. *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaya atributsiya [Antiquities of the Kama region of the Iron Age (the 6th century BC – 15th century AD): chron-*

- ological attribution]. Izhevsk: Udm. Univ., pp. 427–446. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheol. eksp., 25). (In Russ.)
- Goldina R.D., Perevoshchikov S.E., Sabirova T.M., 2012. On the composition of the metal of some ornaments from the Nyrgynda I burial ground of the 1st–3rd centuries AD in the Middle Kama region. *Goldina R.D., Krasnoperov A.A. Nyrgyndinskiy mogil'nik II–III vv. n.e. na Sredney Kame [The Nyrgynda burial ground of the 2nd–3rd centuries AD in the Middle Kama region]*. Izhevsk: Udm. univ., pp. 341–362. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheol. eksp., 22). (In Russ.)
- Goldina R.D., Perevozchikova S.A., 2012. On the dating and chronology of the Verkh-Saya burial ground of the Nevolino culture (the 6th – the early 9th century AD). *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaya atributsiya [Antiquities of the Kama region of the Iron Age (the 6th century BC – 15th century AD): chronological attribution]*. Izhevsk: Udm. Univ., pp. 321–375. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheol. eksp., 25). (In Russ.)
- Ivanova M.G., 1988. The Konets burial ground: new materials. *Novye issledovaniya po drevney istorii Udmurtii [New studies on the ancient history of Udmurtia]*. Izhevsk: UdmIYaL UrO AN SSSR, pp. 2–24. (In Russ.)
- Komar A.V., 2000. Topical issues of the chronology of the Hun period material culture in Eastern Europe. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [The Steppes of Europe in the Middle Ages]*. Donetsk: Izd. DNU, pp. 19–53. (Trudy po arkheologii, 1). (In Russ.)
- Leshchenko V.D., 1976. The use of eastern silver in the Urals. *Darkevich V.P. Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv. [Artistic metalwork of the East of the 8th–13th centuries]*. Moscow: Iskusstvo, pp. 176–188. (In Russ.)
- Leshchinskaya N.A. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Tat-Boyarskogo mogil'nika v Kil'mezskom rayone Kirovskoy oblasti letom 1990 g. [Report on archaeological investigation of the Tat Boyary burial ground in Kilmez district of Kirov Region in the summer of 1990]. *Arkhiv Instituta istorii i kul'tury narodov Priural'ya Udm. GU [The Archive of the Institute of history and culture of the Cis-Ural Peoples of Udmurt State Univ.]*, F. 2, D. 303. (Unpublished)
- Leshchinskaya N.A., 2014. Vyatskiy kray v p'yanoborskuyu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov I–V vv.n.e.) [Vyatka Region in the P'yany Bor Period (based on the materials from the burial sites of the 1st–5th centuries AD)]. Izhevsk. 472 p. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheol. eksp., 27). (Unpublished)
- Leshchinskaya N.A., Pastushenko I. Yu., 2017. Early medieval bronze mirrors of the Kama-Vyatka interfluvium: sources and routes of import. *Stratum Plus*, 5, pp. 99–112. (In Russ.)
- Mazhitov N.A., 1964. To the research in the archaeology of Bashkiria of the 1st millennium AD. *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii [Archaeology and ethnography of Bashkiria]*, II. Ufa: Bash. knish. izd., pp. 101–110. (In Russ.)
- Mogil'nikov V.V., 1964. The Vasyugan hoard. *SA [Soviet Archaeology]*, 2, pp. 227–231. (In Russ.)
- Nikitina T.B., Rudenko K.A., 1992. Chashi iz mogil'nika Nizhnaya Strelka. Bowls from the Nizhnaya Strelka burial ground. *Srednevekovye drevnosti Volgo-Kam'ya [Medieval antiquities of the Volga-Kama region]*. Yoshkar-Ola: MNII, pp. 51–71. (Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya, 21).
- Ostanina T.I., Kanunnikova O.M., Stepanov V.P., Nikitin A.B., 2011. Kuzebaevskiy klad yuvelira VII v. kak istoricheskiy istochnik [The Kuzebayevo jeweler's hoard of the 7th century as a historical source]. Izhevsk: Udmurtiya. 218 p.
- Perevoshchikov S.E., Sabirova T.M., 2014. Non-ferrous metal from the Oshki burial ground of the late 1st–3rd centuries based on X-ray fluorescent analysis. *Leshchinskaya N.A. Vyatskiy kray v p'yanoborskuyu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov I–V vv. n.e.) [Leshchinskaya N.A. Vyatka Region in the P'yany Bor period (based on the materials from the burial sites of the 1st–5th centuries AD)]*. Izhevsk, pp. 452–470. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheol. eksp., 27). (In Russ.)
- Pshenichnyuk A.Kh., 1983. Kul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [The Culture of the early nomads in the Southern Urals]. Moscow: Nauka. 199 p.
- Raspopova V.I., 1980. Metallicheskie izdeliya rannesrednevekovogo Sogda [Metal objects of Early Medieval Sogdiana]. Leningrad: Nauka. 139 p.
- Ravich I.G., Flerov B.C., 2000. High-tin forged eastern bronze in the territory of Khazaria. *RA [Russian Archaeology]*, 3, pp. 134–146. (In Russ.)
- Rudenko K.A., 2000. Metallichesкая posuda Povolzh'ya i Prikam'ya v VIII–XIV vv. [Metal ware of the Volga and Kama region in the 8th–14th centuries]. Kazan': Reper. 180 p.
- Savel'yev N.S., 2002. Naseleniye Mesyagutovskoy lesostepi v V–III vv. do n.e.: diss. ... kand. ist. nauk [The population of the Mesyagutovo forest-steppe in the 5th–3rd centuries BC: the thesis for a Doctoral degree in history]. Ufa. 285 p.
- Shemakhanskaya M.S., 1985. Chemical and technological investigation of bronze objects from the Uzun collection. Appendix II. *Litvinskiy B.A., Solov'ev V.S. Srednevekovaya kul'tura Tokharistana (v svete raskopok v Vakhshskoy doline) [Medieval culture of Tokharistan (in the light of excavations in the Vakhsh valley)]*. Moscow: Nauka, pp. 205–206. (In Russ.)
- Shemakhanskaya M.S., 2008. The phenomenon of high-tin bronze ware – from antiquity to the present day. *Issledovaniya v konservatsii kul'turnogo naslediya [Research in the conservation of cultural heritage]*, 2. *Materialy konf., posv. 50-letnemu yubileyu GosNIIR (2007) [Proceed. of the Intern. Conf. dedicated to the 50th anniv. of the State Research Restoration Institute (2007)]*. Moscow: Indrik, pp. 291–298. (In Russ.)
- Stefanova I.I., 1982. The Konets burial ground. *Srednevekovye pamyatniki basseyna r. Cheptsy [The Medieval sites of the Chepsta River basin]*. Izhevsk: NII pri Sovmine UdM ASSR, pp. 90–103. (In Russ.)

ШЕРСТЯНЫЕ КОВРЫ ИЗ АЛАНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ VIII–X вв.: КАЧЕСТВО ШЕРСТИ И ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

© 2018 г. А.С. Пахунов^{1,*}, И.И. Елкина^{1,**}, П.Е. Тарасов^{2,***}, М. Вагнер^{3,****},
У.Ю. Кочкаров^{1,*****}, Е.Г. Дэвлет^{4,*****}

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия

² Свободный университет, Берлин, Германия

³ Германский археологический институт, Берлин, Германия

⁴ Институт археологии РАН, Москва; Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

* E-mail: science@pakhunov.com

** E-mail: ira-elkina@yandex.ru

*** E-mail: ptarasov@zedat.fu-berlin.de

**** E-mail: mayke.wagner@dainst.de

***** E-mail: umar_k@mail.ru

***** E-mail: eketek@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.05.2018 г.

Значительную часть текстильных шерстяных находок из раннесредневековых аланских погребений в скальных могильниках Северо-Западного Кавказа составляют шерстяные ковры как местного производства, так и привозные. Основные типы – ковры с ворсом и без него. В работе представлен результат анализа техники изготовления и качества шерсти трех образцов из могильника Мошевая Балка и шести – из могильника Подорванная Балка. Для трех из них получены радиоуглеродные калиброванные даты в интервале: начало VIII – середина X в. В результате технологического анализа шерсти ковров четырех типов было установлено, что различия состоят не только в технике ткачества. Для каждого типа характерно использование специфического шерстяного сырья. Привозные ковры выполнены из высококачественной шерсти, типичной для регионов с развитой традицией овцеводства. Ковры с полосами ворса – из шерсти среднего качества. Для изготовления полихромных ворсовых ковров использовалась как шерсть смешанного типа, содержащая пуховые, переходные и грубые волокна, так и более равномерная шерсть практически без грубых волокон, что, возможно, фиксирует очередной этап в развитии овцеводства в регионе импорта. Местные ковры изготовлены из двух типов шерсти – светлой и темной, качество существенно варьирует, в том числе в одном изделии. Светлые волокна применялись с окрашиванием и без, тогда как темные не окрашивались. В шерсти местных пород присутствует большое количество грубых волокон, что отличает их от остальных образцов.

Ключевые слова: ковры, качество шерсти, Великий шелковый путь, Мошевая Балка, Подорванная Балка.

DOI: 10.31857/S086960630003390-8

Шерстью называют волосяной покров животных, а основным ее свойством является возможность получения пряжи. В зависимости от вида и породы животного различается и качество шерсти. История овцеводства началась в Передней Азии порядка 10.5 тыс. лет назад. На поселениях этого времени обнаруживают кости овец, морфологически отличающиеся от диких животных – муфлонов (Zeder, 2008). Использование шерсти для производства одежды предъявляло особые требования к ее характеристикам. Шерсть одомашненных животных на первом этапе была непригодна для прядения, поэтому долгое время использовались шкуры животных

целиком. В процессе развития овцеводства были выведены животные, имевшие однородную тонкую шерсть, которую стало возможно прядь, и на завершающем этапе, в XII в., были выведены мериносы, в руне которых содержались исключительно пуховые волокна небольшого диаметра и отсутствовал переходный и грубый волос.

Вопрос влияния одомашнивания на свойства шерсти овец во второй половине XX в. интенсивно разрабатывался М.Л. Райдером. Им была предложена схема изменения шерсти от дикого муфлона до современного мериноса, включающая несколько промежуточных стадий (Ryder,

1964). Отметим, что в процессе domestikации шерсть становилась не только более однородной, но также и постепенно обесцвечивалась (Ryder, 1990). Важной ступенью в развитии овцеводства стало появление в железном веке ножниц для стрижки. Если в бронзовом веке для получения пуха животных выщипывали, то с появлением ножниц можно было получить целое руно, что стало предпосылкой к очередному этапу селекции с целью уравнивания шерсти по диаметру за счет утонения грубых и утолщения пуховых волокон (Ryder, 1992).

Наряду с овцами люди одомашнили и начали разводить коз, причем направления их селекции совпадали (Alberto et al., 2018). Козы также использовались для получения шерсти, но если у тонкорунных и полутонкорунных пород овец естественная линька не происходит, то у всех пород коз, в том числе и с однородной полутонкой шерстью, имеет место весенняя линька (Москаленко, Филинская, 2012). Шерстяной покров коз содержит два типа волокон — длинные остевые волокна и очень тонкий пух, линька которого происходит зимой. Соответственно в разные сезоны состав шерсти радикально меняется: поздней осенью шерсть содержит пух и ость, тогда как летом только ость (Ryder, 1970).

Генетические исследования показали, что распространение одомашненных овец шло из Передней Азии в Южную Европу через Кавказ (Lv et al., 2015). Возможно, разведение овец осуществлялось на Кавказе уже на ранних этапах после одомашнивания. Одно из наиболее ранних свидетельств изготовления шерстяных тканей в регионе — находки из ст. Новосвободная, датируемые 3700–3200 гг. до н.э. (Shishlina et al., 2003). В III тыс. до н.э. на Кавказе отмечалось развитие овцеводства, что привело к расширению освоенных территорий за счет высокогорных местностей (Мунчаев, 1975). В конце I тыс. до н.э. возникла кошевая система овцеводства, предполагавшая отгон стада в горы на лето (Крупнов, 1960). Данная адаптационная стратегия показала свою устойчивость и сохраняется до настоящего времени.

К раннему средневековью на территории современной Карачаево-Черкесии безусловно существовали местные породы овец. Свидетельства развитого шерстяного производства обнаружены на городище Адеюх (VII–XII вв.) на р. Малый Зеленчук, в котором обнаружены загоны для овец и коз, а также найдены железные

ножницы для стрижки (Калоев, 1993). Загоны для домашнего скота фиксируются на многих поселениях Кисловодской котловины (Коробов, 2014). Производство войлоков было развито на городище Хумара в VIII–X вв. (Биджиев, 1983). Использование войлоков или ковров для утепления полов и стен жилищ возможно благодаря прекрасным теплоизоляционным свойствам шерсти. Для производства ковров можно использовать грубую шерсть, не подходящую для изготовления одежды. В аланских могильниках, наряду с изделиями с простым декором из местного низкокачественного сырья, обнаружены различные полихромные ткани из тонкой шерсти, поступавшие в регион по Великому шелковому пути.

Северокавказский “шелковый путь” связывал в раннем средневековье “Западный мир” (Византию и страны Средиземноморья) со Средней Азией и Дальним Востоком. Транскавказский отрезок Великого шелкового пути, существование которого подтверждается археологическими материалами, имел исключительное значение для местных народностей. При раскопках могильника Мошевая Балка были обнаружены фрагменты византийских, согдийских и китайских шелков (Иерусалимская, 1967, 2012; Савченко, 1999). На расцвет караванной торговли через Кавказ приходится строительство монастырей в X в. Рядом с храмами в Ингушетии — Тхаба-Ерды и Алби-Ерды — обнаружены руины небольших караван-сараяв. Руины рядом со средним храмом в Нижнем Архызе, возможно, тоже являются остатками караван-сарая (Кузьмин, 2008). В раннем средневековье купец и монах, олицетворявшие собой торговлю, религию и культуру, создавали на Великом шелковом пути очаги цивилизации (Маан, 2012).

Возраст представленных в работе тканей, определенный методом радиоуглеродного датирования шерстяных волокон, хорошо согласуется с данными археологии. Датировки, полученные по трем образцам, подтверждают, что ткани относятся к VIII–X вв.

Поскольку торговля осуществлялась в разных направлениях, шерстяные ткани могли происходить из разных стран. Большинство фрагментов шерстяных изделий из могильников Мошевая Балка и Подорванная Балка являются остатками ковров, украшенных простыми узорами, что не позволяет проводить их сравнение только на основании декора. Один из способов, позволя-

Рис. 1. Фотографии образцов (1–9).

Fig. 1. Photos of samples (1–9)

ющий различить шерстяные изделия, произведенные в разных регионах или из привозного сырья, — изучение состава волокон шерсти. С этой целью определяется диаметр не менее 100 волокон и строится гистограмма распределения измерений с шагом в 2 мкм, а полученные данные обрабатываются с применением методов описательной статистики. Итоговые гистограммы, а также значения различных средних (средней арифметической, медианы, моды), показатели вариации и формы распределения позволяют тонко дифференцировать группы сырья и технологии его обработки (Ryder, 1964; Gleba, 2012; Rast-Eicher, 2013).

Материалы и методы. Для анализа распределения волокон по диаметру от нити отрезался участок длиной 1–2 мм, после чего измерялся диаметр волокон в проходящем свете на оптическом микроскопе Р-211 (ЛОМО, Россия). Калибровка окулярной шкалы осуществлялась с помощью объекта-микрометра ОМП (ЛОМО, Россия). Всего обработано девять образцов, фиксация которых с использованием фотосъемки в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах была проведена ранее (Пахунов и др., 2017) (рис. 1). Для каждого из образцов отдельно анализировались нити основы и утка, а если уточные нити были разных цветов, то по возможности отбирались образцы каждого цвета (табл. 1). Измерения записывались в таблицу, значения округлялись до десятых. Для оценки качества шерсти использовалась классификация, предложенная А. Раст-Айхер (Rast-Eicher, 2008, 2013). Данная классификация разработана в процессе работы с археологическими образцами из Швейцарии и учитывает не только качество шерсти овец, но и возможность ее сортировки.

Для визуализации результатов использовалось построение гистограмм распределения волокон по диаметру, где по оси X откладывался диаметр в микрометрах (мкм) с шагом в 2 мкм, а по оси Y количество волокон с данным диаметром (рис. 2, 3). Полученные данные обрабатывались с использованием методов описательной статистики (табл. 2).

Для определения абсолютного возраста шерстяных тканей три образца весом в несколько мг (табл. 3) были отправлены в лабораторию радиоуглеродного датирования в г. Познань (Poznan Radiocarbon Laboratory), Польша. Датирование осуществлено с использованием метода ускорительной масс-спектрометрии (АМС). Кален-

дарный возраст образцов для доверительных интервалов с вероятностью 68.2 и 95.4% определен с использованием компьютерной программы OxCal v4.2.3 (Bronk Ramsey, 1995, 2013) и уточненной калибровочной кривой 2013 г. IntCal13 (Reimer et al., 2013).

Результаты и обсуждение. **Материалы из могильника Мошевая Балка** представлены тремя образцами.

Образец 1 (№ 435) — фрагмент шерстяного полихромного безворсового ковра гобеленового переплетения. Узор получен благодаря использованию цветных нитей утка (как минимум семи цветов), согласно рисунку. Образец характеризуется высокой плотностью утка и низкой плотностью нитей основы. Нити утка полностью перекрывают нити основы. Для создания богатого полихромного орнамента мастер использовал нити утка, которые были окрашены в разные оттенки красного, зеленого, синего и коричневого цветов. Окрашивание нитей равномерное, крашение проводилось с использованием протрав.

Качество нитей утка и основы наивысшее среди проанализированных образцов (АВ-D). Средние 23, 26, 32 и медианные 21, 22, 30 мкм значения диаметра волокон свидетельствуют о происхождении ткани из региона, в котором овцеводство было хорошо развито и выведена порода с тонкой шерстью. В нити основы присутствуют отдельные грубые волокна, удаление которых повысило бы качество на два пункта, но в то же время в образцах нитей утка практически отсутствуют волокна диаметром более 50 мкм. Это может указывать на сортировку шерсти и преднамеренно оставленные в нити утка грубые волокна.

Образец 2 (№ 436) — фрагмент шерстяного полихромного безворсового ковра полотняного переплетения (точный репс с шагом 3/1). Нити утка полностью перекрывают нити основы. Узор получен благодаря использованию в ткачестве цветных нитей утка, согласно рисунку. Темные вставки были выполнены с использованием природных коричневых нитей, а не окрашены. Ткань характеризуется высокой плотностью утка и низкой плотностью нитей основы. Красители плохо сохранились, окрашивание нитей утка в желтый цвет установлено только с использованием фотосъемки видимой люминесценции.

Для образцов ковров местного изготовления характерно использование сдвоенных и строенных нитей основы, что объясняется необходи-

Таблица 1. Технологические характеристики образцов
Table 1. Technological features of the samples

№ образца	Место находки	Размер фрагмента, см	Переплетение	Нити основы			Нити утка (крутка Z)		Тип ковра
				Толщина, мм	Крутка	Плотность, н/см	Толщина, мм	Плотность, н/см	
1	Погр. 374, Мошечевая Балка	16×11	Плотняное	1–1.2	ZZS	5	от 0.45 до 1 в зависимости от цвета	От 16 до 32 в зависимости от цвета	Безворсовый полихромный
2	Погр. 38, Мошечевая Балка	8.5×14	Плотняное (уточный релс с шагом 3/1)	0.7	Z	9 (3×3)	0.7–1.2	18–25	Безворсовый полихромный
3	Погр. 38, Мошечевая Балка	11.2×6.7	Плотняное (уточный релс с шагом 2/1)	0.7–0.9	ZZS	4 (2×2)	0.7–1.2	16–18	Безворсовый полихромный
4	Могильник II, Подорванная Балка	7.8×9.5	Плотняное (уточный релс с шагом 2/1). Два ряда ворса чередуются с 10 рядами утка	1–1,1	ZZS	7 (3.5×2)	0.8–0.9	18–20	Ворсовый полихромный в технике “турецкий узел”
5	—	13.8×13	Плотняное (уточный релс с шагом 2/1) Чередуются с 2 рядами ворса через 4 ряда утка	1.4–1.5	ZZS	5 (2.5×2)	1–1.1	14–15	Ворсовый полихромный в технике “турецкий узел”
6	—	14.6×8.4	Плотняное (уточный релс с шагом 2/1)	0.9–1.0	Z	6 (3×2)	светлые 0.9–1 темные 0.8–1.2	15–20	Безворсовый полихромный
7	—	14.8×22.2	Саржевое (уточная саржа 1×2) чередуется с одним рядом ворса через каждые 19–20 мм утка	0.9–1.0	ZZ/S	6	0.8–1.2	18–20	С горизонтальными полосами ворса
8	—	21×16.2	Саржевое (уточная саржа 1×2) чередуется с одним рядом ворса через каждые 19–20 мм (36–40 рядов) утка	0.9–1	ZZ/S	6	0.8–1.2	18–20	С горизонтальными полосами ворса
9	Могильник I, Подорванная Балка	32×17.5	Саржевое (уточная саржа 1×2) чередуется с одним рядом ворса через каждые 19–20 мм (36–40 рядов) утка	0.9–1	ZZ/S	6	0.8–1.2	18–20	С горизонтальными полосами ворса

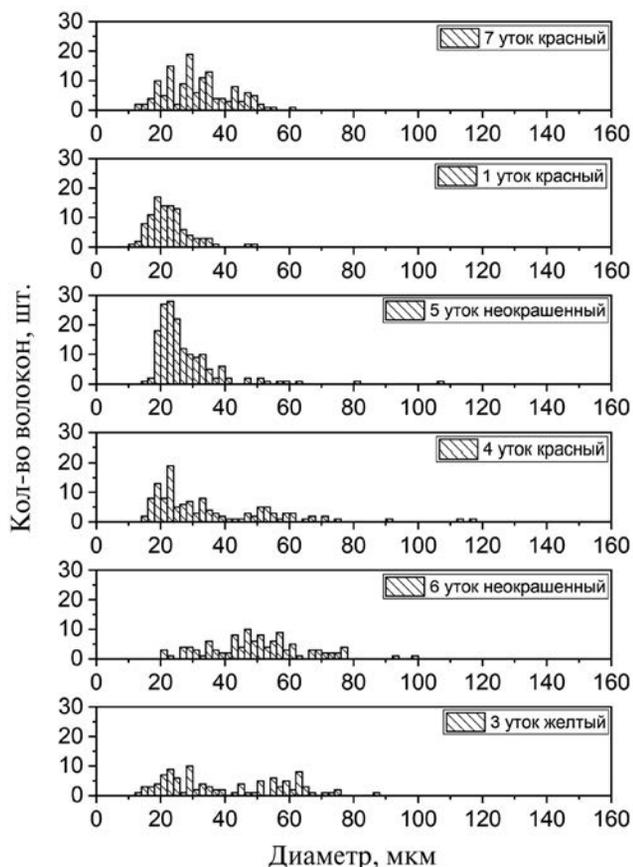

Рис. 2. Распределение по диаметру светлых волокон.

Fig. 2. Distribution by the diameter of light fibers

мостью усилить нити, spun из низкокачественного сырья (ЕЕ). Нити утка также низкого качества, но качество коричневых могло быть значительно повышено (с Е до CD) путем удаления наиболее грубых волокон. Однако это не было сделано, поскольку рассматриваемый образец является ковром, а не фрагментом одежды, которая постоянно соприкасается с телом. Также отметим очень низкое качество окрашенных в желтый цвет нитей (среднее 54 мкм), которое выходит за границы используемой классификации.

Образец 3 (№ 437) — фрагмент шерстяного полихромного безворсового ковра. Ткань шерстяная полихромная полотняного переплетения (уточный репс с шагом 2/1). Нити утка полностью перекрывают нити основы. Ткань характеризуется высокой плотностью утка и низкой плотностью нитей основы. Для изготовления ковра использованы нити, spun из волокон шерсти овец темного и светлого окраса, светлые нити были окрашены в желтый цвет. Узор шашечный, получен путем чередования групп уточных рядов через каждые 8.5–9.5 мм.

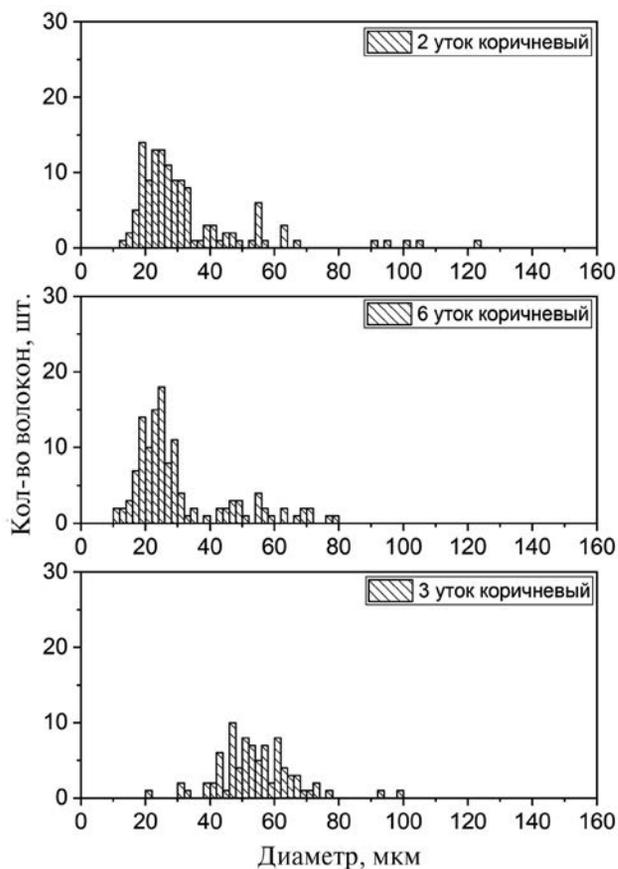

Рис. 3. Распределение по диаметру темных волокон.

Fig. 3. Distribution by the diameter of dark fibers

В группу входят 13 рядов утка, в которой нечетные ряды — светлые нити, четные ряды — темные нити. В следующей группе рядов порядок нитей меняется: нечетные ряды — темные нити, четные ряды — светлые нити.

Для основы использованы двоянные светлые нити II порядка толщиной 1.3–1.5 мм (2Z/S). Нити получены путем свивания между собой двух нитей I порядка в S-направлении. Нити I порядка равномерной Z-крутки толщиной 0.7–0.9 мм. Плотность нитей основы составляет 4 (2×2) н/см. В качестве уточных нитей использованы светлые и темные нити Z-крутки. Светлые нити утка аналогичны нитям основы. Толщина нитей колеблется в пределах 0.9–1.2 см. Плотность нитей утка составляет 16–18 н/см.

Для изготовления данного ковра использовалась несортированная шерсть. Светлые нити основы и утка имеют бимодальное распределение с максимумами около 25 и 60 мкм. Низкое качество коричневых волокон со средним 54 мкм и отсутствующим подшерстком можно объяс-

Таблица 2. Статистические характеристики образцов и класс качества по Раст-Айхер (Rast-Eicher, 2008)**Table 2.** Statistical data for the samples and quality class under Rast-Eicher (2008)

Номер и описание образца	Количество волокон	Среднее	Медиана	Минимальный диаметр	Максимальный диаметр	Стандартное отклонение	Класс качества
1 – основа	137	26.3	22.3	9.9	86.5	13.0	D
1 – уток красный 2	81	32.4	30.4	15.4	102.4	12.8	CD
1 – уток красный 1	102	22.6	21.5	11.3	48.1	6.4	AB
4 – основа	127	35.0	29.7	13.2	95.3	15.1	E
4 – уток красный	125	35.2	28.1	14.1	117.2	19.1	E
4 – уток синий	136	27.9	23.3	10.4	81.2	14.0	D
5 – основа	135	25.8	21.5	8.9	60.7	11.3	CD
5 – уток синий	136	27.7	23.7	15.6	73.0	10.8	D
5 – уток красный	107	32.2	25.6	15.5	89.5	16.1	E
5 – уток неокрашенный	164	27.8	24.4	15.7	106.9	11.1	CD
2 – основа	131	35.9	31.9	11.8	108.4	17.7	EE
2 – уток желтый	69	54.9	53.6	21.5	108.9	16.8	–
2 – уток розовый	57	40.6	35.7	14.5	88.5	18.2	EE
2 – уток коричневый	125	32.9	26.9	13.4	123.5	18.7	E
3 – основа	128	33.8	25.4	15.6	78.7	18.1	EE
3 – уток коричневый	83	54.3	53.0	20.3	98.1	12.0	–
3 – уток желтый	102	40.2	34.6	13.9	88.0	18.3	–
6 – основа	57	53.6	55.3	34.6	71.6	8.8	F
6 – уток неокрашенный	111	50.0	48.9	21.0	99.4	15.1	–
6 – уток коричневый	125	30.6	24.8	10.1	78.5	15.5	E
7 – основа	124	35.3	34.5	13.4	94.5	12.5	D
7 – уток	136	31.8	30.4	12.6	61.1	10.0	D
8 – основа	122	24.0	21.5	12.3	73.8	10.3	CD
8 – уток	135	31.9	28.7	12.1	89.4	12.8	D
9 – основа	135	35.3	32.5	13.1	83.3	14.4	E
9 – уток	90	25.8	21.6	10.1	75.2	12.4	D

Таблица 3. Радиоуглеродные АМС-датировки шерстяных изделий**Table 3.** ¹⁴C АМС datings of woolen items

Лабораторный номер	Номер образца	Датированный материал	¹⁴ C АМС-датировки (гг. до 1950 н.э.)	Календарный возраст образца (68.2% интервал, гг.н.э.)	Календарный возраст образца (95.4% интервал, гг.н.э.)
Poz-100722	5	Шерстяная нить	1155±30	778–791 (8.2%) 806–817 (5.0%) 825–841 (8.0%) 862–901 (26.4%) 921–952 (20.7%)	775–969 (95.4%)
Poz-100723	4	Шерстяная нить	1185±30	778–793 (11.2%) 801–884 (57.0%)	725–739 (1.8%) 767–900 (88.3%) 922–949 (5.3%)
Poz-100745	6	Шерстяная нить	1220±30	726–738 (7.3%) 768–779 (7.9%) 789–870 (53.0%)	692–748 (20.9%) 762–887 (74.5%)

нить тем, что они получены не стрижкой, а выщипыванием во время линьки.

Материалы из могильника Подорванная Балка представлены шестью образцами из коллекции Государственного Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника им. М.О. Байчоровой (КЧМЗ) и Зеленчукского районного краеведческого музея им. С.Ф. Варченко (ЗРКМ).

Образец 4 (ЗРКМ С442) – ковер ворсовый, соткан из шерстяных нитей. Ряды ворса чередуются с рядами уточных нитей. Переплетение полотняное (уточный репс с шагом 2/1). В качестве основы использованы неокрашенные нити, спряденные из светлых и темных волокон. Горизонтальные полосы ворса чередуются с уточными нитями. Два ряда ворса в технике “двойной турецкий узел” выполнены через каждые 10 рядов утка (5 мм). Двойной турецкий узел – это симметричный узел, полученный путем обертывания концами ворсовой нити двух нитей основы и выведения их между нитями основы вперед.

Качество нитей утка и основы схоже (D-E), для них характерен смешанный тип шерсти с бимодальным распределением волокон по диаметру и выраженным переходом между шерстью и подшерстком. Шерсть не перебиралась после стрижки – во всех образцах встречаются грубые остевые волокна. Различие в качестве нитей утка, окрашенных в красный и синий цвета, может быть связано с использованием шерсти, полученной из разных частей руна или с овец разного возраста.

Образец 5 (ЗРКМ б/н) – ковер шерстяной, ворсовый, полихромный с крупным орнаментом, переплетение полотняное. К сожалению, по доступному для исследования фрагменту восстановить орнамент в настоящее время не представляется возможным. Для ворса использованы нити как минимум трех цветов. Они окрашены в насыщенные синий и красный цвета, светлые нити не окрашены. Ворс выполнен в технике “турецкий узел”. Нити узла сдвоены. Каждый ряд узлов разделяют четыре ряда утка. На фрагменте в нескольких местах зафиксированы ткацкие ошибки, в результате которых вместо одного узла в ряду выполнено два, один над другим.

Качество нитей основы и утка (синего цвета и неокрашенных) различается незначительно, для среднего диаметра волокон получены значения 26 и 28 мкм соответственно (классы CD-D).

Для утка красного цвета (класс E) среднее значение составляет 32 мкм, что связано с присутствием большего количества (до 12%) волокон с диаметром более 60 мкм. Распределение пуховых волокон во всех образцах схожее, а при удалении грубых волокон из образца красного цвета его качество можно было сравнить с остальными образцами, повысив на две ступени. Это позволяет предположить случайный характер присутствия в образце грубых волокон, которые, вероятно, не были удалены при сортировке.

Образец 6 (ЗРКМ 1146) – ковер безворсовый, шерстяной, полихромный в полоску. Переплетение полотняное (уточный репс с шагом 2/1). Нити утка полностью перекрывают нити основы. Ткань характеризуется высокой плотностью утка и низкой плотностью нитей основы. Узор получен благодаря чередованию рядов темных и светлых нитей утка. Ширина светлой полосы составляет 10 мм (14–16 рядов утка), темной – 12 (16–18 рядов утка). Материал и техника изготовления аналогичны образцу 436 из могильника Мошешевая Балка.

Для изготовления данного ковра использовалась низкокачественная светлая шерсть (до класса F), имеющая распределение волокон по диаметру, аналогичное утку желтого цвета в образце 2. Коричневая шерсть существенно отличается от светлой, хотя она также содержит большую долю грубых волокон, основной объем образца составляют волокна подшерстка с максимумом 25 мкм.

Образцы 7 и 8 (КЧМЗ 9243/100, 101) – части одного ковра с горизонтальными полосами ворса, сотканного из шерстяных нитей. Переплетение саржевое (уточная саржа 1×2). Окрашивание в красный цвет уточных нитей выполнено, предположительно, корнями марены красильной (*Rubia tinctorum*). Окрашивание низкого качества, неравномерность прокрашивания отмечена уже при визуальном анализе.

Горизонтальные полосы ворса чередуются с уточными нитями. Один ряд ворса в технике “двойной турецкий узел” выполнен через каждые 19–20 мм (36–40 рядов) утка. Материал и техника изготовления аналогичны образцу 9.

Различия в качестве волокон в нитях утка и основы не обнаружены, их средний диаметр составляет 32–35 мкм (класс D), за исключением нити основы образца 8 (среднее 24 мкм, класс CD и B после сортировки). Существенное раз-

личие в качестве образцов в одном изделии, вероятно, связано с индивидуальными характеристиками животных, нежели с преднамеренным использованием шерсти разного качества.

Образец 9 (КЧМЗ 9107/272) – фрагмент текстиля, жестко закреплен на экспозиционном планшете, поэтому для изучения доступна одна сторона изделия, определенная в процессе работы как изнаночная. При визуальном осмотре на поверхности через каждые 18–20 мм определены слабоаметные горизонтальные полосы, образованные невысокими столбиками протяжек основы. Дальнейшее изучение и сравнительный анализ образца показал, что это фрагмент ковра с горизонтальными полосами, образованными одним рядом ворса. Сравнительные характеристики толщины и крутки нитей, а также плотности нитей по основе и утку показали, что образец 9 аналогичен образцам 7 и 8.

Для изготовления данного ковра использовались грубые нити основы со средним диаметром 35 мкм (класс E) и значительно более качественные нити утка со средним диаметром 26 мкм (класс D). В образцах присутствует большое количество неотсортированных грубых волокон – при их удалении класс качества нитей основы

и утка мог быть повышен на 2 и 3 ступени до CD и B соответственно.

Поскольку некоторые из образцов не подвергались консервационной обработке с использованием органических соединений, можно было установить их возраст радиоуглеродным методом с использованием ускорительной масс-спектрометрии. Результаты датирования образцов 4–6 приведены в табл. 2. Все три датировки, будучи откалиброваны, укладываются в интервал с начала VIII до середины X в (рис. 4), что соответствует периоду наибольшего расцвета средневековой торговли на Великом шелковом пути в эпоху династии Тан (618–907 гг.).

При анализе коллекции из Мошевой Балки, хранящейся в Государственном Эрмитаже, А.А. Иерусалимской (2012) выделены следующие типы шерстяных изделий, из которых 1–4 являются импортом: 1. Безворсовые ткани gobelенового переплетения; 2. Ворсовые ковры; 3. Тонкие безузорные ткани репсового или полотняного переплетения, окрашенные мареной. Предназначались для изготовления одежды; 4. Нашивка на тунику – орбикул; 5. Коврики местного производства.

Изучение находок из могильника Подорванная Балка позволяет дополнить данную клас-

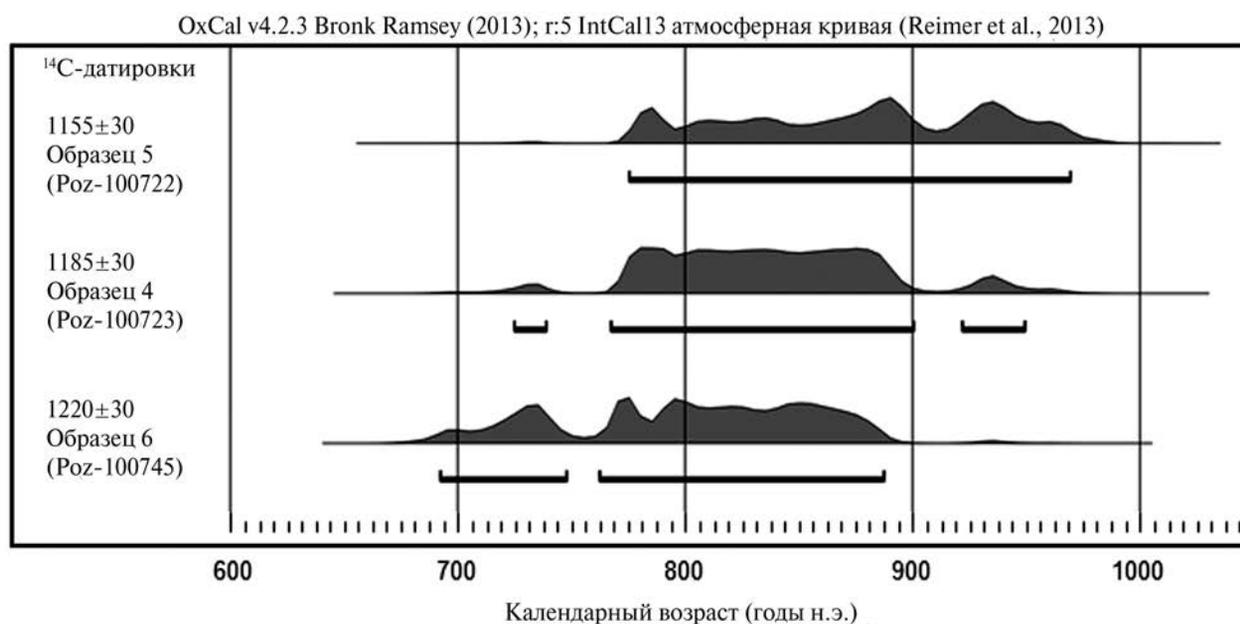

Рис. 4. Датировки образцов изделий из шерсти. Слева – радиоуглеродные даты (см. табл. 2); справа – календарный возраст образцов. Ареал распределения показан серым цветом, а черные квадратные скобки ограничивают 95.4% доверительный интервал.

Fig. 4. Datings of samples of woolen items. Left – radiocarbon dating (see Table 2); right – absolute age of samples. Grey indicates the distribution area, black square brackets limit 95.4% confidence interval

сификацию новым типом — ковры в полосу, образованную одним рядом ворса. Ряды ворса проходят по поверхности ковра горизонтальными полосами через каждые 18–20 мм.

С целью пополнения базы данных, описывающей шерстяные предметы из аланских захоронений, нами проанализированы отчеты о работах на могильнике Мошешая Балка и публикации коллекции, хранящейся в Государственном Эрмитаже.

Архивные материалы (раскопки Е. И. Савченко). Работы Лабинского отряда проводились в 1980 и 1982 гг. (Савченко, 1982). Среди образцов шерсти наибольший объем составляют орнаментированные коврики местного изготовления, которые дополняет единственный фрагмент импортного полихромного безворсового ковра. Такой состав находок, вероятно, связан с тем, что в результате сбора материалов в течение первых двух третей XX в. на памятнике остался наиболее массовый материал. Всего обнаружено 10 образцов, 6 из которых декорированы чередующимися светлыми и темными полосами и 4 с шахматным орнаментом. На некоторых изделиях зафиксированы оба вида декора. Из всех выделенных типов шерстяных находок местные ковры наиболее многочисленны.

Коллекция Государственного Эрмитажа. Наиболее представительная коллекция находок из могильника Мошешая Балка находится в Государственном Эрмитаже, причем большинство значимых вещей представлено в экспозиции. Хранителем данной коллекции А. А. Иерусалимской опубликованы две монографии на немецком и русском языках (Jerusalimskaia, 1996; Иерусалимская, 2012), последняя содержит многочисленные цветные иллюстрации. В коллекции представлены все типы шерстяных находок: привозные полихромные гобелены (инв. № Кз 6804), коптские ткани (орбикул, инв. № Кз 6803), ворсовые ковры (инв. № Кз 6809/1, 2). Поскольку основным видом текстильного материала в аланских погребениях являются шелковые ткани, находкам шерсти уделено значительно меньше внимания, поэтому в монографиях опубликованы в основном полихромные импортные образцы, а местные изделия лишь кратко упоминаются, например инв. № Кз 6804.

Проведенный анализ образцов шерстяных изделий местного изготовления (образцы 2, 3, 6) позволяет предположить, что в VIII–X вв. на Северном Кавказе разводились как минимум

две породы овец: темно- и светлорунные грубошерстные овцы. Сведения о нескольких скальных могильниках на территории Карачаево-Черкесии приводятся в работе Г. Х.-У. Текеева: в одной из могил с мумией мужчины в Мошешая Балке была “шуба из *грубошерстной белой овцы*” (1988). При раскопках во многих поселениях зафиксированы постройки для содержания домашних животных, в том числе овец и коз, и их кости (Алексеева, 1955). Также на некоторых памятниках обнаружены железные ножницы, используемые для стрижки овец, однако датировка их более поздняя — X–XII вв. (Биджиев, 1983; Алексеева, 1992). Вероятно, до этого периода для получения шерстяного сырья использовалась более примитивная техника, например выщипывание, которая с появлением железных орудий была заменена на стрижку. Однако нельзя исключить и возможность использования летней шерсти коз, которая имеет схожее распределение с высоким значением среднего диаметра — родовая принадлежность нуждается в проверке посредством генетического анализа (Brandt et al., 2014).

Полихромные безворсовые (образец 1) и ворсовые ковры (образцы 4, 5) отличаются активным использованием широкой палитры красителей и высоким качеством крашения, благодаря чему в условиях погребений сохранились не только основные цвета, но и тонкие различия в тоне. Несмотря на то что сама технология крашения была известна и практиковалась на Кавказе, у местного населения отсутствовал доступ к красителям редких цветов и высококачественному сырью. Наиболее распространенным красителем была марена, которая составляла отдельную статью экспорта из Кавказского региона (Караулов, 1903; Мамедов, 1993). Данные образцы, безусловно, привозные, однако качество сырья, использовавшегося для производства нитей, и технология его обработки в них различается. Наиболее качественная шерсть обнаружена в образце 1 — в ней практически отсутствуют грубые волокна, что позволяет предположить использование сортировки шерсти после стрижки. В образцах 4 и 5 качество шерсти ниже и существенно различается (от класса CD до E) — в них присутствует большое количество грубых волокон, а переход между подшерстком и шерстью выражен сильнее — при бимодальном распределении максимумы расположены дальше друг от друга, что позволяет предположить использование шерсти без сортировки.

Образцы 7–9 – ковры с редкими рядами ворса. Нити окрашены красным красителем, причем окраска разных нитей неравномерная, за счет чего создается ощущение орнамента (полосок). О.В. Орфинская (2001) относит данные ткани к местным, хотя они существенно отличаются от ковров типа 5. Возможность разведения в одно время пород со значительно различающимися свойствами шерсти или использование сырья, поступившего из другого региона, нуждается в дополнительной проверке.

В заключение отметим следующее. Различия между исследованными образцами состоят не только в технологии ткачества. Материалом для всех ковров была шерсть, качество которой различно в зависимости от происхождения сырья. Формы гистограмм отражают принципиальные различия в сырье и характеризуют породы, разводившиеся в определенной местности. Анализ распределения волокон шерсти по диаметру позволил разделить образцы на несколько групп согласно использовавшейся классификации и определить некоторые технологические особенности сбора и подготовки сырья для ткачества. Наиболее качественная шерсть обнаружена в привозных полихромных изделиях, а наименее качественная – в ковриках местного изготовления. Техника производства и декорирования ковров местного производства лаконична – использовалась упрощенная технология крашения, что привело к выцветанию с течением времени, а для декорирования зачастую использовались нити разного оттенка вместо более затратной процедуры крашения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.: Вост. лит., 1992. 216 с.
- Алексеева Е.П. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии // КСИИМК. 1955. Вып. 60. С. 48–53.
- Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск: Кар.-Черк. отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1983. 168 с.
- Иерусалимская А.А. Мошевая Балка: Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 384 с.
- Иерусалимская А.А. О Северокавказском “шелковом пути” в раннем средневековье // СА. 1967. № 2. С. 55–78.
- Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1993. 233 с.
- Караулов Н.А. Сведения арабских писателей X и XI веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 32. Тифлис, 1903. Отд. I. С. 1–63.
- Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс.н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины): дис. ... д-ра ист. наук [Рукопись]. Т. 1. М., 2014. 610 с.
- Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.
- Кузьмин В. Древние христианские храмы Кавказа // Наука и жизнь. 2008. № 12. С. 102–111.
- Маан О.В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии (VI в. до н.э. – 70-е гг. XIX в.). Сухум, 2012. 344 с.
- Мамедов Т.М. Кавказская Албания в IV–VII вв. Баку: Маариф, 1993. 216 с.
- Москаленко Л.П., Филинская О.В. Козоводство: учеб. пособие для студентов вузов. СПб.: Лань, 2012. 272 с.
- Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 415 с.
- Орфинская О.В. Текстиль VIII–IX вв. из коллекции Карачаево-Черкесского музея: технологические особенности в контексте культуры раннесредневековой Евразии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 20 с.
- Пахунов А.С., Елкина И.И., Дэвлет Е.Г., Вагнер М., Тарасов П.Е. Шерстяные ткани Мошевой Балки и Могильника Янхай // РА. 2017. № 3. С. 46–56.
- Савченко Е.И. Мошевая Балка – узловой пункт Великого шелкового пути на Северном Кавказе // РА. 1999. № 1. С. 125–140.
- Савченко Е.И. Опись к отчету Лабинского отряда за 1982 год (Могильник Мошевая Балка) // Архив ИА РАН. Р-1. № 2358.
- Текеев Г.Х.-У. Новые материалы из скальных могилок раннего средневековья на территории Карачаево-Черкесии // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск: Кар.-Черк. НИИ истории, филологии и экономики, 1988. С. 151–160.
- Alberto F.J., Boyer F., Orozco-terWengel P., Streeter I., Servin B., Villemereuil P., Benjelloun B., Librado P., Bis-carini F., Colli L., Barbato M., Zamani W., Alberti A., Engelen S., Stella A., Joost S., Ajmone-Marsan P., Negrini R., Orlando L., Rezaei H.R., Naderi S., Clarke L., Flicek P., Wincker P., Coissac E., Kijas J., Tosser-Klopp G., Chikhi A., Bruford M.W., Taberlet P., Pompanon F., Barbato M. Convergent genomic signatures of domestication in sheep and goats // Nature communications. 2018. V. 9. № 1. P. 813.
- Brandt L.Ø., Schmidt A.L., Mannering U., Sarret M., Kelstrup C.D., Olsen J.V., Cappellini E. Species identification of archaeological skin objects from Danish bogs: Comparison between mass spectrometry-based peptide sequencing and microscopy-based methods // PloS One. 2014. V. 9. С. e106875.
- Bronk Ramsey C. OxCal Program v4.2.3. Radiocarbon Accelerator Unit, University of Oxford, Oxford, 2013 [Electronic resource]. Access mode: http://c14.arch.ox.ac.uk/oxcalhelp/hlp_contents.html. Date of access: 11.06.2013.

- Bronk Ramsey C.* Radiocarbon calibration and analysis of stratigraphy: the OxCal program // *Radiocarbon*. 1995. V. 37. P. 425–430.
- Ly F.-H., Peng W.-F., Yang J., Zhao Y.-X., Li W.-R., Liu M.-J., Ma Y.-H., Zhao Q.-J., Yang G.-L., Wang F., Li J.-Q., Liu Y.-G., Shen Z.-Q., Zhao S.-G., Hehua E., Gorkhali N.A., Farhad Vahidi S.M., Muladno M., Naqvi A.N., Tabell J., Iso-Touru T., Bruford M.W., Kantanen J., Han J.-L., Li M.-H.* Mitogenomic meta-analysis identifies two phases of migration in the history of eastern eurasian sheep // *Molecular biology and evolution*. 2015. V. 32. P. 2515–2533.
- Gleba M.* From textiles to sheep: investigating wool fibre development in pre-Roman Italy using scanning electron microscopy (SEM) // *Journal of Archaeol. Science*. 2012. V. 39. P. 3643–3661.
- Ierusalimskaja A.A.* Die Gräber der Moscevaja Balka. Munchen: Fruhmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse, 1996. 338 S., 228 Fig.
- Rast-Eicher A.* Textilien, Wolle, Schafe der Eisenzeit in der Schweiz. Basel: Archäologie Schweiz, 2008. 212 S.
- Rast-Eicher A., Jørgensen L.B.* Sheep wool in Bronze Age and Iron Age Europe // *Journal of Archaeol. Science*. 2013. V. 40. P. 1224–1241.
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafli-*
- son H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S., van der Plicht J.* IntCal13 and MARINE13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // *Radiocarbon*. 2013. V. 55. P. 1869–1887.
- Ryder M.L.* Fleece evolution in domestic sheep // *Nature*. 1964. V. 204, № 4958. P. 555–559.
- Ryder M.L.* Structure and seasonal change of the coat in Scottish wild goats // *J. Zoology*. 1970. V. 161. № 3. P. 355–361.
- Ryder M.L.* The Interaction between biological and technological change during the development of different fleece types in sheep // *Anthropozoologica*. 1992. № 16. P. 131–140.
- Ryder M.L.* The natural pigmentation of animal textile fibres // *Textile history*. 1990. V. 21. P. 135–148.
- Shishlina N.I., Orfinskaya O.V., Golikov V.P.* Bronze Age textiles from the North Caucasus: New evidence of fourth millennium BC fibres and fabrics // *Oxford Journal of Archaeology*. 2003. V. 22, iss. 4. P. 331–344.
- Zeder M.A.* Domestication and early agriculture in the Mediterranean Basin: Origins, diffusion, and impact // *Proceed. of the national Academy of Sciences*. 2008. V. 105. № 33. P. 11597–11604.

WOOL CARPETS FROM ALAN BURIALS OF THE 8th–10th CENTURIES: WOOL QUALITY AND PRODUCTION TECHNOLOGY

Alexander S. Pakhunov^{1,*}, Irina I. Elkina^{1,**}, Pavel E. Tarasov^{2,***}, Mayke Wagner^{3,****},
Umar Yu. Kochkarov^{1,*****}, Ekaterina G. Devlet^{4,*****}

¹ Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia

² Free University, Berlin, Germany

³ German Archaeological Institute, Berlin, Germany

⁴ Institute of Archeology RAS, Moscow; Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

* E-mail: science@pakhunov.com

** E-mail: ira-elkina@yandex.ru

*** E-mail: ptarasov@zedat.fu-berlin.de

**** E-mail: mayke.wagner@dainst.de

***** E-mail: umar_k@mail.ru

***** E-mail: eketek@yandex.ru

A significant part of the textile woolen finds from the early medieval Alan burials in the rock cemeteries of the North-Western Caucasus are woolen carpets, both produced locally and imported. The main types are pile carpets and those without pile. The paper presents the findings on the production technology and wool quality of three samples from the Moshchevaya Balka cemetery and six samples from the Podorvannaya Balka cemetery. For three of them, radiocarbon-calibrated dates were obtained in the interval between the early 8th – the middle 10th century. Technological analysis of wool carpets of four types established that the difference consisted not only in the weaving techniques. Each type is characterized by the use of specific raw wool. The imported carpets were made of high quality wool, typical for regions with a developed tradition of sheep breeding. Carpets with pile bands were produced from medium quality wool. For polychrome pile carpets, they used both wool of mixed type, containing down, intermediate, and coarse fibers, and more homogenous wool with almost no coarse fibers, which, perhaps, indicates a higher stage of sheep breeding development in the importing region. Local

carpets are made of two types of wool – the light and the dark one, their quality varying considerably, including within one item. For light wools, they used both dyed and undyed fibers, while the dark ones were not dyed. In the wool of local breeds there is a large amount of coarse fibers, which distinguishes them from other samples.

Keywords: carpets, quality of wool, Great Silk Road, Moshchevaya Balka, Podorvannaya Balka.

REFERENCES

- Alberto F.J., Boyer F., Orozco-terWengel P., Streeter I., Servin B., Villemereuil P., Benjelloun B., Librado P., Bis-carini F., Colli L., Barbato M., Zamani W., Alberti A., Engelen S., Stella A., Joost S., Ajmone-Marsan P., Negrini R., Orlando L., Rezaei H.R., Naderi S., Clarke L., Flicek P., Wincker P., Coissac E., Kijas J., Tosser-Klopp G., Chikhi A., Bruford M.W., Taberlet P., Pompanon F., Barbato M., 2018. Convergent genomic signatures of domestication in sheep and goats. *Nature communications*, vol. 9, no. 1, p. 813.
- Alekseyeva E.P., 1955. Archaeological excavations near the village of Zhako in Cherkessia. *KSIIMK [Brief Communications of the Institute for History of Material Culture]*, 60, pp. 48–53. (In Russ.)
- Alekseyeva E.P., 1992. Arkheologicheskie pamyatniki Karachayevo-Cherkessii [Archaeological sites of Karachay-Cherkessia]. Moscow: Vost. lit. 216 p.
- Bidzhiyev Kh.Kh., 1983. Khumarinskoye gorodishche [The Khumara fortified settlement]. Cherkessk: Kar.-Cherk. otd. Stav. knish. izd. 168 p.
- Brandt L.Ø., Schmidt A.L., Mannering U., Sarret M., Kelstrup C.D., Olsen J.V., Cappellini E., 2014. Species identification of archaeological skin objects from Danish bogs: Comparison between mass spectrometry-based peptide sequencing and microscopy-based methods. *PloS One*, vol. 9, iss. 9, e106875.
- Bronk Ramsey C. OxCal Program v4.2.3. Radiocarbon Accelerator Unit, University of Oxford, Oxford, 2013 (Electronic resource). URL: http://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal-help/hlp_contents.html.
- Bronk Ramsey C., 1995. Radiocarbon calibration and analysis of stratigraphy: the OxCal program. *Radiocarbon*, vol. 37, iss. 2, pp. 425–430.
- Gleba M., 2012. From textiles to sheep: investigating wool fibre development in pre-Roman Italy using scanning electron microscopy (SEM). *Journal of Archaeol. Science*, vol. 39, iss. 12, pp. 3643–3661.
- Jerusalimskaja A.A., 1996. Die Gräber der Moscevaja Balka. München: Frühmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse. 338 p., 228 ill.
- Jerusalimskaya A.A., 1967. On the North Caucasian “Silk Road” in the early Middle Ages. *SA [Soviet Archaeology]*, 2, pp. 55–78. (In Russ.)
- Jerusalimskaya A.A., 2012. Moshchevaya Balka: Neobychnyy arkheologicheskiy pamyatnik na severokavkazskom shelkovom puti [Moshchevaya Balka: a specific archaeological site on the North Caucasian Silk Road]. St. Petersburg: Izd. GE. 384 p.
- Kaloyev B.A., 1993. Skotovodstvo narodov Severnogo Kavkaza: s drevneyshikh vremen do nachala XX veka [Cattle breeding of the North Caucasian peoples: from ancient times to the early 20th century]. Moscow: Nauka. 233 p.
- Karaulov N.A., 1903. References from Arab writers of the 10th and 11th centuries AD on the Caucasus, Armenia and Azerbaijan. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza [Collected materials for the description of areas and tribes of the Caucasus]*, 32. Tiflis. 1, pp. 1–63. (In Russ.)
- Korobov D.S., 2014. Sistema rasseleniya alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I tys.n.e. (landshaftnaya arkheologiya Kislovodskoy kotloviny): dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk (Rukopis') [The settlement system of the central Ciscaucasian Alans in the 1st Millennium AD (landscape archaeology of the Kislovodsk Depression): the thesis for a Doctoral Degree in History (Manuscript)], 1. Moscow. 610 p.
- Krupnov E.I., 1960. Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza [Ancient history of the North Caucasus]. Moscow: Izd. AN SSSR. 520 p.
- Kuz'min V., 2008. Ancient Christian temples of the Caucasus. *Nauka i zhizn' [Science and Life]*, 12, pp. 102–111. (In Russ.)
- Ly F.-H., Peng W.-F., Yang J., Zhao Y.-X., Li W.-R., Liu M.-J., Ma Y.-H., Zhao Q.-J., Yang G.-L., Wang F., Li J.-Q., Liu Y.-G., Shen Z.-Q., Zhao S.-G., Hehua E., Gorkhali N.A., Farhad Vahidi S.M., Muladno M., Naqvi A.N., Tabbell J., Iso-Touru T., Bruford M.W., Kantanen J., Han J.-L., Li M.-H., 2015. Mitogenomic meta-analysis identifies two phases of migration in the history of eastern Eurasian sheep. *Molecular biology and evolution*, vol. 32, iss. 10, pp. 2515–2533.
- Maan O.V., 2012. Iz istorii trgovno-ekonomicheskikh svyazey drevney i srednevekovoy Abkhazii (VI v. do n.e. – 70-e gg. XIX v.) [From the history of trade and economic relations of ancient and medieval Abkhazia (the 6th century BC – 1870s)]. Sukhum. 344 p.
- Mamedov T.M., 1993. Kavkazskaya Albaniya v IV–VII vv. [Caucasian Albania in the 4th–7th centuries]. Baku: Maarif. 216 p.
- Moskalenko L.P., Filinskaya O.V., 2012. Kozovodstvo: uchebnoye posobie dlya studentov vuzov [Goat Breeding: a textbook for university students]. St. Petersburg: Lan'. 272 p.
- Munchayev R.M., 1975. Kavkaz na zare bronzovogo veka [The Caucasus at the dawn of the Bronze Age]. Moscow: Nauka. 415 p.
- Orfinskaya O.V., 2001. Tekstil' VIII–IX vv. iz kollektzii Karachayevo-Cherkesskogo Muzeya: tekhnologicheskie osobennosti v kontekste kul'tury rannesrednevekovoy Evrazii: avtoref. diss. ... kand. istor. nauk [Textiles of the 8th–9th centuries from the collection of the Karachay-Cherkess museum: technological features in the context

- of the early medieval Eurasian culture: a synopsis of the thesis for a Doctoral Degree in history]. Moscow. 20 p.
- Pakhunov A.S., Elkina I.I., Devlet E.G., Vagner M., Tarasov P.E.*, 2017. Wool fabrics of the Moshchevaya Balka and the Yanghai cemetery. *RA [Russian Archaeology]*, 3, pp. 46–56. (In Russ.)
- Rast-Eicher A.*, 2008. Textilien, Wolle, Schafe der Eisenzeit in der Schweiz. Basel: Archäologie Schweiz. 212 p.
- Rast-Eicher A., Jørgensen L.B.*, 2013. Sheep wool in Bronze Age and Iron Age Europe. *Journal of Archaeol. Science*, vol. 40, iss. 2, pp. 1224–1241.
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafliðason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S., van der Plicht J.*, 2013. IntCal13 and MARINE13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon*, vol. 55, iss. 4, pp. 1869–1887.
- Ryder M.L.*, 1964. Fleece evolution in domestic sheep. *Nature*, vol. 204, no. 4958, pp. 555–559.
- Ryder M.L.*, 1970. Structure and seasonal change of the coat in Scottish wild goats. *Journal of Zoology*, vol. 161, no. 3, pp. 355–361.
- Ryder M.L.*, 1990. The natural pigmentation of animal textile fibres. *Textile history*, vol. 21, iss. 2, pp. 135–148.
- Ryder M.L.*, 1992. The Interaction between biological and technological change during the development of different fleece types in sheep. *Anthropozoologica*, 16, pp. 131–140.
- Savchenko E.I.* Opis' k otchetu Labinskogo otryada za 1982 god (Mogil'nik Moshchevaya Balka) [The list of finds to the report of the Labinsky crew for 1982 (The Moshchevaya Balka cemetery)]. *Arkhiv IA RAN [The Archive of the IA RAS]*, R-1, № 2358. (Unpublished)
- Savchenko E.I.*, 1999. Moshchevaya Balka as a key point of the Great Silk Road in the North Caucasus. *RA [Russian Archaeology]*, 1, pp. 125–140. (In Russ.)
- Shishlina N.I., Orfinskaya O.V., Golikov V.P.*, 2003. Bronze Age textiles from the North Caucasus: new evidence of fourth millennium BC fibres and fabrics. *Oxford Journal of Archaeology*, vol. 22, iss. 4, pp. 331–344.
- Tekeyev G.X.-U.*, 1988. New materials from the rock burials of the early Middle Ages in the territory of Karachay-Cherkessia. *Voprosy srednevekovoy arkheologii Severnogo Kavkaza: sbornik nauchnykh trudov [Issues of medieval archaeology of the North Caucasus: collected papers]*. Cherkessk: Karach.-Cherk. NIIFFE, pp. 151–160. (In Russ.)
- Zeder M.A.*, 2008. Domestication and early agriculture in the Mediterranean Basin: Origins, diffusion, and impact. *Proceed. of the national Academy of Sciences*, vol. 105, no. 33, pp. 11597–11604.

РАСКОПКИ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XII–XIII вв.

© 2018 г. Н.А. Макаров*, А.В. Энгватова**, В.Ю. Коваль***,
Р.Н. Модин****

Институт археологии РАН, Москва, Россия

* E-mail: nmakarov10@yandex.ru

** E-mail: engov@mail.ru

*** E-mail: kovaloka@mail.ru

**** E-mail: modin.roman@mail.ru

Поступила в редакцию 28.12.2017 г.

В статье представлена стратиграфия зоны исследований на месте демонтированного корпуса № 14 Московского Кремля, где выявлен строительный горизонт первоначального собора Чуда Архангела Михаила в Хонех постройки 1365 г. Особенный интерес представляют древнейшие напластования этого участка, относящиеся к домонгольскому времени. Их датировка опирается на представительную серию радиоуглеродных дат, характерные вещевые находки, в том числе стеклянные браслеты, и массовый керамический материал. К домонгольскому времени относились крупные котлованы от погребов, маркирующие городскую застройку конца XII в. в этой части Кремля. Сделан вывод об изначально высоком статусе Москвы в сравнении с другими нестоличными городами Северо-Восточной Руси XII–XIII вв.

Ключевые слова: Московский Кремль, средневековые города, Чудов монастырь, археология домонгольской Москвы, стеклянные браслеты, радиоуглеродное датирование.

DOI: 10.31857/S086960630003391-9

Раскопки 2014–2017 гг. на территории восточной части Московского Кремля, в подвалах 14-го корпуса и на Ивановской площади, стали очередным шагом в постепенном накоплении археологических материалов о ранней Москве и истории освоения Кремлевского холма в средневековье. Сложности раскопок в центре Москвы, труднодоступность Кремля для археологов хорошо известны и объяснимы. Основным источником археологических данных о древнейшей части Москвы многие десятилетия оставались наблюдения и шурфовка на участках строительства и реставрации, организованные Музеями Московского Кремля, и лишь в отдельных случаях – охранные раскопки на ограниченных участках (Панова, 2013. С. 10–12).

На археологических планах Кремля до последнего времени были отмечены лишь два участка, изученные раскопами со вскрытием относительно широких площадей: на месте Дворца съездов (1959 г.), где спасательные археологические работы осуществлялись в экстренном режиме,

не позволявшем провести полный сбор находок и фиксацию стратиграфии сооружений; в Тайницком саду (2007 г., совместно ИА РАН и Музеи Московского Кремля), где был исследован влажный слой и городские усадьбы на Подоле, находившемся за пределами укрепленного поселения домонгольской эпохи. Третьим таким участком стали раскопки 2014–2017 гг. на месте корпуса № 14 (рис. 1). Новые исследования не дают ответов на многочисленные дискуссионные вопросы, касающиеся исторической топографии ранней Москвы, но существенно проясняют динамику освоения, характер застройки этой территории и облик культуры поселения на Кремлевском холме (Макаров и др., 2017. С. 7–27).

Для создания достоверной картины ранней истории Москвы важны как археологические материалы домонгольского и раннего золотоордынского времени, происходящие с территории Кремля и Китай-города, так и сравнительные материалы других городов Северо-Восточной Руси, менее затронутых урбанистическим раз-

Рис. 1. Историко-архитектурный план Кремля, на который нанесены места проведения раскопок 1959, 2007 и 2014–2017 гг.

Fig. 1. Kremlin historical and architectural plan, where the excavations of 1959, 2007 and 2014–2017 are indicated

витиём последующих столетий. Для понимания реального облика древнейшего поселения на Кремлевском холме существенны результаты обследований городищ, оставшихся за пределами городской застройки позднейшего времени, находящихся в природном окружении, сохра-

нившем элементы исторического ландшафта XII–XIII вв. Важны и результаты спасательных раскопок в исторических городах, в которых удалось вскрыть большие площади и реконструировать элементы усадебной застройки и планировочных структур XII–XIII вв.

Средневековый культурный слой на участке корпуса № 14. Средневековые напластования и находки, возраст которых не моложе XIII в., были зафиксированы в восточной части Кремля, в зоне раскопок 2014–2016 гг.: в двух из восьми шурфов (№ 3 и 4); в раскопе 2014 г., во внутреннем дворе корпуса № 14 (основная часть культурного слоя здесь была переотложена, однако, частично сохранились ямы); в подвалах корпуса № 14, на участке, соответствующем центральной части Чудова монастыря. Вероятно, эти напластования изначально присутствовали и в других точках, но оказались полностью уничтоженными при строительных работах (в двух шурфах) или недоступными для вскрытия из-за остатков построек XVI–XIX вв. Для понимания общей стратиграфической ситуации наиболее важен шурф 4, заложенный на Ивановской площади, на южном углу Алексеевской церкви Чудова монастыря, где вся пятиметровая толща культурных напластований осталась ненарушенной (рис. 2). Темно-серая гумусированная супесь и прослойки песка, включавшие обломки стеклянных браслетов и керамику с характерной для домонгольского времени профилировкой, залегают здесь на глубине 4.6 м, мощность слоя – около 60 см (рис. 2, 2). Однако исследовать ранний слой здесь удалось лишь на площади 16 м². Сходная стратиграфическая ситуация, но с более мощным домонгольским слоем, была зафиксирована в 1963–1965 гг. Н.С. Шеляпиной при наблюдениях в районе Патриарших палат и ц. Двенадцати апостолов (1971. С. 117–153).

Основным местом исследования средневековых отложений стали подвалы корпуса № 14, вскрытые на площади 384 м². Первые раскопки в одном из помещений показали, что под бетонной стяжкой пола 1929–1932 гг. залежали средневековые культурные напластования, оставшиеся непо потревоженными при строительстве школы командиров Рабоче-крестьянской Красной Армии. Культурный слой здесь сохранился на незначительную мощность – от 20 до 80 см, поскольку основная его часть была срезана при строительстве 1930-х годов. Он содержал, главным образом, керамику и вещевые находки XII–XIV вв. (1257 предметов). Лучше всего сохранилась самая нижняя часть культурных отложений, к которой относились более 130 заглубленных в материк ям и сооружений XII–XIV вв. При этом следов жилых или хозяйственных построек XV–XVII вв. было немного: в раскопах зафиксировано всего по одной яме XV и XVI вв., содержавших быто-

вой и строительный мусор, а также шесть частично сохранившихся нижних частей фундаментов монастырских построек XVI в. и 120 погребений монастырского некрополя конца XIV – XVII в. Таким образом, плотность погребений составляла примерно одно захоронение на 3 м² площади раскопов. Это достаточно высокая плотность, хотя не все участки были заполнены погребениями равномерно, а в ряде мест захоронения были многоярусными. Зафиксированы случаи размещения погребений в два-три яруса, хотя можно думать, что до срезки грунта в 1930-х годах количество ярусов было больше.

Древнейший культурный слой XII–XIV вв. в центральной части Чудова монастыря был нарушен не только стройкой 1930-х годов, но также ранним монастырским строительством и погребениями, тем не менее на отдельных участках он остался практически нетронутым и сохранил первоначальное стратиграфическое строение и выразительные следы домонастырской жилой городской застройки (рис. 3). Мощностные культурных напластований увеличивались в южной части вскрытого раскопками участка, где отчетливо фиксировалось их сложное литологическое строение (Макаров и др., 2017. Рис. 5, б). Заметно оно было и в других местах, особенно там, где происходило проседание заполнения котлованов построек домонгольского времени (я. 33, 47 и 50) и, соответственно, ускоренное накопление культурных остатков в образующихся западинах (рис. 3). Благодаря этим просадкам удалось зафиксировать стратиграфию XIII–XV вв., которая на всей остальной площади подвалов корпуса № 14 была уничтожена строительством начала 1930-х годов. Сами просадки объяснялись, вероятно, тем, что на дне котлованов в свое время залежали большие массы органики, постепенно уплотнявшейся и разрушавшейся микроорганизмами. По мере исчезновения органической составляющей мощность заполнения уменьшалась, и в образующихся на месте котлованов западинах культурный слой усиленно накапливался. Такой процесс продолжался на протяжении всего XIII и первой половины XIV в. Не остановился он и позже, что видно по залеганию погребений, деформировавшихся вместе с проседавшим слоем: в некоторых случаях разница отметок между противоположными краями захоронений достигала 1 м. Такие случаи происходили, когда один край могильной ямы располагался над бортом котлована, а другой – над его внутренней частью, подвергавшейся про-

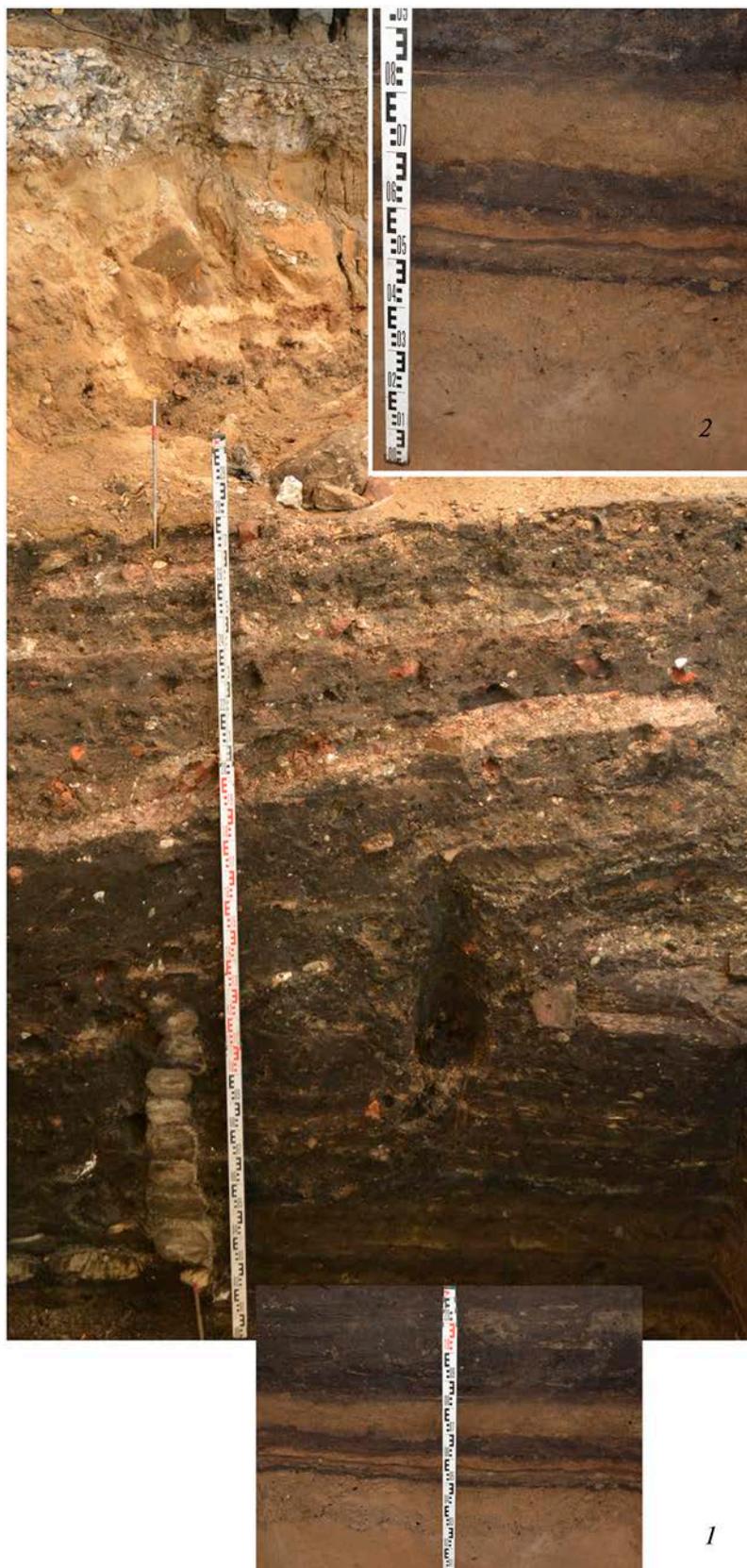

Рис. 2. Юго-западный профиль шурфа 4, заложенного на Ивановской площади Московского Кремля. 1 – общий вид; 2 – стратиграфия нижней части отложений.

Fig. 2. Southwest section of pit 4, excavated on the Ivan Square of the Moscow Kremlin

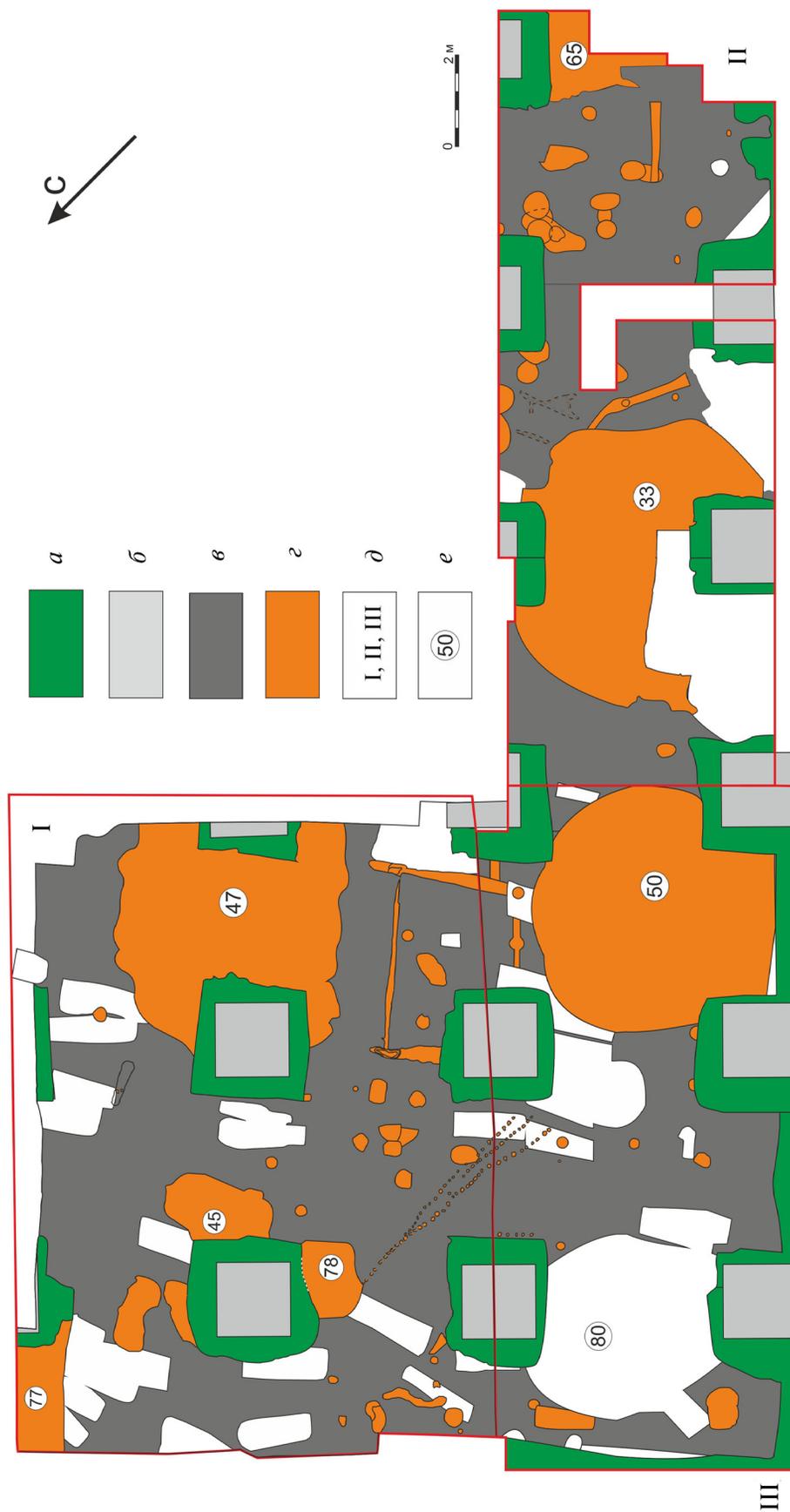

Рис. 3. Сводный план раскопов в подвале корпуса № 14 с обозначением наиболее ранних слоев и объектов. Условные обозначения: а — перекопы XX в.; б — белокаменные базы колонн 1930-х годов; в — культурный слой конца XII — первой половины XIII в.; г — ямы и котлованы построек домонгольской эпохи; д — номера раскопов; е — номера объектов (ям).

Fig. 3. Summary plan of excavations in the basement of building № 14, with the indication of the earliest layers and objects

седанию. Проседание заполнения котлованов происходило вплоть до современной эпохи: при вскрытии полов помещений под ними на участках я. 33 и 47 размещались полости высотой от 30 до 70 см. В случае с я. 33 произошло вертикальное смещение грунтов на площади более 5 м².

Важнейшим стратиграфическим и хронологическим репером на исследованных участках являются горизонты строительного мусора — чистого белокаменного щебня (что очень важно — без малейших включений кирпича) толщиной от 2 до 15 см, наблюдавшиеся в упомянутых просядках культурного слоя. В двух котлованах сохранились по два таких горизонта (я. 47 и 50), в одном — три (я. 33) (рис. 4). Совершенно очевидно, что некогда горизонты белокаменного строительства (или разборки белокаменных зданий) залегали по всей площади раскопов. В этом убеждает присутствие белокаменной крошки в заполнении почти всех погребений монастырского некрополя (исключения составляли лишь несколько могил в северном углу вскрытой площади, т.е. на максимальном удалении от площадки строительства Михаилоархангельского собора). Очевидно, что при вырывании могил прослойки строительного мусора нарушались, а при их засыпке перемешанный материал с включениями белокаменной крошки попадал обратно в вырытые могильные ямы. Подобные горизонты белокаменной крошки зафиксированы в последние годы в шурфах и раскопах вблизи более ранних (домонгольских) белокаменных храмов Владимиро-Суздальской Руси: ц. Бориса и Глеба в Кидекше, Спасо-Преображенского собора в Переславле и ц. Рождества Богородицы в Боголюбове. В Московском Кремле прослойка белокаменной крошки, связанная со строительством белокаменной крепости 1366–1368 гг., была прослежена в 2007 г. в Тайницком саду в раскопе 2 (Кренке и др., 2016. С. 114. Рис. 2).

Между горизонтами белокаменной крошки залегали небольшие по мощности прослойки культурного слоя, представленные серой супесью, очень слабо насыщенной гумусом и культурными остатками (кости, керамика). Керамика из этих прослоек была сильно измельчена и включала образцы XII–XIV вв., т.е. представляла собой материал из более ранних слоев, поэтому использовать ее для датировки этих отложений невозможно. Чтобы подойти к решению вопроса о датировке строительных горизонтов,

следует обратиться к слоям, залегающим под ними.

Сразу под нижним строительным горизонтом во всех перечисленных выше котлованах с просядками слоя сохранились достаточно мощные (от 20 до 60 см) отложения, насыщенные углем, печиной и древесным тленом (“слой В” по полевой стратиграфической шкале). В котловане я. 33 эти отложения включали сгоревший бревенчатый настил (возможно, остатки крупной наземной постройки), по углю из которого в разных лабораториях были получены две радиоуглеродные даты. Очень важно, что эти даты практически полностью совпали, указывая на интервалы (по двум сигмам) в пределах 1310–1430 и 1293–1398 гг. (Макаров и др., 2017. Табл. 1. № 1, 6). При этом AMS-датирование (вторая из указанных дат), видимо, имело большую точность. Наконец схожую дату (ГИН-15517А) показала и угольная прослойка, сохранившаяся в отложениях под слоем строительства в другом месте на площади исследований в я. 50 (Макаров и др., 2017. Табл. 1. № 4)¹. Даже если здесь имеют место следы не одного и того же, а разных (но близких по времени) пожаров, можно полагать, что удалось зафиксировать следы бедствий, уничтожавших деревянную Москву, включая Кремль, в первой половине — середине XIV в.: в 1331 (Летопись по Воскресенскому списку, 1856. С. 202), 1335 (Новгородская первая летопись по Синодальному списку, 1841. С. 77), 1337 (Летопись по Воскресенскому списку, 1856. С. 205), 1343 (Летопись по Воскресенскому списку, 1856. С. 209), 1354 (Продолжение летописи по Воскресенскому списку, 1859. С. 9) или 1365 гг. (Рогожский летописец, 1922. С. 80).

Учитывая, что нижний (1) горизонт белокаменного строительства в я. 33 залегал практически поверх обугленной конструкции (рис. 4, 1), логично рассматривать его как следы строительства собора Чуда Архистратига Михаила в 1365 г. (Симеоновская летопись, 1913. С. 103). В этом случае средний (2) строительный горизонт может связываться с ремонтом (или перестройкой?) собора в середине XV в., а верхний (3), наиболее мощный, — с ремонтом, произведенным незадолго до полной перестройки собора в 1501–1503 гг. (Продолжение летописи по Воскресенскому списку, 1859. С. 240, 243).

¹ В первой публикации в маркировку образца (табл. 1, № 4) вкралась ошибка: он происходил из р. III, а не II, как значится в таблице.

Рис. 4. Прослойки строительного мусора (белокаменных отесков и извести), просевшие в котлован постройки домонгольского времени (я. 33). *I* – на горизонтальной зачистке; *II* – на вертикальном разрезе. Горизонты белокаменных отесков: *I* – нижний; *2* – средний; *3* – верхний.

Fig. 4. Layers of building rubbish (white-stone fragments and limestone), sank in the foundation pit of the Pre-Mongolian construction (pit 33)

Всего в прослойках, залегающих между строительными горизонтами, было зафиксировано 32 вещевые находки, важнейшая из которых — медная монета — тверской пул князя Михаила Борисовича (1461–1485 гг.) (Гайдуков, 1993. С. 51, 56, 160, 243. № 83)². Монета найдена при ручной переборке слоя, залегавшего между самым верхним (3) и средним (2) строительными горизонтами. Среди остальных находок преобладали обломки железных предметов и вещи, не обладающие признаками узко датирующих (например, овальное железное кресало). Однако следует подчеркнуть, что среди них нет таких вещей, которые не вписывались бы в предложенную хронологию строительных горизонтов. Важно также упомянуть несколько предметов, обнаруженных в прослойке, отложившейся между формированием нижнего и среднего строительных горизонтов (т.е. во временном интервале от 1365 г. до середины XV в.). Это уже публиковавшаяся фламандская текстильная пломба XIV в. (Макаров и др., 2017. Рис. 6, 2), бронзовая матрица в виде полушария диаметром 1 см и обломок золотоордынской кашинной чаши с полихромной подглазурной росписью и росписью ангобом (рис. 5, 1), имеющей многочисленные аналогии как на территории Руси, так и в золотоордынских городах Поволжья. На подобных чашах роспись выполнялась темно-зеленой, синей и бирюзовой красками, рисунок состоял из рядов стилизованных ныряющих рыбок изнутри и столь же сильно стилизованных лепестков лотоса на внешней поверхности чаши (Коваль, 2010. Ил. 33, 1; 35, 2, 3, б). Производство таких чаш началось около середины XIV в. и завершилось в конце XIV. Интересна еще одна находка из этой же прослойки — обломок красноглиняной поливной чаши русского производства, копировавшей форму золотоордынских чаш-пиал (рис. 5, 2). Чаша изготовлена из массы с примесью песка и мелкой дресвы, прошла неполный (трехслойный, с серой сердцевиной черепка) обжиг и была покрыта зеленой непрозрачной поливой целиком, т.е. включая поддон. До сих пор в Москве была известна только одна подобная чаша, также найденная в Кремле при шурфовке у Патриарших палат (Шеляпина, 1971. С. 120. Рис. 4).

Таким образом, находки из слоев 1365–1501 гг., хотя и крайне немногочисленные, все же доста-

точно выразительны и не противоречат датам строительных остатков. Если же предлагаемые построения верны, нижний горизонт белокаменного строительства позволяет установить 1365 г. как *terminus ante quem* для всех отложений, залегающих ниже нее. Это чрезвычайно важный хронологический репер для исследования ранних слоев на данном участке.

Как уже отмечалось выше, горизонты белокаменного строительства перекрывали в котлованах домонгольских построек гумусированные слои, насыщенные органикой, древесным тленом и включавшие в верхней части прослойки пожаров первой половины XIV в. Общая мощность таких отложений достигала 1 м. Самую нижнюю часть этой свиты составлял слой, насыщенный древесным тленом, на некоторых участках определявшийся как остатки перегнившей щепы с многочисленными находками крупных обломков стеклянных браслетов. В южной части исследованной площади (на р. II) остатки этого слоя фиксировались прямо под бетонным полом подвала. Следует заметить, что в прослойках, залегающих между этим слоем и горизонтом пожара XIV в., стеклянные браслеты также встречались, но существенно реже и были, как правило, измельченными. В целом 434 обломка³ стеклянных браслетов, собранных на раскопах I–III в 2016–2017 гг., стратиграфически распределяются следующим образом: слой А — могильные перекопы — 43 шт. (10%); слой Б — горизонты белокаменного строительства — 8 шт. (2%); слой В — гумусированные прослои под горизонтами строительства, а также ямы, выходящие из этих прослоев, — 300 шт. (70%), в том числе, нижняя прослойка этой свиты — 158 шт. (36%); слой Г — песчанистые отложения над материком, а также придонные части котлованов построек — 81 шт. (18%).

Совершенно очевидно, что очень небольшая по мощности прослойка (нижний горизонт “слоя В”), толщина которой даже в просадке слоев в я. 50 не превышала 30 см, содержала более 1/3 всех находок стеклянных браслетов с раскопов, т.е. в ней концентрация обломков браслетов на единицу объема грунта достигала максимального значения. Именно в этой прослойке залежали наиболее крупные обломки изделий. Что позволило еще в процессе раскопок предвари-

² Определение член-корр. РАН П.Г. Гайдукова, которому выражаем признательность за содействие.

³ В первой публикации стеклянных изделий этих раскопов (Столярова, Коваль, 2017) были учтены только находки 2016 г.

Рис. 5. Вещевые датировочные находки. 1 – чаши кашинной золотоордынской обломки; 2 – чаши поливной обломки; 3 – пломба; 4–6 – бусы; 7, 8 – ключи; 9 – пряслице; 10, 12 – браслет и обломок браслета; 11 – перстнеобразное височное кольцо; 13 – наконечник стрелы. 1, 2 – керамика; 3, 6, 10–12 – цветной металл; 4, 5 – стекло; 7, 8, 13 – железо; 9 – камень.

Fig. 5. Dating finds

тельно связывать отложение этого слоя с финалом домонгольского времени, т.е. с первой половиной XIII в. Последующие исследования не дали оснований для пересмотра этого предположения. Специальное изучение всего комплекса стеклянных браслетов из раскопок 2016 г. только укрепило уверенность в допустимости такой датировки (Столярова, Коваль, 2017).

К тому же периоду (первой половине – середине XIII в.) принадлежали несколько материковых ям, в заполнении которых также были собраны крупные обломки стеклянных браслетов. Интересна в этом смысле я. 78 на р. I (рис. 3), в заполнении которой в числе 44 находок встречены 25 обломков стеклянных браслетов, 6 мелких фрагментов от нескольких стеклянных сосудов из бесцветного стекла и свинцовая плomba (рис. 5, 3). Многие стеклянные изделия сильно иризованы или расстеклованы, такая низкая сохранность стекла характерна для продукции первой половины XIII в.

Стратиграфически наиболее ранние отложения культурного слоя на площади пройденных раскопов (“слой Г”) состояли из чередовавшихся линз перемешанного материкового песка (иногда толщиной до 20 см), прослоек гумусированного грунта (темно-серой и серой супесей) и древесной щепы, а также отдельных угольно-зольных прослоек (Макаров и др., 2017. Рис. 5, Б; 7). Песчаные линзы практически не содержали ве-

щевого и керамического материала и, вероятно, представляли собой грунт, выброшенный из котлованов, вырытых в материке. К этому же стратиграфическому горизонту принадлежали пять врезанных в материк крупных котлованов построек и другие заглубленные сооружения (см. ниже). Непосредственно на материке залегала погребенная почва, представлявшая собой серый гумусный слой толщиной всего 3–4 см, местами с неровной, зубчатой нижней границей, возникающей при обработке почвы лопатами; под ней сохранилась остаточная часть исходного подзола. Вероятно, заселению участка предшествовал период освоения его под огороды, после которого верхняя часть почвы была сильно подрезана.

Не вызывает сомнений присутствие материалов домонгольского времени в нижней части культурного слоя. Таким образом, период жизни продолжительностью 50–100 лет оставил культурные отложения не более 80 см, а на многих участках – еще более скромные. Относительно малая (40–150 см) толщина культурных отложений домонгольского времени на верхних террасах, на площадках, защищенных оборонительными сооружениями, – общая черта, характеризующая многие города Северо-Восточной Руси, возникшие в XII в. В последние годы подобная ситуация убедительно документирована на Клещине, в Осовце, Гороховце, Боголюбове. Но и во многих крупных городах (Владимир, Суздаль, Переславль, Городец Радилов) домон-

Таблица. Вещевые датирующие находки

Table. Dating finds

Категории вещей (целые предметы и фрагменты)	Всего находок	В том числе, из слоев и ям домонгольского времени
Амфоры	4	0
Браслеты пластинчатые и витые из медных сплавов	11	5
Бубенчик шарообразный линейнопрорезной	1	1
Бусы стеклянные	16	9
Височные кольца перстнеобразные	4	2
Височные кольца семилопастные	1	1
Днища с клеймами	21	11
Замки цилиндрические	16	7
Ключи типа Б	2	2
Крест-энколпион	1	1
Перстни из медных сплавов	3	2
Пряслица шиферные	4	1
Сосуды стеклянные	35	20
Фибула подковообразная	1	1
Бипирамидальная бусина из цветного металла	1	1

гольский слой имеет небольшую мощность. Наблюдения о небольшой мощности культурного слоя в восточной части Московского Кремля соответствуют картине, зафиксированной в других городских центрах. Неожиданная сохранность стратиграфического строения этих отложений в перспективе открывает возможность реконструкции отдельных эпизодов освоения и застройки городской территории.

Древнейший вещевой материал и керамика. К числу датирующих предметов, относившихся преимущественно к домонгольской эпохе, за исключением стеклянных браслетов, рассмотренных выше, относились еще 15 категорий вещей, при этом из них исключительно к домонгольской эпохе — фибула (Макаров и др., 2017. Рис. 1, 3), отдельные типы стеклянных бус (рис. 5, 4, 5), бипирамидальная бусина из белого металла (рис. 5, 6), копирующая форму горнохрустальных и сердоликовых бус, ключи от замков типа Б (по новгородской классификации Б.А. Колчина) (рис. 5, 7, 8), а также бронебойный наконечник стрелы типа 85 по А.Ф. Медведеву (рис. 5, 13). Все остальные изделия, включая пряслица из овручского шифера (пирофиллита) (рис. 5, 9) и височные кольца (рис. 5, 11), могли использоваться и выпадать в культурный слой и некоторое время после 1238 г. Тем не менее совершенно очевидно, что основное время массового бытования таких вещей приходится на период до монгольского нашествия.

При этом нарушенность ранних отложений многочисленными могильными перекопами создавала условия для вертикального перемещения ранних находок и попадания их в более поздние слои. Именно так случилось с обломками византийских амфор — все четыре их находки были зафиксированы в контекстах, не связанных с домонгольскими слоями. Между тем, хорошо известно, что после середины XIII в. импорт амфор на Русь если не прекратился вовсе, то сократился почти до нуля. При этом во второй половине XIII в. изменились и морфологические характеристики византийских амфор, что позволяет уверенно отличать домонгольские импорты от более поздних. В данном случае все характеристики зафиксированных обломков принадлежат самой массовой группе (I) амфорных импортов XII — первой половины XIII в., связываемых происхождением с византийским Трапезундом (Коваль, 2010. С. 152—157). Скорее

всего, в поздние слои обломки амфор попали именно из домонгольских напластований.

Видимо, такова же была археологическая судьба и пряслиц из овручского сланца (шифера), среди которых только одно было найдено в домонгольском контексте, а остальные три — в переотложенном состоянии. В то же время половина находок стеклянных бус, обломков браслетов из медных сплавов (рис. 5, 10, 12) и фрагментов стеклянных сосудов обнаружена именно в контекстах конца XII — первой половины XIII в. Происходил, конечно, и обратный процесс проникновения поздних вещей в более ранние слои, но количество таких перемещений было невелико, а благодаря фиксации всех, даже самых небольших перекопов, их удавалось уверенно определять. Лишь мелкие и при этом тяжелые вещи могли просочиться в ранние контексты, не оставив читаемых следов своего дрейфа вниз по профилю: например, западноевропейская текстильная пломба (без изображений, т.е. неатрибутируемая), обнаруженная в песчаных слоях домонгольского генезиса на р. II (полевой № 296).

Возвращаясь к весьма показательным своей массовостью находкам стеклянных браслетов, наблюдаем ситуацию, показанную выше на примере стеклянных бус и медных браслетов, 55% этих браслетов найдены в слоях домонгольского времени, остальные — в более поздних отложениях, в том числе, в слоях второй половины XIII — первой половины XIV в. (1/3 находок). Разумеется, невозможно утверждать, что все эти обломки попали в слои золотоордынского периода исключительно из-за перекопов или горизонтальных перемещений грунта по городской территории (планировочных работ), однако то, что это были основные причины, доказывается измельченностью поздних (по месту обнаружения) обломков браслетов. Нельзя исключать и продолжения бытования какого-то числа стеклянных браслетов после 1238 г., но едва ли число таких изделий могло быть существенным.

Подводя итог обзору вещевых материалов раскопа, отметим, что в целом этот корпус источников полностью соответствует тем реалиям, которые признаются характерными именно для домонгольской эпохи в центральных районах Руси. Распределение ранних находок по площади исследований (рис. 6) показывает, что они покрывают ее довольно равномерно. Повышенные концентрации фиксируются в тех местах, где

Рис. 6. Схема раскопов I–III с обозначением основных датированных находок в слое домонгольской эпохи. Квадраты с находками стеклянных браслетов (шт.): 1 – 1-2; 2 – 3-9; 3 – 10 и более. Места находок: а – шиферных пряслиц; б – обломков византийских амфор; в – обломков стеклянных сосудов; г – височных колец; д – браслетов из цветных металлов; е – подковообразной фибулы; ж – ключей типа Б; з – обломка креста-энколпиона. Условные обозначения: А – перекопы 1930-х годов; В – базы колонн 1930-х годов.

Fig. 6. Plan of excavations I–3 with indication of the general dating finds in the Pre-Mongolian layer

размещались ямы и котлованы построек домонгольской эпохи, а отсутствуют они там, где культурный слой был срезан строителями до материка (в северной части раскопа I).

Среди исследованного весьма многочисленного керамического материала полностью отсутствовали образцы, соотносящиеся с XI и первой половиной XII в.: раннекруговой керамики XI в. с манжетовидными венчиками и краями, обработанными срезом. Сосуды, орнаментированные зубчатым штампом-колесиком, были представлены единичными обломками (такой декор характерен для керамики первой половины XII в., но встречается и позже — вплоть до конца XIV в.).

Наиболее ранние керамические комплексы, сформировавшиеся на исследованном пространстве восточной части Кремля, можно связывать с последней четвертью XII — началом XIII в. К сожалению, был зафиксирован лишь один полный профиль маленького горшка, а остальной материал был представлен обломками красноглиняных горшков из формовочных масс с примесями мелкой (редко — крупной) некалиброванной дресвы из кварцитных пород камня. Такие горшки формовались исключительно на зольных подсыпках, украшались почти исключительно линейным орнаментом и различались только формами венчиков. При этом преобладали отогнутые наружу венчики с массивными валиками на краю (типов 8 и 8а и по принятой системе фиксации керамического материала⁴), их суммарная доля составляла в комплексах 55% (рис. 7). При этом в тех же комплексах стабильно присутствовали в заметном числе (15–22%) венчики типа 1 в виде конической или слегка раструбной воронки (рис. 8). Обе эти разновидности венчиков характерны для керамики подмосковных курганов предмонгольского времени (Равдина, 1991. Табл. 13–16), но столь же широко были представлены и в материалах всех прежних раскопок на тех участках Кремля, где удавалось вскрыть культурный слой домонгольской эпохи (Шеляпина, 1971. Рис. 7; 19). Точно такой же облик имела керамика поселений, непосредственно примыкавших к Кремлевскому холму, например, поселения на месте позднейшего Романова двора (Кренке, 2009. Рис. 176–197). Керамику подобного вида в археологии Москвы

традиционно называют курганной, подразумевая ее внешнее сходство с сосудами, устанавливавшимися в подкурганные погребения. Разумеется, керамическая посуда, обнаруживаемая при раскопках в Кремле, не предназначалась для ритуальных нужд, а использовалась в повседневном быту и была изготовлена, несомненно, в самом городе, а не привезена со стороны. Таким образом, полученный керамический материал полностью соответствовал уже имеющимся данным относительно московской керамики домонгольской поры.

Древнейшие сооружения. С нижним горизонтом культурного слоя связаны пять крупных котлованов со сторонами — до 5.5 м, глубиной — до 2 м (рис. 3). Из них только три вошли в раскопы целиком, а два уходили за пределы зоны с сохранившимся культурным слоем. Два котлована (я. 33 и 47) не могли быть исследованы полностью, поскольку их перекрывали фундаменты построек Чудова монастыря, подлежащие сохранению и музеефикации. Поэтому только один котлован (я. 50) был исследован на значительной площади до материкового дна. Исследования показали, что в котловане некогда находился погреб со столбовой конструкцией крепежа стенок. Очевидно, этот погреб был в какой-то момент разобран и засыпан, а сам котлован после этого — частично присыпан песком с включениями культурного слоя и столь долго стоял под открытым небом, что его материковые стенки начали осыпаться. При всем том в этой песчаной засыпке присутствовало значительное количество костей животных (425 шт.), обломков керамики (580 шт.) и вещевых находок (13 экз., в том числе 8 обломков стеклянных браслетов).

Следы отопительных сооружений в заполнении этого погреба не встречены, поэтому можно предполагать, что его перекрывала жилая постройка еще более крупных размеров (8 x 8 м или более), в которой печь стояла в стороне от заглубленной части. Вероятно, аналогичным образом могли выглядеть и остальные конструкции, следами которых были рассматриваемые котлованы. Судя по находкам из заполнения котлованов (керамика и обломки стеклянных браслетов), а также стратиграфическим наблюдениям, погреб прекратил свое существование не позднее первых десятилетий XIII в., а впоследствии в образовавшиеся ямы проседали культурные слои первой половины XIII — XV в. Очевидно, с выбросами именно из этих котлованов связа-

⁴ Статистическая обработка керамики проводилась в соответствии с методическими рекомендациями ИА РАН (Коваль, 2015).

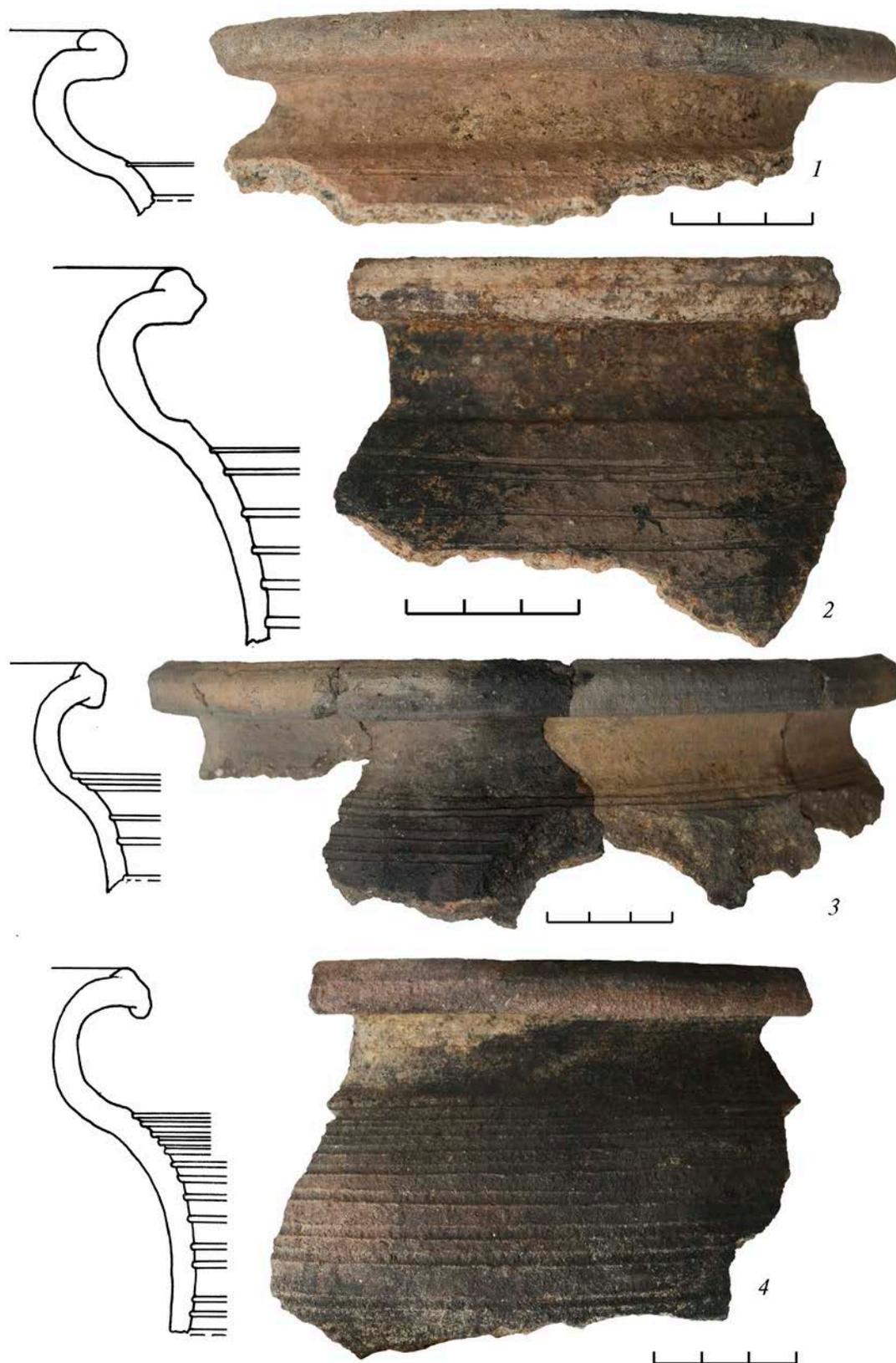

Рис. 7. Керамика из слоев и комплексов домонгольской эпохи: венчики горшков типов 8 (1, 2), 8а (3, 4).

Fig. 7. Pottery from the Pre-Mongolian layers and complexes: rims of the pots of types 8 (1, 2) and 8a (3, 4)

ны прослойки материкового песка толщиной 10–20 см, перекрывающие погребенную почву на всей исследованной площади.

К числу древнейших сооружений на исследованной территории относились и небольшие материковые ямы и несколько десятков столбовых ям, а также частокольные канавки, часть которых соответствует по своему направлению ориентировке котлованов-погребов (рис. 3). Имеется и трасса ограды в виде линии мелких ямок от забитых в материк жердей диаметром около 5 см. Такие следы могли быть оставлены оградой типа плетня. Частокольные канавки достаточно коротки и не могут рассматриваться как остатки частоколов, ограждавших усадьбы, тем более что они прорезаны большими котлованами погребов. Скорее всего, и плетень, и частоколы относятся к периоду первоначального освоения участка, когда на нем еще не возникла застройка крупными домами, однообразно ориентированными по линии СЗ–ЮВ.

К древнейшему периоду относятся и несколько небольших по площади материковых ям (23, 78 и др.) (рис. 3), содержащих в заполнении домонгольский материал, в том числе стеклянные браслеты. По углю из я. 23 получена радиоуглеродная дата в интервале 1215–1280 гг. (Макаров и др., 2017. Табл. 1. № 2, Le-11383). Вероятно, эти ямы также размещались в древности под наземными срубными постройками.

Вещевая и радиоуглеродная датировка. Вещевая коллекция из раскопов в подвалах корпуса № 14 содержит представительную серию датирующих вещей XII–XIII вв., бытование которых связано, преимущественно, с домонгольским временем. На современном этапе изучения хронологии средневековых древностей очевидно, что многие из этих типов продолжали бытовать и во второй половине XIII в. В коллекции из раскопов в подвалах сравнительно немного вещей, принадлежащих к типам, верхняя граница бытования которых строго ограничена первой третью XIII в., однако, состав датирующих вещей из нижних горизонтов определенно указывает, что они формировались в домонгольское время. Как уже отмечалось, для датирования нижнего культурного слоя важно распределение находок стеклянных браслетов. Основная масса их (70%) происходит из слоя В, непосредственно перекрытого горизонтом строительства собора, лишь 18% – из нижнего слоя Г, лежавшего на материке. Таким образом, на исследованном

участке нет “добраслетного” культурного слоя, идентифицированного на некоторых участках Московского Кремля (в частности, в раскопах на месте Дворца съездов и в шурфах в районе ц. Двенадцати апостолов и Патриаршей палаты: Шеляпина, 1971; Кренке и др., 2016), но отмечена преимущественная связь стеклянных браслетов с горизонтами, формировавшимися спустя определенное время после первоначального освоения территории. Присутствие среди находок подковообразной фибулы, относящейся к типу, бытование которого определяется в интервале второй половины X – первой четверти XII в., не может быть аргументом в пользу удревнения общей даты нижнего культурного слоя до этого времени, но существенно как указание на возможное первоначальное освоение территории уже во второй половине XII в.

Для определения хронологических позиций культурных напластований, перекрытых строительными прослойками, содержащими белокаменные отески, важны радиоуглеродные даты, полученные по образцам угля и древесного тлена из культурного слоя, сделанные в лабораториях радиоуглеродного датирования Института истории материальной культуры РАН, Геологического института РАН, Оксфордского университета и в Лаборатории изотопных исследований университета Джорджии (Center for Applied Isotope Studies, University of Georgia – CAIS). Суммарные интервалы четырех из них охватывают период между концом XIII – XIV и началом XV в. (1280–1405 гг. при калибровке 2σ), суммарный интервал трех других – 1220–1270 гг. (Le-11383, Le-11463, UGAMS-26047, калибровка 2σ) (Макаров и др., 2017. Табл. 1). Таким образом, зафиксировано формирование культурных отложений в восточной части Кремлевского холма в середине XIII и в XIV в.

Четыре наиболее ранние даты получены по образцам, происходящим из нижней части заполнения котлованов подполий (я. 47, 1052–1260 AD, калибровка 2σ, ГИН-15517; я. 50, 1023–1214 AD, калибровка 2σ ГИН-15517А), и из углистых прослоек в нижних горизонтах гумусированного слоя (суммарный интервал 1165–1260 AD, ОхА-35667, ОхА-35669, калибровка 2σ). Эти даты не дают возможности уточнить время появления первоначальной застройки в восточной части Кремлевского холма, но позволяют отнести это событие к интервалу между последней третью XII и первыми десятилетиями XIII в.

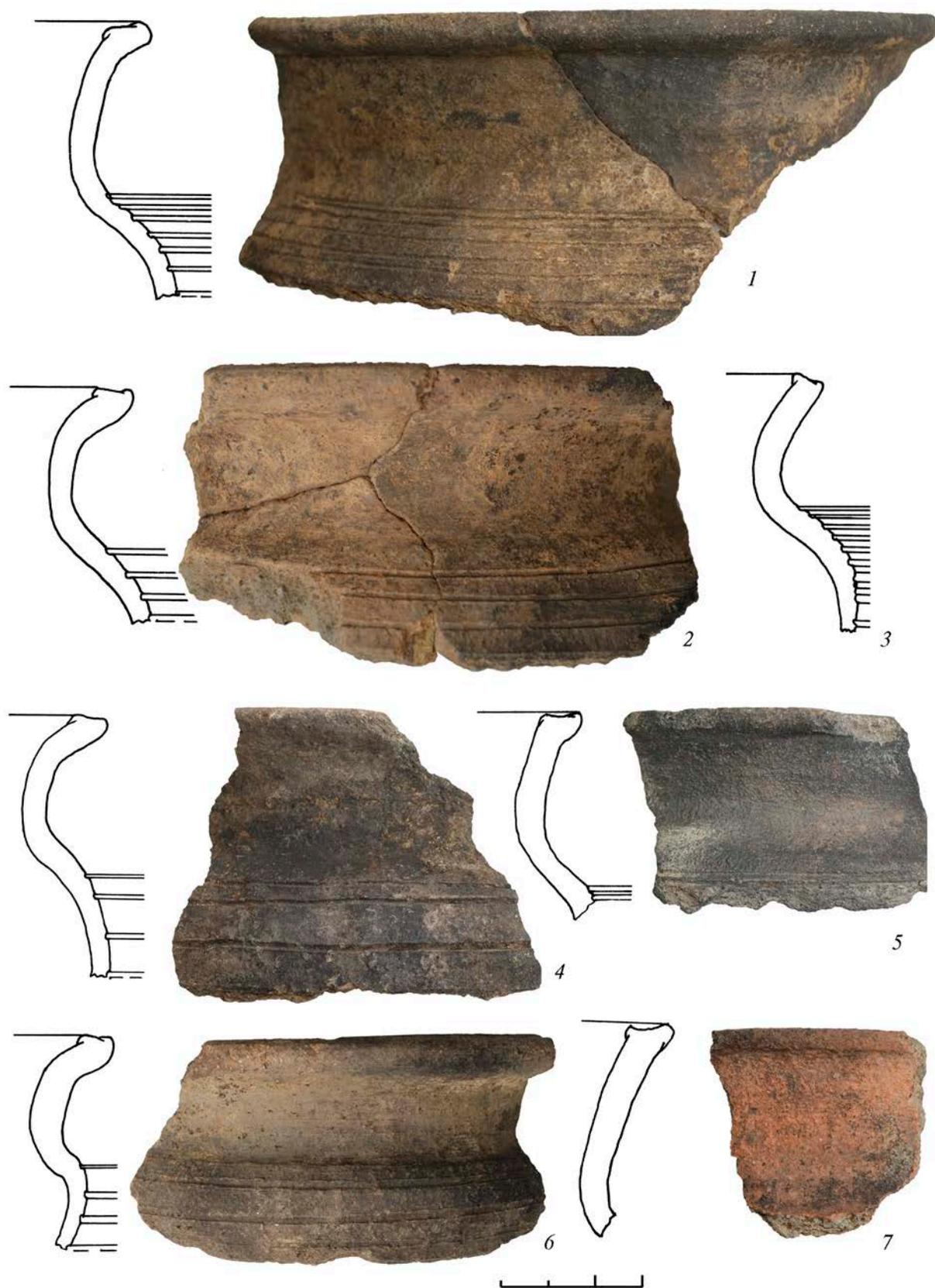

Рис. 8. Керамика из слоев и комплексов домонгольской эпохи: венчики горшков типа 1.

Fig. 8. Pottery from the Pre-Mongolian layers and complexes: rims of the pots of type 1

Они хорошо согласуются с датировкой вещевых находок и керамики. Стоит отметить, что по образцам органики из древнейшего горизонта р. 2 на подоле Кремля ранее были получены более поздние даты (1216–1260 AD, калибровка 1σ: Кренке и др., 2016. С. 109–113), которые, очевидно, должны быть интерпретированы как свидетельство неодновременности освоения этих двух участков.

Итак, в раскопах на месте корпуса № 14 впервые после 1959 г. на вершине Кремлевского холма каноническими археологическими методами исследованы участки с культурным слоем XII–XIII вв. и документированы стратиграфия, элементы застройки и сооружения домонгольского времени. Застройка этой территории началась в последней трети XII – начале XIII в. Характер археологических остатков, зафиксированных на этом участке, – с небольшой мощностью культурного слоя, материковыми выбросами и глубокими котлованами подполий – обычен для многих городов Северо-Восточной Руси (в том числе, Суздаля и Владимира). В Кремле котлованы подполий столь раннего времени документировались при наблюдениях, но не вскрывались в режиме раскопок. Близкое соседство двух котлованов (я. 33 и 50), вероятно, отражает их принадлежность одной большой двухчастной постройке. Подобное парное расположение котлованов неоднократно документировано во Владимире, Суздале и на некоторых селищах. Котлованы, как и фрагменты частокольных канавок, – свидетельство существования на кремлевском холме в начале XIII в. достаточно плотной застройки. Постройки с глубокими подпольями подквадратной формы нельзя считать специфическим элементом домостроительства социальной элиты или усадеб горожан. Они известны, например, на селищах Суздальского Ополя (Кибол 5, Везь 5). В то же время это, безусловно, один из значимых элементов древнерусской культуры, характеризующий стиль жизни более состоятельной и активной части общества, выступавшей проводником общедревнерусских традиций.

Количество и ассортимент вещевых находок, происходивших из горизонта домонгольского времени, кажутся скромными, особенно если учесть, что на участке корпуса № 14 были найдены два кремлевских клада – самые яркие находки, связанные с историей ранней Москвы. Однако в коллекции присутствуют некоторые редкие

предметы, характерные более для городов, чем для негородских поселений (литейная форма с надписью, фрагменты амфор и стеклянных сосудов, стиль для письма, хотя, как показывают полевые работы последних лет, стили встречаются и на селищах); выявлены следы ювелирного производства; зафиксирована исключительно высокая концентрация стеклянных браслетов. Вещевые материалы и сооружения из раскопок в подвалах корпуса № 14 открывают присутствие в ранней Москве некоторых ярких компонентов общедревнерусской культуры и документируют их в целостном поселенческом контексте.

Сравнительные материалы других городов Северо-Восточной Руси, вместе с материалами новых раскопок в Кремле, позволяют прояснить вопрос о месте Москвы в иерархии городских центров XII–XIII вв. Размеры городских территорий XII–XIII вв., защищенных оборонительными сооружениями, уточнены новейшими обследованиями (Макаров, 2017). Размеры укрепленных поселений сильно варьируют. Для реконструкции иерархии городских поселений существенно, что на землях Северо-Восточной Руси существовали очень небольшие поселения с укрепленной площадью в 2–4 га, к которым применялся термин “города” (Ярополчь, Гороховец, Осовец, Клещин, Мстиславль, Дубна, Стародуб), и более крупные городские центры, крепости которых занимали площадь 7–9.5 га (Дмитров, Юрьев-Польский). Укрепления Москвы начала XIII в., если признать существование оборонительных сооружений этого времени к востоку от исследованного участка, охватывали площадь в 14 га (Панова, 2013. С. 73), т.е. заметно превосходили крепости в Дмитрове и Юрьеве, построенные Юрием Владимировичем Долгоруким. Хотя точные размеры и планировка первоначальной крепости на Кремлевском холме по-прежнему не установлены, накопленные археологические материалы позволяют полагать, что Москва с самого начала своего существования занимала более высокое иерархическое положение, чем крепости площадью 2–4 га, и закладывалась как достаточно крупный город.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты конца XIV – XVI вв. М.: Наука, 1993. 304 с.
- Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.

- Коваль В. Ю.* Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // *Методика полевых археологических исследований*. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2016. 126 с.
- Кренке Н. А.* Археология Романова двора: Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН, 2009 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 12). 523 с.
- Кренке Н. А., Глазунова О. Н., Ершов И. Н., Олейников О. М.* Стратиграфический раскоп на подоле Московского Кремля // *КСИА*. 2016. Вып. 243. С. 107–126.
- Макаров Н. А.* Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI – первой половине XIII в.: размеры городских территорий // *РА*. 2017. № 4. С. 34–44.
- Макаров Н. А., Энговатова А. В., Коваль В. Ю.* Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014–2016 гг. // *КСИА*. 2017. Вып. 246. С. 7–27.
- Панова Т. Д.* Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI века. М.: ТАУС, 2013. 406 с.
- ПСРЛ. Т. III: Новгородская первая летопись по Синодальному списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1841. 308 с.
- ПСРЛ. Т. VII: Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. 345 с.
- ПСРЛ. Т. VIII: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 301 с.
- ПСРЛ. Т. XVIII: Симеоновская летопись. СПб.: Тип. М. Александрова, 1913. 316 с.
- ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Вып. 1. Пг.: Б.и., 1922. 216 с.
- Равдина Т. В.* Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // *Московская керамика: Новые данные по хронологии*. М.: ИА РАН, 1991. С. 7–13.
- Столярова Е. К., Коваль В. Ю.* Стекланные браслеты восточной части Московского Кремля (предварительные результаты работ 2016 года) // *КСИА*. 2017. Вып. 249. С. 86–94.
- Шеляпина Н. С.* Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // *Древности Московского Кремля* / Ред. Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. М.: Наука, 1971 (МИА; № 167; Материалы и исследования по археологии Москвы; Т. 4). С. 117–153.

EXCAVATIONS IN THE EASTERN PART OF THE MOSCOW KREMLIN IN THE FRAMEWORK OF STUDYING TOWNS OF NORTH-EAST RUS OF THE 12th–13th CENTURIES

Nikolay A. Makarov*, Asya V. Engovatova**, Vladimir Yu. Koval***,
Roman N. Modin****

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

* E-mail: nmakarov10@yandex.ru

** E-mail: engov@mail.ru

*** E-mail: kovaloka@mail.ru

**** E-mail: modin.roman@mail.ru

The article presents the stratigraphy of the research area at the site of demolished building № 14 of the Moscow Kremlin, where the building horizon of the original Miracle of Archangel Michael Cathedral at Chonae built in 1365 was discovered. Of particular interest are the ancient strata of this site dating back to the Pre-Mongolian time. The dating is based on a representative series of radiocarbon dates, characteristic finds of objects, including glass bracelets, and mass ceramic material. Large pits from the cellars marking the urban development of the late 12th c. in this part of the Kremlin are also attributed to the Pre-Mongolian period. A conclusion was drawn about the initially high status of Moscow in comparison with other non-capital towns of North-Eastern Russia of the 12th–13th centuries.

Keywords: Moscow Kremlin, medieval towns, the Chudov/ Archangel Michael Monastery, the archaeology of Pre-Mongolian Moscow, glass bracelets, radiocarbon dating.

REFERENCES

- Gaydukov P. G.*, 1993. Mednyye russkiye monety kontsa XIV–XVI vv. [The Russian copper of the late 14th–16th centuries]. Moscow: Nauka. 304 p.
- Koval' V. Yu U.*, 2010. Keramika Vostoka na Rusi IX–XVII vv. [Eastern pottery in Rus of 9th–17th centuries]. Moscow: Nauka. 269 p.
- Koval' V. Yu.*, 2016. Primary documentation of mass ceramic material on the monuments of the Middle Ages and Early Iron Age of the forest zone of Eastern Europe. *Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy [Methods of the field archaeological investigations]*, 9. Moscow: IA RAN. 126 p. (In Russ.)
- Krenke N. A.*, 2009. Arkheologiya Romanova dvora: Predystoriya i istoriya tsentra Moskvyy v XII–XIX vekakh [Archaeology of Romanov Yard: Prehistory and history of Moscow center in 12th–19th centuries]. Moscow: IA RAN. 523 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 12).

- Krenke N.A., Glazunova O.N., Ershov I.N., Oleynikov O.M.*, 2016. Stratigraphic excavation on Podol of the Moscow Kremlin. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 243, pp. 107–126. (In Russ.)
- Makarov N.A.*, 2017. Urbanization of northeast Rus in the 11th – the first half of the 13th century AD: the size of settlements. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 34–44. (In Russ.)
- Makarov N.A., Engovatova A.V., Koval' V. Yu.*, 2017. Archaeological investigations in the east part of the Moscow Kremlin in 2014–2016. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 246, pp. 7–27. (In Russ.)
- Panova T.D.*, 2013. Istoricheskaya i sotsial'naya topografiya Moskovskogo Kremlya v seredine XII – pervoy trety XVI veka [Historical and social topography of the Moscow Kremlin in the middle 12th – first third 16th century]. Moscow: TAUS. 406 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], III. Novgorodskaya pervaya letopis' po Sinodal'nomu spisku [Novgorod first chronicle according to the Synodal list]. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1841. 308 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], VII. Letopis' po Voskresenskomu spisku [Chronicle according to the Resurrection monastery list]. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1856. 345 s.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], VIII. Prodolzheniye letopisi po Voskresenskomu spisku [Chronicle according to the Resurrection monastery list. The continuation]. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1859. 301 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], XVIII. Simeonovskaya letopis' [Chronicle named after Nikifor Simeon]. St. Petersburg: Tipografiya M. Aleksandrova, 1913. 316 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], XV. Rogozhskiy letopisets [The Rogozhskiy Records], 1. Petrograd, 1922. 216 p.
- Ravdina T.V.*, 1991. Pottery from the dated burials in the mounds of Moscow region. *Moskovskaya keramika: Novyye dannyye po khronologii [Moscow pottery: new data on chronology]*. Moscow: IA RAN, 7–13. (In Russ.)
- Shelyapina N.S.*, 1971. Archaeological works in the Moscow Kremlin in 1963–1965. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [The Antiquities of the Moscow Kremlin]*. N.N. Voronin, M.G. Rabinovich, eds. Moscow: Nauka, pp. 117–153. (MIA, 167.) (Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy, 4). (In Russ.)
- Stolyarova E.K., Koval' V. Yu.*, 2017. Glass bracelets of the eastern part of the Moscow Kremlin (preliminary results of 2016 works). *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, iss. 249, pt. II, 86–94. (In Russ.)

НОВЫЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

© 2018 г. Е.В. Суханов*, А.Н. Свиридов**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

* E-mail: sukhanov_ev@mail.ru

** E-mail: a_sviridov@mail.ru

Поступила в редакцию 16.06.2016 г.

В статье публикуются материалы 10 ингумационных погребений, исследованных в 2015 г. в ходе охранно-спасательных раскопок поселения Варнавинское-3 (Абинский р-он Краснодарского края). Наличие датирующих вещей позволяет разделить весь массив погребений на несколько условных хронологических групп: середина V – первая половина VI в.; вторая половина VI – рубеж VII–VIII вв.; VIII–IX вв. (последнюю формирует одно погребение). Культурная специфика погребений поселения Варнавинское-3 определяется преобладанием ориентировки погребенных головой в северный сектор. Прямые аналогии по этому компоненту погребального обряда в комплексах V–VII вв. Западного Предкавказья немногочисленны.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, Западное Предкавказье, Варнавинское-3, северная ориентировка.

DOI: 10.31857/S086960630003393-1

В июле-сентябре 2015 г. совместная экспедиция ИА РАН и АНО “Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия” (г. Саратов) провела охранно-спасательные археологические раскопки на поселении Варнавинское-3 в Абинском р-оне Краснодарского края (рис. 1).

Поселение расположено в 3 км к северу от северо-восточной окраины с. Варнавинское Абинского р-она Краснодарского края, занимает склон первой надпойменной террасы р. Сухой Аушедз (левый приток р. Кубань). В ходе работ был изучен культурный слой памятника в зоне сооружения строительных объектов на площади 5769 м². Их предварительные итоги показали, что на памятнике имеются культурные отложения римского времени, Средневековья и Нового времени. Помимо объектов, связанных с функционированием поселения, было изучено 22 захоронения, совершенных по обряду ингумации. Настоящая статья посвящена предварительной характеристике и введению в научный оборот 10 комплексов, содержащих вещевой инвентарь¹.

¹ В силу ограниченности объема статьи мы публикуем только материалы комплексов, содержащих вещевой инвентарь.

Все объекты, выявленные на памятнике в ходе исследований, имеют единую нумерацию. В силу этого в статье будут приведены обозначения, присвоенные погребениям еще на этапе полевых работ, с использованием дефиниции “объект”.

Объект 7 (рис. 2, А). Глубина фиксации костяка – 0.67 м от уровня дневной поверхности. Форму и конструкцию погребального сооружения проследить не удалось. Погребенный (рис. 2, А, 1) лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на север. Правая рука вытянута вдоль туловища. Череп раздавлен, отсутствуют некоторые кости левой руки, ребра, пальцы правой руки, а также кости стоп. В районе подбородка погребенного находились две янтарные бусины (рис. 2, А, 2, 3), одна из которых была расколота на две части.

Объект 13 (рис. 2, Б). Глубина фиксации костяка – 0.34 м от уровня дневной поверхности. Форма и конструкция погребального сооружения не прослежены. В погребении (рис. 2, Б, 4) сохранились лишь фрагментированный череп, часть плечевой кости левой руки, несколько позвонков. Судя по расположению зафиксированных останков, погребенный лежал головой на север. В районе грудного отдела расчищен

Рис. 1. Расположение памятника.

Fig. 1. Varnavinskoe-3 settlement on the map

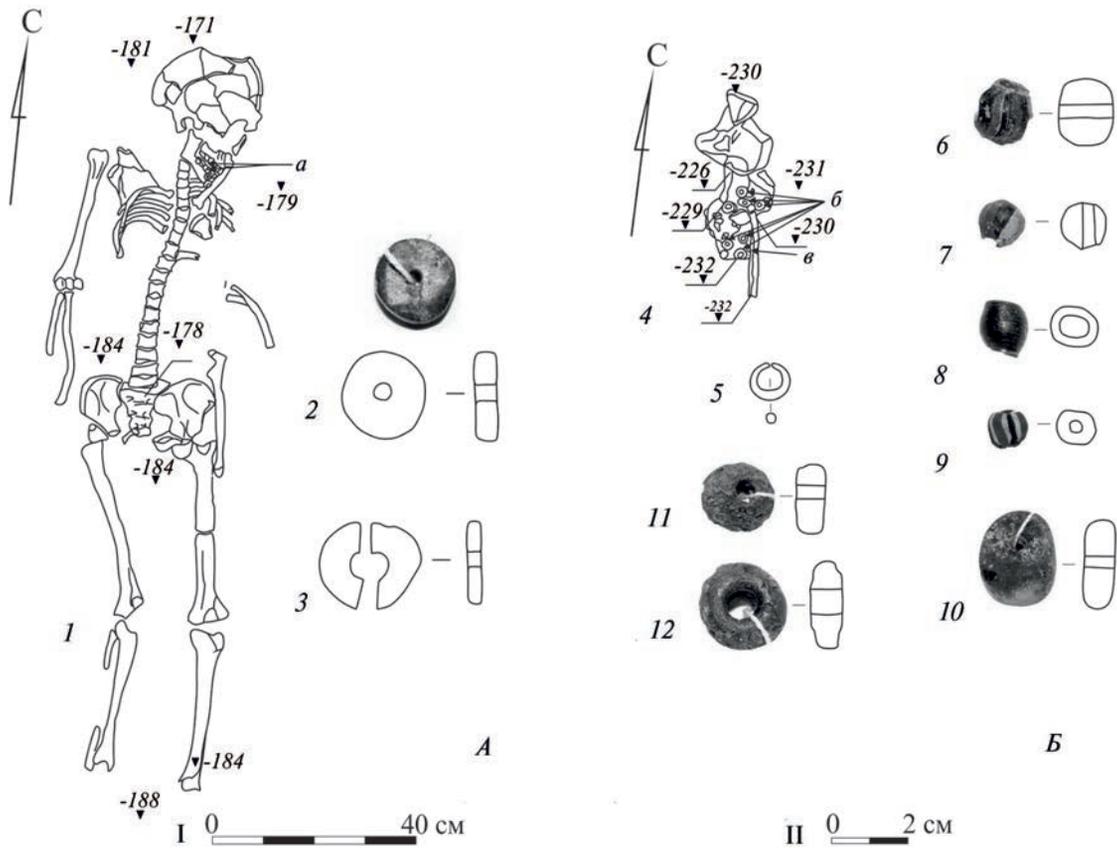

Рис. 2. План и вещевой комплекс объектов 7, 13. А (1–3) – объект 7; Б (4–12) – объект 13. Масштаб: I – 1, 4; II – 2, 3, 6–12. Условные обозначения: а – бусы янтарные (2 шт.); б – бусы; в – серьга.

Fig. 2. Plan and finds that are attributed to objects 7, 13

комплекс, состоящий из одной цельнолитой калачиковидной серьги (рис. 2, Б, 5), трех янтарных (рис. 2, Б, 6–8) и шести стеклянных бусин (рис. 2, Б, 9–12).

Объект 38 (рис. 3, А). Глубина фиксации погребения – 0,77 м от уровня дневной поверхности. Могильная яма имеет подпрямоугольную форму с закругленными краями и ориентирована продольной осью по линии северо–восток–юго–запад. Проследить в ходе зачисток лежавших выше пластов уровень пятна могильной ямы не удалось, в следствии чего установленная глубина погребального сооружения в зафиксированном виде составляет около 0,05 м, что, разумеется, существенно отличается от ее изначальной глубины. Дно ямы ровное. Стенки имеют незначительный наклон вовнутрь. На дне ямы расположен костяк, ориентированный головой

по направлению на северо–восток (рис. 3, А, 1). Левая рука вытянута вдоль туловища, правая – слегка согнута в локте, в результате чего кисть находится в районе таза. Череп фрагментирован. Отсутствуют позвонки, ребра, кисть левой руки, левая тазовая кость, некоторые кости ног.

В погребении выявлен следующий сопутствующий инвентарь. На черепе и слева от него располагались две серьги с напускным 14-гранником (рис. 3, А, 2, 3). В районе плеч лежали три двупластинчатые фибулы² (рис. 3, А, 4), чуть ниже которых располагалось скопление крупных янтарных призматической формы бусин (8 шт.) (рис. 3, А, 5), а под ним – скопление из 12 цилиндрических бисерин зеленого цвета (рис. 3, А, 6).

² Публикуется одна. Еще две фибулы на момент написания статьи были законсервированы и их прорисовки отсутствуют.

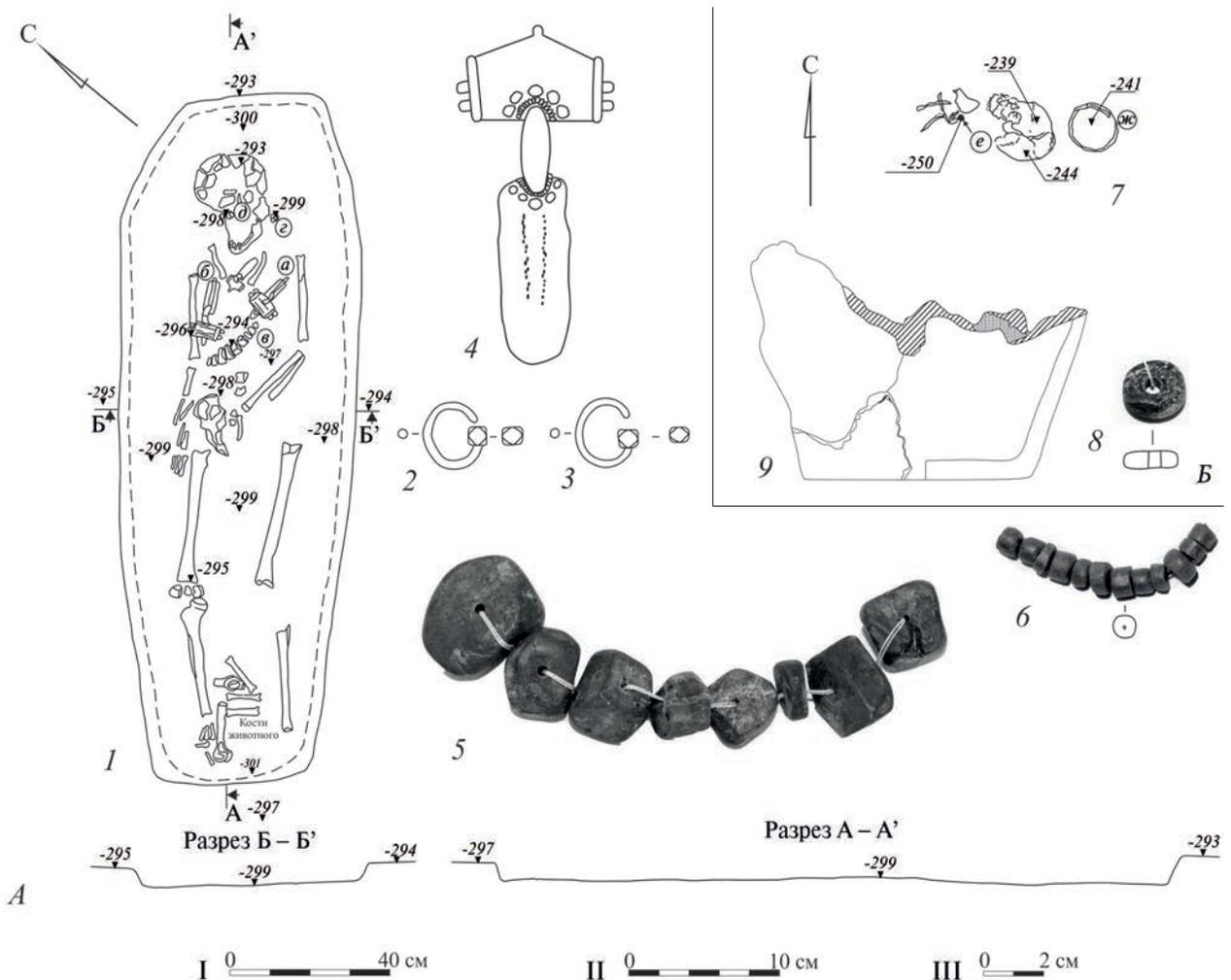

Рис. 3. План и вещевой комплекс объектов 38, 68. А (1–6) – объект 38; Б (7–9) – объект 68. Масштаб: I – 1, 7; II – 9; III – 2–6, 8. Условные обозначения: а, б – фибулы; в – бусы; г – серьги; д – бисер; е – бусина; ж – сосуд.

Fig. 3. Plan and finds that are attributed to objects 38, 68

В ногах у погребенного располагалось компактное скопление костей мелкого рогатого скота.

Объект 68 (рис. 3, Б). Глубина фиксации погребения – 1.12 м от уровня дневной поверхности. Форма и конструкция погребального сооружения не прослежены. В погребении сохранились череп, одна лопатка и несколько ребер. Судя по расположению зафиксированных останков, погребенный лежал головой на восток. К западу от черепа располагалась одна янтарная бусина (рис. 3, Б, 8), к востоку – нижняя часть лепного сосуда горшковидной формы (рис. 3, Б, 9).

Объект 97 (рис. 4). Глубина фиксации погребения – 0.66 м от уровня дневной поверхности. Форма и конструкция погребального сооружения не прослежены. Погребенный (рис. 4, 1) располагался вытянуто на спине, был ориентирован

головой на север-северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища. Анатомический порядок расположения костей в целом сохранен, незначительно сдвинуты с места некоторые ребра. Отсутствуют некоторые кости стоп. В погребении был расчищен следующий вещевой комплекс. В 0.3 м к северо-востоку от черепа находился лощеный круговой кувшин (рис. 4, 2). Слева от черепа располагалось бронзовое спиралевидное кольцо (височное?) (рис. 4, 3). На левой руке, примерно между локтем и запястьем, находился бронзовый браслет (рис. 4, 4), рядом с которым лежала янтарная бусина (рис. 4, 5). Еще одна аналогичная бусина находилась около правого запястья (рис. 4, 6). Поверх левой большеберцовой кости располагалось бронзовое зеркало (рис. 4, 7), рядом с ним – треугольная бронзовая подвеска со

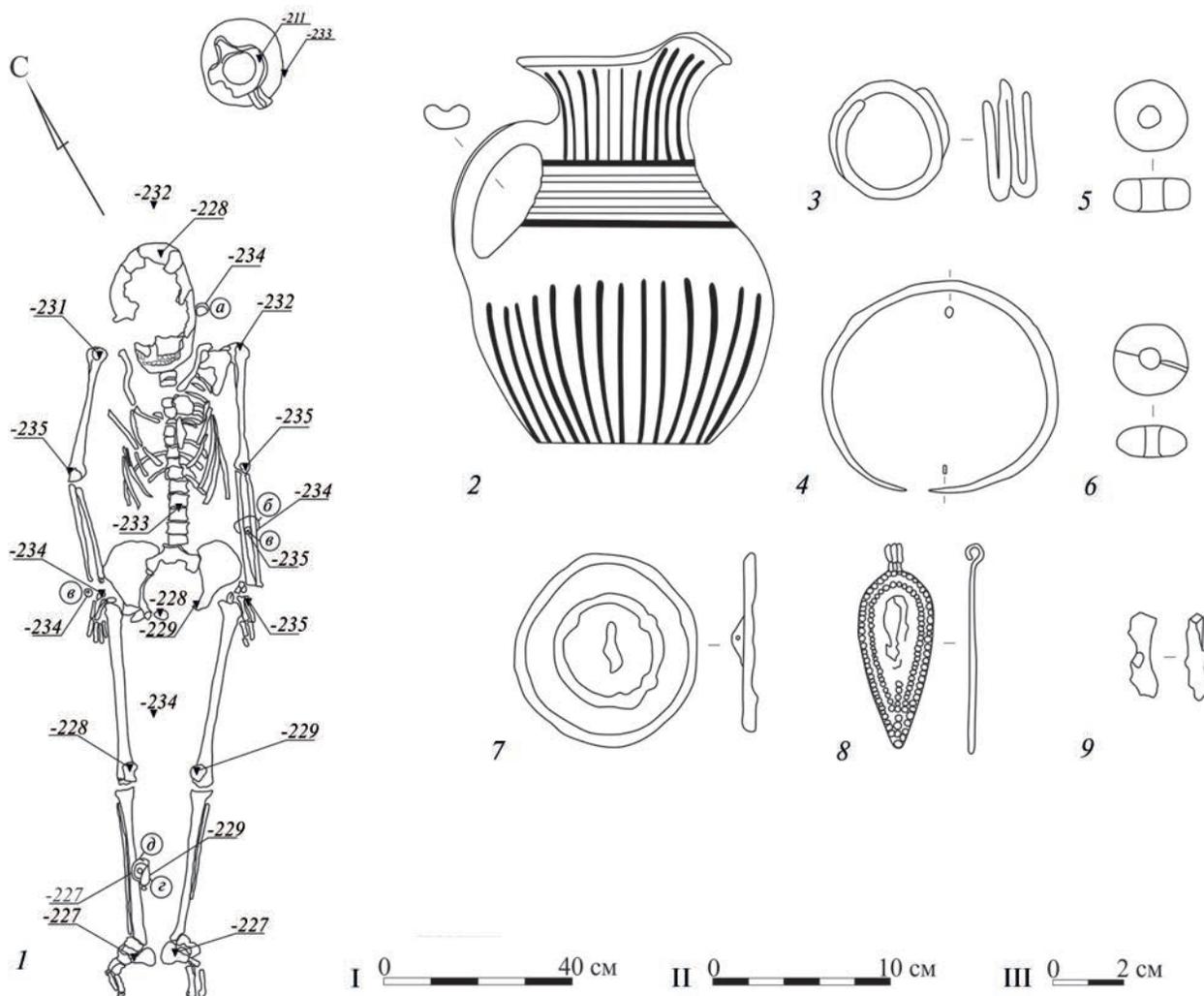

Рис. 4. План и вещевой комплекс объекта 97. Масштаб: I – I; II – 2; III – 3–9. Условные обозначения: а – серьга; б – браслет; в – бусины; г – подвеска; д – зеркало.

Fig. 4. Plan and finds that are attributed to object 97

стеклянной вставкой (рис. 4, 8). После полной фиксации погребения и снятия костей ориентировочно в районе таза было обнаружено стержневидное, слегка изогнутое железное изделие, возможно, — фрагмент рамки пряжки (рис. 4, 9).

Объект 102 (рис. 5). Глубина фиксации погребения — 1.79 м от уровня дневной поверхности. Форма и конструкция погребального сооружения не прослежены. Сохранность костей плохая, практически полностью отсутствуют кости грудного отдела, таза, правой ноги и стоп. Большеберцовая кость правой ноги существенно смещена по направлению на восток. Судя по расположению зафиксированных останков, погребенный (рис. 5, 1) лежал вытянуто на спине, головой на север. В 0.1 м к северо-востоку от черепа находился развал лощеного кругового сосуда (рис. 5, 2). Около левого предплечья погребенного располагалась Р-образная портупейная скоба (рис. 5, 3). В районе таза были расчищены литая пряжка с В-образной рамкой (рис. 5, 4), U-образная щитовидная поясная

бляшка с прорезью в верхней части (рис. 5, 5), железный нож (рис. 5, 6), фрагмент ремennого наконечника (рис. 5, 7), кроме того, здесь было найдено скопление тонких металлических фрагментированных и целых пластин. Одна из них имеет овальную форму и узкое сквозное отверстие и, вероятно, является ремennой накладкой (рис. 5, 8). Последние — трапециевидной и прямоугольной формы, у некоторых — края загнуты (рис. 5, 9, 10), возможно, они являются фрагментами ножен. Рядом с левой ногой погребенного располагался однолезвийный палаш (рис. 5, 11), южнее которого лежал фрагмент металлических ножен с сохранившимися остатками дерева внутри (рис. 5, 12). Здесь же находился фрагмент поясной бляшки, украшенной тремя круглыми вдавлениями (рис. 5, 13).

Объект 110 (рис. 6; 7). Пятно объекта зафиксировано на уровне материка. Глубина фиксации пятна погребения — 1.56 м от уровня дневной поверхности. Погребение (рис. 6, 1) совершено в яме подпрямоугольной формы с закругленны-

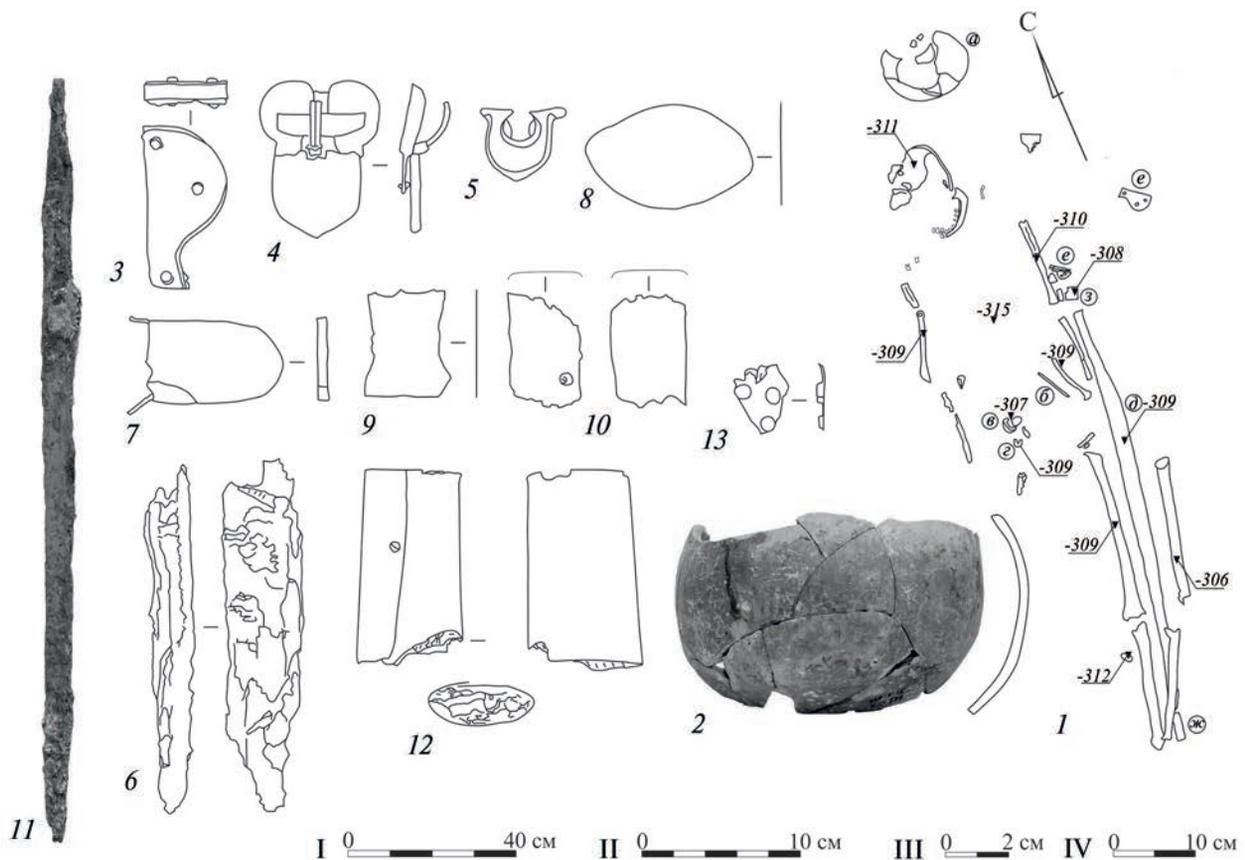

Рис. 5. План и вещевой комплекс объекта 102. Масштаб: I — 1; II — 2; III — 3–10, 12, 13; IV — 11. Условные обозначения: а — развал сосуда; б — нож; в — пряжка; г — бляшки; д — сабля; е — портупейная скоба; ж — ножны; з — ремennой наконечник.

Fig. 5. Plan and finds that are attributed to object 97

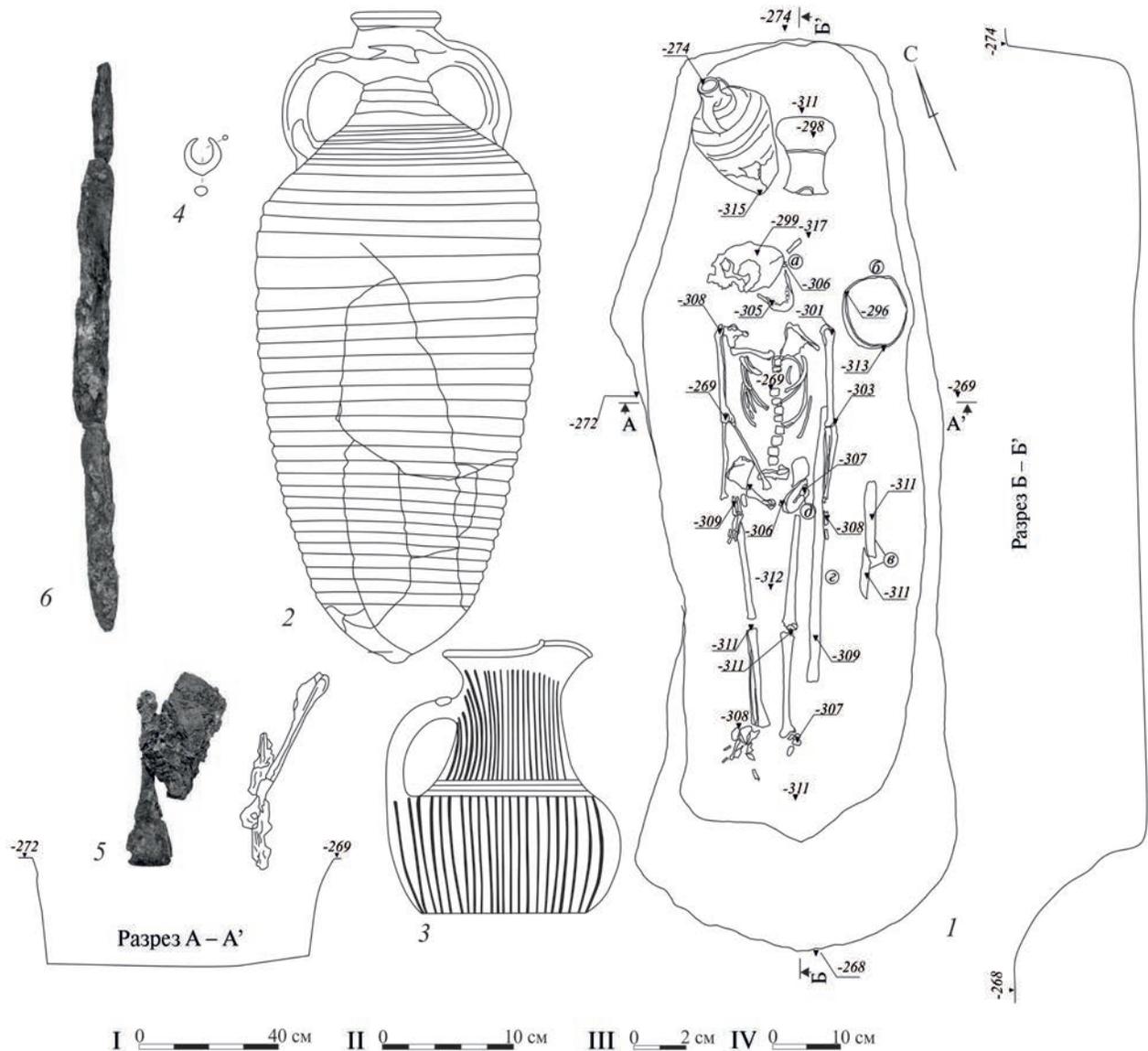

Рис. 6. План и вещевой комплекс объекта 110. Масштаб: I – 1, II – 2, 3; III – 4, 5; IV – 6. Условные обозначения: а – серьга; б – железный шлем; в – нож; г – меч; д – пинцет.

Fig. 6. Plan and finds that are attributed to object 110

ми краями, ориентированной продольной осью по линии север-юг. Глубина ямы – 0.35–0.40 м. Дно ямы относительно ровное. Северная, западная и восточная стенки – почти отвесные. Южная стенка имеет значительный наклон вовнутрь. На дне ямы располагался погребенный, лежавший вытянуто на спине, головой – на север-северо-восток. Анатомический порядок расположения костей, в целом, сохранен. В погребении был зафиксирован следующий вещевой комплекс. В 0.15 м к северу-северо-востоку от черепа располагалась красноглиняная амфора с желобчатым туловом (рис. 6, 2) и лощеный круговой кувшин (рис. 6, 3). Амфора была

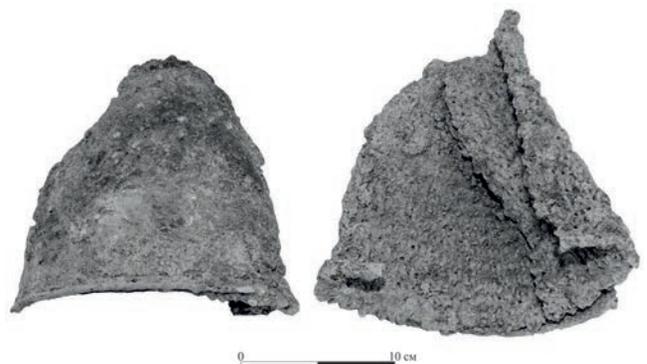

Рис. 7. Шлем из объекта 110.

Fig. 7. The helmet from object 110

оперта о северную стенку могильной ямы, кувшин лежал на ее дне. Слева от черепа находилась цельнолитая калачиковидная серьга (рис. 6, 4). В 0.1 м к востоку от левого плеча погребенного располагался сфероконический железный шлем, залегавший в перевернутом виде (рис. 7). В районе таза расчищен бронзовый пинцет с прикипев-

шим к нему железным пластинчатым предметом (рис. 6, 5). Слева от погребенного располагался однолезвийный палаш (рис. 6, 6).

Объект 137 (рис. 8, А). Глубина фиксации погребения – 0.94 м от уровня дневной поверхности. Форма и конструкция погребального сооружения не прослежены. Погребенный (рис. 8, А, 1)

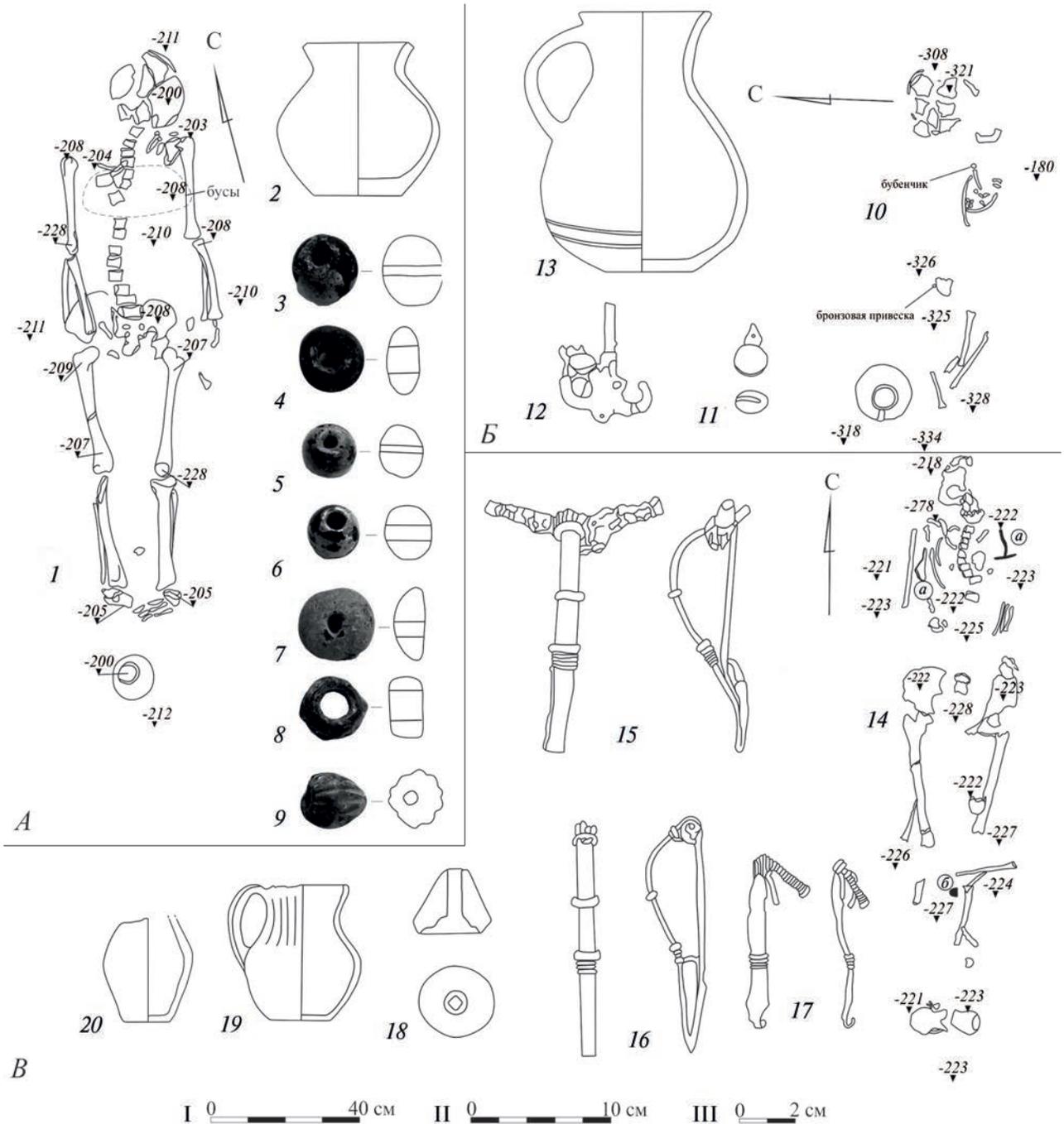

Рис. 8. План и вещевой комплекс объектов 137–139. А (1–9) – объект 137; Б (10–13) – объект 138; В (14–20) – объект 139. Масштаб: I – 1, 10, 14; II – 2, 13, 19, 20; III – 2–9, 11, 12, 14–18. Условные обозначения: а – бронзовая фибула; б – пряслице.

Fig. 8. Plan and finds that are attributed to objects 137–139

располагался вытянуто на спине, был ориентирован головой по направлению на север-северо-восток. Череп фрагментирован, отсутствуют ребра, ключица, некоторые пальцы рук. Вещевой комплекс погребения включал в себя миниатюрный лепной горшок (рис. 8, А, 2), расчищенный в 0.1 м к юго-западу от стоп, а также семь бусин (одна янтарная, шесть стеклянных), располагавшихся в районе грудного отдела погребенного (рис. 8, А, 3–9).

Объект 138 (рис. 8, Б). Глубина фиксации погребения – 0.74 м от уровня дневной поверхности. Форма и конструкция погребального сооружения не прослежены. Степень сохранности костей низкая. Вероятно, погребенный лежал вытянуто на спине и был ориентирован головой по направлению на восток. Кроме фрагментированного черепа, сохранились несколько ребер (вне анатомического порядка), четыре кости ног и одна тазовая кость (рис. 8, Б, 10). Рядом с ребрами располагался один бронзовый бубенчик каплевидной формы (рис. 8, Б, 11). Рядом с тазовой костью расчищена Т-образная металлическая подвеска с загнутыми краями, к которой прикипел аналогичный описанному выше каплевидный бубенчик (рис. 8, 12). В 0.1 м к северо-западу от малоберцовой кости располагался лощеный круговой кувшин без слива (рис. 8, 13).

Объект 139 (рис. 8, В). Глубина фиксации погребения – 0.88 м от уровня дневной поверхности. Форма и конструкция погребального сооружения не прослежены. Погребенный (рис. 8, В, 14) лежал вытянуто на спине, был ориентирован головой на север. Отсутствуют некоторые ребра, позвонки, кости рук, малоберцовая и большеберцовая кости правой ноги, стопы. Вещевой комплекс представлен следующим образом: в районе груди погребенного находились две прогнутые подвязные фибулы и фрагмент еще одной (рис. 8, В, 15–17); около колен – биконическое глиняное пряслице (рис. 8, В, 18); в 0.15 м к югу от ног погребенного лежали два миниатюрных сосуда – лощеный круговой кувшин и биконический лепной горшок (рис. 8, В, 19, 20).

Выявленный в погребениях вещевой комплекс включает разные категории находок. Предметы вооружения и воинского доспеха представлены находками железного шлема (объект 110), двух клинковых орудий (объекты 102, 110), одно из которых (объект 102) – с фрагментом ножен, и портупейной скобы. Шлем (рис. 7) имеет сфероконическую форму, внутри него на-

ходила кольчужная бармица. Судя по сообщению А.В. Дмитриева, шлемы встречались в захоронениях могильника Дюрсо (1979. С. 55). Один из них опубликован, однако морфологически он отличается от шлема, происходящего с поселения Варнавинское-3, и относится к комплексу IX в. (Дмитриев, 2003. С. 256. Табл. 89, 51). Палаш, найденный в ходе работ на объекте 102 (рис. 5, 11), имеет однолезвийный прямой клинок, подпрямоугольную ручку без перекрестия. Его общая длина – 93 см. Палаш, относящийся к объекту 110 (рис. 6, б), обладает прямым обоюдоострым клинком; его полная длина – 79 см. Портупейная скоба (рис. 5, 3) Р-образной формы, выполнена из тонких металлических пластин; на ее поверхности – три округлых выступа. В одном со скобой погребении также был обнаружен фрагмент ножен подпрямоугольной в плане и овальной в поперечном сечении формы, внутри которого находились остатки дерева (рис. 5, 12). Схожие однолезвийные палаши часто встречаются в воинских захоронениях Восточной Европы VI–VII вв. (Хрисимов, 2009. С. 19). Они входили в состав погр. 95, 105 могильника Южная Озерейка, погр. 100 могильника Дюрсо (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 252. Табл. 85, 1), могильников Ясиново, Арцибашево, Епифанов (Комар и др., 2006. С. 185. Рис. 44, 7–9) и др. Ближайшая аналогия Р-образной портупейной скобе происходит из погр. 30 Борисовского могильника (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 245. Табл. 78, 65), морфологически близкие находки обнаружены в погребениях могильников Арцибашево и Виноградного, датирующихся также в пределах VII в. (Комар и др., 2006. С. 361. Рис. 49, 18, 35).

К элементам поясной гарнитуры относятся остатки ременного набора из объекта 102. Из целиком сохранившихся предметов в него входят поясная пряжка с В-образной рамкой и пятиугольным щитком (рис. 5, 4) (подтип 5 типа 6 отдела V по В.Б. Ковалевской: 1979. Табл. 19, 8), U-образная литая щитовидная бляшка с прорезью (рис. 5, 5). Вероятно, к числу поясных накладок относятся обнаруженные в погребении пластины разнообразной формы, изготовленные из очень тонкого металлического листа. Одна из них – овальной формы, на ее поверхности имеется тонкое сквозное отверстие (рис. 5, 8). Еще один предмет из погребения может представлять собой фрагмент так называемой Т-образной двурогой бляшки, лицевая поверхность которой украшена несколькими круглыми вдавлениями

(рис. 5, 13). Круг аналогий предметам поясной гарнитуры довольно широк и включает в себя раннесредневековые могильники и отдельные погребения с территории Крыма, Кавказа, Приазовья. Географически близкие аналогии поясной гарнитуры происходят из комплексов VII в. Борисовского могильника (Саханев, 1914. С. 129. Рис. 20, 2, 17; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 245. Табл. 78, 45), Пашковского могильника (Анфимов, 1941. С. 219. Табл. XXXVI, 9; Покровский, 1936. С. 164. Рис. 5), захоронений второй половины VI – VII в. могильника Дюрсо (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 250. Табл. 83, 1), первой половины VII в. Скалистинского могильника (Айбабин, 1999. С. 316. Табл. XXX, 13). На Кавказе такая гарнитура встречается на территории Кавказских Минеральных Вод, Северной и Южной Осетии (Ковалевская, 1995. С. 158. Рис. 12; Дзаттиаты, 1995. Табл. 1, 1; 2, 24). Аналогичные пряжки входили в состав вещевых комплексов ряда погребений, происходящих с территории Северо-Западного Приазовья и датирующихся в пределах VII в. (Комар, 2006. С. 378. Рис. 3, 1; Комар и др., 2006. С. 361. Рис. 49, 3, 20).

К поясной гарнитуры относится также фрагмент наконечника ремня из объекта 102 (рис. 5, 7). Он полый, состоит из двух тонких пластин, соединенных между собой при помощи ободка. Аналогия этому предмету известна в материалах Борисовского могильника (Саханев, 1914. С. 129. Рис. 20, 3).

Украшения в исследованных погребальных комплексах представлены серьгами, бусами, браслетом. Обнаружены серьги двух типов. К первому относятся цельнолитые калачиковидные, происходящие из объектов 13, 110 (рис. 2, Б, 5; 6, 4; тип 1 отдела 1 по В.Б. Ковалевской). Они были широко распространены в раннесредневековых древностях Кавказа, Крыма (Ковалевская, 1995. С. 150. Рис. 6, 1) и Волго-Камья (Богачев, 1996. С. 114. Рис. 8). Их датировка определяется в рамках IV–VII вв. (Ковалевская, 1995. С. 150). Второй тип представлен двумя идентичными овальными серьгами с напускным 14-гранником, происходящими из объектов 38 (рис. 3, А, 2, 3). Ареал их распространения также весьма широк, а датировка укладывается в диапазон IV–IX вв. (Ковалевская, 1995. С. 155, 156). Однако можно отметить, что в Крыму такие серьги бытовали в V – первой половине VII в. (Айбабин, 1984. С. 112, 113. Рис. 1, 36). Выразительная серия аналогий происходит из захоронений V – первой

половины VI в. могильника Лучистое (Айбабин, Хайрединова, 2008. С. 42, 50. Рис. 22, 17; 26, 14, 15, 22, 24).

Янтарные бусы достаточно однотипны, на основании их размера и формы выделяются два основных варианта. Крупные призматические бусины из объекта 38 (рис. 3, А, 5) по форме и размерам соотносятся с МЕР 37 по В.Б. Ковалевской (1998. Рис. 1, 37), по данным которой большая часть находок таких бус происходит из захоронений V–VI вв. (1998. С. 30). Второй тип янтарных бус представлен изделиями дисковидной формы диаметром около 2 см, часто встречающимися в материалах кавказских памятников, в частности, могильников Мокрая Балка (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 60, 61, 82. Рис. 14, 28, 29; 15, 7, 8; 27, 9 и др.) и Клинь-Яр (Мастыкова, 2001. С. 59. Рис. 1, 4). Их датировка недавно уточнялась на материалах могильника Клинь-Яр А.В. Мастыковой, приведшей к выводу о допустимости датирования таких бус второй третью V – второй третью VI в. (2001. С. 78, 79). Однако следует иметь в виду, что подобные янтарные бусы бытовали и в более позднее время. Стеклообразные бусы представлены следующими типологически определяемыми единицами: одной одноцветной темно-зеленой двусторонне усеченной бусиной (рис. 2, Б, 8), пятью шаровидными полосчатыми (МЕР 187; рис. 2, Б, 6, 7, 9), тремя шаровидными глазчатыми темно-синего цвета (МЕР 161; рис. 8, А, 3, 5, 6), тремя кольцевидными синего цвета с выпуклыми “глазками” (рис. 2, Б, 11, 12; 8, А, 8), одной шаровидной с ребристым туловом светло-зеленого цвета (МЕР 115). Ребристые бусы являются наиболее характерными в V–VI вв. для Восточного Крыма и Северо-Западного Кавказа, однако, они бытуют и в VIII–X вв. (Ковалевская, 2000. С. 19, 20). Полосчатые бусы появляются в V–VI вв., но широкое распространение получают также в более поздний период, связанный с существованием салтово-маяцкой культуры (Ковалевская, 2000. С. 55). Бисер обнаружен только в заполнении объекта 38 (рис. 3, А, 6). Бисерины зеленого цвета, цилиндрической формы, в поперечном сечении – круглые.

Единственный браслет происходит из объекта 97 (рис. 4, 4). Он имеет круглое сечение, края не замкнуты и уплощены. На них нанесены тонкие врезные насечки. Браслеты с уплощенными краями встречаются в погребениях VII в. Подобные предметы характерны для древностей

Западного Предкавказья IV–VII вв. (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 244. Табл. 77, 80).

Подвеска со стеклянной вставкой из объекта 97 (рис. 4, 8) имеет форму треугольника с округлым основанием. По краям изделие украшено двумя рядами орнамента, состоявшего из выпуклых точек. Два подобных предмета, один из которых является наиболее близким стилистически, происходят из катакомбы, входящей во вторую хронологическую группу (вторая половина VI – первая четверть VII в.: Афанасьев, Рунич, 2001. С. 152. Рис. 89, 9, 10; С. 35, 38). Еще одна аналогия подобной привески происходит из катакомбы рубежа VII–VIII – первой половины VIII в. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 195. Рис. 120, 43).

Спиралевидное кольцо из этого же комплекса имеет круглое поперечное сечение и находит свои аналогии в комплексе находок из могильника Мокрая Балка второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 88. Рис. 33, 3).

Группа, состоявшая из предметов одежды и туалетных принадлежностей, сформирована следующими находками. Фибулы из объекта 38 относятся ко 2 группе двупластинчатых фибул варианта Пб по А.К. Амброзу (1966. Табл. 13, 14), фибулы из объекта 139 схожи с изделиями 3 серии группы прогнутых подвязных фибул, украшенных декоративными проволочными кольцами (Амброз, 1966. Табл. 11, 17). Их датировка определяется многочисленными аналогиями двупластинчатых фибулам в комплексах могильника Дюрсо второй половины/конца V – первой половины VI в., а так же находками морфологически близких подвязных прогнутых фибул в комплексах V в. некрополей Крыма и Кавказа (Дмитриев, 2003. С. 201; 1979. Рис. 1, 17; Амброз, 1989. Рис. 13, 10; Айбабин, Хайрединова, 2008. С. 50. Рис. 26, 6; Gavritukhin, Kazanski, 2010. P. 87, 89, 93. Fig. 4, 1, 2, 5, 6). Единственной находкой представлен пинцет, происходящий из объекта 110 (рис. 6, 5). Он имеет сквозное отверстие-петельку в верхней части и рабочую часть треугольной в плане формы. Близких аналогий предмету обнаружить не удалось. Зеркало из объекта 97 (рис. 4, 7) с петелькой по центру для подвешивания, украшенное одним концентрическим кругом, относится к таксону 2а по В.Б. Ковалевской и З.Х. Албеговой (Ковалевская и др., 2006. Рис. 1). Территориально близкие аналогии известны в могильниках Бжид (Ковалевская и др., 2006. Рис. 38), Дюрсо (Гавритухин, Пьянков,

2003. С. 250. Табл. 83, 94, 95). К рассматриваемой группе относятся бронзовая Т-образная привеска и каплевидные бубенчики. Эти предметы находят свои аналогии в погребениях VIII–IX вв. могильника Дюрсо (Дмитриев, 2003. С. 254. Табл. 87, 20. С. 245. Табл. 78, 19, 21). Бубенчики распространены в многочисленных комплексах салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. С. 109. Рис. 57).

Керамика изученных погребений разнообразна. Так, амфора из объекта 110 (рис. 6, 2) имеет желобчатое тулово. Горло расширяется кверху, завершается валикообразным слегка отогнутым наружу венчиком. Излом черепка красного цвета, в глине включения мелких светлых частиц. Поверхность сосуда покрыта светлым составом (ангоб?). На дне имеется небольшой округлый выступ. Указанные выше морфологические признаки позволяют отнести этот сосуд к одному из вариантов амфор типа 5 по ХК-71 (Антонова и др., 1971), выделенному А.В. Сазановым на материалах Ильичевки, датировка которых укладывается во вторую четверть VI – VII в. (2000. С. 224).

Столовая керамика представлена лощеными круговыми кувшинами (рис. 4, 2; 5, 2). Они имеют тонкие стенки и плотный черепок серого цвета. Место перехода тулова в горло у сосудов украшено врезными каннелюрами, поверхность кувшинов покрыта вертикальными узкими полосами лощения. Горловины завершаются выраженными сливами. Еще два лощеных сосуда представлены миниатюрными кувшинами (рис. 6, 3; 8, Б, 13). Один из них в придонной части декорирован врезными горизонтальными полосами. Горло расширяется кверху, слив отсутствует. Лепная керамика (рис. 3, Б, 9; 8, А, 2; В, 20) представлена биконическим туловом миниатюрного горшковидного сосуда, близким по форме, но немного отличающимся по пропорциям от сосуда из объекта 137, и нижней частью более крупного горшковидного сосуда из объекта 68. Сосуды, полученные при исследовании погребений поселения Варнавинское-3, по своим формам находят сходства с раннесредневековой керамикой Западного Предкавказья (Ковалевская, 1981. С. 185. Рис. 67; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 243–246, 248, 254. Табл. 76, 69; 77, 7; 78, 77; 79, 60, 61; 81, 19–21; 87, 16; Саханев, 1914. С. 138. Рис. 25; Анфимов, 1941. С. 219. Табл. XXXVI, 18), однако указать их точные аналогии затруднительно, что препятствует использова-

нию керамики для хронологической дифференциации комплексов.

Обзор вещевого инвентаря погребений поселения Варнавинское-3 демонстрирует их хронологическую неоднородность. Суммарно все они покрывают достаточно широкий диапазон второй половины V–VIII/IX в. Относительно узкие датировки дают отдельные категории находок, прежде всего, украшения и предметы одежды. Основываясь на их многочисленных аналогиях в закрытых комплексах Крыма и Кавказа, мы считаем возможным выделение в описанном выше массиве погребений нескольких условных хронологических групп.

К первой наиболее ранней следует отнести погребения из объектов 38 и 139 (см. выше). Остальной инвентарь из упомянутых погребений не имеет узко датирующего потенциала, что позволяет определить датировку этих захоронений ориентировочно в пределах второй половины V – первой половины VI в.

Во вторую хронологическую группу включены объекты 97, 102, 110. В связи с достаточно большим количеством вещей, обнаруженным в каждом из погребений, предпочтительнее рассматривать датировку комплексов отдельно.

Нижняя хронологическая граница вещевого комплекса объекта 97 определяется по подвеске со стеклянной вставкой, наиболее ранняя аналогия которой известна в катакомбе второй хронологической группы могильника Мокрая Балка, датирующейся второй половиной VI – первой четвертью VII в. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 152. Рис. 89, 9, 10; С. 35, 38). Верхняя граница может быть определена также благодаря параллелям в материалах этого же кавказского могильника. Еще одна аналогия подобной привеске происходит из катакомбы рубежа VII–VIII – первой половины VIII в. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 195. Рис. 120, 43). Аналогия бронзовому височному кольцу находится в комплексе могильника Мокрая Балка второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 88. Рис. 33, 3). Не противоречит этим датировкам хронология зеркала и бус. На северо-западном Кавказе такие зеркала бытовали преимущественно в VI–VII вв. (Ковалевская и др., 2006. С. 7), бусы датируются в пределах заданного хронологического интервала. Таким образом, сузить датировку погребения не представляется возможным, она находится в пределах второй половины VI – VII в.

Аналогичная ситуация складывается и для объекта 102. К числу датирующих находок из этого погребения мы относим остатки ременной гарнитуры и клинковое оружие. Как было установлено в ходе обзора сопроводительного инвентаря, время бытования этих вещей (пряжка с V-образной рамкой, U-образная щитовидная пряжка и палаш) – вторая половина VI–VII в.

Из инвентаря объекта 110 наиболее узкую датировку дает амфора – вторая четверть VI–VII в. (Сазанов, 2000. С. 224).

Наиболее поздним следует считать объект 138. Аналогии T-образной привеске нам известны лишь в комплексах могильника Дюрсо VIII–IX вв. (Дмитриев, 2003. С. 254. Табл. 87, 20; С. 245. Табл. 78, 19, 21), а бубенчики находят свои многочисленные аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. С. 109. Рис. 57).

Инвентарь остальных погребений (серьги, бусы) не позволяет причислить их к одной из хронологических групп, поэтому они датируются в рамках середины V–VII в.

Форма и вид погребального сооружения в ходе работ на памятнике были прослежены лишь в двух случаях – это узкая яма подпрямоугольной формы. Отсутствие следов каменных конструкций позволяет полагать, что аналогичные простые ямы использовались и в остальных случаях. Все костяки расположены на спине, руки почти у всех вытянуты вдоль тулова. Погребенные были ориентированы головой в северный сектор: в пяти случаях – строго на север, в трех – на северо-восток. Одно погребение (наиболее позднее) имело восточную ориентировку. В объектах 7, 13, 38 сосуды отсутствовали. В объектах 68, 97, 102, 110 сосуды располагались в голове, 138, 139 – в ногах. Примечательно, что в случае с последними двумя погребениями расположение сосудов в ногах зафиксировано в явно разновременных захоронениях. В объекте 38 в ногах располагалась поминальная пища в виде костей животного, предположительно, козы или овцы.

Северная ориентировка является характерной чертой многих евразийских погребений Раннего Средневековья (Скарбовенко, Лифанов, 2012. С. 52; Комар и др., 2006. С. 356; Вайнштейн, 1970. С. 13, 16, 19; Комар, 2008. С. 110). Однако для Северо-Западного Кавказа такая ориентировка захоронений указанной эпохи не столь распространена. Здесь в чуть более ранний

период ориентировка в северный сектор иногда практиковалась позднемезолитским населением (Каменецкий, 1989. С. 246). Что касается раннесредневековых могильников, то на них она встречается не столь часто. Единственным синхронным некрополем, где северная ориентировка абсолютно преобладает, является могильник Елизаветинского городища № 2, поздняя группа захоронений которого датируется V–VII вв. (Пьянков, Анфимов, 2014. С. 263–266). Сходство проявляется не только в ориентировке погребенных, но и в их позах, а также в составе керамического комплекса (Пьянков, Анфимов, 2014. С. 266. Рис. 1, I).

В Борисовском могильнике из 10 ингумаций раннего периода, совершенных в простых ямах, на север-северо-восток была ориентирована 1 грунтовая могила, на северо-восток – также 1 (Саханев, 1914. С. 125). При этом следует заметить, что в северный сектор ориентировано большое количество труположений в каменных ящиках – 31 на северо-восток и 14 на север (Джигунова, 2000. С. 34), что составляет около 80% всех погребений с каменными конструкциями. В одном из ближайших погребениям с поселения Варнавинское-3 по расположению и инвентарю комплексе – могильнике Дюрсо, ориентировка на северо-запад и север суммарно представлена 11 захоронениями из 348 ингумаций раннего периода (Джигунова, 2000. С. 37). Северо-восточную ориентировку имеют 21 из 25 исследованных погребения VIII–IX вв. на могильнике Новочепшийский (Джигунова, 2000. С. 45). Во многих же раннесредневековых могильниках Западного Предкавказья северная ориентировка не встречается вовсе.

В одном из изученных погребений, объекте 138, была прослежена ориентировка головой на восток. На Северо-Западном Кавказе восточная ориентировка встречается во многих комплексах, отнесенных Ф.К. Джигуновой к группе комплексов 4 периода (вторая половина VIII – IX в.). К ним могут быть отнесены целый ряд погребений могильников Ленинохабль, Псекупский № 1, Борисово (Джигунова, 2000. С. 211, 212. Табл. 1, 2–9). Сравнению иных аспектов погребального обряда объекта 138 препятствуют плохая сохранность костного материала и отсутствие следов погребального сооружения.

Погребения с поселения Варнавинское-3 находят сходство в обряде с могильниками Северо-Западного Кавказа в позах погребенных, где

среди ингумаций преобладают одиночные погребения в вытянутом положении (Ковалевская, 1981. С. 93). Такой же вариант прослежен на могильниках Борисово, Агойский, Сопино, Дюрсо, Псекупский, Пашковский (Джигунова, 2000. С. 34–38, 42, 43).

Расположение керамических сосудов в головах погребенных, прослеженное в комплексах поселения Варнавинское-3, является типичным для многих раннесредневековых могильников, в том числе Северо-Западного Кавказа. В двух погребениях сосуды были зафиксированы в ногах костяков. Расположение сосудов в ногах погребенных в могильниках Западного Предкавказья второй половины I тыс. – довольно распространенный элемент обряда. Подобные примеры известны в Новочепшинском могильнике (погр. 16, 19, 69), могильниках Мешоко 5 (погр. 11), Губские навесы (погр. 3, 2, 1, 20), Агойский (погр. 10, 13, 17, 18) и др. (Джигунова, 2000. С. 217–222. Табл. 2). При этом расположение сосудов в ногах в рамках одного могильника сочетается с расположением сосудов в головах.

Таким образом, вещевой комплекс изученных погребений в целом сходен с другими раннесредневековыми могильниками Северо-Западного Кавказа. Однако погребальный обряд захоронений V–VII вв. не находит большого количества прямых аналогий в этом регионе. Соответствия с другими синхронными ингумационными захоронениями региона наблюдаются в позе погребенных и наличии в головах или ногах керамических сосудов.

Культурная специфика погребений поселения Варнавинское-3 определяется преобладанием ориентировки погребенных головой в северный сектор. Эта обрядовая черта в раннесредневековых могильниках Северо-Западного Кавказа массово встречается либо в ингумациях, совершенных в каменных ящиках, либо в погребениях VIII–IX вв. (Новочепшийский могильник), занимающих более позднюю хронологическую позицию относительно большей части погребений с исследованного памятника, датирующихся V–VII вв. Прямые аналогии этому компоненту погребального обряда в комплексах V–VII вв. причерноморского региона Западного Предкавказья единичны (могильники Борисово, Дюрсо). Такие черты обрядности, как северная ориентировка и расположение сосудов в голове погребенного, связывают погребения поселения Варнавинское-3 с поздней группой захоронений

Елизаветинского городища № 2, территориально сопряженных с центральной частью Западного Предкавказья.

Следует отметить, что территорию, на которой расположены перечисленные выше могильники, исследователи традиционно связывают с ареалом проживания раннеадыгского населения (Ковалевская, 1991. С. 90; Джигунова, 2000. С. 139, 141). Двупластинчатые фибулы из объекта 38 на северо-восточном побережье Черного моря, как правило, ассоциируются с готами-тетракситами, переселившимися туда ориентировочно в середине V в. и влившимися в состав местных племен (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 191). Мы же полагаем, что вопрос об этнической принадлежности исследованных на поселении Варнавинское-3 погребений является глубоко дискуссионным, главным образом, в силу небольшого количества прямых аналогий в погребальном обряде Северо-Западного Кавказа.

Авторы выражают благодарность В.И. Мордвиновой за предоставленную возможность публикации материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднееримского периода // СА. 1984. № 1. С. 104–122.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Могильник у села Лучистое. Т. 1: Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. (Боспорские исследования; Supplementum 4.) 336 с.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.* Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // *Vita antiqua*. 2003. № 5/6. С. 179–191.
- Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. (САИ; Д1–30.) 142 с.
- Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Каде-ев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. № 1. С. 81–101.
- Анфимов Н.В.* Река Кубань // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Под ред. В.В. Гольмстейн. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 214–219.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 252 с.
- Богачев А.В.* К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 1996. С. 99–114.
- Вайнштейн С.И.* Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения Казылганской и Сыын-Чюрекской культур). Л.: Наука, 1970 (Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции; III.) С. 7–79.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В.* Могильники V–VII вв. // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–VIII века. М.: Наука, 2003 (Археология СССР). С. 193–195.
- Джигунова Ф.К.* Западное Предкавказье в IV–IX вв.: Дис... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 2000. 300 с.
- Дзаттиаты Р.Г.* Пряжки и поясные наборы Едысского могильника (VI–VII вв. н.э.) // Аланы: История и культура / Ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ, 1995. (Alanica. III.) С. 107–122.
- Дмитриев А.В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 52–56.
- Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–VIII века. М.: Наука, 2003. (Археология.) С. 200–206.
- Казанский М.М., Мاستыкова А.В., Сапрыкина И.А.* Некоторые черты погребального обряда раннесредневекового Пашковского могильника № 1 на Нижней Кубани // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа: XXVIII Крупновские чтения: Матер. Междунар. Научн. конф. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН, 2014. С. 248–250.
- Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. (Археология СССР.) С. 224–251.
- Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М.: Наука, 1979. (Археология СССР.) (САИ; Е1–2.) 112 с.
- Ковалевская В.Б.* Западное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. (Археология СССР.) С. 90–93.
- Ковалевская В.Б.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: История и культура / Ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ, 1995. (Alanica. III.) С. 123–183.
- Ковалевская В.Б.* Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 1: Каменные бусы Кавказа и Крыма. М.: ИА РАН, 1998. 95 с.
- Ковалевская В.Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ИА РАН, 2000. (Хронология Восточноевропейских древностей V–IX веков; Вып. 2: Стекланные бусы и поясные наборы.) 363 с.
- Ковалевская В.Б., Албегова З.Х., Пьянков А.В., Евсюков А.Н.* Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой // Археология и геоинформатика. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2006. CD.

- Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // *Степи Европы в эпоху средневековья: Т. 5: Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк: ДонНУ, 2006. (Тр. по археологии.) С. 7–244.*
- Комар А.В.* Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре болгар Северного Причерноморья второй половины VI – начала VII в. // *Сугдейский сборник. Вып. III. Киев; Судак: Академперіодика, 2008. С. 87–117.*
- Комар А.В., Куйбышев А.И., Орлов Р.С.* Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // *Степи Европы в эпоху средневековья: Т. 5: Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк: ДонНУ, 2006. (Тр. по археологии.) С. 245–374.*
- Мастыкова А.В.* Раннесредневековые бусы северокавказского могильника Клин-Яр III (по раскопкам В.С. Флерова) // *Практика и теория археологических исследований. М.: ИА РАН, 2001. С. 56–104.*
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 288 с.
- Покровский М.В.* Пашковский могильник № 1 // *СА. 1936. № 1. С. 159–170.*
- Пьянков А.В., Анфимов И.Н.* О поздней группе погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 1978 г.) // *Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа: XXVIII Крупновские чтения: Матер. Междунар. научн. конф. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН, 2014. С. 263–266.*
- Сазанов А.В.* Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // *Древности Боспора. Т. 3. М.: ИА РАН, 2000. С. 221–259.*
- Саханев В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–12 гг. // *ИИАК. 1914. Вып. 56. С. 75–219.*
- Скарбовенко В.А., Лифанов Н.А.* Погребально-поминальные комплексы раннесредневековых кочевников из Восточного Приазовья (по материалам раскопок могильников Лебеди IV и Лебеди VIII в 1980 г.) // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма 2012. Вып. 4 / Ред. – сост. М.М. Чореф. Севастополь; Тюмень, 2012. С. 44–68.*
- Хрисимов Н.* Вознесенский комплекс: Проблемы хронологии и интерпретации // *Степи Европы в эпоху средневековья: Т. 7: Хазарское время / Гл. ред. Евлевский А.В. Донецк: ДонНУ, 2009. (Тр. по археологии.) С. 9–42.*
- Gavritukhin I., Kazanski M.* Bosphorus, Tetraxite Goths, and the Northern Caucasus Region during the Second Half of the Fifth and the Sixth Centuries // *Neglected Barbarians / Ed. F. Curta. Turnhour, 2010. (Studies in the early Middle Ages; V. 32.) P. 83–136.*

NEW EARLY MEDIEVAL BURIALS FROM THE TERRITORY OF THE WESTERN CISCAUCASIA

Evgeniy V. Sukhanov, Alexey N. Sviridov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

* *E-mail: sukhanov_ev@mail.ru*

** *E-mail: a_sviridov@mail.ru*

The article publishes materials from 10 inhumation burials investigated in 2015 during the rescue excavations of the Varnavinskoe-3 settlement (Abinsky district of Krasnodar Region). The presence of dating finds makes it possible to divide the entire massif of burials into several relative chronological groups: the middle of the 5th – the first half of the 6th century; the second half of 6th – the turn of the 7th – 8th centuries; 8th – 9th centuries (with only one burial related to the last group). The cultural specificity of the burials of the Varnavinskoe-3 settlement is determined by the predominance of the orientation of the buried with their heads in the northern direction. Direct analogies to this component of the burial rite in the complexes of the 5th – 7th centuries on the territory of the Western Ciscaucasia are few.

Keywords: the North-West Caucasus, the Western Ciscaucasia, Varnavinskoe-3, the northern orientation.

REFERENCES

- Afanas'yev G.E., Runich A.P.*, 2001. Mokraya Balka [Mokraya Balka], 1. Dnevnik raskopok [Excavations diary]. Moscow: Nauchnyy mir. 252 p.
- Aksenov V.S., Mikheyev V.K.*, 2003. The burials with Crimean dishes of the Krasnaya Gorka burial ground of the Saltovo culture. *Vita antiqua*, 5/6, pp. 179–191. (In Russ.)
- Ambroz A.K.*, 1966. Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR [Buckles of the south of the USSR's European]. Moscow: Nauka. 142 p. (SAI, D1–30.)
- Ambroz A.K.*, 1989. Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza V–VII vv. [Chronology of the North Caucasus antiquities of the 5th – 7th centuries]. Moscow: Nauka. 134 p.
- Anfimov N.V.*, 1941. The Kuban river. *Arkheologicheskiye issledovaniya v RSFSR v 1934–1936 gg. Kratkiye otchety i svedeniya [Archaeological investigations in the Russian SFSR in 1934–1936. Brief reports and facts]*. V.V. Gol'msteyn, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 214–219. (In Russ.)
- Antonova I.A., Danilenko V.N., Ivashuta L.P., Kadeyev V.I., Romanchuk A.I.*, 1971. A Chersoneses medieval ampho-

- ra. *Antichnaya drevnost' i sredniye veka [Antiquity and the Middle Ages]*, 1, pp. 81–101. (In Russ.)
- Aybabin A.I., 1984. Crimea cemeteries of the Late Roman period and problems of its chronology. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1, pp. 104–122. (In Russ.)
- Aybabin A.I., 1999. Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma [Ethnic history of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol': DAR. 352 p.
- Aybabin A.I., Khayredinova E.A., 2008. Mogil'nik u sela Luchistoye [A burial ground near the village of Luchistoe], 1. Raskopki 1977, 1982–1984 godov [Excavations of 1977, 1982–1984]. Simferopol'; Kerch': ADEF-Ukraina. 336 p. (Bosporskiye issledovaniya, Supplementum 4.)
- Bogachev A.V., 1996. On the evolution of kalach-shaped earrings of the 4th – 7th centuries in Volga-Kama region. *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. [The culture of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium AD]*. D.A. Stashenkov, ed. Samara, pp. 99–114. (In Russ.)
- Dmitriyev A.V., 1979. A burial ground of the Great Migration Period on the river Dyurso. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 158, pp. 52–56. (In Russ.)
- Dmitriyev A.V., 2003. The Dyurso burial ground – reference site of the antiquities of the 5th – 9th centuries. *Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya. IV–XIII veka [Crimea, the North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th – 13th centuries]*. Moscow: Nauka, pp. 200–206. (Arkheologiya.) (In Russ.)
- Dzatiaty R.G., 1995. Clasps and belt sets of the Edyse burial ground (6th – 7th centuries). *Alany: Istoriya i kul'tura [Alans: History and culture]*. V. Kh. Tmenov, ed. Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy, pp. 107–122. (Alanica, III.) (In Russ.)
- Dzhigunova F.K., 2000. Zapadnoye Predkavkaz'ye v IV–IX vv.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The Western Ciscaucasia in the 4th – 9th centuries: a Thesis for the Doctoral Degree in History]. Sankt-Peterburg. 300 p.
- Gavritukhin I., Kazanski M., 2010. Bosphorus, Tetraxite Goths, and the Northern Caucasus region during the second half of the 5th – 6th century. *Neglected Barbarians*. F. Curta, ed. Turnhour, pp. 83–136. (Studies in the early Middle Ages, 32.)
- Gavritukhin I.O., P'yankov A.V., 2003. Burial grounds of the 5th – 7th centuries. *Krym, Severo-vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya. IV–XIII veka [Crimea, the North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th – 13th centuries]*. Moscow: Nauka, pp. 193–195. (Arkheologiya SSSR.) (In Russ.)
- Kamenetskiy I.S., 1989. Meotes and other tribes in the northwest Caucasus in the 7th century BC – 3rd century AD. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya [Steppes of the USSR's European part in the Scythian-Sarmatia period]*. Moscow: Nauka, pp. 224–251. (Arkheologiya SSSR.) (In Russ.)
- Kazanskiy M.M., Mastykova A.V., Saprykina I.A., 2014. Some features of the funeral tradition of the early Middle Ages Pashkovskaya 1 burial ground in the lower Kuban River. *E.I. Krupnov i razvitiye arkheologii Severnogo Kavkaza: XXVIII Krupnovskiy chteniye: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [E.I. Krupnov and the development of archaeology of the North Caucasus: XXVIII Krupnov readings: proceedings of the International Scientific Conference]*. Moscow: IA RAN, pp. 248–250. (In Russ.)
- Khrisimov N., 2009. The Voznesenka complex: the problems of chronology and interpretation. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [European Steppes in the Middle Ages]*, 7. *Khazarskoye vremya [Khazar period]*. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 9–42. (Trudy po arkheologii.) (In Russ.)
- Komar A.V., 2006. Pereshchepino complex in the context of the main issues of the history and culture of the Eastern Europe nomads of 7th – early 8th century. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [European Steppes in the Middle Ages]*, 5. *Khazarskoye vremya [Khazar period]*. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 7–244. (Trudy po arkheologii.) (In Russ.)
- Komar A.V., 2008. Sukhanovo-type sites: to the culture of the Bulgarians of the Northern Black Sea region in the second half of 6th – early 7th century. *Sugdeyskiy sbornik [Sugdian Collection]*, III. Kiyev; Sudak: Akademperiodika, pp. 87–117. (In Russ.)
- Komar A.V., Kuybyshev A.I., Orlov R.S., 2006. Nomad burials of the 6th – 7th centuries from the Northwest Azov region. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [European Steppes in the Middle Ages]*, 5. *Khazarskoye vremya [Khazar period]*. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 245–374. (Trudy po arkheologii.) (In Russ.)
- Kovalevskaya V.B., 1979. Poyasnyye nabory Evrazii IV–IX vv. Pryazhki [Belt sets of Eurasia of the 4th – 9th centuries. Clasps]. Moscow: Nauka. 112 p. (SAI, E1–2.) (In Russ.)
- Kovalevskaya V.B., 1981. The Western Ciscaucasia. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya [European Steppes in the Middle Ages]*. Moscow: Nauka, pp. 90–93. (Arkheologiya SSSR.) (In Russ.)
- Kovalevskaya V.B., 1995. Chronology of the antiquities of the North Caucasian Alans. *Alany: Istoriya i kul'tura [Alans: History and culture]*. V. Kh. Tmenov, ed. Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy, pp. 123–183. (Alanica, III.) (In Russ.)
- Kovalevskaya V.B., 1998. Khronologiya vostochno-evropeyskikh drevnostey V–IX vekov [Chronology of the eastern European antiquities of the 5th – 9th centuries], 1. Kamennyye busy Kavkaza i Kryma [Stone beads of Caucasus and Crimea]. Moscow: IA RAN. 95 p.
- Kovalevskaya V.B., 2000. Komp'yuternaya obrabotka massovogo arkheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamyatnikov Evrazii [Computer processing of mass archaeological material from the early medieval sites of Eurasia]. Moscow: IA RAN. 363 p. (Khronologiya Vostochnoyevropeyskikh drevnostey V–IX vekov, 2. Steklyannyye busy i poyasnyye nabory.)

- Kovalevskaya V.B., Albegova Z. Kh., P'yankov A.V., Evsyukov A.N., 2006. Computer mapping of mass types of early medieval metal mirrors with central loop. *Arkheologiya i geoinformatika [Archaeology and Geoinformatics]*, 3. Moscow: IA RAN. CD. (In Russ.)
- Mastykova A.B., 2001. Early medieval beads of the North Caucasian burial ground of Klin-Yar III (from B.S. Flerov excavations). *Praktika i teoriya arkheologicheskikh issledovaniy [Practice and theory of archaeological research]*. Moscow: IA RAN, pp. 56–104. (In Russ.)
- P'yankov A.V., Anfimov I.N., 2014. On the late group of graves of the burial ground Elizavetinskaya 2 (excavations of 1978). *E.I. Krupnov i razvitiye arkheologii Severnogo Kavkaza: XXVIII Krupnovskiy chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [E.I. Krupnov and the development of archaeology of the North Caucasus: XXVIII Krupnov readings: proceedings of the International Scientific Conference]*. Moscow: IA RAN, pp. 263–266. (In Russ.)
- Pletneva S.A., 1989. Na slavyano-khazarskom pogranich'ye (Dmitriyevskiy arkheologicheskiy kompleks) [On the Slavic-Khazar borderlands (Dmitrievka archeological complex)]. Moscow: Nauka. 288 p.
- Pokrovskiy M.V., 1936. Pashkovsky burial ground 1. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1, pp. 159–170. (In Russ.)
- Sakhanev V.V., 1914. Excavations in the North Caucasus in 1911–12. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Bulletin of the Emperor's Archaeological Committee]*, 56, pp. 75–219. (In Russ.)
- Sazanov A.V., 2000. Bosphorus ceramic complexes of 570–580. *Drevnosti Bospora [Bosporus Antiquities]*, 3. Moscow: IA RAN, pp. 221–259. (In Russ.)
- Skarbovenko V.A., Lifanov N.A., 2012. Funeral-commemorative complexes of the early medieval nomads from the Eastern Azov region (based on materials of the burial grounds of Lebedy 4 and 8 excavations in 1980). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma [Materials on archeology and history of ancient and medieval Crimea]*, 4. M.M. Choref, ed., comp. Sevastopol'; Tyumen', pp. 44–68. (In Russ.)
- Vaynshteyn S.I., 1970. Raskopki mogil'nika Kokel' v 1962 g. (pogrebeniya Kazylganskoy i Syyn-Chyurekskoy kul'tur) [Weinstein S.I., 1970. Excavation of the Kokel burial ground in 1962 (burials of the Kazylgan and Syyn-Chyurek cultures). Leningrad: Nauka, pp. 7–79. (Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, III.)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КОМПЛЕКСЕ ПАМЯТНИКОВ У Д. ХОТЯЖИ НА МОСКВЕ-РЕКЕ (к проблеме славянской колонизации Подмосковья)

© 2018 г. **О.Н. Заидов**¹, **Н.А. Кренке**^{2,*}, **А.В. Лазукин**^{3,**}

¹ Музей-заповедник “Куликово поле”, Тула, Россия

² Институт археологии РАН, Москва, Россия

³ Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, Россия

* E-mail: nkrenke@mail.ru

** E-mail: lazukin63@mail.ru

Поступила в редакцию 29.01.2018 г.

Анализ материалов левобережного селища Хотяжи I на Москве-реке, раскопанного в 2009–2014 гг., позволил выдвинуть гипотезу о наличии на памятнике среди средневековых находок четырех хронологических пластов: VIII–X вв.; X – начала XI в.; второй половины XI – начала XII в.; XII – начала XIII в. Древнейшие находки представлены лепной керамикой, комплексы датированы радиоуглеродным методом. Раннекруговая керамика Хотяжей находит аналогии на Северо-Западе в памятниках X в. Таким образом, ставится под сомнение гипотеза, что первая волна славянской колонизации Москворечья датируется второй половиной XI в. Предлагается рассмотреть гипотезу о том, что начало процесса славянской колонизации региона началось еще в IX (VIII?) в., и первоначальный импульс исходил из юго-западного региона; затем в X–XI вв. прослежены северо-западные влияния, в том числе сопровождавшиеся скандинавскими импортами; во второй половине XI в. зафиксированы некоторые черты сходства с материальной культурой Смоленщины.

Ключевые слова: славянская колонизация, Подмосковье, лепная керамика, дирхемы, скандинавские импорты, амулеты, радиоуглеродные даты.

DOI: 10.31857/S086960630003394-2

В верхнем течении Москвы-реки в 20 км к западу от г. Звенигород возле д. Хотяжи находится уникальный для Подмосковья комплекс средневековых археологических памятников, включающий и более ранние находки. Первая развернутая публикация этого комплекса посвящена главным образом его правобережной части (Алексеев, 2004). Цель настоящей работы – введение в научный оборот информации о левобережной составляющей комплекса, а также некоторых данных о курганах на правом берегу реки. Основная научная проблема, к которой имеет отношение изучение данного комплекса памятников, – это реконструкция процесса начальной колонизации славянами бассейна Москвы-реки, поиск “смоленского следа” в этом процессе. По мнению авторитетных историков, верхнее течение Москвы-реки входило в Смоленскую землю в первой половине XII в. (Насонов, 1951; Кучкин, 1984. С. 84. Рис. 2).

Если говорить об уникальности комплекса в целом, то прежде всего надо отметить, что

среди группы ранних памятников бассейна Москвы-реки с лепной славянской керамикой (таких к настоящему времени известно около 30) лишь на Хотяхах были находки, безусловно, относящиеся к X в. (Алексеев, 2004. Рис. 3, 2). Во-вторых, редко где можно встретить такую компактность комплекса памятников: селища расположены *vis-a-vis* по левому и правому берегам Москвы-реки, курганные могильники в пойме и на первой террасе правого берега (рис. 1). Вполне вероятно, что курганы были и на левом берегу, но следы их пока не обнаружены.

Курганы на правом берегу Москвы-реки напротив д. Хотяжи к настоящему времени не сохранились, но окончательно снесены они были сравнительно недавно (в 1970-е годы?). Курганы сохранились в памяти местного населения и были нанесены на топографические карты. Самое раннее известное нам изображение – на карте Москвы и окрестностей масштаба 1:50 000, изданной в 1931 г.: два кургана на правом бере-

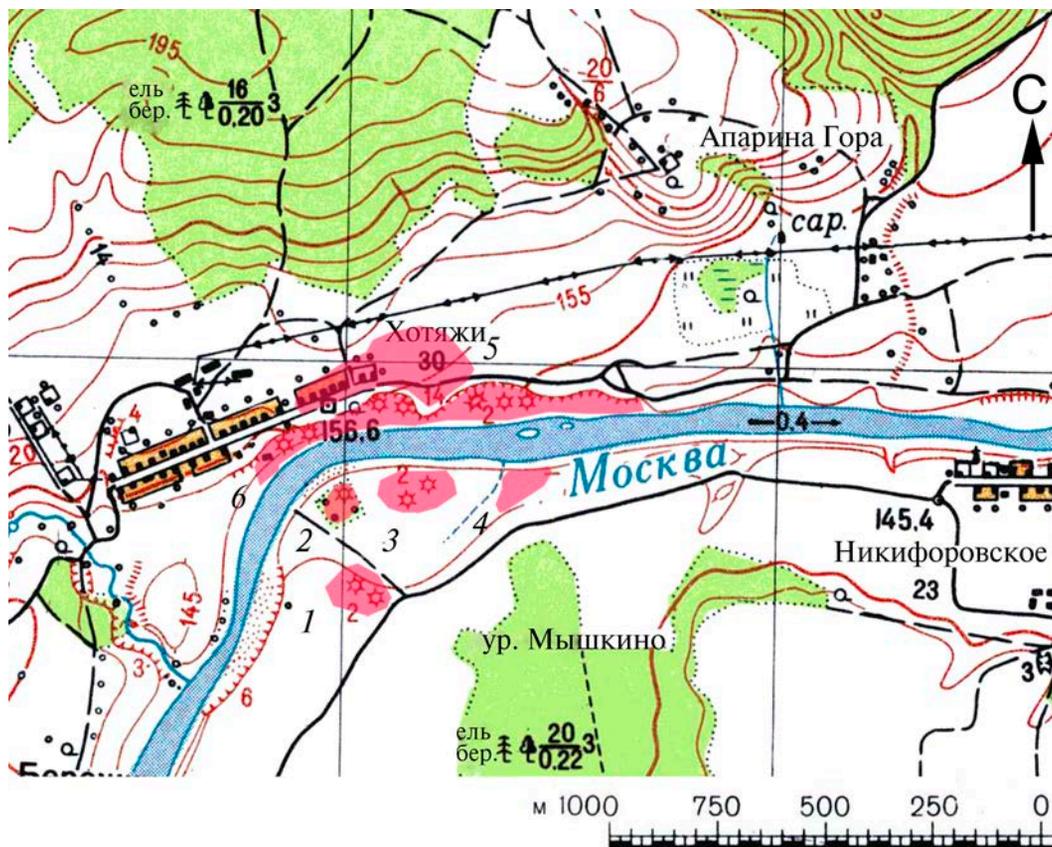

Рис. 1. План комплекса археологических памятников у д. Хотяжи. 1 – курганная группа Мышкино 1; 2 – курганная группа Мышкино 2; 3 – курганная группа Мышкино 3; 4 – селище XI–XIII вв. Хотяжи 2 (Никифоровское); 5 – селище Хотяжи 1 (ржв, X–XIII вв.); 6 – каменоломни XIV–XIX вв.

Fig. 1. A plan of the complex of archaeological sites near the village of Khotyazhi

гу Москвы-реки на северо-восточной окраине исчезнувшей после войны д. Мышкино. Вероятно, именно эти курганы упомянуты в списке С.К. Богоявленского (1947. С. 170). Нужно отметить, что на карте “Москва и окрестности” 1931 г. (издана Институтом геодезии и картографии ГГУ, Л.) изображено всего несколько археологических памятников. Кроме упомянутого выше объекта, это курганы возле сел Павшино, Орехово, Беседы, Покров, Заболотье. Видимо, на карту наносились лишь самые крупные курганы, высота которых была более 2 м. На основании этих данных можно предполагать, что курганная группа напротив Хотяжей включала насыпи, относившиеся к самым крупным в бассейне Москвы-реки.

На карте масштаба 1:25 000 (съемка 1962 г., издание 1972 г., лист – Р-46-82-А-а) напротив Хотяжей в урочище Мышкино показано три группы курганов. Самая южная из них совпадает с изображенной на карте 1931 г. Возле курганов стоит цифра 2, обозначающая их высоту в метрах;

вторая группа находится ближе к реке в рощице, цифрового обозначения высоты курганов нет; третья группа также возле реки на расстоянии 100 м к востоку от второй группы. Здесь также стоит обозначение высоты курганов – 2 м. Остатки именно этой группы раскапывались А.В. Алексеевым в 1999–2003 гг. (раскоп 1). Понятно, что число значков курганов на карте меньше реально существовавшего количества курганов.

Следы курганов второй группы хорошо прослеживаются на космическом снимке Гугл, сделанном 10 августа 2014 г. (рис. 2, вверху). Растительность маркирует ровики курганов (более зеленая трава). По этим следам можно насчитать до 12 курганов. Наложение карты 1972 г. на космический снимок показывает, что курганы второй группы, видимые на снимке, точно вписываются в границы рощицы, показанной на карте (рис. 2, внизу). Количество курганов в третьей группе остается неизвестным. На космическом снимке эти курганы не прослеживаются. Возможно, что вторая и третья группы курганов,

Рис. 2. Курганные группы Мышкино (Хотяжи). Вверху — снимок Гугл 10 августа 2014 г.; внизу — совмещение снимка и карты 1972 г., прорисованы курганы группы Мышкино 2. Раскопы нанесены в соответствии с планом А. В. Алексеева (2004. Рис. 1).

Fig. 2. Mound groups of Myshkino (Khotyazhi)

расположенные в пойме, смыкались в единое целое. Это можно выяснить лишь в ходе дальнейших исследований.

Первая группа курганов, изображенная на картах 1931 и 1972 гг., находилась не в пойме, а на

бровке 1-й надпойменной террасы на отметке 145–146 м (около 7 м над урезом воды). Вероятно, это отдельная группа, не соединявшаяся с группами 2 и 3, расположенными на более низком высотном уровне в пойме. В целом, ситуация

с курганами в Хотяжах напоминает ситуацию в Поречье (также правый берег Москвы-реки в 3 км к востоку от Звенигорода), где на разных высотных уровнях находились рядом три курганные группы, которые зафиксированы на детальных топографических съемках конца XX в.

Левобережное селище Хотяжи 1 было открыто местным краеведом А.П. Шиляевым (г. Звенигород) в 1998 г., который при помощи металлоискателя собрал на пахотном поле к востоку от деревни коллекцию археологических предметов из цветного и черного металла. Они были показаны заведующему отделом археологии и этнографии Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея А.К. Станюковичу, который выехал на место их находки и провел первичное обследование памятника, составил его топографический план. Была определена высота поселения над уровнем реки (17–20 м), границы распространения культурного слоя, его мощность (до 0.5–0.6 м) в центральной ча-

сти памятника, установлено наличие материалов каменного века, эпохи бронзы (?) и раннего железа, периода раннего и позднего средневековья. В 1999 г. на территории селища им были заложены два шурфа общей площадью 8 м², которые подтвердили и уточнили предварительные выводы о многослойности поселения. В 2009, 2013, 2014 гг. на селище Хотяжи 1 авторами статьи проведены раскопки (240 м²), уточнены границы памятника, в том числе западная в пределах существующей деревни, снят новый инструментальный план (рис. 3, 4)¹. Площадь памятника по уточненным данным составляет около 4 га.

В обширной коллекции подъемного материала (всего более 200 находок), собранного

¹ В работах участвовали также студенты Орхуского университета (Дания) J.Th. Saugbjerg (Саугбьерг), Ch. J. Bennedbaek (Беннедбэк), М. Hauge (Хауге), С. Е. Grandjean Odderskov (Грандьеан Оддерсков); сотрудники ИА РАН М.В. Лавриков, А.А. Кудрявцев, А.А. Остапенко; волонтеры С.Д. Валяев, А.А. Волков, Н. Кочубеева.

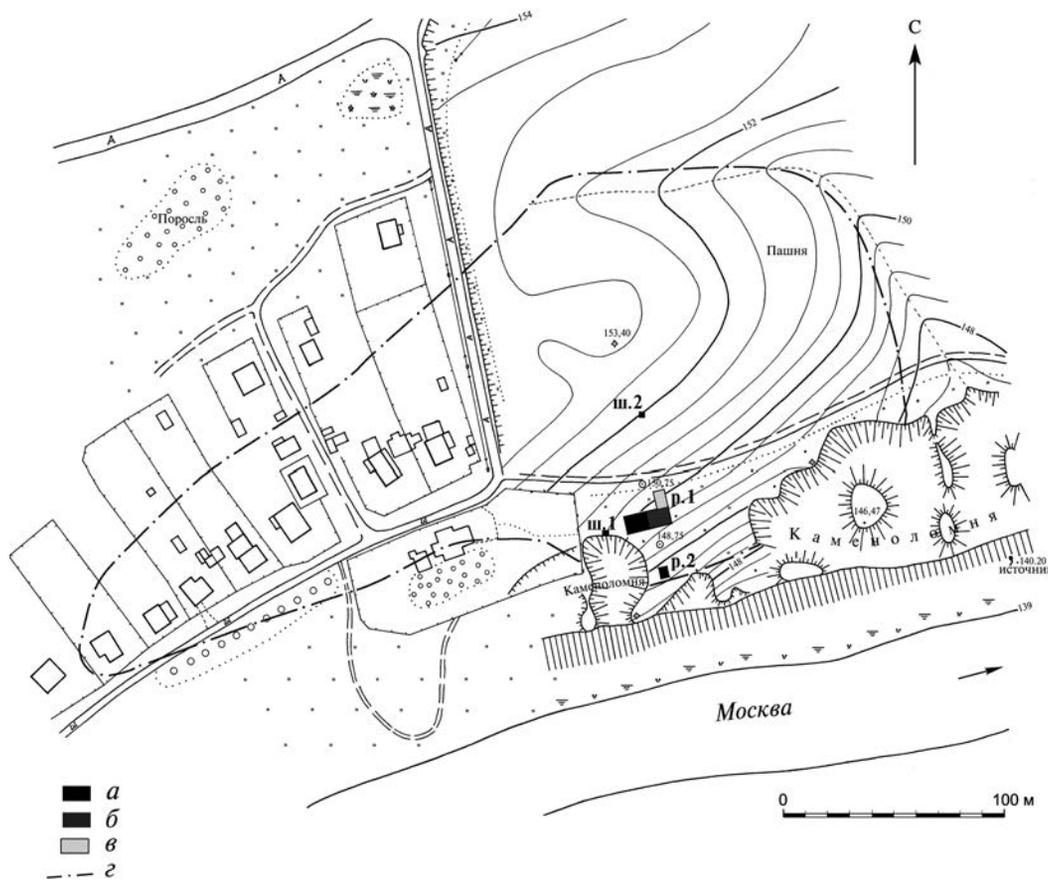

Рис. 3. План Селища Хотяжи 1. Съемка В.В. Петрова, 2009 г. Система высот балтийская, сечение горизонталей 0.5 м. Условные обозначения: а – раскоп 2009 г.; б – раскоп 2013 г.; в – раскоп 2014 г.; з – предполагаемая граница памятника. Шурфы 1999 г.

Fig. 3. A plan view of the settlement of Khotyazhi 1

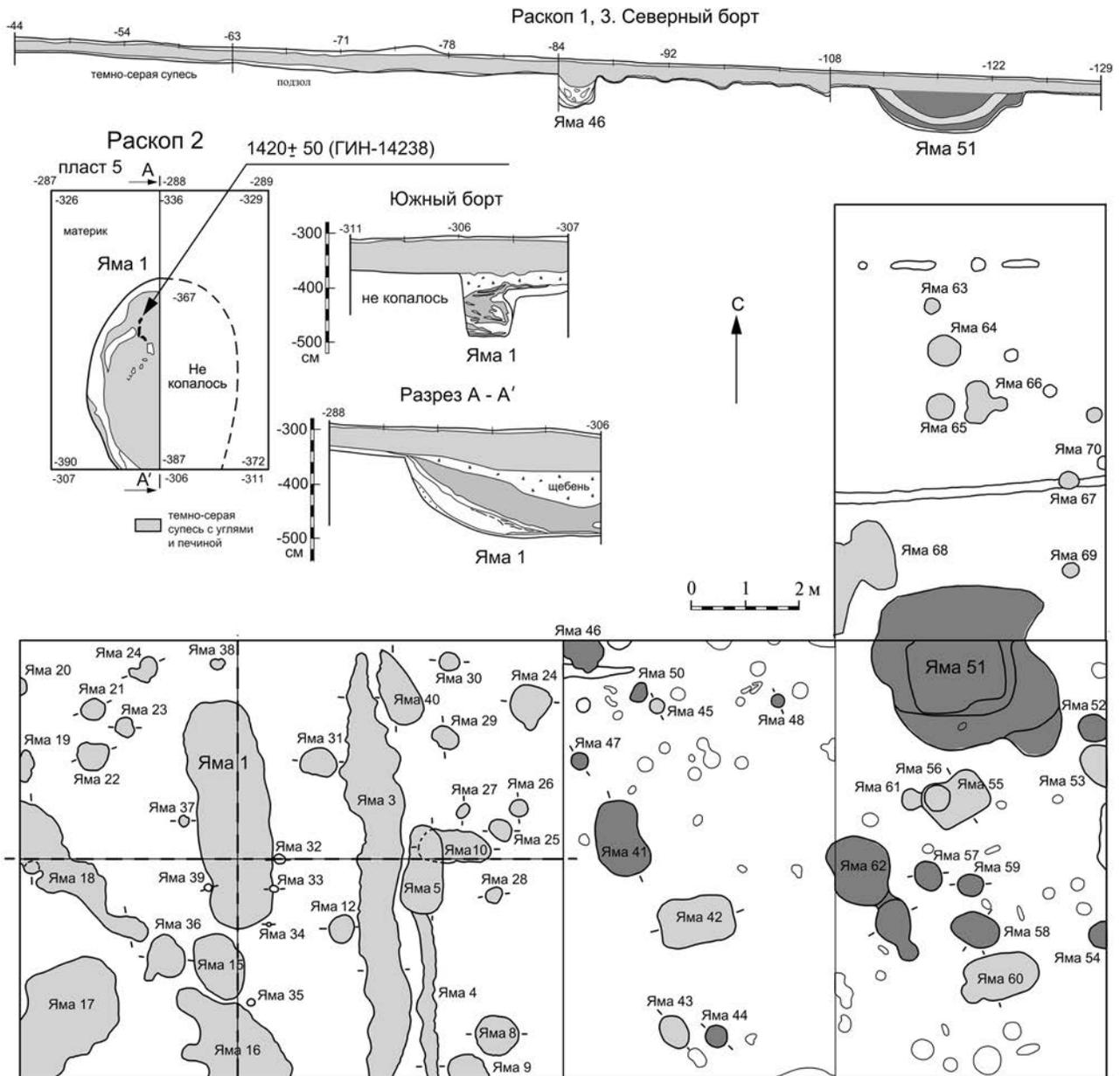

Рис. 4. Планы раскопов на селище Хотяжи I. Темно-серым цветом показаны ямы с лепной керамикой; светло-серым – с круговой керамикой.

Fig. 4. Plans of the excavation sites in Khotyazhi I. Dark grey indicates the pits with hand-made pottery; light grey – those with wheel-made pottery

А.К. Станюковичем, наибольшее значение имеют находки с ясной хронологической привязкой. К древнейшей группе относятся два фрагмента глиняных грузиков “дыкова типа” (рис. 5А, 1), фрагмент бронзового орнаментированного браслета с расширенными концами (рис. 5А, 2), трапециевидная привеска со штампованным орнаментом из двух рядов точек (рис. 5А, 4). Грузики, подобные найденным на Хотяжах, представлены в верхнем слое Дьякова городища

и датированы рубежом эр – первыми веками н.э. (Кренке, 2011. Рис. 120).

Браслет с расширенным концом, орнаментированный нарезками в виде косой сетки и двумя параллельными линиями у окончания, имеет территориально ближайшие аналогии на Успенском городище на Москве-реке (Розенфельдт, 1982. Рис. 19). Серия аналогичных браслетов происходит из псковских длинных курганов (Михайлова, 2014. Рис. 18), а также из Эстонии

(Шмидехельм, 1955. Рис. 32) и с городища Никодимова в Белоруссии (Родинкова, Седин, 2004. Рис. 4, 3). Датируются данные браслеты исследователями в интервале V–VII вв.

Трапециевидная подвеска со штампованным орнаментом в виде двух линий точек на Москве-реке найдена лишь на Дьяковом городище. И.О. Гавритухин датировал такие подвески VII в. (1997), отмечая при этом, что в ареале смоленских длинных курганов этот тип вещей встречается дольше. На Соборной горе Смоленска аналогичные подвески (Кренке, Ершов, Раева, 2016. Рис. 2, 25) обнаружены в горизонте, датированном радиоуглеродным методом в интервале VIII–IX вв.: некалиброванная дата 1230 ± 40 (ГИН-154096), калиброванное значение – 760–880 гг. (вероятность 53.5%). На городище Супруты аналогичная подвеска зафиксирована в комплексе “раннего этапа” конца IX–X в. (Григорьев, 2005. Рис. 41, 13). Вполне вероятно, что подвеска из Хотяжей 1 связана не с позднедьяковским, а с древнейшим славянским комплексом селища.

Основная серия находок, собранных на пашне, относится к XI–XIII вв. (для некоторых вещей не исключена датировка X в.). Значительное число предметов тяготеет к XI в. Обозначим их как “раннюю группу”. Это 4 фрагмента височных колец деснинского типа (рис. 5А, 8) второй половины XI в., более 20 целых и фрагментированных крестопорезных бубенчиков (XI – начало XII в.). Гладкий перстень с завязанными концами (рис. 5А, 10) датируется, по Н.Г. Недошивиной, концом X – началом XII в. (1967. С. 256, 257), в Новгороде аналогичные перстни обнаружены в слое XI в. (Седова, 1981. С. 129). Этим же временем датирует завязанные перстни и Н.А. Макаров (1990. С. 79). Гладкий завязанный перстень присутствовал в гнездовском кладе 2001 г., который датируется третьей четвертью X в. (Авдусина, 2014). Перстень прямой пластинчатый с рельефным геометрическим орнаментом (рис. 5А, 9) характерен для XI в., несколько находок известно из Подмосковья (Гоняный, 1999. Рис. 7, 8; Богомоллов и др., 2015. Рис. 3, 16), заготовка найдена в мастерской в Смоленске (Кренке, Ершов, Муренцева, Хаврин, 2016. С. 15).

Нательный крестик с распятием “северного типа” варианта 1 (рис. 5А, 11), по Недошивиной (1990), представлен двумя экземплярами. Кресты данного варианта датируются концом X–XI в. (Николаева, Недошивина, 1997. С. 349), возможно, производились в Северной Европе.

Амулеты представлены обломком подвески-топорика (рис. 5А, 13) и двумя ложечками (рис. 5А, 12). Они характерны для второй половины XI в. (Недошивина, 1997; Покровская, 2010; Кренке, Ершов, Муренцева, Хаврин, 2016). Круглая привеска с выпуклостями-жемчужинами по кругу и в центре (рис. 5А, 16) датируется по Великому Новгороду второй половиной X – первой половиной XI в. (Седова, 1981. С. 37).

Подковообразные бронзовые фибулы (2 экз.) с гранеными головками и изображением креста на них (рис. 5А, 14) датируются от X до середины XII в. (Седова, 1997. С. 72; Зайцева, 2008. Рис. 98), есть аналогии в Гнездовском могильнике (Сизов, 1902). Фибулы с гвоздевидными (воронкообразными) головками (рис. 5А, 15) характерны для X–XI вв. (Мальм, 1967. С. 162). Спиральноконечные фибулы (рис. 5А, 18) имеют широкую датировку.

Пряжки относятся к типу лировидных. Серебряная пряжка (фрагмент) с циркульным орнаментом (рис. 5А, 20) имеет аналогию среди находок из Белоозера (Захаров, 2004. С. 184. Рис. 94, 5). С.Д. Захаров относил ее к наиболее ранним на памятнике, т.е. к XI в. Этим же временем датирует подобные пряжки В.В. Мурашева (1997. Рис. 61). Вторая бронзовая пряжка сохранилась целиком (рис. 5А, 19), также, видимо, датируется XI в. Украшения ремня представлены небольшой серией металлических накладок. Поясная бляшка (рис. 5А, 7) отлита из оловянисто-свинцовой бронзы. Она имеет почти квадратную форму, стрельчатое отверстие у основания и отогнутый внутрь бортик. Декор на лицевой поверхности отсутствует. На внутренней стороне сохранились основания двух штифтов. По классификации В.В. Мурашевой, относится к I классу, I группе, вид 1Д, аналогии известны на Южном Урале, в Прикамье, Сибири. Датируется этот тип в пределах второй половины VII – начала X в. (Мурашева, 2000. С. 26, 27. Рис. 27).

Бляшка-накладка (рис. 5А, 24) отлита из бронзы красноватого цвета. Она имеет пятиугольную форму, слабовыпуклую внешнюю поверхность, декорированную “древом жизни”, с рельефным гладким бортиком по кромке. На внутренней стороне в центре сохранился штифт и надета на него небольшая пластина прямоугольной формы размерами 3×2 мм (класс X, группа 2, вид 2А). Аналогии этому типу датируются второй половиной X–XI в. (Мурашева, 2000. С. 36. Рис. 43).

Рис. 5. Вещи из раскопок и сборов подъемного материала на селище Хотяжи 1. А: 1 – глина; 2–5, 7–20, 22–27, 29–37, 41 – бронза; 6, 39, 40 – стекло; 21 – глина, глазурь; 28 – серебро; 38 – сердолик. Б: 1, 2, 4 – серебро; 3, 5–10, 24, 26 – бронза; 11–14 – стекло; 15, 16, 21, 27–30 – железо; 17, 18 – камень; 22, 23 – кость.

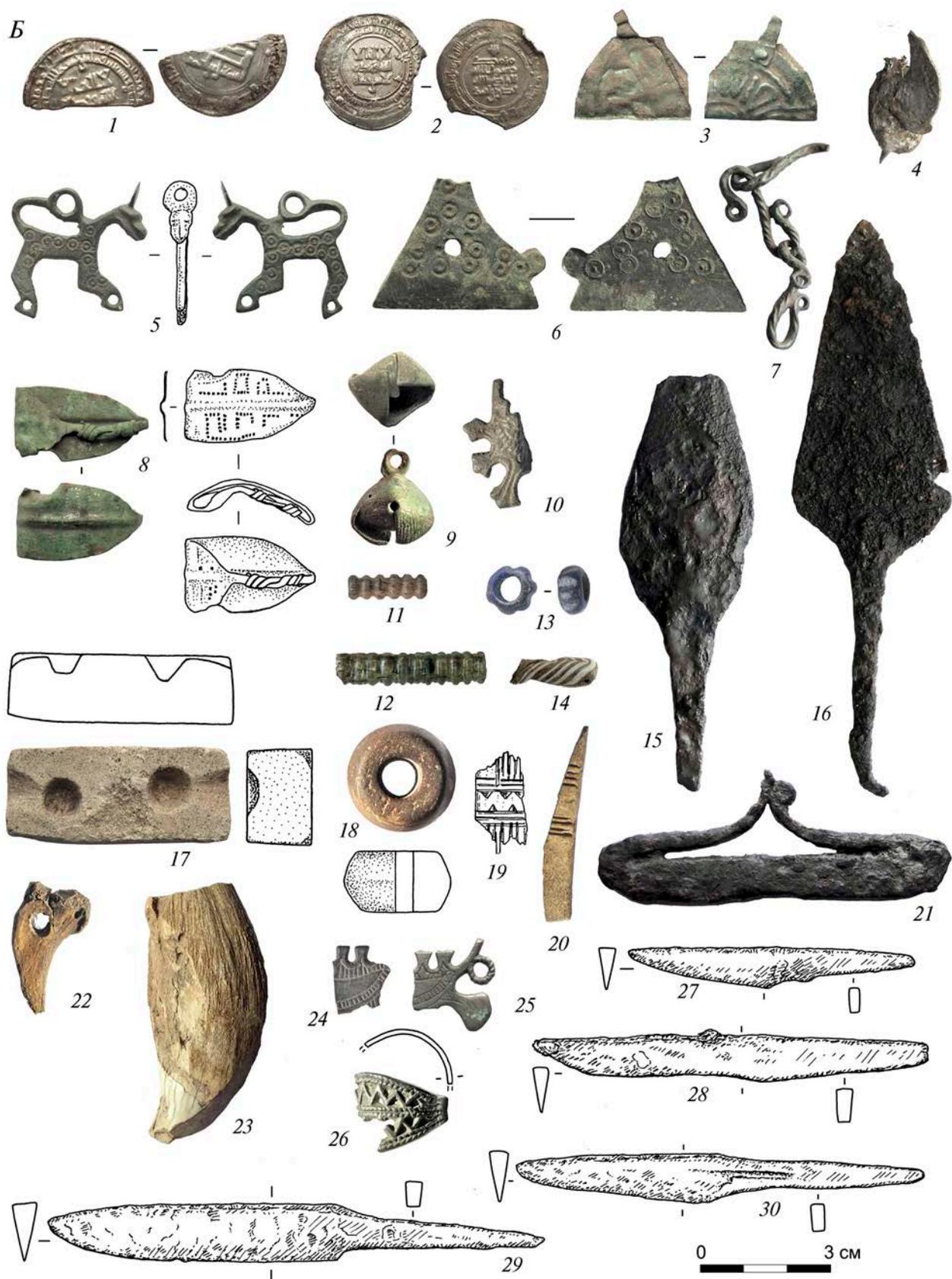

Fig. 5. Items from excavations and gathering of surface finds in the unfortified settlement of Khotyazhi 1

Две бляшки (рис. 5А, 25, 26) относятся к одной стилистической группе. Они примечательны тем, что серия аналогичных найдена на о. Готланд. Эта серия подробно проанализирована К.А. Михайловым (2005), он на основании находок в Киеве относит ее к южнорусской традиции и датирует XI в. Подобные бляшки известны, однако, и на севере – в Белоозере (Захаров, 2004. С. 189. Рис. 96, 49, 50, 54, 55).

Ниже – более детальное описание этих двух предметов. находка 25 имеет отогнутый бортик, плоскую лицевую поверхность, сердцевидную форму с каплевидными выступами с трех сторон. Орнаментирована завитками, по краю проходит рифленый ободок. Обратная сторона – с углублением в центральной части, где имеется небольшой штифт с надетой прямоугольной пластинкой (Мурашева, 2000. С. 33, 34. Рис. 39, 1Д). Другая бляшка (№ 26) сердцевидной формы происходит из верхнего горизонта заполнения ямы 64. Накладка изготовлена в технике литья по восковой модели. Внешняя слабовыпуклая поверхность ее декорирована трехлепестковым цветком, нижние лепестки которого отогнуты вниз, а посередине центрального лепестка помещен рельефный выступ-полусфера. Вдоль кромки проходит уплощенный бортик. Обратная сторона углубленная, с небольшим шпеньком в центральной части.

В особую категорию поясных бляшек входит продолговатое изделие (рис. 5А, 22) из бронзы красноватого цвета. Форма бляшки – вытянутый прямоугольник с килевидными окончаниями (одно отломано), в основании – петля прямоугольной формы. Внешняя поверхность плоская, боковые грани округло-покатые, декорирована композицией из одинарных завитков (“вьюн”) в точечной рамке. Обратная сторона с полукруглым углублением, ближе к сохранившемуся окончанию расположены два небольших шпенька, точнее, их основания. Тождественные (!) целые экземпляры происходят из разведок на месте курганного могильника Беседы 2 у границы Москвы (Гоняный, Аносов, 2017. Рис. 23, 5) и на селище Исканское 1 в Калужской обл. (Прошкин, Фролов, 2015. Рис. 4, 2). Близкая (но не тождественная) аналогия этой бляшке приведена В.В. Мурашевой (2000. С. 53. Рис. 77, 016).

Возможно, что описанная выше бляшка входила в одну стилистическую группу с другой бронзовой бляшкой (рис. 5А, 23). Она имеет прямоугольную форму с округлым окончанием,

увенчанной небольшой овальной пластиной. По контуру идет рубчик, в середине – углубленный растительный узор (завитки). Скорее всего, бляшка относится к “новгородскому типу” XI в. (Михайлов, 2005. Рис. 3). Масса этих изделий известна в Швеции и трактуется местными исследователями как восточный импорт.

Вероятно, к ранней группе находок нужно отнести поливную писанку (рис. 5А, 21) и обрубок вишней серебряной гривны массой 6.38 г (рис. 5А, 28). Эта находка важна тем, что, видимо, указывает на какие-то торгово-обменные операции.

Поздняя группа находок состоит из предметов, которые датируются XII–началом XIII в. Они представлены такими категориями, как височные кольца, перстни, пластинчатые браслеты, поясные кольца, нательные крестики. Крестик с шаровидными концами ветвей и простым средокрестием (рис. 5А, 41) имеет многочисленные аналогии. Для определения хронологии реперным является могильник Нефедьево в Прионежье (Макаров, 1990. С. 104, 105). Крест круглоконечный с желтой эмалью и дисковидным средокрестием (рис. 5А, 36) находит аналогии в коллекции из Белоозера (Захаров, 2004. Рис. 337, 5, 6). Этот тип крестов найден серийно в Латвии (Mugurevics, 1974. Att. 1, 3, 4). Н.Г. Недошивина отнесла его к концу XI–XII в. (Николаева, Недошивина, 1997. Табл. 103, 32). Репером было погребение с монетой из могильника Бегуницы на Ижорском плато (Равдина, 1988. С. 22, 23).

Подвески-лапки (рис. 5А, 17), два экз., имеют широкие хронологические рамки бытования, встречаются серийно на севернорусских селищах XI–XII вв. (Зайцева, 2008. Рис. 128), но для подмосковных памятников редки.

В коллекции – три “бородавчатых” трехпунктирных перстня (рис. 5А, 32), по классификации А.В. Арциховского (1930. С. 79, 80). Ареал этих находок весьма широк. Бородавчатые перстни найдены в районе Куликова поля (Гоняный, 2014. С. 72, рис. 10, 11) и в Белоозере в слое второй половины XII в. (Голубева, 1973. С. 142. Рис. 49, 11). В Великом Новгороде аналогичные найдены в слое первой половины XII в. (Седова, 1981. С. 132). Серия решетчатых (двух- и однозигзаговых) перстней представлена 8 экз. (рис. 5А, 33, 34). По мнению Т.В. Равдиной, этот тип характерен для II и III этапа погребальной обрядности вятичей, т.е. для всего XII в. (1975. С. 119, 120). Два пластинчатых широкосрединных перстня с плетеным узором (рис. 5А, 34), серия

шиферных пряслиц, хрустальная шарообразная и сердоликовая бипирамидальная бусины хорошо “вписываются” в группу древностей XII в.

Подвеска “колесовидная”, состоящая из спиц: двойных плетенек, с центральной “осью” – круглой бляшкой в обрамлении плетенки (рис. 5А, 29), имеет аналогию в коллекции из селища Минино II (Зайцева, 2008. Рис. 120, 9) и в Костромском Поволжье (Рябинин, 1986. Табл. IV, 21). Для нее также вероятна дата около XII в.

Семилопастные височные кольца представлены девятью фрагментами. Среди них – как относительно ранние с орнаментом 1-го типа, по Т.В. Равдиной, без боковых колечек, но с лопастями, близкими к секировидным (рис. 5А, 30), так и поздние с орнаментом 2-го типа (рис. 5А, 31). Таким образом, представлен весь XII в. (Кренке, 2014. Рис. 1). На левобережном селище нет позднейших типов (подзорчатых) височных колец XIII в., которые имеются на правобережном (Алексеев, 2004. Рис. 2).

Книжная застежка (рис. 5А, 37) имеет многочисленные аналогии, в том числе в коллекции из Белоозера (Захаров, 2004. Табл. 112, 4). И.Ю. Стрикалов относит подобные застежки, найденные в Старой Рязани, к категории “статусных находок” (2014. С. 62). Битрапециоидная стеклянная бусина оливкового цвета с коричневыми пятнами (рис. 5А, 39) соответствует типу 108, по Захарову и Кузиной, датируется XII–XIII вв. (2008. С. 167. Рис. 153, 7. Табл. 87).

Раскопки на селище Хотяжи 1 проводились за пределами поля, так как не удалось получить разрешение у владельца земли (Управление делами президента РФ), на краю средневековых карьерных выработок, т.е. на расстоянии 20–60 м от исходной бровки высокой террасы. Поросший бурьяном участок совершенно не затронут деятельностью современных кладовщиков, однако сильно пострадал от старой распашки. Культурный слой повсеместно перепахан до материка, его мощность не превышала 30 см. При зачистке материка в раскопе 1 выявлено более 70 ям и углублений (включая столбовые), а в раскопе 2 обнаружена одна глубокая древняя яма-погреб (рис. 4). Большинство вещевых находок в раскопах происходит из пахотного горизонта, керамика представляла собой смесь разновременного материала. Так, в пашне (раскоп 1) обнаружены следующие группы керамики: 1 фрагмент ямочно-гребенчатой льяловской неолитической культуры; лепная раннего же-

лезного века с текстильными отпечатками – 85; лепная гладкостенная раннего железного века (позднетьяковская) – 23; лепная X–XI вв. – 342; раннекруговая XI–XII вв. – 886; круговая древнерусская – 3337; позднесредневековая – 149 (всего 4823 фрагм.). Эти данные показывают с очевидностью, что участок был заселен очень давно, задолго до начала славянской колонизации Подмосковья. Видимо, его ландшафтное положение представляло особые выгоды для расположения здесь поселения.

Ямы в западной части раскопа остались от построек и столбов XI–XII вв., так как в них преобладает круговая керамика. В восточной части раскопа выявлены ямы, связанные с ранним периодом освоения, до появления гончарного круга. При этом, конечно, в верхней части заполнения всех ям найдена круговая керамика. Предположительно можно говорить о двух усадьбах – западной и восточной.

В раскопе 1 в пахотном слое обнаружены вещи, дополнившие группу ранних находок. Это бронзовая позднетьяковская накладка с зубчатым краем (рис. 5А, 2). Подобные предметы встречены на Дьяковом городище (Кренке, 2011. С. 57. Рис. 139), датируются в интервале I в. до н.э. – I в. н.э. Коническая бронзовая беспетельчатая привеска с треугольными прорезями (рис. 5А, 5) находит также аналогии в материалах позднетьяковских памятников (Розенфельдт, 1982. Рис. 2). Голубая стеклянная бусина со скошенными закругленными углами (рис. 5А, 6) – вариант 14-гранных бусин, характерных для VIII–IX вв. Они массово встречаются в салтовских древностях, культуре смоленских длинных курганов (Енуков, 1990. С. 62). Их ареал очень широк – такие бусы есть и на Северном Кавказе, и в Северной Европе. Для X в. данные предметы уже не характерны. Нужно отметить, что сходные бусины найдены на дьяковских городищах: Троицком, Щербинском и Боровский курган (Розенфельдт, 1982. С. 61, 62). По В.Б. Ковалевской, такие бусины (тип 117) характерны для VIII–IX вв. (2000. С. 21). Для севера лесной зоны Восточной Европы X–XI вв. они не характерны, но есть на памятниках со слоями VIII–IX вв. Укажем на такие ключевые археологические объекты, как Старая Ладога, городища Любша и Крутик (Носов и др., 2005. С. 62; Львова, 2010. С. 473, 474; Захаров, 2012. Рис. 7). Найдены они и на Соборной горе Смоленска (Кренке и др., 2015. Рис. 2).

Важные датирующие находки – два серебряных дирхема (906/907 и 939/940 гг., по определению А.А. Гомзина), один из которых обнаружен в столбовой яме 8, другой – в пахотном слое (рис. 5Б, 1, 2). Помимо этого найдены фрагмент спекшихся дирхемов (рис. 5Б, 4) и привеска, подражающая привескам из дирхемов (рис. 5Б, 3). Все эти предметы указывают на X в. В раскопе обнаружены два пластинчатых продольно рубчатых завязанных перстня, на одном из которых пуансоном выбит узор (рис. 5Б, 8). По Н.Г. Недошивиной, такие перстни датируются в интервале от конца X до начала XII в. (1967. С. 256). Наиболее вероятная датировка – XI в. Подвеска смоленского типа (левкрота), подвеска-топорик и цепочка для амулетов (рис. 5Б, 5–7) с наибольшей вероятностью отсылают ко второй половине XI в., также как и височное кольцо деснинского типа из раскопа 2 (рис. 5Б, 10). В раскопе также найдены “медвежьи” амулеты – коготь и клык (рис. 5Б, 22, 23), серия крестопорезных бубенчиков (рис. 5Б, 9), калачевидное кресало без язычка (рис. 5Б, 21), подковообразная фибула с граненой головкой. Важно отметить серию ножей, среди которых – ранние формы с прямой спинкой без уступа при переходе к черешку и маленького размера (рис. 5Б, 27, 28, 30). Скорее всего, они датируются временем не позднее X–XI вв. (Леонтьев, 1976).

В пахотном слое в пределах раскопа найдены древнерусские вещи с широкой датировкой – шиферные пряслица (рис. 5Б, 18), фрагменты двусторонних костяных гребней (рис. 5Б, 19, 20), а также украшения развитого XII в. – семилопастные кольца с орнаментом 1-го типа по Т.В. Равдиной (1988) и решетчатые перстни (рис. 5Б, 26).

Среди предметов оружия наибольший интерес представляют находки двух наконечников сулиц – коротких метательных копий, оба с черешковым насадом. Один наконечник найден на поле (рис. 5Б, 15). Его перо имеет продолговатой яйцевидную форму, скругленные плечики, переходящие в черешок. Лезвие уплощено, продольная грань отсутствует. У наконечника отломаны острие и окончание черенка, общая его длина составляет 9.5 см, ширина пера – 3.3. По классификации А.Н. Кирпичникова он относится к типу IV и датируется XI в. с заходом в XII в. (1966. С. 13). Второй наконечник (рис. 5Б, 16) найден в заполнении ямы 53 диаметром 0.8 м, откуда происходят находки лепной гладкостенной керамики (10 фр.), круговой красноглиня-

ной (2 фр.) и один фрагмент краснолощеной. Второй наконечник имеет также продолговатой яйцевидную форму, “угловатые” плечики, переходящие в черешок. Лезвие уплощено, грань едва заметна. Кончик черешка загнут под углом 45°. Общая длина наконечника – 13.5 см, ширина пера – 4. Как и предыдущая находка, он относится к типу IV.

Подобная форма наконечников характерна для большинства древнерусских дротиков, которые предназначались скорее для охоты, чем для военных целей. На это указывает их нахождение в крестьянских курганах и на городищах в массе сельскохозяйственного и бытового инвентаря (Кирпичников, 1966. С. 22).

Бусина с основой коричневого стекла и накладными нитями белого стекла близкой к цилиндрической формы (рис. 5Б, 14), многочастные бусины-пронизки из тянутой трубочки (рис. 5Б, 11, 12) и синяя рубчатая зонная бусина (рис. 5Б, 13) находят аналогии среди материалов X–XI вв. (Кузина, 2008).

Лепная керамика славянского типа из пахотного горизонта представлена в основном мелкими фрагментами, однако серия венчиков значительна (более 40 экз.). Они короткие, почти прямые, переход к плечу резкий, как правило, со значительным утолщением стенки. Преобладает орнаментация оттисками палочки, обмотанной веревочкой, зашпы и вдавления пальцем, оттиски мелкозубчатого штампа (рис. 6, 11–19). Наиболее значительный комплекс лепной керамики славянского типа получен из ямы 51 (более 100 фр. общим весом 3300 г). Судя по профилю, заполнение ямы имело сложную структуру, тем не менее поздние включения минимальны (5 круговых фр.). В яме было несколько фрагментов раннего железного века, попавших из разрушенного культурного слоя поселения этого времени. Нужно отметить, что наблюдаются некоторые отличия керамики из ямы 51 от “среднего” набора лепных венчиков из раскопа. На находках из данной ямы доминируют зашпы и вдавления пальцем, которые украшали край венчика (рис. 6, 1–9). Есть фрагменты без орнамента (рис. 6, 10). На глаз ощутимо разнообразие в примесях. Большая часть изготовлена из теста с большим добавлением дресвы, но есть фрагменты, где дресва не видна (рис. 6, 10). По форме и тесту эта последняя керамика напоминает мерянскую.

Для трех ям по древесным углям, залегающим в нижней части ям, получены радиоуглеродные

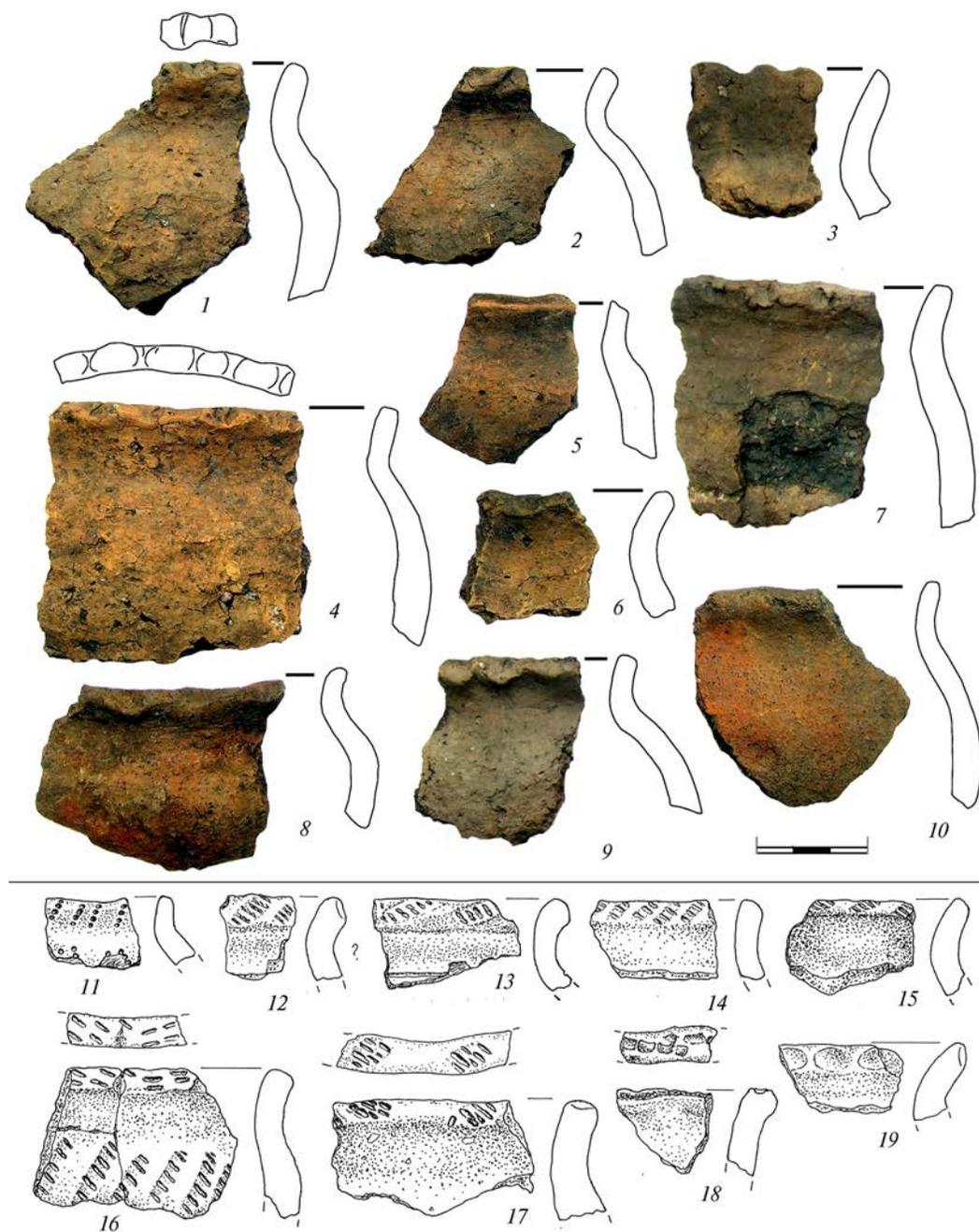

Рис. 6. Лепная керамика славянского типа из раскопа 1 на селище Хотяжи 1. 1–10 – из ямы 51; 11–19 – из пахотного горизонта. Рисунки В. Раевой.

Fig. 6. Hand-made pottery of the Slavic type from excavation site 1 in the unfortified settlement of Khotyazhi 1

даты (таблица), наиболее ранняя для ямы 1 из раскопа 2. Это обширная яма, заполненная мусором XII в. Археологические находки на дне ямы отсутствовали, так что дата “повисает в воздухе”. Можно лишь отметить, что на памятнике, безусловно, имеется материал VII в. Дата образца из ямы 58 “удобна” для сравнения с археологическими находками в ней, несколькими лепными стенками славянского типа. Калиброванная

дата – вторая половина X в. – не вызывает никаких вопросов. Сложнее воспринять дату для ямы 51, указывающую с наибольшей вероятностью на VIII в., в крайнем случае – на IX в. Можно ли так датировать имеющуюся в яме керамику? Один вариант – это сомневаться в корректности радиоуглеродной даты; другой – принять ее.

Нужно отметить, что аналогичные даты (около 1200 радиоуглеродных лет) постоянно сопро-

Радиоуглеродные даты по селищу Хотяжи 1

¹⁴C datings for the settlement of Khotyazhi 1

Лабораторный номер	Радиоуглеродная дата	Калиброванный возраст (годы н.э.)	Место отбора образца
ГИН* 14238	1420±50	595–665 (67.2%)	Раскоп 2, яма 1 (2009 г.)
УОС** -6371	967±24	1020–1050 (26.8%) 1090–1120 (24.4%) 1140–1160 (17%)	Раскоп 1, яма 1 (2009 г.)
ГИН 15001	1080±30	950–1000 (45.9%)	Раскоп 1, яма 58 (2013 г.)
ГИН 15002	1280±50	670–780 (68.2%) 650–890 (95.4%)	Раскоп 1, яма 51 (2013 г.)

* Геологический институт РАН; ** Лаборатория университета Оттавы (Канада).

вождают керамику данного типа из Подмосквья и Смоленщины. Можно указать на серию дат из поселения Саввинская слобода под Звенигородом, даты с Соборной горы Смоленска и пойменной части поселения Гнездово. Можно сказать, что имеется закономерность в датировании углей, сопровождающих определенный тип археологических находок. Для Подмосквья такие ранние даты пока выглядят очень непривычно. При этом надо учитывать, что появление скандинавских находок X в. в Хотяжах вряд ли могло быть случайным и приуроченным к “пустому месту”. Наверное, там должно было быть более древнее поселение, которое и привлекло скандинавов? Но это всего лишь косвенные соображения. Примечательно, что в яме 51 очень высок процент (49) костей диких животных, что косвенным образом свидетельствует в пользу ее древности.

В яме 1 найдено около 550 фр. керамики, в том числе 90% раннекруговой (рис. 7), а 10% лепной славянской и раннедьяковской (текстильной). Эта лепная мелкофрагментированная керамика, видимо, происходит из более раннего слоя, прорезанного ямой 1. Кроме того, в яме найдена стеклянная бусина-пронизка (рис. 5Б, 11), скорее всего, X в. (благодарим И.Н. Кузину за консультацию). В комплексе представлены две ведущие формы венчиков: короткий, отогнутый наружу, и вертикальный. Есть горшок с резко суженным горлом и ребристая форма. Орнаментация (многорядная волна, косые ряды точек) в основном нанесена вилкоподобным (гребенчатым) инструментом. Есть и орнаменты, выполненные иным инструментом – обычной заостренной палочкой.

Ближих аналогий этому комплексу в Подмосквье пока нет. Есть лишь аналогии отдельным формам горшков (короткие слабоотогнутые вен-

чики) и орнаментации гребенчатым штампом и многорядной волной – с селища Новое Съаново 3 (Шполянский, 1999), Данилова монастыря в Москве (Беляев, 1994. Табл. 86). Важно отметить, что в этой керамике нет никаких намеков на “манжеты”. Сходство с керамикой гнездовского могильника незначительное, насколько можно судить по материалам, включенным в диссертацию Е.В. Каменецкой (1977). Более близкие аналогии прослеживаются в группе раннекруговой керамики Рюрикова городища, Новгорода, Изборска и Старой Ладуги (Горюнова, 2005). Важные признаки сходства – вертикальные венчики, вогнутая форма верхних частей сосудов, ребристость. Этот круг аналогий свидетельствует о дате конец X–XI в. (Лопатин, 2009. С. 422). Радиоуглеродное датирование образца из ямы 1 дало неоднозначный результат, так как возраст образца попал на плато на калибровочной кривой. Тем не менее самый вероятный вариант – в интервале 1020–1050 гг.

Принимая такую хронологию для раннекругового комплекса, логично отнести лепной комплекс типа ямы 51 к более раннему времени в широком интервале VIII–X вв., т.е. согласиться с радиоуглеродной датировкой. Важно отметить, что среди находок в раскопе на селище Хотяжи 1 и в подъемных материалах имеется круговая керамика из белой глины, которая может быть сопоставлена с аналогичной керамикой, бытовавшей в Смоленске во второй половине XI в. (Кренке, Ершов, Муренцева, Хаврин, 2016). Главный признак этой керамики – редуцированный манжет (рис. 7, 16–20). Эта керамика сопровождает в Смоленске комплексы бронзовых амулетов (ложечки, левкроты и т.д.). Не исключено, что москворецкие находки также имеют смоленское происхождение. Напомним, что именно в Смоленске на Рачевке функциониро-

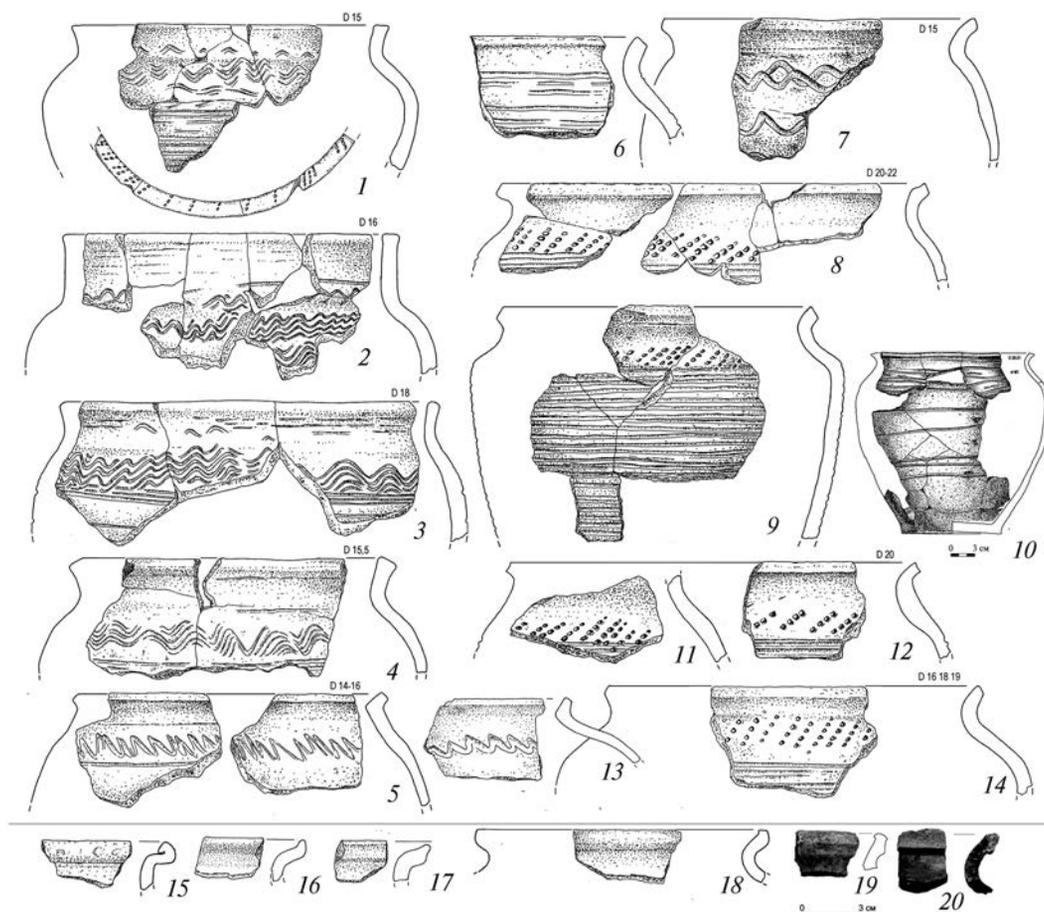

Рис. 7. Раннекруговая керамика X – начала XI в. из ямы 1 раскопа 1 на селище Хотяжи 1 (1–14); круговая керамика конца XI – начала XII в. из белой глины с редуцированным манжетом из пахотного слоя в раскопе 1 (15–20). Рисунки В. Раевой.

Fig. 7. Early wheel-made pottery of the 10th–early 11th century from pit 1 of excavation site 1 in the unfortified settlement of Khotyazhi 1 (1–14); wheel-made pottery of the late 11th–early 12th century from white clay with a reduced collar from the top-soil layer in excavation site 1 (15–20)

вала мастерская, где производились и височные кольца деснинского типа, и амулеты.

Итак, материалы селища Хотяжи 1 заставляют вновь обратиться к рассмотрению гипотезы о раннем проникновении славян в бассейн Москвы-реки в конце I тыс. Гипотетически можно выделить три хронологических пласта древностей: лепная керамика VIII–IX – начала X в.; раннекруговая керамика с северо-западными аналогиями, ее сопровождают дирхемы, денарии, скандинавские импорты X – первой половины XI в.; круговая керамика, в том числе из белой глины с редуцированным манжетом, бронзовые украшения-амулеты и синхронные им вещи второй половины XI в. Очевидно, что данные предположения можно проверить лишь путем масштабных раскопок на Хотяжах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусина С.А.* Гнездовский клад 2001 года // Славяне и иные языки: к юбилею Н.Г. Недошивиной / Ред. Н.И. Асташова. М.: ГИМ, 2014 (Тр. ГИМ; вып. 198). С. 98–115.
- Алексеев А.В.* Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2004. С. 177–192.
- Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 222 с.
- Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.: ИА РАН, 1994. 310 с.
- Богомолов В.В., Володин Е.О., Заидов О.Н., Цыбин М.М., Шибанин Г.А., Шеков А.В.* Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2 // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2015. С. 339–411.

- Богоявленский С.К.* Материалы к археологической карте Московского края // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947 (МИА; № 7). С. 168–178.
- Гавритухин И.О.* Маленькие трапецевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 12. Мінск, 1997. С. 43–53.
- Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 212 с.
- Гоняный М.И.* Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения реки Пахры в Подмоскowie // Археологический сборник. М.: ГИМ, 1999 (Тр. ГИМ; вып. 111). С. 128–146.
- Гоняный М.И.* Находки вятического круга древностей конца XII–XIII в. на сельских археологических памятниках бассейна верховьев Дона // Славяне и иные языки: к юбилею Н.Г. Недошивиной / Ред. Н.И. Асташова. М.: ГИМ, 2014 (Труды ГИМ; вып. 198). С. 65–91.
- Гоняный М.И., Аносов Д.В.* Новые материалы об археологических памятниках в с. Беседы под Москвой // De terra ad mare: Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н.А. Кренке / Ред. Л.А. Беляев, М.И. Гоняный. М.; Смоленск: Свиток, 2017. С. 194–234.
- Горюнова В.М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X – начала XI в. // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 82–121.
- Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2005. 207 с.
- Енуков В.В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.; Курск: Курский ГПИ, 1990. 262 с.
- Зайцева И.Е.* Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. С. 57–141.
- Захаров С.Д.* Белоозеро // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама / Ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 213–239.
- Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.
- Захаров С.Д., Кузина И.Н.* Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. С. 142–214.
- Каменецкая Е.В.* Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: дис. ... канд. ист. наук [Рукопись]. М., 1977. 213 с.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. Л.: Наука, 1966. 147 с.
- Ковалевская В.Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000 (Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков; вып. 2: Стекланные бусы и поясные наборы). 361 с.
- Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.
- Кренке Н.А.* Классификация орнаментов семилопастных височных колец московского типа и проблема их этнической интерпретации // РА. 2014. № 3. С. 39–49.
- Кренке Н.А., Ершов И.Н., Аникин И.С., Войцик А.А., Муренцева Т.Ю., Раева В.А., Лавриков М.В., Столярова Т.В.* Новые данные об археологии Соборной горы в Смоленске // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 141–149.
- Кренке Н.А., Ершов И.Н., Муренцева Т.Ю., Хаврин С.В.* Ювелирная мастерская XI в. на Рачевке в Смоленске // КСИА. 2016. Вып. 245, ч. 2. С. 7–28.
- Кренке Н.А., Ершов И.Н., Раева В.А.* Поселение культуры смоленских длинных курганов на Соборной горе Смоленска // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар им. акад. В.В. Седова. Вып. 31: Матер. 61-го засед. (14–16 апреля 2015 г.) / Ред. Н.В. Лопатин. М.; Псков; СПб.: ИА РАН, 2016. С. 317–324.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 348 с.
- Леонтьев А.Е.* Классификация ножей Сарского городища // СА. 1976. № 2. С. 33–45.
- Лопатин Н.В.* О керамике Изборска XI в. // Великий Новгород и Средневековая Русь: к 80-летию акад. В.Л. Янина / Ред. Н.А. Макаров. М.: Памятники ист. мысли, 2009. С. 419–431.
- Львова З.А.* Стекланные бусы Любши // Краеугольный камень: археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: в 2 т. Т. 1. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 467–478.
- Макаров Н.А.* Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.: Наука, 1990. 216 с.
- Мальм В.А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Сов. Россия, 1967 (Тр. ГИМ; вып. 43). С. 149–190.
- Михайлов К.А.* Древнерусские наборные пояса в XI–XII вв.: северная и южная традиции // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга / Сост. В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина; ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 132–144.
- Михайлова Е.Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: Lambert Academic publishing, 2014. 427 с.
- Мурашева В.В.* Поясной набор // Древняя Русь. Быт и культура / Ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997 (Археология). С. 79–80.

- Насонов А.Н. “Русская земля” и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 260 с.
- Недошивина Н.Г. Об одном типе крестовидных подвесок Древней Руси // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ) / Ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1990 (Тр. ГИМ; вып. 74). С. 102–106.
- Недошивина Н.Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Сов. Россия, 1967 (Труды ГИМ; вып. 43). С. 253–274.
- Недошивина Н.Г. Древнерусские амулеты в виде миниатюрных предметов быта и их роль в погребальном обряде // Археологический сборник. Погребальный обряд / Ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1997 (Труды ГИМ; вып. 93). С. 80–95.
- Николаева Т.В., Недошивина Н.Г. Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура / Ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997 (Археология). С. 166–178.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 404 с.
- Покровская Л.В. Привески-амулеты средневекового Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 259–272.
- Прошкин О.Л., Фролов А.С. Поселение у с. Исканское // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2015. С. 198–209.
- Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М.: Наука, 1988. 152 с.
- Равдина Т.В. Хронология “вятических” древностей: дис. ... канд. ист. наук [Рукопись]. М., 1975. 252 с.
- Родинкова В.Е., Седин А.А. Браслеты Никодимовского городища // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию В.В. Седова. М.: Наука, 2004. С. 234–246.
- Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982. 179 с.
- Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура / Ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997 (Археология). С. 63–78.
- Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.
- Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник. Вып. 1. СПб.: Тип. Гл. упр. делов, 1902 (Матер. по археологии России; № 28). 136 с., 14 л. ил.
- Стрикалов И.Ю. Клад 2005 года. Археологический контекст // Старая Рязань. Клад 2005 года / Ред. А.В. Чернецов. СПб.; М.: Нестор-История, 2014. С. 57–68.
- Шмидехельм М.Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин: Эстон. гос. изд-во, 1955. 270 с.
- Шполянский С.В. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Забелинские научные чтения – 1995–1996 гг. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М.: ГИМ, 1999 (Тр. ГИМ; вып. 103). С. 142–153.
- Mugurēvičs E. Krustiņveida piekariņi Latvijā laikā no 11. līdz 15. gs. // Arheologija un etnogrāfija. XI. Rīga, 1974. Lp. 220–239.

NEW DATA ON THE COMPLEX OF SITES NEAR THE VILLAGE OF KHOTYAZHI ON THE MOSKVA RIVER (to the issue of the Slavic colonization of Moscow vicinity)

Oleg N. Zaidov¹, **Nikolay A. Krenke**^{2,*}, **Aleksandr V. Lazutkin**^{3,**}

¹ Museum-Preserve “The Kulikovo Field”, Tula, Russia

² Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

³ Zvenigorod Historical, Architectural and Art Museum, Russia

* E-mail: nkrenke@mail.ru

** E-mail: lazutkin63@mail.ru

Analysis of the materials from the settlement Khotyazhi 1 on the Moskva River left bank excavated in 2009–2014 led the authors to hypothesize that the medieval finds in the site can be distributed among four chronological layers: 8th–10th centuries; 10th – the early 11th century; the second half of the 11th – the early 12th century; 12th – the early 13th century. The oldest finds are hand-made pottery; radiocarbon dating was used for the assemblages. Analogies for the early wheel-made pottery of Khotyazhi can be found in the 10th century sites of the North-West. Thus, it challenges the hypothesis that the first wave of Slavic colonization of Moskvorechye dates from the second half of the 11th century. The paper suggests considering the hypothesis that the beginning of the Slavic colonization of the region began as early as the 9th (8th?) century, and the initial impulse came from the southwestern region; later, in the 10th–11th centuries North-western influences were traced, including those accompanied by Scandinavian imports. For the second half of the 11th century, some features similar to the material culture of Smolensk region have been found.

Keywords: Slavic colonization, Moscow vicinity, hand-made pottery, dirhams, Scandinavian imports, amulets, radiocarbon dates.

REFERENCES

- Alekseyev A.V., 2004. The complex of Rus' sites near the village of Khotyazhi. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauch. seminara [The Archaeology of Moscow vicinity: Proceed. of the academic workshop]*. Moscow: IA RAN, pp. 177–192. (In Russ.)
- Artsikhovskiy A.V., 1930. Kurgany vyatichey [Mounds of the Vyatichs]. Moscow: RANION. 222 p.
- Avdusina S.A., 2014. The Gnezdovo hoard of 2001. *Slavyane i inye yazytsi: k yubileyu N.G. Nedoshivinoi [Slavs and other tongues: to the anniv. of N.G. Nedoshivina]*. N.I. Astashova, ed. Moscow: GIM, pp. 98–115. (Trudy GIM, 198). (In Russ.)
- Belyayev L.A., 1994. Drevnie monastiri Moskvy po dannym arkheologii [Old Moscow monasteries based on archaeological data]. Moscow: IA RAN. 310 p.
- Bogomolov V.V., Volodin E.O., Zaidov O.N., Tsybin M.M., Shebanin G.A., Shekov A.V., 2015. Preliminary results of archaeological studies in the unfortified settlement Bolshoe Savrasovo 2. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauch. seminara [The Archaeology of Moscow vicinity: Proceed. of the academic workshop]*, 11. Moscow: IA RAN, pp. 339–411. (In Russ.)
- Bogoyavlenskiy S.K., 1947. Materials to an archaeological map of Moscow region. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy [Materials and studies on the archaeology of Moscow]*, I. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, pp. 168–178. (MIA, 7). (In Russ.)
- Enukov V.V., 1990. Rannie etapy formirovaniya smolenskopolotskikh krivichy (po arkheologicheskim materialam) [Early stages of the formation of the Smolensk and Polotsk Krivichs (based on archaeological data)]. Moscow; Kursk: KGPI. 262 p.
- Gavritukhin I.O., 1997. Small trapezoidal pendants with a band of depressed dots along the lower edge. *Gistarychno-arkheologichny zbornik [Collected historical and archaeological papers]*, 12. Minsk, pp. 43–53. (In Russ.)
- Golubeva L.A., 1973. Ves' i slavyane na Belom ozere. X–XIII vv. [The Vepsians and Slavs on Lake Beloye. 10th–13th centuries]. Moscow: Nauka. 212 p.
- Gonyanyy M.I., 1999. Archaeological sites of the early Slavic colonization of the middle Pakhra basin in Moscow vicinity. *Arkheologicheskiy sbornik [Archaeological Collection]*. Moscow: GIM, pp. 128–146. (Trudy GIM, 111). (In Russ.)
- Gonyanyy M.I., 2014. Finds of the Vyatic stock of antiquities of the late 12th–13th century in rural archaeological sites of the upper Don region. *Slavyane i inye yazytsi: k yubileyu N.G. Nedoshivinoi [Slavs and other tongues: to the anniv. of N.G. Nedoshivina]*. N.I. Astashova, ed. Moscow: GIM, pp. 65–91. (Trudy GIM, 198). (In Russ.)
- Gonyanyy M.I., Anosov D.V., 2017. New materials on the archaeological sites in the village of Besedy near Moscow. *De mare ad mare: Arkheologiya i istoriya: sb. st. k 60-letiyu N.A. Krenke [De mare ad mare: archaeology and history: Collected papers to the 60th anniv. of N.A. Krenke]*. L.A. Belyayev, M.I. Gonyanyy, eds. Moscow; Smolensk: Svitok. С. 194–234. (In Russ.)
- Goryunova V.M., 2005. Early pottery ware of Rurik's fortified settlement and general trends in the development of early pottery complexes in the urban centres of Northern Rus of the 10th–early 11th century. *Nosov E.N., Goryunova V.M., Plokhov A.V. Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya severnogo Priil'men'ya [A fortified settlement near Novgorod and the settlements of the Northern Ilmen' lakeshore]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 82–121. (In Russ.)
- Grigor'yev A.V., 2005. Slavyanskoye naselenie vodorazdela Oki i Dona [The Slavic population of the Oka and the Don watershed]. Tula: Gos. muzey-zapovednik "Kulikovo pole". 207 p.
- Kamenetskaya E.V., 1977. Keramika IX–XIII vv. kak istochnik po istorii Smolenskogo Podneprov'ya: dis. ... kand. istorich. Nauk (Rukopis') [Pottery of the 9th–13th centuries as a source for the history of Smolensk area of the Dnieper region: thesis for a Doctoral Degree in History (Manuscript)]. Moscow. 213 p.
- Kirpichnikov A.N., 1966. Drevnerusskoye oruzhie [Ancient Russian weapon], 2. Kop'ya, sulitsy, boyevye topory, bulavy, kisteni. IX–XIII vv. [Spears, short lances, battle-axes, maces, battle-flails of the 9th–13th centuries]. Leningrad: Nauka. 147 p.
- Kovalevskaya V.B., 2000. Komp'yuternaya obrabotka massovogo arkheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamyatnikov Evrazii [Computer processing of the frequent archaeological finds from Early Medieval sites of Eurasia]. Moscow. 361 p. (Khronologiya vostochno-evropeyskikh drevnostey V–IX vekov, 2. Steklyannye busy i poyasnye nabory).
- Krenke N.A., 2011. D'yakovo gorodishche: kul'tura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n.e. – I tys.n.e. [The fortified settlement of Dyakovo: the culture of the Moskva region's population in the 1st mill. BC – 1st mill. AD]. Moscow: IA RAN. 548 p.
- Krenke N.A., 2014. The classification of the seven-bladed ornaments of the temple rings of a Moscow type and the problem of their ethnic interpretation. *RA [Russ. Archaeology]*, 3, pp. 39–49. (In Russ.)
- Krenke N.A., Ershov I.N., Anikin I.S., Voytsik A.A., Murentseva T. Yu., Rayeva V.A., Lavrikov M.V., Stolyarova T.V., 2015. New data on the archaeology of Sobornaya Hill in Smolensk. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 240, pp. 141–149. (In Russ.)
- Krenke N.A., Ershov I.N., Murentseva T. Yu., Khavrin S.V., 2016. 11th century jewelry workshop on Rachevka in Smolensk. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, iss. 245, part 2, pp. 7–28. (In Russ.)
- Krenke N.A., Ershov I.N., Rayeva V.A., 2016. A settlement of the Smolensk long burial mound culture on Sobornaya Hill in Smolensk. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: seminar im. akad. V.V. Sedova [The archaeology and history of Pskov and the Pskov Region: Academician V.V. Sedov workshop]*, 31. *Materialy 61-go zased. (2015) [Proceed. of the 61st meeting (2015)]*. N.V. Lopatin, ed. Moscow; Pskov; St. Petersburg: IA RAN, pp. 317–324. (In Russ.)

- Kuchkin V.A.*, 1984. Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv. [The Formation of the state territory of North-Eastern Rus in the 10th–14th centuries]. Moscow: Nauka. 348 p.
- L'vova Z.A.*, 2010. The glass beads of Lyubsha. *Krayeugol'nyy kamen': arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran [Cornerstone: archaeology, history, art, culture of Russia and neighbouring countries]*, 1. Moscow: Lomonosov, pp. 467–478. (In Russ.)
- Leont'yev A.E.*, 1976. Classification of the knives from the Sara fortified settlement. *SA [Sov. Archeology]*, 2, pp. 33–45. (In Russ.)
- Lopatin N.V.*, 2009. On Izborsk pottery of the 9th century. *Velikiy Novgorod i srednevekovaya Rus': k 80-letiyu akad. V.L. Yanina [Veliky Novgorod and Medieval Rus: to the 80th anniv. of Academy V.L. Yanin]*. N.A. Makarov, ed. Moscow: Pamyatniki istorich. mysli, pp. 419–431. (In Russ.)
- Makarov N.A.*, 1990. Naselenie russkogo Severa v XI–XIII vv. [The Population of the Russian North in the 11th–13th centuries]. Moscow: Nauka. 216 p.
- Mal'm V.A.*, 1967. Horseshoe- and ring-shaped fibula fasteners. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. [Studies on the Russian village history of the 10th–13th centuries]*. Moscow: Sov. Rossiya, pp. 149–190. (Trudy GIM, 43). (In Russ.)
- Mikhaylov K.A.*, 2005. Rus' plate-decorated belts in the 11th–12th centuries: northern and southern traditions. *Rus' v IX–XIV vv. Vzaimodeystvie Severa i Yuga [Rus in the 9th–14th centuries. Interaction of the North and the South]*. V.Yu. Koval', I.N. Kuzina, comp., N.A. Makarov, A.V. Chernetsov, eds. Moscow: Nauka, pp. 132–144. (In Russ.)
- Mikhaylova E.R.*, 2014. Veshchevoy kompleks kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov. Tipologiya i khronologiya [The Assemblage of objects of the Pskov long mound culture. Typology and chronology]. Saarbrücken: Lambert Academic publishing. 427 p.
- Mugurēvičs E.*, 1974. Krustiņveida piekariņi Latvijā laikā no 11. līdz 15. gs. *Arheologija un etnogrāfija*, XI. Rīga, pp. 220–239.
- Murasheva V.V.*, 1997. Belt set. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Rus. Everyday life and culture]*. B.A. Kolchin, T.I. Makarova, eds. Moscow: Nauka, pp. 79–80. (Arkheologiya). (In Russ.)
- Nasonov A.N.*, 1951. “Russkaya zemlya” i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva [“The Russian Land” and the formation of the Rus' state territory]. Moscow: Izd. AN SSSR. 260 p.
- Nedoshivina N.G.*, 1967. Finger-rings. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. [Studies on the Russian village history of the 10th–13th centuries]*. Moscow: Sov. Ros., pp. 253–274. (Trudy GIM, 43). (In Russ.)
- Nedoshivina N.G.*, 1990. One type of cruciform pendants of Rus. *Problemy arkheologii Evrazii (po materialam GIM) [The issues of the archaeology of Eurasia (based on the materials of the State Historical Museum)]*. S.V. Studzitskaya. Moscow: GIM, pp. 102–106. (Trudy GIM, 74). (In Russ.)
- Nedoshivina N.G.*, 1997. Rus' amulets in the form of small everyday objects and their role in the funeral ceremony. *Arkheologicheskiy sbornik. Pogrebal'nyy obryad [Archaeological collection. Funeral ceremony]*. I.V. Belotserkovskaya, ed. Moscow: GIM, pp. 80–95. (Trudy GIM, 93). (In Russ.)
- Nikolayeva T.V., Nedoshivina N.G.*, 1997. Objects of the Christian cult. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Rus. Everyday life and culture]*. B.A. Kolchin, T.I. Makarova, eds. Moscow: Nauka, pp. 166–178. (Arkheologiya). (In Russ.)
- Nosov E.N., Goryunova V.M., Plokhov A.V.*, 2005. Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya severnogo Priil'men'ya [The fortified settlement near Novgorod and the settlements of the Northern Ilmen' lakeshore]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 404 p.
- Pokrovskaya L.V.*, 2010. Pendants-amulets of medieval Novgorod (Nerevsky and Troitsky excavation sites). *Slavyano-russkoye yuvelirnoye delo i ego istoki [Slavic-Russian jewelry and its origins]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 259–272. (In Russ.)
- Proshkin O.L., Frolov A.S.*, 2015. Settlement near the village of Iskanskoe. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauch. seminarov [The archaeology of Moscow vicinity: Proceed. of the academic workshop]*, 11. Moscow: IA RAN, pp. 198–209. (In Russ.)
- Ravdina T.V.*, 1975. Khronologiya “vyaticheskikh” drevnostey: dis. ... kand. istorich. nauk (Rukopis') [The chronology of “Vyatichs” antiquities: thesis for a Doctoral Degree in History (Manuscript)]. Moscow. 252 p.
- Ravdina T.V.*, 1988. Pogrebeniya X–XI vv. s monetami na territorii Drevney Rusi [Burials of the 10th–11th centuries with coins in the territory of Ancient Rus]. Moscow: Nauka. 152 p.
- Rodinkova V.E., Sedin A.A.*, 2004. Bracelets of the Nikodimovo fortified settlement. *Vostochnaya Evropa v Srednevekov'ye: K 80-letiyu V.V. Sedova [Eastern Europe in the Middle Ages: To the 80th anniv. of V.V. Sedov]*. Moscow: Nauka, pp. 234–246. (In Russ.)
- Rozenfel'dt I.G.*, 1982. Drevnosti zapadnoy chasti Volgo-Oskogo mezhdurech'ya v VI–IX vv. [Antiquities of the west of the Volga-Oka interfluvium in the 6th–9th centuries]. Moscow: Nauka. 179 p.
- Sedova M.V.*, 1981. Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry of ancient Novgorod (10th–15th centuries)]. Moscow: Nauka. 195 p.
- Sedova M.V.*, 1997. Ornaments from copper and alloys. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Rus. Everyday life and culture]*. B.A. Kolchin, T.I. Makarova, eds. Moscow: Nauka, pp. 63–78. (Arkheologiya). (In Russ.)
- Shmidekhel'm M.Kh.*, 1955. Arkheologicheskie pamyatniki perioda razlozheniya rodovogo stroya na severo-vostoke Estonii [Archaeological sites of the decline period of the clan system in the northeast of Estonia]. Tallin: Est. gos. izd. 270 p.

- Shpolyanskiy S.V.*, 1999. New data on the chronology of the sites of the early Slavic colonization of Moskvorechye. *Zabelinskie nauchnye chteniya – 1995–1996 gg. Istoricheskiy muzey – entsiklopediya otechestvennoy istorii i kul'tury [1995–1996 Zabelin scientific readings. The Historical Museum – an encyclopedia of the Russian history and culture]*. Moscow: GIM, pp. 142–153. (Trudy GIM, 103). (In Russ.)
- Sizov V.I.*, 1902. Kurgany Smolenskoj gubernii. Gnezdovskiy mogil'nik [Mounds of Smolensk province. Gnezdovo burial ground], 1. St. Petersburg: Tip. Glav. uprav. udelov. 136 p., 14 l. ill. (Materialy po arkheologii Rossii, 28).
- Strikalov I.Yu.*, 2014. The hoard of 2005. Archaeological context. *Staraya Ryazan'. Klad 2005 goda [Old Ryazan. The hoard of 2005]*. A.V. Chernetsov, ed. St. Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriya, pp. 57–68. (In Russ.)
- Zakharov S.D.*, 2004. Drevnerusskiy gorod Beloozero [The Rus' town of Beloozero]. Moscow: Indrik. 592 p.
- Zakharov S.D.*, 2012. Beloozero. Rus' v IX–X vv. *Arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries. Archaeological Panorama]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 213–239. (In Russ.)
- Zakharov S.D., Kuzina I.N.*, 2008. Objects made of glass and stone beads. *Arkheologiya severnorusskoj derevni X–XIII vekov. Srednevekove poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Archaeology of the Northern Russian village of the 10th–13th centuries. Medieval settlements and burial grounds on Lake Kubenskoe]*, 2. *Material'naya kul'tura i khronologiya [Material culture and chronology]*. Moscow: Nauka, pp.142–214. (In Russ.)
- Zaytseva I.E.*, 2008. Objects made of non-ferrous metals and silver. *Arkheologiya severnorusskoj derevni X–XIII vekov. Srednevekove poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Archaeology of the Northern Russian village of the 10th–13th centuries. Medieval settlements and burial grounds on Lake Kubenskoe]*, 2. *Material'naya kul'tura i khronologiya [Material culture and chronology]*. Moscow: Nauka, pp. 57–141. (In Russ.)

ОСТЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ СЕЛИЩА ХОТЯЖИ 1

© 2018 г. Н.В. Сердюк^{1,*}, Н.А. Кренке^{2,**}, Н.В. Зеленков^{1,***},
Е.К. Сычевская^{1,****}

¹ Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, Москва, Россия

² Институт археологии РАН, Москва, Россия

* E-mail: natalyserdyu@yandex.ru

** E-mail: nkrenke@mail.ru

*** E-mail: nikita.zelenkov@gmail.com

**** E-mail: sch-oks@mail.ru

Поступила в редакцию 29.01.2018 г.

Остеологическая коллекция селища Хотяжи 1 важна тем, что дает характеристику хозяйства ранне-средневекового населения Подмосквья на начальном этапе колонизации региона в IX–XI вв. Полученные результаты свидетельствуют о весьма высоком значении охоты и большой роли охотничьей добычи в мясной диете. Это косвенным образом указывает на наличие периода “культурного hiatusа” в Подмосквье между дьяковской культурой и периодом славянской колонизации, за которым численность популяций диких животных сильно возросла. Состав коллекции домашних животных типичен для средневековых поселений региона, среди остатков животных преобладают кости крупного рогатого скота и свиньи.

Ключевые слова: Хотяжи, дьяковская культура, славяне, селища, млекопитающие, домашние и дикие животные.

DOI: 10.31857/S086960630003395-3

Остеологическая коллекция селища Хотяжи 1 немногочисленна (2360 костных фрагментов, из них 439 определяемые). Собрана при раскопках 2009, 2013 и 2014 гг. Территория селища была обитаема (с перерывами) со второй половины I тыс. до н.э. по XII–XIII вв. Наиболее интенсивный период функционирования относится к концу I тыс. н.э. – XII в. Исследований по ископаемой фауне этого периода в Подмосквье очень мало, и настоящая работа предполагает пополнить базу данных по этой тематике.

В массе своей кости принадлежат млекопитающим, лишь незначительная часть – птицам и рыбам (табл. 1). Помимо костей позвоночных обнаружены раковины пресноводных моллюсков, относящихся к роду *Anodonta* – *Unio timidus*, перловицы.

Сохранность костей крупных млекопитающих не очень хорошая: они сильно раздроблены, целых длинных костей конечностей, суставных блоков, крупных фрагментов черепов или челюстей (не считая отдельных зубов, их частей, фрагментов эмали) практически нет. Большая часть всего костного материала по крупным мле-

копитающим не поддается определению. Немного иначе обстоит дело с остатками мелких млекопитающих: здесь встречаются целые кости конечностей, разрозненные нижние челюсти, единичные зубы.

Диагностика остеологического материала велась с использованием сравнительно-анатомических коллекций Палеонтологического института РАН и Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова, а также при помощи определителей (Громова, 1950, 1960; Pales, Garcia, 1981; Gilbert, 1990; France, 2008). Определение скелета млекопитающих до семейств, как правило, не вызывает трудностей, до рода и вида – может быть связано с некоторыми сложностями. Так, например, несмотря на разработанные методики распознавания различий в строении скелета домашних козы (*Capra hircus*) и барана (*Ovis aries*) (Громова, 1953; Журавлев, 1982; Prummel, Frisch, 1986; Zeder, Lapham, 2010), оценка разрозненных, сильно фрагментированных костных остатков плохой сохранности этих видов все еще представляет проблему. В настоящей работе остатки барана и козы объединены в группу

Таблица 1. Фаунистический состав селища Хотяжи 1 (раскопки 2009, 2013 гг.)**Table 1.** Composition of faunal remains from the settlement of Khotyazhi 1 (excavations of 2009, 2013)

Костные остатки	Раскопы		Яма 1		Яма 42		Яма 51	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Общее количество костей	2386	100	246	100	98	100	281	100
Млекопитающие	2360	98.9	240	97.56	88	89.79	255	90.74
Из них определяемые	439	18.6	43	17.47	23	26.13	43	15.92
<i>Из них домашние животные</i>	<i>280</i>	<i>63.8</i>	<i>29</i>	<i>69.04</i>	<i>18</i>	<i>78.26</i>	<i>22</i>	<i>51.16</i>
КРС	81	29.25	5	17.24	3	16.66	13	59.09
МРС	40	13.9	5	17.24	—	—	1	4.54
Овца	4	1.4	—	—	1	5.55	—	—
Свинья	134	47.87	18	62.06	14	77.77	8	36.36
Лошадь	21	7.5	1	3.44	—	—	—	—
<i>Из них дикие животные</i>	<i>159</i>	<i>36.2</i>	<i>13</i>	<i>30.95</i>	<i>5</i>	<i>21.73</i>	<i>21</i>	<i>48.83</i>
Бобр	55	34.16	3	23.07	—	—	12	57.14
Белка	4	2.48	1	7.69	5	100	—	—
Заяц	—	—	1	7.69	—	—	—	—
Грызуны	1	0.62	—	—	—	—	—	—
Лось	22	13.6	3	23.07	—	—	3	14.28
Олень	12	7.45	3	23.07	—	—	—	—
Оленьи	18	11.1	—	—	—	—	—	—
<i>Sus scrofa ferrug</i>	—	1.24	—	—	—	—	—	—
Волк	2	1.24	—	—	—	—	—	—
Бурый медведь	31	19.25	1	7.69	—	—	5	23.80
Лесная куница	7	4.34	—	—	—	—	1	4.76
<i>Mustela sp.</i>	2	1.24	—	—	—	—	—	—
Carnivora	5	3.1	1	7.69	—	—	—	—
Птицы	15	—	—	—	5	—	11	—
Рыбы	7	—	5	—	2	—	15	—
Амфибии	—	—	1	—	—	—	—	—
<i>Unio timidus</i> . перловица	4	—	—	—	3	—	—	—

Ovis-Carpa за исключением случаев, когда диагностика не вызывала сомнений. Также отличить диких сородичей от домашних (кабан — свинья, первобытный тур — домашняя корова) по костям скелета иногда возможно только по линейным параметрам, дикие животные, как правило, крупнее (Цалкин, 1970; Каспаров, 2006).

Все находки *Bos sp.* в Хотяжах отнесены к домашнему виду, поскольку, во-первых, единичные замеры остатков в целом попадают в средне-статистические параметры домашних животных (Цалкин, 1956. С. 30, 34; 1962. С. 15; Данильченко, 1984. С. 30; Глазунова и др., 2009. С. 170, 171), во-вторых, роговые стержни *Bovina* или их фрагменты, по которым хорошо отличается крупный скот от тура (Цалкин, 1965. С. 90), на селище не обнаружены. Сильная раздробленность длинных костей конечностей не позволяет провести

дифференциацию остатков диких быков: зубра и тура (*Bison bonasus* и *Bos primigenius*) по известным методикам (Бибилова, 1958; Olsen, 1960; Gee, 1993).

Учитывая сильную фрагментарность материала, вслед за коллегами (Алексеева, 1995. С. 180) мы полагаем, что и остатки лося из Хотяжей в мелких обломках посткраниального скелета могли быть ошибочно определены из-за их морфологического сходства как домашняя корова, а потому окончательная доля лося будет несколько искажена.

Морфометрия ископаемых остатков велась с использованием отработанных методик (Данильченко, 1984; Кузмина, 1997; Боескорков, 2001; Барышников, 2007). Остеологический материал селища Хотяжи сравнивался с материалом из других памятников Древней Руси —

селищ и городищ (Цалкин, 1956; 1962. С. 127; Юшко, 1981. С. 334; Данильченко, 1984. С. 29, 30, 32, 33; Алексеева, 1995. С. 181; Алексеева и др., 1996. С. 30–37; Кузнецова и др., 2004; Глазунова и др., 2009. С. 170; Савинецкий, Крылович, 2009; Кренке, 2011. С. 159–169).

Остеологическая коллекция происходит из пахотного горизонта в пределах раскопов и отдельных ям. Наиболее насыщенными костным материалом оказались раскопы 1 и 2, ямы 1, 42 и 51. В остальных точках общее количество материала – менее 40 костных фрагментов на каждую отдельно взятую яму. Не все ямы содержат фаунистические остатки, по этой причине их нумерация в настоящей работе не сквозная. Доля птиц, рыб и моллюсков в сводном списке материала Хотяжей не учитывалась, эти материалы анализировались отдельно. Предварительный анализ показал, что видовые составы, процентное соотношение диких и домашних видов в раскопах 1 и 2 практически одинаковое. Вероятнее всего, оба раскопа представляют собой единый тафономический объект. Вследствие этого данные по ним суммированы (табл. 1).

Из раскопов анализировалось 2360 костных фрагментов. Из них 1921 – неопределимые элементы, что составляет 81.4%. На долю домашних животных от определимых остатков приходится 63.8%, диких – 36.2%.

Домашние животные. Среди домашних животных максимальное количество костей принадлежит свинье (*Sus scrofa*) – 47.85%. Кости ее сильно раздроблены, со следами разделки. Фрагментов, пригодных для измерения, мало. Индивидуальный возраст животных молодой: судя по состоянию зубов, от 10 до 14 месяцев. По сравнению с материалом других памятников свиньи Хотяжей мелкие (табл. 2).

Количество остатков крупного рогатого скота (*Bos taurus*) в Хотяжах достигает 28.9%. Остатки представлены сильно раздробленными частями скелета, фрагментами зубов. В силу этого определить индивидуальный возраст животных не представляется возможным. Размеры единичных целых костей и зубов приведены в табл. 3. При сравнении размеров коров Хотяжей с размерами скелета древнерусского крупного рогатого скота

Таблица 2. Размеры некоторых костей свиньи из селища Хотяжи 1

Table 2. Measurements of some pig bones from the settlement of Khotyazhi 1

Фрагмент, коллекционный номер	Место находки	Промеры, мм		Примечания	
		Длина зубного ряда			
Md dex с М ₁ -М ₃ , ПИН № 2002/45	Яма 51	Длина зубного ряда		88.06	
		М ¹	длина	18.41	
			ширина	12.80	
		М ²	длина	27.04	
			ширина	18.16	
		М ³	длина	42.64	
ширина	18.36				
Md sin с М ₃ , ПИН № 2002/46	Яма 1	Длина		31.66	
		Ширина		14.81	
Mx sin М ² -М ³ , ПИН № 2002/60	Яма 1	М ²	длина	19.85	Сильно стерт
			ширина	15.58	
		М ³	длина	30.76	
			ширина	17.85	
Mx dex с М ² -М ³ , ПИН № 2002/47	Раскоп 2	М ²	длина	17.89	М ₃ почти не затронут стиранием
			ширина	15.11	
		М ³	длина	27.96	
			ширина	17.5	
Mx dex с М ² , ПИН № 2002/48	Яма 1	Длина		22.7	
		Ширина		16.22	
Р ^{4?} sin, ПИН № 2002/49	Раскоп 2	Длина		23.13	Сильно стерт
		Ширина		11.70	

Примечание. Кости животных моложе года не измерялись.

Таблица 3. Размеры некоторых зубов и костей крупного рогатого скота (селище Хотязжи 1)**Table 3.** Measurements of some cattle teeth and bones from the settlement of Khotyazhi 1

Фрагмент, коллекционный номер	Место находки	Промеры, мм		Примечания
M ₃ dex, ПИН № 2002/27	Раскоп 1	Длина Ширина	30.6 12.35	
M ₁₋₂ dex, ПИН № 2002/28	Яма 16	Длина Ширина	26.07 20.35	
M ₁₋₂ dex, ПИН № 2002/29	Яма 16	Длина Ширина	24.93 16.75	
M ₃ sin, ПИН № 2002/30	Слой пахоты	Длина Ширина	31.84 13.36	
Фрагмент Md sin с M ₂ -M ₃ , ПИН № 2002/31	Яма 42	Длина M ₃ Ширина M ₃	29.71 13.6	M ₂ обломан, M ₃ прорезается
Фрагмент Mx sin с M ² -M ³ , ПИН № 2002/32	Яма 51	Длина M ² Ширина M ² Длина M ³ Ширина M ³	29.77 23.66 31.07 24.66	
M ₁₋₂ sin, ПИН № 2002/33	Яма 16	Длина Ширина	23.42 15.77	
M ₂ sin, ПИН № 2002/34	Раскоп 3	Длина Ширина	25.03 18.18	
Mtt, проксимальный эпифиз, ПИН № 2002/35	Яма 51	Ширина	41.68	
Astragalus sin, ПИН № 2002/36	Яма 51	Максимальная длина Ширина проксимального блока Ширина дистального блока	63.05 42.7 41.96	
Astragalus sin, ПИН № 2002/37	Яма 16	Максимальная длина Ширина проксимального блока Ширина дистального блока	67.59 46.4 47.81	
Ph I sin, ПИН № 2002/38	Раскоп 2	Максимальная длина Ширина проксимального блока Ширина дистального блока	53.12 25.54 24.49	Измерения про- водились на план- тарной стороне
Ph I dex, ПИН № 2002/39	Яма 51	Максимальная длина Ширина проксимального блока Ширина дистального блока	57.52 31.89 29.05	
Ph I dex, ПИН № 2002/40	Яма 51	Максимальная длина Ширина проксимального блока Ширина дистального блока	60 30.37 29.75	
Ph I dex, ПИН № 2002/41	Яма 51	Максимальная длина Ширина проксимального блока Ширина дистального блока	60.02 30.36 28.38	
Ph II dex, ПИН № 2002/42	Раскоп 3	Максимальная длина Ширина проксимального блока Ширина дистального блока	40.78 28.66 23.03	
Ph II sin, ПИН № 2002/43	Яма 1	Максимальная длина Ширина проксимального блока Ширина дистального блока	36.63 26.36 23.43	
Astragalus dex, ПИН № 2002/44	Яма 1	Максимальная длина Ширина проксимального блока Ширина дистального блока	57.99 36.52 37.7	

их параметры в большинстве случаев попадают в среднестатистические значения (Цалкин, 1956. Табл. 6), некоторые кости крупноваты для скота древнерусского периода и ближе к размерам скота раннего железного века (Цалкин, 1962. С. 25).

На долю группы Ovis-Carpa приходится 13.9%. Четыре фрагмента скелета определены как принадлежащие *Ovis aries*. Костные фрагменты сильно раздроблены. Разрозненные зубы принадлежат в основном животным в возрасте от 1.5 до 2 лет (Цалкин, 1962. С. 31). Обнаруженный в раскопе 1 череп барана с нижней челюстью принадлежал молодому животному в возрасте от 6 месяцев до года.

Лошадь (*Equus caballus*) – костные остатки сильно раздробленные и выветрелые. Вероятно, лошадь использовалась населением Хотяжей не только как тягловый скот, но и в пищу. Отметим, что среди определимых остатков домашних животных ее количество невелико и составляет 7.5%. Этим коллекция Хотяжей резко отличается от коллекций с памятников раннего железного века дьяковской археологической культуры

(Цалкин, 1962; Данильченко, 1984; Алексеева и др., 1996) и сближается с коллекциями из древнерусских памятников. Найденные зубы принадлежат некрупным лошадям кабаллоидной группы (табл. 4).

Дикие животные. Определены остатки бурого медведя (*Ursus arctos*), крупного представителя псовых, вероятно, волка (*Canis lupus*), лесной куницы (*Martes martes*), обыкновенной белки (*Sciurus vulgaris*), речного бобра (*Castor fiber*), оленей Cervidae, среди которых – лось (*Alces alces*) и благородный олень (*Cervus elaphus*). Наибольшее количество остатков принадлежит речному бобру, медведю и лосю. Доля остальных диких животных не превышает 5% от общего количества определимых остатков этих животных по каждому виду.

Грызуны представлены костями бобра и белки. Костных остатков бобра (*Castor fiber*) среди диких животных максимальное количество и составляет 34.59%. Характерное строение скелета грызуна позволяет определять видовую принадлежность даже разрозненных эпифизов, но,

Таблица 4. Промеры остатков лошадей из селища Хотяжи 1

Table 4. Measurements of horse remains from the settlement of Khotyazhi 1

Фрагмент, коллекционный номер	Место находки	Промеры (Кузьмина, 1997), мм				Примечания
		1	2	3	4	
M ₁ sin № ПИН 2002/1	Раскоп (P.)1	27.49	18.86	8.77	–	
M ₃ ? № ПИН 2002/2	P.1	>17.36	12.26	–	–	Juv., обломанный, стертый
M ₃ dex № ПИН 2002/3	P. 1	30.66	13.49	7.97	–	Juv.
M ¹ sin № ПИН 2002/4	P. 1	23.68	27.23	11.16	–	
P ² dex № ПИН 2002/5	P. 1	29.12	24.84	–	–	
P ₂ dex № ПИН 2002/6	P. 2	33.25	13.67	–	–	Juv., стертый
M ₃ dex № ПИН 2002/7	P. 2	30.3	13.29	8.28	5.26	
P ₂ sin № ПИН 2002/8	10/B	26.32	14.59	10.11	–	
P _{2-3?} sin № ПИН 2002/9	7A	27.6	17.74	12.63	–	
Ph I № ПИН 2002/10	Яма 51	73.21	52.44	35.15	43.89	
Ph II № ПИН 2002/11	Слой па- хоты	30.08?	–	–	45.66	Обломана

Обозначения. Для зубов: 1 – длина; 2 – ширина; 3 – длина протокона (для верхних зубов) и длина задней долилки (для нижних зубов); для фаланг (Ph): 1 – длина по средней линии передней поверхности; 2 – ширина верхнего эпифиза; 3 – ширина диафиза; 4 – ширина нижнего эпифиза.

Таблица 5. Размеры зубов медведя из селища Хотяжи 1

Table 5. Measurements of bear teeth from the settlement of Khotyazhi 1

Зуб, коллекционный номер	Место на- ходки	Промеры (Барышников, 2007), мм							Примечания
		1	2	3	4	5	6	7	
M ₂ dex, № ПИН 2002/14	Раскоп 1	—	—	—	—	—	15.18	—	Стертый, обломан
M ₂ dex, № ПИН 2002/15	Слой па- хоты	23.49	—	10.35	—	11.28	—	14.53	Обломан
M ₂ sin, № ПИН 2002/16	Раскоп 2	24.42	15.76	14.52	9.47	12.12	12.92	12.99	
M ₂ sin, № ПИН 2002/17	Раскоп 2	22.15	11.07	12,47	14.3	11.63	13.03	12.71	
M ₂ sin, № ПИН 2002/18	Слой па- хоты	27.92	16.3	18.02	10.61	9.79	14.83	14.74	Нестертый
M ₃ dex, № ПИН 2002/19	9А	20.43	9.3(?)	16.47	10.14(?)				Обломан
P ⁴ dex, № ПИН 2002/20	Яма 51	15.9	8.7	13.05	8.83				
P ⁴ sin, № ПИН 2002/21	Р. 1	13.35	8.03	6.26	8.67				Юв., нестертый
P ⁴ ? № ПИН 2002/22	1С/Д	—	—	—	11.06				Обломан
M ¹ dex, № ПИН 2002/23	Слой па- хоты	22.66	11.24	12.02	9.2	10.96	16.61		
M ² dex, № ПИН 2002/24	Раскоп 2	34.25	11.07	10.63	16.55	13.27			
M ² dex, № ПИН 2002/25	10/В	—	11.87	9.67	17.36	—			Обломан
M ² sin, № ПИН 2002/26	Раскоп 2	31.46	11.20	8.57	17.22	12.54			

Обозначения. Для M₂: 1 – наибольшая длина; 2 – длина тригониды лабиальная; 3 – длина тригониды лингвальная; 4 – длина талонида лабиальная; 5 – длина талонида лингвальная; 6 – ширина тригониды; 7 – ширина талонида; для M₃: 1 – наибольшая длина; 2 – длина талонида; 3 – наибольшая ширина; 4 – ширина талонида; для P⁴: 1 – наибольшая длина; 2 – длина паракона; 3 – наибольшая ширина; 4 – расстояние от переднего края протокона до заднего края зубной коронки; для M¹: 1 – наибольшая длина; 2 – длина передней части коронки; 3 – длина задней части коронки; 4 – длина паракона; 5 – длина метакона; 6 – наибольшая ширина; для M²: 1 – наибольшая длина; 2 – длина паракона; 3 – длина метакона; 4 – наибольшая ширина; 5 – ширина на уровне гипокона. Серая заливка означает, что именно этого промера для конкретного зуба не существует в силу морфологического строения: отсутствует тот или иной гребень или бугор. Если промер нельзя снять по причине деформации зуба (стерт или обломан), то в таблице стоит тире, а в примечаниях указана причина.

к сожалению, сильная фрагментарность делает материал малопригодным для морфометрии. Доля костей обыкновенной белки – 2.51%.

Медведь (*Ursus arctos*) – его доля среди остатков диких животных составляет 19.49%. Обнаружены фрагменты челюстей, зубы, некоторые кости конечностей. Количество зубов медведя, взятое для морфометрии, недостаточно для статистики (табл. 5). Приведенные измерения в сравнении их с известными параметрами зубов современных медведей (Барышников, 2007. С. 464–475) показывают, что зубы медведей из Хотяжей более крупных размеров. Также единственная *os pisiforme* медведя, найденная в слое пахоты, значительно превышает по линейным параметрам

таковую у современных животных. Это означает, что бурые медведи Хотяжей были внушительных размеров. В яме 51 обнаружен фрагмент нижней челюсти, обожженный до черноты (температура нагрева была не более 300° С) (Добряк, 1969. С. 145). Вероятно медведь добывался не только ради шкуры, но и ради мяса.

Куны (*Mustelidae*) – доля куницы составляет 4.4%, прочих мелких кунных – 1.25%.

Волчи (*Canidae*) – крупному представителю семейства принадлежат два фрагмента скелета, что составляет 1.25% от определяемых остатков.

Лось (*Alces alces*) – в отложениях памятника отмечены разрозненные зубы, фрагменты челюстей, черепа, фаланги конечностей (табл. 6).

Таблица 6. Размеры некоторых зубов и костей лося из селища Хотяжи 1

Table 6. Measurements of some elk teeth and bones from the settlement of Khotyazhi 1

Фрагмент	Место находки	Промеры, мм		Примечания	
M ³ sin	Яма 1	Длина	28.22	Стерт	
		Ширина	30.72		
M ³ sin	Раскоп 1	Длина	27.79		
		Ширина	30.50		
M ¹ sin	Раскоп 1	Длина	21.31		
		Ширина	30.5		
M ₃ sin	Яма 51	Длина	39.34		
		Ширина	21.61		
M ₃ dex	Слой пахоты	Длина	39.66		
		Ширина	19.33		
Md dex с P ₃ -M ₃	Слой пахоты	Длина ряда моляров		Передняя долинка закрыта Обломан	
		P3	длина		23.5
			ширина		18.02
		P4	длина		26.23
			ширина		20.22
		M1	длина		27.49
			ширина		20.09
		M2	длина		29.93
			ширина		23.75
		M3	длина		40.1
			ширина	22.24	
M ₁ dex	Раскоп 4	Длина	28.61	Обломана	
		Ширина	21.06		
Ph I	Слой пахоты	Длина	91.56		
		Ширина дистальная	31.9		
Ph II	Яма 51	Длина	57.34		
		Ширина проксимальная	23.4		
		Ширина дистальная	22.68		
Ph III	Яма 51	Длина	93.74		
		Максимальная ширина	31.4		

Примечание. Кости молодых животных не измерялись.

Костные фрагменты сильно поврежденные, пригодных для измерения очень мало. Помимо остатков взрослых особей обнаружен фрагмент верхнечелюстной кости с меняющимися премолярами. Индивидуальный возраст этого животного – около 16 месяцев (Горегляд, 1970. С. 282). Доля лося составляет 13.83% остатков. Лоси из Хотяжей по размерам попадают в среднестатистические параметры голоценовых популяций (Боескоров, 2001. С. 96, 97). Накопление подобного костного материала позволит в будущем отслеживать размерные колебания лосей в разные периоды исторического времени.

Из 15 птичьих костей до вида удалось определить 7. Они принадлежат домашней курице (*Gal-*

lus gallus domesticus), коршуну (*Milvus migrans*), рябчику (*Tetrastes bonasia*), вяхрю (*Columba palumbus*). Среди куриных остатков наблюдаются кости молодых особей. Характерно, что домашняя птица (курица) была некрупного размера, величиной с фазана. Что касается остатков дневных хищных птиц, то, вероятно, ранее они могли сопровождать человеческие поселения и находить рядом с жильем людей определенную кормовую базу, занимая, таким образом, экологическую нишу современных ворон.

Ископаемые остатки рыб из Хотяжей также фрагментарны и слабо fossilized. Всего обнаружено 17 костных элементов. Отмечены остатки представителей семейств карпо-

Таблица 7. Сравнение фаунистического состава селища Хотяжи 1 с другими дьяковскими и древнерусскими поселениями**Table 7.** Comparison of the faunal composition of Khotyazhi 1 with other Dyakovo and old Rus settlements

Таксон	Памятник		Хотяжи (IX–XII вв.)		Чертов городок (дьяковская культура)		Покров 5 (X–XII вв.)		Мининский археологический комплекс (X–XIII вв.)	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Общее количество костей	2386	100	525	100	183	100	48 325	100		
Млекопитающие	2360	98.9	131	24.9	182	99.4	47 598	98.5		
Из них определимые	439	18.6	135	25.7	182	100	4089	8.66		
<i>Из них домашние животные</i>	<i>280</i>	<i>63.7</i>	<i>112</i>	<i>87.5</i>	<i>99</i>	<i>54.09</i>	<i>1185</i>	<i>29.0</i>		
КРС	81	29.25	46	41.07	43	43.4	456	38.5		
МРС	39	13.9	10	8.92	7	7.07	415	35.0		
Овца	4	1.4	–	–	–	–	19	1.6		
Коза	–	–	–	–	–	–	2	0.2		
Свинья	134	47.87	40	35.71	42	42.4	162	13.7		
Лошадь	21	7.5	13	11.6	7	7.07	79	6.7		
Собака	–	–	3	2.6	–	–	52	4.4		
<i>Из них дикие животные</i>	<i>159</i>	<i>36.2</i>	<i>23</i>	<i>12.5</i>	<i>84</i>	<i>45.9</i>	<i>2904</i>	<i>71.0</i>		
Бобр	55	34.59	8	34.78	38	45.24	1643	56.58		
Белка	4	2.51	–	–	–	–	508	17.49		
Заяц	–	–	–	–	–	–	44	1.5		
Водяная полевка	–	–	3	13.04	–	–	–	–		
Еж	–	–	–	–	–	–	13	0.45		
Грызуны	1	0.62	–	–	–	–	223	7.68		
Косуля	–	–	–	–	–	–	7	0.24		
Северный олень	–	–	–	–	–	–	22	0.76		
Лось	22	13.8	4	17.39	25	29.76	157	5.41		
Олень	12	7.54	–	–	–	–	–	–		
Оленьи	18	11.32	–	–	–	–	7	0.24		
Кабан	–	–	–	–	5	5.59	15	0.52		
Волк	2	1.25	–	–	–	–	6	0.21		
Бурый медведь	31	19.4	4	17.39	12	14.28	5	0.17		
Лисица	–	–	–	–	–	–	29	1		
Барсук	–	–	–	–	1	1.2	1	0.03		
Лесная куница	7	4.4	–	–	2	2.38	200	6.89		
Лесной хорь	–	–	–	–	–	–	8	0.28		
<i>Mustela sp.</i>	2	1.25	–	–	–	–	–	–		
Россомаха	–	–	–	–	–	–	1	0.03		
Выдра	–	–	–	–	–	–	15	0.72		
Carnivora	5	3.14	–	–	–	–	–	–		
Птицы	15	–	3	13.04	1	1.9	641	1.33		
Рыбы	7	–	1	4.34	–	–	–	–		
Амфибии	–	–	–	–	–	–	86	0.18		
<i>Unio timidus</i> . перловица	4	–	–	–	–	–	–	–		

Примечание. По: Юшко, 1981. С. 334; Алексеева, 1995. С. 181; Савинецкий, Крылович, 2009.

вых (Cyprinidae), щуковых (Esocidae), окуневых (Percidae) и сомовых (Siluridae). Среди них преобладают остатки щуки (*Esox lucius*). Также единично отмечены сом (*Silurus glanis*), лещ (*Abramis* sp.) и карась (*Carassius carassius*).

Количество собранного костного материала зависит от многих факторов, например от химического состава почвы, сохранности костей, от качества сбора и проч. Видовой состав фауны одновозрастных памятников, расположенных на одной территории, примерно одинаков. Процентное же соотношение видов на этих памятниках в силу указанных выше причин разное (табл. 7).

Сравнение остеологической коллекции Хотяжей с фаунистическими материалами других подмосковных средневековых селищ XII–XV вв. и предшествовавших поселений дьяковской культуры показало, что доля диких животных на селище Хотяжи 1 существенно выше. Показательно, что лишь на сходном с Хотяжами памятнике – селище Покров 5 – соотношение диких и домашних животных имеет аналогичные значения. Это аргумент в пользу того, что выявленные соотношения диких и домашних животных неслучайные величины. Важно отметить, что наиболее ранний комплекс селища Хотяжи 1 – яма 51, которая датируется VIII–X вв., показала наибольшее количество костей диких видов. Доля костей диких животных в этой яме составила 48.8%. В яме 1, датируемой столетием позже, процент костей диких животных снижается до 30.9. Конечно, число определенных костей в этих ямах мало, но тем не менее можно говорить о некоторой тенденции.

К сожалению, данных по археозоологическим коллекциям сельских средневековых поселений Подмосковья очень мало. Территориально близко к Хотяжам находится Тушков городок. Там представлены материалы от XII до XIV–XV вв. включительно. Соотношение домашние/дикие составляло там 93.1/6.9% при количестве определенных костей 261 (Цалкин, 1956. С. 132. Табл. 81). Таким образом, это принципиально иное соотношение, чем зафиксировано по материалам Хотяжей. При раскопках городища Настасьино в нижнем течении Москвы-реки выделен блок материала, связанного со средневековыми объектами XII–XV вв. Здесь доля домашних составила 93.4%, диких – 6.6% при числе остатков 530 (Антипина, Алексеева, 2004. С. 142. Табл. 5). На селище XIII–XV вв. Ближнее Константиново 1 под Нижним Новгородом со-

отношение домашние/дикие составило 92.8% при численности определимых костей 6175 ед. (Антипина, 2009). В то же время в коллекции Мининского археологического комплекса, примерно синхронного Хотяжам, доля диких видов достигает 71%. В данном случае нужно отметить, что дикие животные в Минино – это в основном пушные виды. Видимо, жители этого поселения специализировались на пушной охоте. По количеству костей среди диких животных в Хотяжах преобладает бобр, но также велика доля мясных видов – копытных и медведя. Конечно, медведь добывался не только ради мяса, недаром в коллекции находок имеются амулеты из когтей и клыков этого зверя.

В целом, сопоставление приведенных выше данных указывает, что роль охотничьей добычи в диете жителей Хотяжей IX–XI вв. была очень высока – существенно выше, чем у населения, обитавшего здесь в начале I тыс. н.э.; и выше, чем у жителей сельских поселений Подмосковья XIII–XV вв. Такие различия можно объяснить в первую очередь тем, что в результате депопуляции территории Подмосковья примерно в интервале V–VIII вв. здесь могла существенно восстановиться численность дикой фауны. Первопоселенцы новой волны славянской колонизации, каковыми были жители селища Хотяжи 1, начали интенсивно разрабатывать этот пищевой ресурс, и, видимо, весьма преуспели. Тенденция к уменьшению доли диких животных прослеживается внутри коллекции при сопоставлении комплексов IX–X и X–XI вв. На поселениях XIII–XV вв. диких животных в диете жителей региона уже стала существенно ниже.

Авторы выражают признательность доктору биологических наук Павлу Юрьевичу Пархаеву за помощь в определении моллюсков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Л.И. Заключение по остеологическим материалам раскопок селища “Чертов городок” (сборы 1982 г.) // РА. 1995. № 3. С. 179–183.
- Алексеева Л.И., Калякин В.Н., Кренке Н.А. Археозоологическая коллекция из раскопок Дьякова городища в Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.: Госкультпросветиздат, 1996 (Труды Музея истории города Москвы; вып. 2). С. 24–44.
- Антипина Е.Е. Археозоологическая информация к изучению хозяйства жителей средневекового села Ближнее Константиново-1 под Нижним Новгородом // Аналитические исследования лаборатории

- естественнонаучных методов. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2009. С. 172–209.
- Антипина Е.Е., Алексеева Л.И. Остеологические материалы // Средневековое поселение Настасьино: Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. М.: ИА РАН, 2004. С. 81–84, 142–145.
- Барышников Г.Ф. Семейство медвежьи. СПб.: Наука, 2007 (Фауна России и сопредельных стран. Млекопитающие; т. 1, вып. 5). 542 с.
- Бибикова В.И. О некоторых отличительных чертах в костях конечностей зубра и тура // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 63, вып. 6. М.: МГУ, 1958. С. 23–35.
- Боескоров Г.Г. Систематика и происхождение современных лосей. Новосибирск: Наука, 2001. 119 с.
- Глазунова А.Н., Калякин В.Н., Кренке Н.А., Ланцева М.Е., Цепкин Е.А. Археозоологическая коллекция из раскопок на Романовом дворе // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН, 2009 (Материалы охранных археологических исследований; т. 12). С. 163–177.
- Горегляд Х.С. Болезни диких животных. Минск: Наука и техника, 1970. 302 с.
- Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Определитель по крупным трубчатым костям. М.: Изд-во АН СССР, 1950 (Труды Комиссии по изучению четвертичного периода; т. IX, вып. 1). 279 с.
- Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Определитель по крупным костям заплюсны. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (Труды Комиссии по изучению четвертичного периода; т. XVI, вып. 2). 121 с.
- Громова В.И. Остеологические отличия родов *Capra* (Козлы) и *Ovis* (Бараны). Руководство для определения ископаемых остатков. М.: Изд-во АН СССР, 1953 (Труды Комиссии по изучению четвертичного периода; т. X). 124 с.
- Данильченко В.П. Остеологический материал Селецкого городища // КСИА. 1984. Вып. 178. С. 29–34.
- Добрjak В.И. К вопросу об исследовании сожженных костей // Вопросы антропологии. 1969. Вып. 33. С. 144–150.
- Журавлев О.П. О методике полевых определений костей скелета домашних овец и коз из археологических памятников // Новые методы археологических исследований. Киев: Наук. думка, 1982. С. 205–216.
- Каспаров А.К. Скотоводство и охота эпохи неолита – палеометалла в Южном Туркменистане (развитие стратегии использования животных ресурсов). СПб.: Европейский Дом, 2006. 176 с.
- Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.
- Кузнецова Т.В., Носкова Н.Г., Калякин В.Н., Есин Д.Н. Результаты исследований остеологического материала из раскопок городища Ростиславль (1998–2001 годы) // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2004. С. 34–41.
- Кузьмина И.Е. Лошади Северной Евразии от плейстоцена до современности. СПб.: ЗИН РАН, 1997. 243 с.
- Савинецкий А.Б., Крылович О.А. Палеозоологические материалы и динамика промысловой фауны // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. М.: Наука, 2009. С. 16–25.
- Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Средней Азии // Бюллетень МОИП. Отд. биол., секция зоологии. Т. 75. № 2. М.: МГУ, 1970. С. 120–136.
- Цалкин В.И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 140 с.
- Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. По данным изучения костных остатков из раскопок археологических памятников лесной полосы европейской части СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 190 с.
- Цалкин В.И. Серый степной скот и первобытный бык // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 70, вып. 5. М.: МГУ, 1965. С. 79–92.
- Юшко А.А. Ранние славяне в Подмосковье // Историческая археология. Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рожд. Д.А. Авдусина. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 333–335.
- France D.L. Human and Nonhuman Bone Identification: A Color Atlas. Boca Raton: CRC Press, 2008. 753 p.
- Gee H. The distinction between postcranial bones of *Bos primigenius* Bojanus, 1827 and *Bison priscus* Bojanus, 1827 from the British Pleistocene and the taxonomic status of *Bos* and *Bison* // J. Quaternary science. 1993. V. 8. № 1. P. 79–92.
- Gilbert B.M. Mammalian osteology. Laramie, Wyo.: Missouri Archaeol. Society, Inc., 1990. 428 p.
- Olsen S.J. Post-cranial skeletal characters of *Bison* and *Bos*. Cambridge: Univ. Press, 1960 (Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology; v. 35, № 4). 76 p.
- Pales L., Garcia M. Atlas ostéologique pour servir à l'identification des mammifères du quaternaire. V. II. Paris: CNRS, 1981. 2 vols.
- Prummel W., Frisch H.-J. A Guide for the distinction of species, sex and body side in bones of sheep and goat // Journal of Archaeol. Science. 1986. V. 13. P. 567–577.
- Zeder M.A., Lapham H.A. Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, *Ovis*, and goats, *Capra* // J. Archaeol. Science. 2010. V. 37. P. 2887–2905.

OSTEOLOGICAL COLLECTION OF THE KHOTYAZHI 1 SETTLEMENT

Natalia V. Serdyuk^{1,*}, Nikolay A. Krenke^{2,}, Nikita V. Zelenkov^{1,***},
Evgeniya K. Sychevskaya^{1,****}**

¹ *A.A. Borissiak Paleontological Institute RAS, Moscow, Russia*

² *Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

* *E-mail: natalyserdyu@yandex.ru*

** *E-mail: nkrenke@mail.ru*

*** *E-mail: nikita.zelenkov@gmail.com*

**** *E-mail: sch-oks@mail.ru*

The significance of osteological collection of the Khotyazhi 1 settlement is due to that it characterizes the economy of early medieval population of the Moscow vicinity (*Podmoskovye*) at the initial stage of the region colonization in the 9th–11th centuries. The obtained results testify to a considerable importance of hunting and the great role of hunting prey in the meat diet. This indirectly indicates a certain period of “cultural hiatus” in Moscow vicinity between the Dyakovo culture and the period of Slavic colonization, during which populations of wild animals increased greatly. The composition of the collection of domestic animals is typical for the region’s medieval settlements, the first and second most important animals there being the cattle and the pig.

Keywords: Khotyazhi, Dyakovo culture, Slavs, settlements, mammals, domestic and wild animals.

REFERENCES

- Alekseyeva L.I.*, 1995. Conclusion on osteological materials from the excavations in the unfortified settlement “Chertov Gorodok” (collected in 1982). *RA [Russian Archaeology]*, 3, pp. 179–183. (In Russ.)
- Alekseyeva L.I., Kalyakin V.N., Krenke N.A.*, 1996. Archaeozoological collection from the excavations in the Dyakovo fortified settlement in Moscow. *Arkheologicheskie pamyatniki Moskvy i Podmoskov'ya [Archaeological sites of Moscow and Moscow vicinity]*. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, pp. 24–44. (Trudy Muzeya istorii goroda Moskvy, 2). (In Russ.)
- Antipina E.E.*, 2009. Archaeozoological information to studying the economic activities of the inhabitants of the medieval village Blizhnee Konstantinovo-1 near Nizhny Novgorod. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical research of the laboratory of natural science methods]*, 1. Moscow: IA RAN, pp. 172–209. (In Russ.)
- Antipina E.E., Alekseyeva L.I.*, 2004. Osteological materials. *Srednevekovoye poselenie Nastas'ino: Trudy Podmoskovnoy ekspeditsii IA RAN [The medieval settlement of Nastas'ino: Proceed. of the Moscow vicinity expedition of the IA RAS]*. Moscow: IA RAN, pp. 81–84, 142–145. (In Russ.)
- Baryshnikov G.F.*, 2007. Semeystvo medvezh'i [Ursidae]. St. Petersburg: Nauka. 542 p. (Fauna Rossii i sopredel'nykh stran. Mlekopitayushchie, vol. 1, iss. 5).
- Bibikova V.I.*, 1958. On some distinctive features in the limb bones of the Bison and Bos. *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody. Otdel biologicheskii [Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. Biological Section]*, v. 63, iss. 6. Moscow: MGU, pp. 23–35. (In Russ.)
- Boyeskorov G.G.*, 2001. Sistematika i proiskhozhdenie sovremennykh losey [The systematics and origin of modern alces]. Novosibirsk: Nauka. 119 p.
- Danil'chenko V.P.*, 1984. Osteological material of the Seletskoe fortified settlement. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 178, pp. 29–34. (In Russ.)
- Dobryak V.I.*, 1969. To the issue of studying burned bones. *Voprosy antropologii [Issues of Anthropology]*, 33, pp. 144–150. (In Russ.)
- France D.L.*, 2008. Human and Nonhuman Bone Identification: A Color Atlas. Boca Raton: CRC Press. 753 p.
- Gee H.*, 1993. The distinction between postcranial bones of *Bos primigenius* Bojanus, 1827 and *Bison priscus* Bojanus, 1827 from the British Pleistocene and the taxonomic status of *Bos* and *Bison*. *Journal of Quaternary science*, vol. 8, no.1, pp. 79–92.
- Gilbert B.M.*, 1990. Mammalian osteology. Laramie, Wyo.: Missouri Archaeol. Society, Inc. 428 p.
- Glazunova A.N., Kalyakin V.N., Krenke N.A., Lantseva M.E., Tsepkin E.A.*, 2009. Archaeozoological collection from the excavations of the Romanov's Yard site. *Arkheologiya Romanova dvora: predystoriya i istoriya tsentra Moskvy v XII–XIX vekakh [Archaeology of the Romanov's yard: prehistory and history of the Moscow centre in the 12th–19th centuries]*. Moscow: IA RAN, pp. 163–177. (Materialy okhrannykh arkheol. issledovaniy, 12). (In Russ.)
- Goreglyad Kh.S.*, 1970. Bolezni dikikh zhivotnykh [Diseases of wild animals]. Minsk: Nauka i tekhnika. 302 p.
- Gromova V.I.*, 1950. Opredelitel' mlekopitayushchikh SSSR po kostyam skeleta. Opredelitel' po krupnym trubchatym kostyam [The Identification guide for mammals of the USSR by skeleton bones. Identificationn by large tubular bones]. Moscow: Izd. AN SSSR. 279 p. (Trudy Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda, vol. IX, iss. 1).
- Gromova V.I.*, 1953. Osteologicheskie otlichiya rodov *Capra* (Kozly) i *Ovis* (Barany). Rukovodstvo dlya opredeleniya iskopyemykh ostatkov [Osteological distinctions between the genera *Capra* (Goats) and *Ovis* (Sheep)]. Guidelines

- for the identification of fossil residues]. Moscow: Izd. AN SSSR. 124 p. (Trudy Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda, X).
- Gromova V.I., 1960. Opredelitel' mlekopitayushchikh SSSR po kostyam skeleta. Opredelitel' po krupnym kostyam zaplyusny [The Identification guide for mammals of the USSR by skeleton bones. Identification by large pantarsal bones of plaster]. Moscow: Izd. AN SSSR. 121 p. (Trudy Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda, vol. XVI, iss. 2).
- Kasparov A.K., 2006. Skotovodstvo i okhota epokhi neolita – paleometalla v Yuzhnom Turkmenistane (razvitie strategii ispol'zovaniya zhivotnykh resursov) [Cattle breeding and hunting of the Neolithic – Paleometal Ages in Southern Turkmenistan (development of the strategy of using animal resources)]. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom. 176 p.
- Krenke N.A., 2011. D'yakovo gorodishche. Kul'tura naseleeniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n.e. – I tys.n.e. [The Dyakovo fortified settlement: the culture of the Moskva drainage-basin's population in the 1st mill. BC – 1st mill. AD]. Moscow: IA RAN. 548 p.
- Kuz'mina I.E., 1997. Loshadi Severnoy Evrazii ot pliotsena do sovremennosti [The horses of Northern Eurasia from the Pliocene to the present]. St. Petersburg: ZI RAN. 243 p.
- Kuznetsova T.V., Noskova N.G., Kalyakin V.N., Esin D.N., 2004. Results of studying osteological material from the excavations in the town of Rostislavl' fortified settlement (1998–2001). *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauch. seminarov* [The Archaeology of Moscow vicinity: Proceed. of the academic workshop]. Moscow: IA RAN, pp. 34–41. (In Russ.)
- Olsen S.J., 1960. Post-cranial skeletal characters of Bison and Bos. Cambridge: Univ. Press. 76 p. (Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, vol. 35, no. 4).
- Pales L., Garcia M., 1981. Atlas ostéologique pour servir à l'identification des mammifères du quaternaire, II. Paris: Éd. du Centre national de la recherche scientifique. 2 vols.
- Prummel W., Frisch H.-J., 1986. A Guide for the distinction of species, sex and body side in bones of sheep and goat. *Journal of Archaeol. Science*, vol. 13, iss. 6, pp. 567–577.
- Savinetskiy A.B., Krylovich O.A., 2009. Paleozoological materials and dynamics of commercial fauna. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov. Srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere* [Archaeology of the Northern Rus' village of the 10th–13th centuries. Medieval settlements and burial grounds on Lake Kubenskoe], 3. *Paleoekologicheskie usloviya, obshchestvo i kul'tura* [Paleoenvironmental conditions, society and culture]. Moscow: Nauka, pp. 16–25. (In Russ.)
- Tsalkin V.I., 1956. Materialy dlya istorii skotovodstva i okhoty v Drevney Rusi. Po dannym izucheniya kostnykh ostatkov iz raskopok arkheologicheskikh pamyatnikov lesnoy polosy Evropeyskoy chasti SSSR [Materials for the history of animal husbandry and hunting in Rus. Based on studies of bone remains from the excavations of archaeological sites in the forest belt of the USSR European part]. Moscow: Izd. AN SSSR. 190 p.
- Tsalkin V.I., 1962. K istorii zhivotnovodstva i okhoty v Vostochnoy Evrope [On the history of animal husbandry and hunting in Eastern Europe]. Moscow: Izd. AN SSSR. 140 p.
- Tsalkin V.I., 1965. Gray steppe cattle and *Bos primigenius*. *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody. Otdel biologicheskoy [Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. Biological Section]*, vol. 70, iss. 5. Moscow: MGU, pp. 79–92. (In Russ.)
- Tsalkin V.I., 1970. The earliest domestic animals of Central Asia. *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody. Otdel biologicheskoy, sektsiya zoologii [Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. Biological Section, Zoology Division]*, vol. 75, no. 2. Moscow: MGU, pp. 120–136. (In Russ.)
- Yushko A.A., 1998. Early slavs in Moscow vicinity. *Istoricheskaya arkheologiya. Traditsii i perspektivy: K 80-letiyu so dnya rozhd. D.A. Avdusina* [Historical archaeology. Traditions and prospects: to the 80th anniv. of D.A. Avdusin]. Moscow: Pamyatniki ist. mysli, pp. 333–335. (In Russ.)
- Zeder M.A., Lapham H.A., 2010. Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, *Capra. Journal of Archaeol. Science*, vol. 37, iss. 11, pp. 2887–2905.
- Zhuravlev O.P., 1982. A technique of field identification of skeleton bones of domestic sheep and goats from archaeological sites. *Novye metody arkheologicheskikh issledovaniy* [New methods of archaeological research]. Kiev: Nauk. dumka, pp. 205–216. (In Russ.)

О ПЕЧАТЯХ ФЕДОРА ОКСЕНТЬЕВА

© 2018 г. Е.А. Рыбина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: rybina.elena1@gmail.com

Поступила в редакцию 07.11.2018 г.

Сфрагистическая коллекция Новгорода насчитывает более 3000 печатей, большинство которых происходит из подъемного материала, а более 250 экз. найдено при раскопках Новгорода. Наряду с надежно атрибутированными буллами встречаются экземпляры, персональная принадлежность которых не определяется, несмотря на то, что сам тип печатей хорошо известен. Одним из них является разряд печатей с надписью на одной стороне и изображением святого на другой. В данной заметке рассматриваются три печати Федора Оксентьева, найденные на Троицком раскопе XVI на территории одной усадьбы. На одной стороне этих печатей содержится надпись: Федора Оксентьева, на другой — изображение святого Федора-воина. До сих пор такие печати не были известны, а имя их владельца не зафиксировано в письменных источниках.

Ключевые слова: Новгород, Троицкий раскоп, печати свинцовые, матрица, Федор Оксентьев.

DOI: 10.31857/S086960630003396-4

В 2015 г. на Троицком раскопе XVI в слое второй половины XIV в. была найдена сложенная пополам свинцовая печать, определение которой сделано П.Г. Гайдуковым. (рис. 1, 1). Большинство букв на ней сохранилось хорошо, и была прочитана надпись (в скобках — реконструируемые буквы): *(н)е(ч)ать Фед(о)ра Окс(е)нтеева*; (Янин и др., 2016. С. 23. Рис. 4, 3). В процессе реставрации печать удалось развернуть, и на обороте было обнаружено изображение святого воина с мечом и щитом (рис. 1, 3), справа от воина сохранились буквы: *ф* и *д*, остатки имени *Федор*, т.е. святого Федора, тезоименитого владельцу печати. Кроме того, установлено, что печать оттискивалась дважды, поскольку некоторые буквы и детали изображения двойные, что хорошо видно и на фотографии, и на прориси печати (рис. 1, 3; 2, 2). До этой находки печати с именем Федора Оксентеева в новгородской сфрагистической коллекции не были известны.

В 2016 г. на том же раскопе в слое середины XIV в. найдена еще одна печать Федора Оксентеева, но в отличие от первого экземпляра она хорошей сохранности, за исключением последней строки, которая оказалась срезана. (рис. 1, 4; 2, 3). Напротив, в печати 2015 г. хорошо видны верхушки двух букв последней строки — *ва*, таким образом, надпись надежно восстанавливается полностью: *печать Федора Оксентьева*.

Тщательное сравнение надписей и изображений на обеих печатях убеждает в том, что они были оттиснуты одной матрицей (рис. 2, 2, 3).

Осенью 2016 г. установлено, что среди коллекции печатей, найденных на Троицком XVI раскопе в 2015 г. (всего 5 экз.) была еще одна печать Федора Оксентьева. Она представляет собой половинку печати, которая из-за сильной потертости первоначально не была надежно атрибутирована. Сразу после находки П.Г. Гайдуков определил ее как печать новгородского тиуна, имя которого из-за плохой сохранности прочитать было невозможно. В.А. Волхонский, заведующий фондом сфрагистики Новгородского музея, куда печати поступили на хранение, после тщательного изучения этого экземпляра разглядел на нем несколько букв, которые в точности совпали с буквами на обеих печатях Федора Оксентеева (рис. 1, 2; 2, 1), т.е. эта печать была оттиснута той же парой матриц, что и две предыдущие. Таким образом, мы имеем на одной усадьбе три одинаковые печати Федора Оксентеева, имя которого до сих пор не встречалось ни в сфрагистических материалах, ни в письменных источниках.

Данный тип относится к разряду печатей без обозначения должностей с изображением святых, тезоименитых владельцам. В своде В.Л. Яни-

Рис. 1. Печати Федора Оксентьева (фото). 1, 3 – Тр. XVI, 2015 г., пл. 2, кв. 1941; 2 – Тр. XVI, 2015 г., пл. 2, кв. 1963; 4 – Тр. XVI, 2016 г., пл. 3, кв. 2000.

Fig. 1. Seals of Fyodor Oksentyev (photos)

на зафиксировано 9 экз. таких печатей, каждая из которых представляет отдельную разновидность (Янин, 1970. С. 117). Впоследствии этот список пополнился еще двумя печатями, одна из которых относится к уже известному по прежним находкам типу – это печать Григория Климовича (№ 684) (Янин, Гайдуков, 1998. С. 102).

Как установил В.Л. Янин, такое оформление рассматриваемых печатей характерно для

XIII – первой половины XIV в., титулы высших административных лиц Новгорода (посадник, тысяцкий, двинской наместник) на печатях отсутствуют. Даже титул князя впервые появляется на печатях во времена Ивана Калиты (1328–1341 гг.), т.е. во второй четверти XIV в. Титулование высших должностных лиц на печатях становится обязательным только со второй половины XIV в. (Янин, 1970. С. 123).

Рис. 2. Печати Федора Оксентьева (прорисы). 1, 2 – Тр. XVI, 2015 г.; 3 – Тр. XVI, 2016 г.

Fig. 2. Seals of Fyodor Oksentyev (drawing)

Стратиграфическая дата печатей Федора Оксентеева (середина–вторая половина XIV в.), как будто, не укладывается в период бытования печатей данного разряда (XIII–первая половина

XIV в.). Однако надо иметь в виду, что, как правило, документы с печатями хранились владельцами продолжительное время. Кроме того, две печати из слоя второй половины XIV в., как уже отмечено, найдены во вторичном использовании. Одна из них была сложена пополам, от другой сохранилась лишь половина. Следовательно, юридическую силу печати Федора Оксентеева имели до середины XIV в.

Как отмечал В.Л. Янин, атрибуция указанного разряда печатей очень проблематична прежде всего из-за отсутствия отчеств на большинстве этих печатей. Однако и наличие отчества не всегда помогает установить конкретного владельца.

Две печати из числа известных к настоящему времени десяти разновидностей рассматриваемых булл были привешены к документам, что облегчало их атрибуцию. Одна из них привешена к торговой грамоте 1303–1307 гг. от Новгорода Риге. В формуляре грамоты названы владыка Феоктист, посадник и тысяцкий: “Благословение от владыкы Феоклиста, и от посадника, и от тысяцкого...”. (Грамоты..., 1949. С. 64, 65). К документу соответственно привешены три печати. Одна из них с изображениями Богоматери Знамение и креста на обороте относится к разряду анонимных владычных печатей. На обеих сторонах другой печати расположены надписи, сохранившиеся не полностью, но легко восстанавливаемые: “анд..ва печать” (“Андреева печать”) и “..ыс.цкого” (“тысяцкого”). Третья печать содержит на лицевой стороне надпись “андр..ва печать”, на обороте изображение св. Андрея Стратилата с ко-

Рис. 3. Грамота № 918, прорись (Тр. XIV, 2001 г., пл. 5, кв. 1794).

Fig. 3. The birch bark letter No. 918, drawing

пьем и со щитом. Следовательно, эта печать принадлежала новгородскому посаднику. На основании летописных сообщений конца XIII – начала XIV в., а также грамоты 1302 г. Новгорода советникам датского короля и надписи на иконе Николая Мирликийского (1294 г.) В.Л. Янин установил, что этим посадником был Андрей Климович (Янин, 1970. С. 117). Следовательно, “Андреева печать”, несомненно, определяется как посадничья. Должность тысяцкого на другой печати с именем *Андрей* в данном случае указана из-за необходимости различить посадника и тысяцкого, носивших одно имя. Примечательно, что должность на печати указана для тысяцкого, как низшего по рангу по сравнению с посадником.

Еще одна печать с надписью “*Селиверстова печать*” на одной стороне и изображением св. мученика Сильверста на другой надежно определяется как посадничья, поскольку была привешена вместе с другими к Наказу 1372 г. новгородским послам Юрию и Якиму (Грамоты..., 1949. С. 32. № 17). В.Л. Янин делает убедительный вывод о принадлежности этой печати посаднику Сильвестру Лентееву, избранному впервые в 1354 г. и занимавшему эту должность до 1384 г. (Янин, 1970. С. 114).

К сожалению, остальные печати без обозначения должности с изображением святых, тезоименитых владельцам, надежно не определяются. Однако, учитывая, что две из печатей этого разряда были посадничьи, вполне вероятно, что остальные печати этого типа также принадлежали представителям высшей новгородской администрации. Кроме новгородских посадников и тысяцких, владельцами таких печатей могли быть двинские, новоторжские или рушанские посадники.

Дополнительным аргументом этого предположения служит следующее обстоятельство. Кроме печатей указанного разряда существует аналогичная по оформлению группа печатей (17 экз.) с надписью на одной стороне и изображением святого – на другой. Разница в том, что в этой группе святой не тезоименит владельцу печати. Например, печать с надписью “*Степанова печать*” содержит на обороте изображение архангела Михаила (№ 694). Имена многих владельцев (10 чел.) таких печатей известны по письменным источникам, в которых нередко указывается и должность этих лиц. Среди них – посадники, тысяцкие, двинской посадник, воевода, послы (Янин, Гайдуков, 1998. С. 102). Следовательно, весь разряд печатей с надписями

и изображением святых включает в себя печати высших должностных лиц Новгорода.

При отсутствии достоверных источников остается предположить, что Федор Оксентеев/Оксентьев занимал одну из указанных выше должностей, однако ни посадники, ни тысяцкие с таким сочетанием имени и отчества не известны (Янин, 2003. С. 510; Бассальго, 2013). Отмечу, однако, что существующий в настоящее время список тысяцких далеко не полный.

Имя *Федор* в силу его распространенности не может служить надежным ориентиром в атрибуции владельца печати. В связи с этим обратимся к его отчеству, которое, возможно, поможет установить должность владельца печати. Имя Оксентий относится к числу редких. В новгородских летописях это имя не встречается, в остальных письменных источниках оно впервые фиксируется в двух документах конца XIV в. Это – завещание 1393 г., где в числе должников назван *Оксентеик в Ясеничах* (Грамоты..., 1949. С. 167. № 110) и торговая грамота 1396 г., в которой в числе поручителей назван *Оксентий серебряник* (Грамоты..., 1949. С. 83, 84. № 47). В дальнейшем это имя встречается в документах разного рода только в XV в. (см. Грамоты..., 1949. № 49, 56, 138, 165, 188, 197). Однако ни один из перечисленных в них носителей имени *Оксентий* (или *Авксентий*) в силу хронологического разрыва не может быть отцом Федора, имя которого обозначено на рассматриваемых здесь находках.

Между тем в 2001 г. на Троицком раскопе XIV при рытье южной дренажной траншеи на уровне пласта 5 найдена грамота № 918, стратиграфическая дата которой – рубеж XIII–XIV вв. Эта грамота относится к числу владельческих надписей, поскольку на берестяном донце содержится только надпись “*посаднике Оксинтии*”¹. Новгородский посадник с таким именем не известен, поэтому издатели предположили, что, возможно, этот Оксинтий² был двинским посадником

¹ В древненовгородском диалекте переход – *Ь* в – *И* зафиксирован с XII в. (см. Зализняк, 2004. С. 70).

² Справедливости ради отмечу, что кроме письменных свидетельств имя “Оксентий” обнаружено и в сфрагистическом материале. К настоящему времени известно пять печатей с надписями: на одной стороне – “*Оксентиева печать*”, на другой – “*тиуна новгоро. г.*”. Три из них происходят из подъемного материала Городища, одна – из Новгорода (без указания места находки); еще одна найдена в Старой Руссе на берегу р. Перерытица (Янин, 1970. С. 212, 659; Янин, Гайдуков, 1998. С. 203. № 637а-5). Однако для отождествления посадника Оксинтия и тиуна Оксентия нет никаких оснований.

(Янин и др., 2015. С. 15). О существовании института двинских посадников известно из письменных источников, главным образом из двинских актов. Впервые двинской посадник назван в грамоте Новгорода на Двину, датированной 1328–1341 гг. (Грамоты..., 1949. С. 142. № 85). В Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов (НПЛ, 1951) двинские посадники упоминаются с 1401 г. (НПЛ. С. 396). Однако кроме двинских посадников в пределах Новгородской земли были еще посадники ладожские и новоторжские. Из-за недостатка источников институт местных посадников практически не изучен. Ладожские посадники упоминаются в летописи с первой четверти XII в. (НПЛ. С. 20, 23), новоторжские – с начала XIII в. (НПЛ. С. 51).

Что касается двинских посадников, сохранились свидетельства о том, что эту должность занимали (исполняли) новгородские бояре. Учитывая связь усадеб Людина конца с северными территориями Новгородской земли, предположение о том, что упомянутый в грамоте № 918 посадник Оксинтий был двинским посадником, вполне правомерно. Совокупность изложенных материалов дает основание предположить, что именно он и был отцом Федора, владельца рассматриваемых печатей. Этому не противоречат как датировка грамоты и печатей Федора Оксентеева, так и территориальная близость участков, где они были найдены. Не исключено, что Федор наследовал должность отца и, возможно, тоже был двинским посадником.

Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-09-00372.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бассальго Л.А.* Новгородские тысяцкие. Ч. III // Новгородский исторический сборник. Вып. 13 (23). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 147–150.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ред. С.Н. Валк. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
- Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II: Новгородские печати XIII–XV вв. М.: Наука, 1970. 366 с.
- Янин В.Л.* Новгородские посадники. Изд. 2-е перераб. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. 511 с.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада, 1998. 501 с.
- Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. 284 с.
- Янин В.Л., Рыбина Е.А., Покровская Л.В., Сингх В.К., Степанов А.М., Тянина Е.А.* Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2015 г. (Троицкий раскоп-XVI) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Вып. 30. Великий Новгород, 2016. С. 15–23.

ON THE SEALS OF FYODOR OKSENTYEV

Elena A. Rybina

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: rybina.elena1@gmail.com

The sphragistic collection of Novgorod has more than 3000 seals, mostly coming from surface finds; over 250 have been found during excavations in Novgorod. Along with reliably attributed bullae, there are cases when the owner cannot be determined despite the fact that such a type of seals is well known. One of these types represents seals with the inscription on one side and the image of a saint on the other. This note considers three seals of Fyodor Oksentyev, found in Troitsky excavation site XVI on the territory of one estate. One side of these seals bears the inscription: Fyodor Oksentyev, the other – the image of St. Theodore Stratelates. So far, such seals have not been known and their owner's name has not been recorded in written sources.

Keywords: Novgorod, Troitsky excavation site, lead seals, matrix, Fyodor Oksentyev.

REFERENCES

- Bassalygo L.A.*, 2013. Novgorod's tysyatskies. Part III. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik [Novgorod historical articles]*, 13 (23). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 147–150. (In Russ.)
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Birch bark manuscripts of Veliky Novgorod and Pskov]. S.N. Valk, ed. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, 1949. 407 p.
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshogo i mladshogo izvodov [The Novgorod First Chronicle of the senior and junior versions]. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, 1950. 642 p.
- Yanin V.L.*, 1970. Aktovyie pečhati Drevney Rusi X–XV vv. [Official seals of Rus of the 10th–15th centuries], II. Novgorodskiye pečhati XIII–XV vv. [Novgorod seals of the 13th–15th centuries]. Moscow: Nauka. 366 p.
- Yanin V.L.*, 2003. Novgorodskiye posadniki [Novgorod's *posadniks*]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 511 p.
- Yanin V.L., Gaydukov P.G.*, 1998. Aktovyie pečhati Drevney Rusi X–XV vv. [Official seals of Rus of the 10th–15th centuries], III. Peçhati, zaregistrovannyye v 1970–1996 gg. [Seals recorded in 1970–1996]. Moscow: Intrada. 501 p.
- Yanin V.L., Rybina E.A., Pokrovskaya L.V., Singkh V.K., Stepanov A.M., Tyanina E.A.*, 2016. Works at Lyudin *konets* of Veliky Novgorod in 2015 (Troitsky excavation site XVI). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology: Proceed. of the scientific conf.]*, 30. Velikiy Novgorod, pp. 15–23. (In Russ.)
- Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Gippius A.A.*, 2015. Novgorodskiye gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.) [Novgorod manuscripts on birch bark (from excavations of 2001–2014)]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 284 p.
- Zaliznyak A.A.*, 2004. Drevnenovgorodskiy dialect [Old Novgorod dialect]. 2nd ed., revised. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 872 p.

ЛИСИЦЫН С.Н. ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПЕРИОДИЗАЦИИ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА И РАННЕГО МЕЗОЛИТА В ВЕРХНЕВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ // *Stratum plus*. 2017. № 1. С. 59–110.

Вопрос соотношения культур с черешковыми наконечниками (Taute, 1968), распространенных в позднем плейстоцене—раннем голоцене на территории европейских зандровых низменностей в целом (Kozłowski J., Kozłowski S., 1975; Tanged points cultures..., 1999; Mesolithic on the Move, 2003; Mesolithic in Europe, 2008; Lateglacial and Postglacial Pioneers..., 2014) и Волго-Окского бассейна в частности (Мезолит СССР, 1989; Сорокин, 2008, 2016; Сорокин и др., 2009), является, несмотря на единичность полноценно исследованных мультислойчатых геоархеологических объектов (ГАО), одним из ключевых. Неоднократно высказывался в этой связи и Лисицын (2006; 2012; 2014). Поводом для этой рецензии стало появление в одном из ведущих российских журналов (Лисицын, 2017) его программной, судя по тематическому охвату и объему, работы, которая претендует ни много ни мало на создание “нового учения”. Если кратко, ее суть состоит в том, чтобы обосновать гипотезу о предшествовании материалов с симметричными черешковыми наконечниками комплексам с асимметричными наконечниками. Бессмысленность этой затеи видна уже по тому факту, что из всего многообразия культур региона (бромме-лингби, аренсбург, подольская, валдайская, рессетинская, заднепилевская, култинская и пургасовская) Лисицыным выбраны всего две – бутовская¹ и иеневская, источниковедческая несостоятельность которых очевидна любому критически настроенному исследователю (Сорокин, 2001; 2008; Сорокин и др., 2009). А из более чем 2500 имеющихся здесь памятников им привлекаются лишь 3 пункта – Золоторучье 1, Становое 4 и Вашана (Лисицын, 2017. С. 60) – в 2 из которых черешковых наконечников вообще нет. Поскольку добротность археологических источников доказываются их критикой (Формозов, 1977), в целях экономии

места и времени целесообразно непосредственно обратиться к этой процедуре.

Вашана – единственный из трех ГАО, в шурфовке которого в 2009 г. С.Н. Лисицын участвовал. В 2001/02 гг. зондаж велся под руководством Н.К. Анисюткина. При сравнении первичных данных обращает на себя внимание разночтение в цифрах. Это касается как размера заложенной площади (10 или 11 м²), так и числа квадратов, докопанных до материка (6 или 7) (Анисюткин, Лисицын, 2007. С. 134; Лисицын, 2011. С. 106–108; 2017. С. 81). К сожалению, в большинстве случаев, как оказалось, суть дела не в банальных неточностях, а в осознанном искажении данных. Ограничусь всего двумя примерами. Сначала обращусь к материалам стоянки Подол III/2, добытым Г.В. Сеницыной, на которые Лисицын регулярно ссылается. В ряде публикаций исследовательница пишет: “На стоянке Подол III/2 в заполнении конуса выноса селевого потока дриасового времени, перекрытого обломочным материалом, были найдены предметы, характерные для среднего этапа подольской культуры, технокомплекса бромме, и среди них из другого сырья пластинка розового кремня, полученная в технике отжима с одноплощадочного нуклеуса...”. Не буду акцентироваться на том, что заготовка, сколотая с совершенно не характерного для Свидера монополюсного ядрища, интерпретируется ею как “... форма пластинки, характерная для свидерской культуры” (Сеницына, 1996. С. 23; 2013. С. 161; Сеницына, Кильдюшевский, 1996. С. 139; Сеницына и др., 1997. С. 100), но подчеркну: ни в одной из упомянутых статей с полюбившимся Г.В. Сеницыной предметом никаких метаморфоз не происходит. В интерпретации Лисицына тот же сюжет выглядит следующим образом: “Завершают культурную локальную последовательность финального палеолита находки из 2 раскопа стоянки Подол III с палинологическим определением финалом Dr 3, полученным по заполнению ямы с кремневым инвентарем смешанного облика – типа бромме и свидерским наконечником” (Лисицын, 2012. С. 237; 2017. С. 63). Открытие потрясающее – это уже не рядовая пластинка из розового кремня, а наконечник свидерского типа да еще из отложений финала молодого дриаса (Dr 3). Впечатляет и та безапелляционность, с которой Лисицын определяет возраст конуса выноса, особенно если знать, что

¹ Термин введен в 1976 г. Л.В. Кольцовым. Как выяснилось позднее (Сорокин, 2001; 2008; Сорокин и др., 2009), материалы всех выделенных им культур – елиноборской, бутовской и иеневской (Кольцов, 1989) – были фальсифицированы. Тем не менее предложенные им названия оказались весьма живучими, и ряд исследователей, недостаточно знакомых с истинным положением дел или, напротив, преследующих известные цели, по-прежнему продолжают пользоваться этими терминами. В их числе оказался и С.Н. Лисицын.

время его формирования было отнесено А.С. Алешинской и Е.А. Спиридоновой к позднему дриасу (Dr 2) (Спиридонова, Алешинская, 1999. С. 132, 133).

Теперь другой пример. Лисицын, пишет: “Исток 1 – единственный памятник, где асимметрия стратиграфически предшествует симметрии” (Лисицын, 2017. С. 91). Это не соответствует действительности: в Шильцевой Заводи 5 картина та же. Более того, в Старо-Константиновской 4, Тихоново 1 и в Иенево 2 наконечники с боковой выемкой и геометрические микролиты также залегают ниже симметричных наконечников с вентральной ретушью, правда, пока все они не подверглись Л.В. Кольцовым (Кольцов, 1989) процедуре “улучшения качеств источников”. Впрочем, даже по причине того, что Лисицын пришел на уже возделанную “почву” и усвоил готовую “методику”, его неосведомленность непростительна, и логично поинтересоваться, зачем вообще братья за “периодизацию мезолита Верхневолжья”, если не знать основ? Разве после этого может удивить, что в противовес Истоку 1 синонимом “добротности” и “надежности” ему служит Становое 4 (Лисицын, 2017). Чего оно сто́ит, будет показано ниже, сейчас же вынужден заметить: обилие аналогичных “открытий” Лисицына – свидетельство стиля, далекого от научной методологии.

Вернемся к Вашане и обратимся к стратиграфии стоянки. Колонка напластований в шурфе Н.К. Анисюткина включала 12 литологических прослоев, 6 из которых содержали археологические материалы (Анисюткин, Лисицын, 2007. С. 134, 135, 146). В шурфе 2009 г. аналогичной глубины Лисицыным было выделено 16 прослоев, при этом артефакты имелись лишь в 4 (Лисицын, 2011. С. 106, 107). Любому, кроме Лисицына, очевидно: разница несомненная. Наложение разрезов подтверждает их несоответствие друг другу. Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует, что стоянки финального палеолита и мезолита обычно не имеют выраженного культурного слоя, а находки залегают дисперсно, причем ранние изделия в силу ряда причин могут располагаться выше, чем более поздние (Синицына, 1996; 2013; Ostrauskas, 1999; Galinski, 2015). Не все, разумеется, осведомлены о геоархеологических закономерностях, но незнание Лисицыным основ ошеломляет. Как иначе объяснить тот факт, что он объединяет изделия двух не стыкующихся друг с другом шурфов Вашаны, имеющих разную литологию, и даты из одного (слой 9 шурфа 2001, 2002 гг.) приписывает прослоям другого (слои 3 и 4 шурфа 2009 г.). Ответ прост: этого требует создание “новой периодизации”.

Всего для памятника получено пять радиоуглеродных дат. Возраст первого образца из слоя 9 шурфа 2001/02 гг. Н.К. Анисюткина составил 9600 ± 450 (LE-6285), второго – 9680 ± 160 (LE-6644) лет. По мнению Лисицына, “обе даты относят памятник

к пребореалу, что вступает в противоречие с геологическими условиями залегания культурных остатков в позднплейстоценовом суглинке” (Анисюткин, Лисицын, 2007. С. 138). Никто из геологов памятник не осматривал и такого заключения не делал, поэтому утверждение о возрасте суглинка голословно.

Находки слоя 9 залежали “в гумусированном, однородном, комковатом суглинке темно-серого цвета (ископаемая почва)... на глубине 3,4–3,5 м...” (Анисюткин, Лисицын, 2007. С. 135). Добытая из него коллекция составила 323 каменных предмета, включая 15 орудий (Анисюткин, Лисицын, 2007. С. 136–138), охотничьего вооружения и других культуроопределяющих форм в ней нет, что исключает ее достоверную атрибуцию.

Из шурфа 2009 г. были датированы три образца. Возраст первого поздннеолитический – 5050 ± 100 (SPb-94) (Лисицын, 2011. С. 106–108). Образец происходит из погребенной почвы, залегающей на глубине 1,5–1,8 м от поверхности и разделяющей “слои”² 1 и 2. Это, а также находка в “слое” 1 на глубине в 1,05–1,3 м (Лисицын, 2011. С. 106) черепка раннего железного века, ошибочно отнесенного к “неолиту – бронзе” (Лисицын, 2011. С. 108), со всей определенностью указывают на чрезвычайно высокую скорость осадконакопления, присущую Вашане, что подчеркивает необоснованность утверждения Лисицына о замедленности этого процесса (Лисицын, 2011. С. 107, 108).

Наиболее раннюю дату для шурфа 2009 г. дал слой 4, “зафиксированный на глубине 3,7–3,8 м от поверхности”³. Он оказался отделен от вышележащего 3-го культурного слоя 40-см толщиной стерильного суглинка. В нем были найдены древесные угольки, кусочки охры, осколки костей парнокопытных животных... Каменные артефакты (43 экз.) представлены отщепами, пластинками и микропластинками..., обнаружен один отщеп со следами ретуши утилизации. *Орудия представлены одним резцом на углу сломанной пластинки*⁴; нуклеусов нет. Среди микропластин попадают очень тонкие экземпляры, *вероятно, снятые с помощью отжима*. Новая датировка⁵ по древесному углю из 4-го культурного слоя – 8200 ± 100 BP (SPb-92) – оказалась существенно моложе, чем прежняя дата” (Лисицын, 2017. С. 81). Из этого пассажа логичны следующие выводы:

1. Характеристика слоя 4 отсутствует; из текстов непонятно, был ли он приурочен к погребенной почве (ср.: Лисицын, 2011. С. 106 и Лисицын, 2017. С. 81);
2. Неясность технологии первичного расщепления;

² Судя по геоморфологии, это не культурные слои, а типичные культуросодержащие горизонты.

³ То есть всего на 1 м глубже, чем слой 2, что немаловажно.

⁴ Здесь и далее курсив мой. – А.С.

⁵ Слоя 4 (впрочем, как и слоя 3) в шурфе Н.К. Анисюткина не было, поэтому его датировка не может быть “новой”.

3. Культурная безликость и малочисленность артефактов.

Отмечу также, что звучащее откровением заявление, что единственный “угловой резец в Вашане имеет ближайшие аналогии в бутовской культуре” (Лисицын, 2017. С. 81), не просто наивно, но и служит свидетельством его профессиональной некомпетентности.

Не менее “богат” и перекрывающий культурный слой 3, находки в котором “были представлены кремневыми отщепами и тремя грубопризматическими одноплощадочными нуклеусами полукругового снятия с негативами скальвания широких отщепов (всего 89 экз.)... применялась техника жесткого отбойника...” (Лисицын, 2017. С. 81). Он локализован “на глубине 3,1–3,3 м от современной поверхности и был связан с прослойкой слабогумусированного суглинка – погребенной почвой. По древесному углю была получена ¹⁴C-дата 7120±100 (SPb-93), которая относится к раннему неолиту. Однако залегание в суглинках на глубине более 3 м и технико-типологические особенности артефактов, по мнению Лисицына, противоречат столь поздней датировке” (Лисицын, 2017. С. 81). Эта информация позволяет утверждать:

1. Слой 3 залегает в погребенной почве и на законных основаниях может рассматриваться как культурный; фаунистические остатки в нем отсутствуют;

2. Культурно-значимых форм каменного инвентаря нет, но характер первичного расщепления соответствует неолитической технологии, что подтверждается и полученной датировкой;

3. Технологические признаки и дата хорошо коррелируются между собой; выводы Лисицына об омоложенности образца и его несоответствии глубине залегания слоя 3 ошибочны.

Состав изделий и технология их производства говорят, что перед нами, по-видимому, “точок” и эпизод, связанный с начальной стадией утилизации нуклеусов, при которой отжим бессмыслен, зато ударное расщепление жестким отбойником не только разумно, но и отменно соответствует современным представлениям о раннем неолите Волго-Окского бассейна. Это означает, что материал слоя 3 для решения проблемы соотношения мезолитических культур не годится.

Таким образом, учитывая геоморфологию и высокую скорость седиментационных процессов в регионе, а речь идет об отрогах Средне-Русской возвышенности, прорезаемых многочисленными притоками р. Оки в границах Тульско-Алексинского каньона, глубина залегания слоя 3 и заключенных в нем изделий никак не противоречат выводу об их неолитическом возрасте. О том же говорит и происхождение из “слоя” 1, приуроченного к глубине 1,05–1,3 м (Лисицын, 2011. С. 106), черепка раннего железного века.

Подтверждают такой вывод дислокация (1,5–1,8 м) и возраст (5050±100 SPb-94) верхней погребенной почвы в шурфе 2009 г. Вашаны, а также практическое отсутствие покровных отложений на краевых участках плато, активно размывающихся внешними водами и проецирующихся на низкие орографические уровни.

Неубедительна и попытка удревнения слоя 4: глубина его залегания соответствует скорости и характеру осадконакопления, происходящие из него артефакты **поздне**мезолитические⁶, что и подтверждается полученной датой 8200±100 (SPb-92), которую Лисицын безосновательно считает омоложенной (Лисицын, 2017. С. 81). Явно несостоятельна и первоначальная попытка отнесения нижнего слоя Вашаны шурфа 2001–2002 гг. к рубежу плейстоцена–голоцена (Анисюткин, Лисицын, 2007). Лишено основания и утверждение о правильности для слоев 3 и 4 дат из шурфа Н.К. Анисюткина⁷, по которым следует соотносить “датировку нижнего 4-го культурного слоя Вашаны с первой половиной пребореала”, а вышележащий “комплекс” (слой 3) “... должен относиться к середине–второй половине пребореала – началу бореала” (Лисицын, 2017. С. 83, 84). Подобные слова не что иное, как неприкрытая попытка загнать имеющиеся данные в прокрустово ложе “новой периодизации”.

Хорошо известен случай, когда по контексту и технологическим признакам при отсутствии орудий и охотничьего вооружения была объективно определена культурная принадлежность материалов Троллегаве (Fisher, 1985; 1990). Но мезолит Волго-Окского бассейна поликультурен, и в каждой из мезолитических культур – заднепильевской, култинской и пургасовской – имелись отжимная технология и микропластинчатая индустрия (Сорокин, 2008; Сорокин и др., 2009). Следовательно, Вашана при бедности и малочисленности артефактов, полном отсутствии черешковых наконечников стрел, лакуарности технологических признаков и контекста никак не может быть, вопреки утверждению Лисицына, надежно атрибутирована. И использовать ее для решения культурологических проблем и вопросов периодизации неразумно.

Знакомство с памятником и коллекцией Вашаны в поле, а также изучение публикаций дают основание утверждать, что памятник в георхеологическом отношении представляет несомненный интерес, но степень его изученности ничтожна, а источниковедческий потенциал явно завышен. Материалы Вашаны непригодны для решения вопроса о соотношении культур с черешковыми наконечниками за их отсутствием. Попытка Лисицына, не имеющего опыта

⁶ Выделено мной. – А.С.

⁷ Таких культурных слоев в шурфе Н.К. Анисюткина не было.

работы с эталонными Волго-Окскими коллекциями, убедить в обратном — это не более, чем “улучшение качества источника”, придание ему “свойств и качеств, которыми он не обладает” (Формозов, 1977. С. 12).

Теперь обратимся ко второму “источнику и составной части” нового “учения” — стоянке **Становое 4**, являющейся для Лисицына, как и Вашана, эталонной (Лисицын, 2017. С. 60). Памятник раскапывался в 1993–2002 гг. по условным горизонтам, вскрыто около 600 м² (Жилин, 1998; 2002; 2005; Аверин, Жилин, 2001; Аверин, 2002). Уже в то время подобная методика в мезолитоведении была анахронизмом, и непосредственным ее результатом стала источниковедческая ущербность добытого. Зато Лисицын убежден: “с точки зрения последовательности событий в культурной стратиграфии раннего мезолита Верхневолжья принципиальным событием является обнаружение М.Г. Жилиным на Становом 4 в 1994 г. иеневского эпизода обитания на памятнике с несколькими бутовскими культурными слоями” (Лисицын, 2017. С. 84). Не поколебало его в этом даже собственное невольное признание, что так называемые “бутовские и иеневские материалы на Становом 4 не были зафиксированы в стратиграфической колонке одного раскопа” (Лисицын, 2017. С. 84). На самом деле опубликованная стратиграфия (Жилин, 1998; 2002; 2005; Аверин, Жилин, 2001) недостоверна, и никакой промежуточной позиции линзы с асимметричными изделиями между прослоями с симметричными изделиями в Становом 4 не было (Сорокин, 2008; 2016; Сорокин и др., 2009). Анализ показывает: асимметрия покоилась непосредственно над галечным дном и ничем не подстилалась, зато прослоем с симметрией она, несомненно, перекрывалась. В свою очередь, единственный **поздне**мезолитический⁸ наконечник с вентральной ретушью, обнаруженный в другой части раскопа, тоже, по-видимому, над галечником, но вне “иеневской линзы”, мог “выпасть из контекста” — перекрывающего слоя 3 с так называемыми бутовскими находками — в результате педотурбации напластований. Оказаться снизу он мог и тогда, когда прослой, вскрытые в раскопе, были еще обожженными, ведь литологически все культуросодержащие горизонты (3, 3а и 4) Станового 4 интерпретированы на основе биоморфного анализа О.Н. Успенской как сапрпель и органогенный ил (Зарецкая и др., 2002. С. 118). Мнение Жилина, принявшего их за торфа и суходольные напластования, ошибочно. Дело, однако, не в непродуманности его реконструкции (Жилин, 2002) и очевидном игнорировании геоморфологии, тафономии и естественнонаучных сведений (Сорокин, 2008; 2016), а в том, что “промежуточная” позиция линзы с асимметрией — это результат осознанного “улучшения качества источника”. Формальное гипсометрическое превышение асимметрии над

симметрией объясняется весьма прозаически — понижением по течению в протоках галечного дна. В результате предметы, залегающие ближе к истоку, неизбежно выше тех, которые дислоцируются с приустьевой стороны, но их высотное “превосходство” отнюдь не означает, что они моложе.

В связи со значимостью “открытия” Жилина к сказанному можно лишь добавить краткую выдержку из письма очевидца события археолога А.В. Уткина⁹: “Итак, Становое 4. В экспедиции бывал неоднократно, правда, только наездами. Был и тогда, когда обнаружили кремневый асимметрический наконечник стрелы, приняв его первоначально за сверло. Чуть позже его объявили иеневским и по нему выделили самостоятельный культурный слой 3а. Геологически планиграфия горизонта не фиксировалась. Не убедительна была и стратиграфия, прослеженная по стенке раскопа. Скорее она отражала общий (или частичный) переыв культурного слоя 3. Собранные якобы в культурном горизонте 3а находки малочисленны и невыразительны, за исключением кремневого наконечника стрелы и трапеции. Как они оказались в свите отложений? Не совсем ясно”. Вряд ли эти слова Уткина нуждаются в комментарии.

Становое 4 в источниковедческом отношении интереса не представляет и не годится для решения проблем мезолитоведения. Следовательно, и эта попытка загнать финальный палеолит и мезолит Верхневолжского региона в прокрустово ложе “новой периодизации” явно несостоятельна.

Третья, эталонная для Лисицына, стоянка **Золоторучье 1**, где было встречено два финально-палеолитических слоя, раскапывалась Д.А. Крайновым в 1950–70-х годах, вскрыто 875 м² площади (Крайнов, 1959; 1964). К сожалению, раскопки по штыкам разной мощности не только не привели к реальной фиксации слоев, напротив, весь инвентарь из них оказался в итоге механически смешан. Этот результат был неосознанно подтвержден Жилиным (2007), который, несмотря на все усилия, так и не смог его разделить (Сорокин, 2008; Сорокин и др., 2009), затруднился он и с культурной атрибуцией коллекции (Жилин, 2007. С. 41). Зато Лисицын, вновь проявивший оригинальность, заявил о ее бинарности, связав якобы пластинчатый “комплекс” с так называемой бутовской, а якобы отщеповой, — с иеневской “культурами” (Лисицын, 2017). Степень пластинчатости, как известно, — величина непостоянная, зависящая от множества факторов. Например, без учета микростратиграфии напластований и пространственного распределения находок невозможно судить — это реальные древние структуры или рядовое планиграфическое совпадение разных эпизодов обитания. Поэтому принятие Лисицыным за основу “скоплений”, выделенных по пластовым планам Жилиным (Лиси-

⁸ Выделено мной. — А.С.

⁹ Публикуется с его любезного согласия.

цын, 2017. С. 78), неубедительно. Более того, такой подход в современном мезолитоведении иначе как анахронизмом назвать нельзя.

Предположение, что “скопления” представляли собой мастерские по первичной обработке камня (Лисицын, 2017), возможно, но присутствие всего типологического спектра обрабатываемых орудий и специфического охотничьего вооружения противоречит этому. Совершенно очевидно, что перед нами следы базовых стоянок, приуроченных к местам сбора некачественного сырья, что и вызвало неизбежный перекос в сторону продуктов первичного производства. Мифические культурные различия к дифференциации “пятен” никакого отношения не имеют. Специфика огромной коллекции Золоторучья 1 (около 58 000 изделий) состоит в отсутствии черешковых наконечников стрел, трапещий и других микролитов. Вместо них использовались костяные и роговые наконечники, оснащенные косыми и скошенными остриями и вкладышами из микропластин без вторичной обработки, что исключает возможность объяснения этого малочисленностью выборки, сезонностью и даже функциональностью. Подобный набор в Волго-Окском бассейне присущ лишь култинской культуре (Сорокин, 2006; 2008; Сорокин и др., 2009), что и позволяет считать эту стоянку для нее наиболее ранней. Впрочем, и култинских материалов Лисицын не знает, что лишний раз подтверждает его некомпетентность в обсуждаемой проблематике. Поэтому и тут ему пришлось проявить изобретательность, для чего в целях соответствия надуманной периодизации он разделил коллекцию надвое, заявив: «На Золоторучье 1 представлены два разных культурных комплекса..., первый из которых... можно условно назвать... “отщеповым”, а другой “пластинчатый”. Как следует из выводов М.Г. Жилина, наибольшая “пластинчатость” была отмечена у 5-го скопления, а наибольшая “отщеповость” — у 3-го. Таким образом, каждое из этих скоплений является наиболее чистым¹⁰ в культурном отношении. ...В планиграфическом отношении скопление 5 было расположено дальше всего от обрыва террасы и выше остальных по склону от Волги. Скопление 3, напротив, занимало позицию ближе к краю террасы... логично полагать, что расположенное гипсометрически выше “пластинчатое” скопление 5 относится к более раннему этапу заселения мыса, а пониженное “отщеповое” скопление 3 — к более позднему¹¹...» (Лисицын, 2017. С. 78). «Подтверждением такой интерпретации служит — по Лисицыну — разная мощность углистых прослоек. Нижняя и более тонкая прослойка может ассоции-

роваться с “пластинчатым” комплексом, а наиболее мощная верхняя — с количественно преобладающим “отщеповым” (Лисицын, 2017. С. 78). Подобное прозрение даже изобретателям “новой хронологии” академику А.Т. Фоменко и доценту Г.В. Носовскому (Носовский, Фоменко, 1997) не могло прийти в голову. Жаль только, что это “*now-how*” невозможно запатентовать, ведь расстояние до реки — признак, стандартно указывающий на сезон обитания, а отнюдь не на культурную принадлежность материалов» (Сидоров, 2009).

Время формирования морфоскульптур пойм основных рек Европейской России в свете современных данных относится к позднему плейстоцену (Еременко, Панин, 2001; Панин и др., 2005; 2011; Сидорчук и др., 2000). Приуроченность нижних культурных слоев Золоторучья 1 к аллювию первой террасы тем более исключает их принадлежность к голоцену. Следует напомнить, что как позднеплейстоценовые они и были определены крупнейшим отечественным палеогеографом А.А. Величко, осматривавшим памятник в ходе его раскопок (Жилин, 2007). В свете этого попытка Лисицына приписать им якобы на основе отсутствия костей карibu голоценовый возраст несостоятельна, она противоречит естественнонаучным и этнографическим данным (Симченко, 1976; Сырочковский, 1986).

Следовательно, коллекция Золоторучья 1, как и двух других “эталонных” памятников Лисицына — Вашаны и Станового 4, — в источниковедческом отношении безнадежна. Считать ее опорной — никаких оснований нет. Из сказанного логичны следующие выводы:

1. Изученность Вашаны минимальна, коллекция культурно безлика и непригодна для решения культурологических вопросов;

2. Вашана и Золоторучье 1 лишены стандартных наконечников стрел и геометрических микролитов, из-за чего оба памятника непригодны для решения вопроса соотношения “культур с черешковыми наконечниками” (по W. Taute, 1968);

3. Данные о соотношении глубин асимметричных и симметричных наконечников в Становом 4 сознательно искажены и не могут использоваться для разработки достоверной периодизации;

4. Первичные сведения по всем трем ГАО — Золоторучье 1, Становое 4, Вашана — сознательно “улучшены”. Их источниковедческая значимость нулевая, для объективного решения проблем мезолитоведения ни один из них непригоден.

Можно ли решать вопросы палеоэкологии на геоархеологических объектах? Разумеется — да, но исключительно при их источниковедческой добротности. Ни Вашана, ни Золоторучье 1, ни Становое 4 не отвечают этому критерию. “Новая периодизация”

¹⁰ “Пластинчатость” и “отщеповость” не могут определять “чистоту” материалов — это независимые друг от друга категории.

¹¹ Эти слова прямо противоречат тому, что говорил Лисицын применительно к культурной стратификации Станового 4.

искусственная, она голословна и противоречит фактам. Налицо элементарное незнание Лисицыным базовых материалов анализируемых им “культур”, что делает бессмысленным вступать с ним в полемику.

Еще в 1987 г. Л. В. Кольцов с М. Г. Жилиным “улучшили качество” Бутово I. Как оказалось позднее (Сорокин, 2008), для доказательства единства материалов Бутовской дюны (Кольцов, Жилин, 1999) они “соединили” траншеей длиной 30 м раскопы 1 и 4, вскрытые Кольцовым еще в 1960-е годы и удаленные друг от друга на 70 м (Сорокин, 2008). Это, наряду с другими многочисленными случаями (Сорокин, 2001), стало причиной моего отказа от наименования “бутовская культура” (Сорокин, 2008; Сорокин и др., 2009). Лисицын был хорошо осведомлен обо всех этих фактах как по нашей с ним переписке, так и из литературы (Сорокин, 2001; 2008), однако продолжает использовать те же методы работы, что не делает ему чести.

Любой исследователь может ошибиться и принять сапрпель за торф или торф за растительный детрит, природный объект за искусственный и увидеть жилище, яму или кострище там, где их никогда не было. Речь об ином — сознательном искажении данных, придании им свойств и характеристик, которыми они не обладают, когда добытое становится жертвой “правильных” представлений. Просто диву даешься тому, как Лисицын может открыть палеолит в отходах с неолитической технологией, разглядеть черешковые наконечники, где их никогда не было, про отщеп с ретушью сказать, что “он — иеневский”, по единственному резцу определить — “это бутовская культура”, а по кальцинированной косточке заявить — “это лось” (Лисицын, 2017). Вот почему реанимацию Лисицыным несостоятельных идей Кольцова, а тем более его попытку поднять на щит методику “качественного улучшения источников” считаю недостойной.

Одна из несомненных бед этого исследователя состоит в том, что он несведущ в материалах, которыми пытается жонглировать. Его виртуально-литературных познаний явно недостаточно, чтобы профессионально разбираться в обсуждаемом предмете. Никогда не обучался он и экологии, что избавляет меня от необходимости анализа околэкологических сюжетов, которыми перенасыщена рецензируемая работа (Лисицын, 2017).

Не вызывает сомнения: для объективного решения вопроса периодизации археологических культур Центральной России первостепенное значение имеют полноценно изученные мультислойчатые ГАО, а не суррогаты, втиснутые в мертворожденные схемы (Сорокин, 2008; 2016; 2017; Сорокин и др., 2009). Критика источников, лежащих в основе “нового учения”, показывает, что перед нами типичный пример синдрома Фоменко-Носовского, представляющего реальную угрозу современной науке. Это обязывает повторить: “Явно наступающая девальвация поня-

тия подлинности и достоверности грозит причинить науке глубокий вред” (Беляев, 2011. С. 63). Противопоставить этому “... можно только одно — критику источника. Профессиональную критику источника” (Формозов, 1977. С. 12).

Любой археолог испытывает искушение выдать результаты своего труда за открытие, способное, если не обессмертить, то сделать известным современникам его имя. Жизнь коротка, и пути реализации этой цели далеко не всегда, к глубокому сожалению, соответствуют нормам научной этики, морали и нравственности. Все тайное, однако, неизбежно становится явным. Если кого-то из молодых исследователей эта рецензия заставит задуматься, критически посмотреть на происходящее и прийти к прагматическим выводам, цель, которую преследовал автор, будет, без сомнения, достигнута.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверин В.А.* Иеневский слой торфяникового поселения Становое 4 // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 123–126.
- Аверин В.А., Жилин М.Г.* Каменный инвентарь мезолитических слоев поселения Становое 4 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 5. Нижний Новгород, 2001. С. 8–16.
- Анисюткин Н.К., Лисицын С.Н.* Стоянка Вашана — памятник рубежа плейстоцена и голоцена в Тульской области // Своеобразии и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене / Ред. М.Г. Жилин. М.: ИА РАН, 2007. С. 134–148.
- Беляев Л.А.* Заметки о фальсификатах в археологии // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман. М.: ИА РАН, 2011. С. 51–66.
- Еременко Е.А., Панин А.В.* Ложбинный мезорельеф Восточно-Европейской равнины. М.: МИРОС, 2010. 192 с.
- Жилин М.Г.* Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // ТАС. 1998. Вып. 3. С. 25–31.
- Жилин М.Г.* Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 107–116.
- Жилин М.Г.* Некоторые итоги раскопок многослойного торфяникового поселения Становое 4 // КСИА. 2005. Вып. 219. С. 21–36.
- Жилин М.Г.* Финальный палеолит Ярославского Поволжья. М.: ИА РАН, 2007. 142 с.
- Зарецкая Н.Е., Успенская О.И., Жилин М.Г.* Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область) // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 117–122.
- Кольцов Л.В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР (Археология СССР) / Ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. С. 68–84, 86, 247–259.

- Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М.: Наука, 1999. 157 с.
- Крайнов Д.А.* Дюнная стоянка Золоторучье 1 // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 63–69.
- Крайнов Д.А.* Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 3–19.
- Лисицын С.Н.* Моделирование первичного заселения человеком бывших ледниковых областей на примере Северо-Запада // In situ: к 85-летию профессора А.Д. Стояра. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 87–109.
- Лисицын С.Н.* Климатическая перестройка на рубеже палеолита и мезолита как фактор культурогенеза на Северо-Западе Восточной Европы // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: Росийская политическая энциклопедия, 2010. С. 56–66.
- Лисицын С.Н.* Стоянка Вашана и вопросы хроностратиграфии раннего мезолита Волго-Окского междуречья // Записки ИИМК РАН. 2011. Вып. 6. С. 104–118.
- Лисицын С.Н.* Дискуссионные вопросы периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжье // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 233–242.
- Лисицын С.Н.* Технокомплексы рубежа плейстоцена и голоцена в лесной зоне Восточной Европы // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. Замятинский сборник 3 / Ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 85–109.
- Лисицын С.Н.* Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе // Stratum plus. 2017. Вып. 1. С. 59–110.
- Мезолит СССР (Археология СССР) / Ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. 352 с.
- Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая хронология Руси. М.: Факториал, 1997. 256 с.
- Панин А.В., Сидорчук А.Ю., Борисова О.К.* Флювиальные процессы и речной сток на Русской равнине в конце поздневалдайской эпохи // Горизонты географии (к 100-летию К.К. Маркова) / Ред. Т.А. Янина. М.: Географ. фак. МГУ, 2005. С. 114–127.
- Панин А.В., Сидорчук А.Ю., Чернов А.В.* Основные этапы формирования пойм равнинных рек Северной Евразии // Геоморфология. 2011. Вып. 3. С. 20–31.
- Сидоров В.В.* Реконструкции в первобытной археологии. М.: Таус, 2009. 216 с.
- Сидорчук А.Ю., Борисова О.К., Панин А.В.* Поздневалдайские палеоруслы рек Русской равнины // Изв. РАН. Сер. географ. 2000. Вып. 6. С. 73–78.
- Симченко Ю.Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976. 313 с.
- Синицына Г.В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 48 с.
- Синицына Г.В.* О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на Северо-Западе Русской равнины // Проблемы заселения Северо-Запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы) / Ред. Г.В. Синицына. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 152–181.
- Синицына Г.В., Кильдюшевский В.И.* Хронологические комплексы памятника Подол III // ТАС. 1996 / Ред. И.Н. Черных. Вып. 2. С. 133–140.
- Синицына Г.В., Спиридонова Е.А., Лаврушин Ю.А.* Природная среда и возможные миграции первобытного человека на рубеже плейстоцена-голоцена на севере Русской Равнины и Скандинавии // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ, 1997. С. 86–103.
- Сорокин А.Н., Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры // Российская археология. 2001. № 3. С. 154–162.
- Сорокин А.Н.* Мезолитоведение Поочья. М.: Гриф и К, 2008. 327 с.
- Сорокин А.Н.* Многослойные памятники Русской равнины: состояние и перспективы // Феномен геологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: Матер. Всероссийской науч. конф., посвященной 100-летию со дня открытия Б.Э. Петри Улан-Хады. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 2012. Вып. 1. С. 205–218.
- Сорокин А.Н.* Очерки источниковедения каменного века. М.: ИА РАН, 2016. 248 с.
- Сорокин А.Н.* Шагара 4 как геологический источник. М.: ИА РАН, 2017. 216 с.
- Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В.* На переломе эпох. М.: Гриф и К, 2009. 388 с.
- Спиридонова Е.А., Алешиная А.С.* Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры / Тр. ГИМ. 1999. Вып. 103. С. 127–141.
- Сыроечковский Е.Е.* Северный олень. М.: Агропромиздат, 1986. 256 с.
- Формозов А.А.* Критика археологических источников // СА. 1977. № 1. С. 3–12.
- Galinski T.* Tanowo. Obozowiska lowcow epoki paleolitu i mezolitu na Pomorzu. Warszawa: IAE PAN, 2015. 376 p.
- Kozłowski J.K., Kozłowski S.K.* Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p.n.e. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 1975. 504 p.
- Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe / Ed.F. Riede, M. Tallaavaara (BAR International Series 2599). Oxford, 2014. 212 p.
- Mesolithic on the Move. Papers presented at the Sixth International Symposium on Mesolithic in Europe, Stockholm 2000 / Ed.L. Larsson, H. Kindgren, D. Loeffler, A. Akerlund. Oxford: Oxbow books, 2003. 702 p.
- Mesolithic in Europe / Ed.G. Baily, P. Spikins. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 467 p.

Ostrauskas T. Kabeliu 2-oji akmens amžiaus gyvenvietė // Lietuvos archeologija, 1999. 16. 31–66.

Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium Lublin, September, 13–16, 1993 / Ed. S.K. Kozłowski, J. Gurba, L. Zaliznyan. Lublin: Maria Curie-Skłodowska University Press, 1999. 364 p.

Taute W. Die Stielspitzen-Gruppen in Nordlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. Fundamenta, Reihe A, Band 5. Köln: Graz, 1968. 512 p.

Институт археологии РАН,
Москва

А.Н. Сорокин

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Т. 1–3. Чебоксары: Чуваш. кн. из-во, 2013–2015. ISBN 978-5-7670-2295-3

К многотомной серии “Археологическая карта России”, которую издает с 1991 г. Институт археологии РАН, добавилось еще одно издание, посвященное археологии отдельных российских регионов. Это трехтомник “Археологическая карта Чувашской Республики” (далее АКЧР). Он представляет собой первое в этой республике научно-справочное издание энциклопедического характера и содержит наиболее полную на сегодняшний день информацию о памятниках археологии Чувашской Республики.

Авторы-составители АКЧР (в порядке их представления на титульном листе) Е.П. Михайлов, Н.С. Березина, А.Ю. Березин, С.В. Кузьминых, Н.С. Мясников, В.Ф. Каховский, Б.В. Каховский сумели собрать и обобщить огромную информацию о значительном археологическом наследии республики. Материал для этого издания собирался более 30 лет Е.П. Михайловым и В.Ф. Каховским.

Первый том открывается предисловием, в котором охарактеризована структура издания, описаны основные принципы и подходы к описанию памятников археологии. Авторы справедливо отмечают, что “только комплексное изучение, перекрестная проверка возникающих в ходе исследования показаний разных источников дают возможность составить полную научную археологическую карту” (АКЧР. Т. 1. С. 3).

Здесь же в предисловии описаны этапы многолетнего и многотрудного процесса накопления данных о памятниках археологии Чувашии со второй половины XIX в. вплоть до наших дней.

Путь к нынешнему трехтомному изданию был труден и долог. Первая “Археологическая карта Чувашской АССР” была составлена К.В. Элле в 1947–1948 гг. на основании всех предыдущих работ как дореволюционного времени, так и работ 1920-х годов. К сожалению, книга так и не была опубликована. Рукописи археологических карт Чувашии были так-

же подготовлены П.Г. Григорьевым и Н.Р. Романовым в 1940–1950-х годах. Эти рукописные материалы были, наконец, опубликованы как приложение к книге В.Ф. Каховского “Памятники материальной культуры Чувашской АССР” (1957). Но это была сравнительно незначительная часть всех накопленных материалов. Работа над полным собранием археологических памятников региона продолжалась, но была прервана в связи с кончиной В.Ф. Каховского. После значительного перерыва работа над АКЧР была продолжена, успешно завершена и посвящена светлой памяти этого исследователя.

Введение открывается обширным географическим обзором территории Чувашской Республики. Здесь приведены сведения о ландшафте, водном бассейне, климате, геологической структуре, почвенном покрове, растительности, физико-географическом районировании региона (Заволжье, Приволжье, Центр, Присурье, Юго-Восток, Засурье).

Далее следует достаточно информативный историко-географический очерк об археологических исследованиях в Чувашии. Отдавая должное дореволюционным исследованиям энтузиастов-одиночек (С.Е. Мельников, С.М. Михайлов, В.К. Магницкий), авторы тем не менее отмечают определенную разрозненность и бессистемность этих изысканий. Этот период развития археологии в Чувашии связан с губернскими городами Казанью и Симбирском. Отдельные сведения о памятниках археологии Чувашии публиковались именно там, некоторые находки передавались в музеи Казани и других городов России. К открытию 4-го Всероссийского археологического съезда в Казани в 1877 г. вышел первый сводный труд по археологии Среднего Поволжья (Шпилевский, 1877). Ряд статей по археологии Чувашии выходит в Известиях ОАИЭ при Казанском университете. Симбирская ГУАК под председательством В.Н. Поливанова составила “Археологическую карту Симбирской губернии”, куда вошли некоторые и чувашские территории.

Первые целенаправленные научные исследования памятников в Чувашии начинаются только с 1920-х годов и связаны с деятельностью таких ученых, как В.Ф. Смолин, П.Н. Третьяков, О.Н. Бадер, А.Я. Брюсов, О.А. Кривцова-Гракова. Благодаря раскопкам В.Ф. Смолина 1925 г. на Абашевском курганном могильнике выделена новая археологическая культура эпохи бронзы, названная абашевской. Масштабные для своего времени разведочные и раскопные работы Средневожской экспедиции ГАИМК под руководством П.П. Ефименко позволили наметить концепцию смены культур в Чувашии.

В 1930-е годы О.Н. Бадер при участии чебоксарских историков и музейных работников (К.В. Элле, И.Т. Тихонов, П.Г. Григорьев и др.) исследует Балановский грунтовый могильник эпохи бронзы. Работы А.Я. Брюсова и Г.А. Бонч-Осмоловского привели к открытию Уразлинской верхнепалеолитической стоянки.

В 1940-е послевоенные годы были продолжены исследования Абашевского могильника (О.А. Кривцова-Гракова, М.С. Акимова). Экспедиция под руководством А.П. Смирнова раскопками Большетаябинского городища и могильника положила начало планомерному исследованию болгарских древностей в Чувашии. В этот же период в работах А.П. Смирнова и П.Н. Третьякова впервые рассматривается вопрос о происхождении чувашского народа.

Планомерное и систематическое изучение территории Чувашской АССР от древности до средневековья начинается после создания в 1956 г. Чувашской археологической экспедиции (ЧАЭ) под руководством А.П. Смирнова с отдельными отрядами Г.А. Федорова-Давыдова, Н.В. Трубниковой, Н.Я. Мерперта, В.Ф. Каховского, О.Н. Бадера. Эти работы продолжались и в 1960-е годы. Тогда же вышли в свет и первые обобщающие работы (Абашевская культура, 1961; Смирнов, 1961; Бадер, 1963; Каховский, 1965).

В связи со строительством Чебоксарской ГЭС в зоне затопления в 1969–1973 гг. развернула масштабные работы Чебоксарская новостроечная археологическая экспедиция ИА АН СССР под руководством Ю.А. Краснова. С 1973 г. воз ЧАЭ обновила работы под руководством В.Ф. Каховского. Исследовались главным образом средневековые памятники.

Масштабные разведочные работы были проведены в 1980–1990-е годы отрядом ЧНИИЯЛИЭ под руководством Е.П. Михайлова. В 2001 г. в Чувашском государственном институте гуманитарных наук был создан отдел археологии. В 2003–2010 гг. исследуется исторический культурный слой г. Чебоксары. В эти же годы под руководством Н.С. Березиной ведется целенаправленное изучение памятников каменного века. В 2006–2012 гг. работает совместная археологическая экспедиция ученых разных регионов.

И это далеко не полный обзор деятельности археологов в Чувашии. Во Введении к первому тому

он гораздо подробнее и дает полное представление о становлении и развитии чувашской археологии, что позволяет воссоздать древнюю историю Чувашии.

Далее во Введении следует очерк развития археологических культур с эпохи верхнего палеолита до Нового времени. Археологические объекты, соотносимые с определенными эпохами и культурами, подвергались целенаправленному и планомерному исследованию, что позволило объективно рассмотреть этнокультурный состав населения региона и уровень его материального развития в различные хронологические периоды.

Как уже говорилось выше, самые древние памятники каменного века на территории Чувашии относятся к эпохе верхнего палеолита. Это Уразлинская стоянка, раскопанная в 1936 г. Г.А. Бонч-Осмоловским и А.Я. Брюсовым. На основании предварительного изучения геологических условий стоянка отнесена ее исследователями к середине верхнего палеолита, т.е. 30–40 тыс. лет назад (Брюсов, 1940). В 2005 г. открыта позднепалеолитическая стоянка-мастерская Шолма I, раскопанная Н.С. Березиной. По мнению исследователей, близкие аналогии в каменной индустрии стоянки обнаруживаются в памятниках Среднего Дона.

Мезолит на территории Чувашии представлен более чем 20 стоянками и местонахождениями в нижнем течении р. Алатырь и Чебоксарском Поволжье. Среди мезолитических памятников изучены относительно долговременные стоянки с мощным культурным слоем: Мукшумские X, XVIII и XXII. Исследователями отмечается культурное своеобразие большей части изученных памятников мезолита на территории республики, выделенных в недавнее время в русско-луговскую археологическую культуру.

Неолит Чувашии датируется авторами издания VI–IV тыс. до н.э. В республике открыто более 40 памятников. Они расположены по берегам Волги, Суры, Цивили и их притоков. Стационарными раскопками изучены стоянки Стемасы I, Утюж I и V, Вьюново озеро I и II, Молебное озеро I–III, Черненькое озеро I–III и Новодеревенская I. Территория Чувашии входила в зону расселения людей, относящихся к различным археологическим культурам: елшанской, льяловской, балахнинской, камской.

В начале IV тыс. до н.э. с юго-востока на территорию Чувашии проникают племена энеолитической хвалынской культуры, оставившие поселенческие памятники в Присурье. В III тыс. до н.э. на территории Чувашии распространен средневожский вариант волосовской культуры, известно более 20 археологических памятников, часть из которых исследована. Раскопками в Алатырском Посурье изучен уникальный жертвенный комплекс волосовской культуры – Утюжский Бугор – со следами культа медведя.

Бронзовый век на территории Чувашии датирован в рассматриваемом издании второй половиной III—II тыс. до н.э. Археологические памятники данной эпохи изучены достаточно хорошо. В период ранней бронзы, во второй половине III тыс. до н.э., на территорию Среднего Поволжья проникли первые земледельческо-скотоводческие племена балановской культуры, бывшие частью большой культурно-исторической общности боевых топоров и шаровидных амфор. Периодизация балановской культуры включает четыре этапа: балановский, атликасинский, ошпандинский и хуласючский.

“Балановцы” были первыми скотоводческо-земледельческими племенами на территории Чувашии, которые имели колесный транспорт и сыграли заметную роль в экономическом, социальном и культурном развитии региона, привнесли сюда производящие формы хозяйства. Демографический рост балановского населения привел к активным контактам с местным позднеэнеолитическим населением, что в результате привело к образованию на рубеже III—II тыс. до н.э. чирковской археологической культуры.

В конце III — начале II тыс. до н.э. представители абашевской культуры распространились на большой территории лесостепной зоны Восточной Европы — от левобережья Днепра до Урала. Исследователи выделяют отдельные культуры: средневолжскую, уральскую (баланбашскую) и донскую (доно-волжскую), объединенные в рамках абашевской культурно-исторической общности. Средневолжская абашевская культура в Чувашской Республике изучена в основном по курганным могильникам, довольно подробно описанным в каталожной части АКЧР. Позднее, во второй половине II тыс. до н.э., определенное влияние на этнокультурную ситуацию в регионе оказали кочевые племена срубной культурно-исторической общности.

В эпоху поздней бронзы на территории современной Чувашии жили племена приказанской и поздняяковской культур, которые оставили здесь археологические памятники, датируемые последней четвертью II тыс. до н.э. — началом I тыс. до н.э. По мнению авторов издания, приказанская археологическая культура бронзового века, распространенная в Волго-Камье, отнесена к XVI—IX вв. до н.э. Выделены ее хронологические этапы: займищенский (XVI—XV вв. до н.э.), балымско-карташихинский (XIV—XIII вв. до н.э.), атабаевский (XII—XI вв. до н.э.), маклашеевский (X—IX вв. до н.э.).

Ранний железный век на территории Чувашии представлен ананьинской культурно-исторической общностью и городецкой культурой. Некоторые памятники раннего железного века отнесены авторами к “позднегородецкой” культуре.

В отношении ананьинской культурно-исторической общности у авторского коллектива существует определенно четкая позиция, основанная на работах

С.В. Кузьминых, В.Н. Маркова, А.А. Чижевского. Данная общность представляется им как ряд независимых культур, существовавших в IX—V вв. до н.э. на территории Волго-Камья: постмаклашеевская, акинская в Среднем Поволжье, ананьинская культура шнуровой керамики на Нижней и Средней Каме и Нижней Белой и ананьинская культура гребенчатой-шнуровой керамики в верховьях Камы, на Вятке и Ветлуге (Чижевский, 2008).

Городецкая культура на территории Чувашской Республики, распространенная в Сурско-Свияжском междуречье, а также в бассейне р. Алатырь, была датирована в целом VIII—VII — IV—V вв. н.э. (Смирнов, Трубникова, 1965). Авторы АКЧР отмечают ее характерные признаки: керамика с отпечатками ткани и рогожи, а также редкие находки металлических предметов и др. В целом же территория Чувашии рассматривается в рамках северо-восточного варианта культуры. В последнее время верхняя дата городецкой культуры удревнена до рубежа I—II вв. н.э., когда исчезает ее главный этноопределяющий признак — рогожная керамика (Вихляев, 2000; Матвеева, 2000). Наиболее вероятно, по мнению авторов рассматриваемого издания, что слои городищ Чувашского Поволжья, содержащие фрагменты посуды с отпечатками ткани и рогожи, связаны с культурой текстильной керамики (городецкой), а слои с гладкостенной керамикой имеют отношение к писеральско-андреевским памятникам, древнемордовской, именьковской и древнемарийской культурам. Хотя многие памятники данного периода в Чувашии изучены слабо, авторы оставляют за собой право употреблять термин “позднегородецкая культура” применительно к памятникам с лепной гладкостенной плоскостенной керамикой и оставляют термин “городецкая культура” для городищ и селищ с текстильной керамикой. Переходными типами от писеральско-андреевских к древнемордовским являются Таутовский и Сендимиркинский комплексы, датируемые II—III вв.

В Чувашии известны ранние мордовские памятники середины I тыс. н.э. (Иваньковский грунтовый могильник и городище Ножа Вар). На этом основании исследователи включают Северо-Западную Чувашию в область одного из локальных вариантов древнемордовской культуры III—VIII вв. (Вихляев, 2000). К ранним мордовским погребальным памятникам отнесены Яндашевский и Криушинский могильники (Воронина, 2007). Хотя, по мнению авторов издания, археологических свидетельств проживания мордовского населения на территории Чувашского края в IX—XIII вв. пока нет, памятники мордвы развитого и позднего средневековья фиксируются в Посурье: селища Утюж I и Утюжский бугор (XIV в.), Миренковский могильник (XVII—XIX вв.), а также в Юго-Восточной Чувашии: Тигашевский могильник (XIV—XV вв.) и южная часть Бахтигильдинского могильника (XVI—XVII вв.).

В IV–VII вв. на территории Чувашии появляется население именьковской культуры. Памятники этой культуры открыты в Алатырском Посурье: поселение Утюж I, селища Стемасы V, VII и Макеевское селище, городища Иваньковская стрелка, Шолм и др. Вполне вероятно обнаружение памятников именьковской культуры в юго-восточных районах Чувашии, в междуречье Кубни и Карлы как наиболее пригодных мест для проживания оседлых земледельцев и скотоводов.

По мнению авторов издания, вероятно, часть археологических памятников Чувашии оставлена древнемарийским населением. Близок к марийской средневековой культуре обнаруженный в 2012 г. Анаткасинский могильник X–XI вв. Ряд лингвистов считают северную часть Чувашии зоной распространения марийских племен вплоть до развитого средневековья (Федотов, 1990).

В эпоху средневековья в IX–XIV вв. в Среднем Поволжье и Прикамье существовала волжско-булгарская археологическая культура. На территории Чувашии исследованы Большетаябинское, Тигашевское городища и др. Раннебулгарские археологические памятники пока не выявлены. Булгары селились на черноземных побережьях Булы, Улемы, Кубни и Карлы. Это Тигашевские I и II городища с селищами, Большетаябинское селище, Староянашевское городище, Яльчикское, Байдеряковское, Новобайбатыревское, Арабузинское, Именевское, Новоахпердинское и ряд других селищ и местонахождений (Фахрутдинов, 1971).

Данные археологических раскопок свидетельствуют, что в конце XII – начале XIII в. на месте современных Чебоксар появилось булгарское поселение. Точка зрения авторского коллектива АКЧР, что после нашествия монголов сюда, возможно, переселилась часть жителей г. Сувар, археологически не подтверждается. Керамический материал в слоях XIII–XIV вв. Чебоксар не отражает преемственности с домонгольским керамическим комплексом Волжской Булгарии (Краснов, 1974).

Особое место в АКЧР отводится памятникам золотоордынского времени XIII–XIV вв. – поры, непосредственно предшествующей сложению чувашского этноса.

Данный раздел Введения содержит достаточно полную информацию об историко-культурном процессе на территории Чувашии. Однако здесь явно прослеживается разный подход каждого из авторов к манере подачи информации. В изложении материала по раннему периоду (от палеолита до эпохи бронзы) практически полностью отсутствует научно-справочный аппарат. Отдельные немногочисленные ссылки на использованную литературу носят не системный, а случайный характер. Зато в достаточно полном объеме они присутствуют в последующих разделах Введения, что свидетельствует о более серьезном научном подходе к изложению материала.

Значительным упущением авторов следует признать весьма усеченную информацию во Введении о памятниках позднего средневековья и Нового времени. Она ограничивается исключительно чувашскими памятниками, хотя общепризнанно, что территория Чувашской Республики была контактной зоной для чувашского, татарского, русского, марийского и мордовского народов.

Отсутствует во Введении также какая-либо характеристика периода со второй половины XVI в. – времени вхождения Чувашии в состав Русского государства, строительства и исторического развития русских городов-крепостей: Алатыря (1552 г.), Цивильска (1589 г.), Ядрина (1590 г.), Чебоксар (XVI в.). Во Введении сразу за чувашскими могильниками и святилищами средневековья и Нового времени следует заключительный абзац о мануфактурах и фабриках XVIII–XIX вв.

Основной раздел трехтомного издания АКЧР – Каталог археологических памятников: представлено 3228 (реально 3239). Один из важных моментов их представления – типовое название. Памятники в издании имеют следующую номенклатуру, что отражено в условных обозначениях. К уже устоявшимся понятиям (стоянка, поселение, селище, городище, курган, курганный и грунтовый могильники, местонахождение, клад, святилище) авторы прибавили еще и ряд других, не вполне оправданных. Так, например, *отдельные находки* вполне могут быть представлены как местонахождения. Не совсем удачное название (тип памятника) также *место старого завода*. Старого по отношению к чему? Не лучше ли было назвать подобные памятники производственными комплексами (или сооружениями).

Также неудачным следует признать термин *место старого поселения*. В эту категорию попадают практически ничем не подтвержденные, а порой и сомнительные сведения об исчезнувших деревнях или предположительно древних поселениях.

Хотя работа над “Археологической картой Чувашской Республики” продолжалась более 30 лет, но подготовка материала к изданию в рамках Федеральной целевой программы “Культура России” проходила в явной спешке. Это видно по нарушенной нумерации памятников – пропущен № 496, но введены дополнительные: 244а, 249а, 293а, 334а, 345а, 346а, 366а, 454а, 478а, 481а, 492а, 1037а. В результате реальное число памятников, как отмечено выше, не соответствует заявленному количеству.

В списке архивных источников для нескольких сотен отчетов, хранящихся в архиве Института археологии РАН, не указаны номера хранения. Нередки случаи отсутствия номеров листов, на которых описывается памятник. В 70% в описании памятников нет ссылок на архивы Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН.

На большую часть памятников есть лишь ссылки на хранение в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Иллюстративный материал обширен, разнообразен, профессионально выполнен (к сожалению, полностью отсутствует во Введении). В основном разделе издания он представлен районными картами археологических памятников, таблицами вещевого материала и рисунками отдельных наиболее выразительных находок. Однако к картам можно предъявить вполне разумные претензии. Они сделаны не по правилам картографии, которые предписывают располагать памятники в определенной последовательности – нумеровать их с севера на юг и с запада на восток. Найти же нужный объект на представленных картах представляет определенную сложность.

И в заключение несколько слов о тех трудностях, с которыми придется столкнуться археологам, которые будут использовать материалы АКЧР в своей профессиональной деятельности. Отсутствие точной привязки памятников к современным населенным пунктам отчасти объяснимо желанием авторов минимизировать потери от деятельности “черных копателей”, хотя и создает трудности для дальнейшего нахождения и исследования памятников археологии. К тому же авторы, вероятно, использовали данные устаревшего справочника “Населенные пункты Чувашской АССР” 1981 г., что привело к значительным несоответствиям современному административно-территориальному делению. Так, известный комплекс памятников у с. Уржумка (№ 1172, 1266–1273) вполне определенно значится в Звениговском р-не Республики Марий Эл и не должен быть представлен в АКЧР. Однако все уржумские памятники описаны во втором томе и обозначены на карте Мариинско-Посадского р-на Чувашской Республики. Чему верить?

Отсутствие в издании систематического и хронологического указателей ничем не оправдано. Без них практически невозможно выделить для исследовательской работы из всего массива объектов типологические или хронологические группы памятников, например городища раннего железного века, курганы эпохи бронзы или же все неолитические памятники.

В заключение хочется еще раз отметить полезность и важность издания “Археологической карты Чувашской Республики” – наиболее полного свода памятников археологии этого региона Российской Федерации, что, несомненно, будет способствовать дальнейшему их изучению и послужит делу сохранения археологического наследия.

Институт археологии РАН,
Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашевская культура в Среднем Поволжье (МИА № 97). М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013.
- Бадер О. Н.* Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Наука, 1963.
- Брюсов А. Я.* Следы палеолитической стоянки у сел. Улянк (Чувашская АССР) // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 6–7. М.; Л., 1940.
- Вихляев В. И.* Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000.
- Воронина Р. Ф.* Нижнесурская мордва IV–VIII вв. (по материалам Ивановского могильника раскопок 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1968–1972 гг.) // Пензенский археологический сборник. Вып. 1. Пенза, 2007.
- Каховский В. Ф.* Памятники материальной культуры Чувашской АССР. Чебоксары, 1957.
- Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965.
- Краснов Ю. А.* Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // Советская археология. 1974. № 3.
- Матвеева Г. И.* Памятники оседлых племен лесной зоны Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000.
- Смирнов А. П.* Железный век Чувашского Поволжья. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура // САИ. Вып. Д-1–14. М.: Наука, 1965.
- Фахрутдинов Р. Г.* О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. ИЯЛИ КФАН СССР. Казань, 1971.
- Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990.
- Чижевский А. А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веке (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) // Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008.
- Шпилевский С. М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1877.

А. А. Беговаткин, А. В. Кашкин

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА АКСЕНОВА (к 90-летнему юбилею)

Наталья Дмитриевна Аксенова – известный специалист в области золотоордынской археологии Поволжья, а точнее Булгарского городища. Родилась Наталья Дмитриевна в 1928 г. в семье служащих в Казани, где окончила среднюю школу. В 1946 г. поступила в Казанский университет на историко-филологический факультет, на котором вместе с ней учились будущие известные археологи Т.А. Хлебникова и А.Х. Халиков.

Каждое университетское лето Наталья Дмитриевна проводила в экспедициях: разведки с Н.Ф. Калининым и А.Х. Халиковым, раскопки на Булгарском городище с А.П. Смирновым, знакомство с которым оставило глубокий след в душе начинающего исследователя, что впоследствии изменило всю ее жизнь. Это впечатление подкреплялось и глубоким уважением, с которым относились к руководителю его коллеги и помощники О.С. Хованская, З.А. Акчурина, А.М. Ефимова.

После окончания университета в 1951 г. Н.Д. Аксенова по распределению уехала работать в Иркутскую область, где несколько лет преподавала историю в 5–10-х классах общеобразовательной школы. Отработав положенный срок, она в 1955 г. вернулась в Казань. Однако, несмотря на предложения Н.Ф. Калинина и А.Х. Халикова, в аспирантуру поступать не стала, а продолжила преподавательскую работу в вечерней школе в исправительной колонии для взрослых.

Но археология из жизни Натальи Дмитриевны не исчезла. В те годы она в свободное от занятий время под руководством Н.Ф. Калинина помогала разбирать коллекции из бывшего музея Общества археологии истории и этнографии в археологическом кабинете истфилфака КГУ. С 1957 г. она практически каждое лето выезжала на раскопки в Булгар, где под руководством А.П. Смирнова начала вести самостоятельные исследования. Алексей Петрович предложил ей заняться археологией не урывками, а постоянно, отметив ее старательность и скрупулезность в раскопках, накопленный опыт многолетних полевых исследований.

В 1969 г. был образован Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник (БГИАЗ), и по предложению А.П. Смирнова Наталья Дмитриевна приняла решение перейти туда на работу. С 1969 по 1984 г. она занимала должность заместителя директора заповедника по научной работе. В ее ведении были самые различные проблемы и вопросы деятельности БГИАЗ – от наблюдений за хозяйственными работами (на заповедной территории они были ограничены, но периодически в силу хозяйственной необходимости проводились) до текущей музейной жизни (организация экспозиций и выставок). Все это совмещалось с ее собственными полевыми исследованиями.

Итогом полевых работ Натальи Дмитриевны в Болгаре стало выявление и исследование домов с подпольным отоплением так называемого монгольского типа, занимавших обособленные кварталы в средневековом городе (СА. 1973. № 4). Для восстановления исторической топографии Болгара – в продолжение исследований А.П. Смирнова – важное значение имели ее раскопки в юго-восточной части городища (Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978). Наблюдения и раскопки в южной части памятника позволили-

ли воссоздать историю жизни этого района города (Древности Поволжья: эпоха средневековья. Казань, 2005). Не менее важными были полученные ею данные о строительстве и датировке мавзолеев в Болгаре (Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001). В соавторстве с С.С. Айдаровым в 1983 г. издан путеводитель по Болгарскому городищу. Много сил она положила на создание в заповеднике археологического музея и картинной галереи. Н.Д. Аксенова оставила воспоминания о коллегах, с которыми свела ее археологическая судьба (Любовь моя – Болгары. Воспоминания, научные работы. Казань, 2010). За долгие годы археологической работы кроме подробных ежегодных отчетов по раскопкам на городище Н.Д. Аксенова опубликовала более 17 статей, сообщений, очерков.

Казанский государственный институт культуры,
Институт археологии АН РТ,
Казань

Институт археологии РАН,
Москва

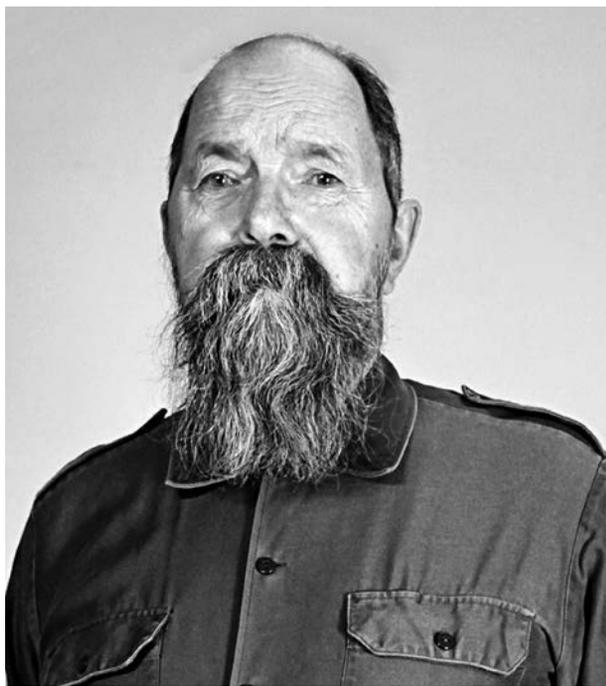
Необходимо сказать и еще об одном – Наталья Дмитриевна не добивалась научных степеней и научной славы. Ее путь в науке был естественным и лишённым какого-либо карьеризма. Н.Д. Аксенова в течение многих лет оставалась верным и надежным помощником и сподвижником А.П. Смирнова. Скрупулезность, аккуратность, вдумчивость отличали ее в полевой, научной и музейной работе. Все, кто работал с Натальей Дмитриевной в Болгаре, отмечали ее скромность, тактичность, терпеливость, мягкость, доброту и внимание в общении с людьми.

От себя и от всех коллег, работавших и работающих в Болгаре, желаем Наталье Дмитриевне доброго здоровья и долгих-долгих лет жизни.

*К.А. Руденко
А.Г. Ситдинов*

*Л.А. Беляев, Н.А. Кокорина,
С.В. Кузьминых*

К 70-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА КУЛАКОВА

В июле 2018 г. отметил свой 70-летний юбилей ведущий научный сотрудник Института археологии РАН доктор исторических наук Владимир Иванович Кулаков.

В.И. Кулаков родился 3 июля 1948 г. в г. Москве. После окончания школы он поступил на вечернее

отделение исторического факультета МГУ, которое успешно окончил в 1973 г. Его руководителем на кафедре археологии был академик Борис Александрович Рыбаков.

В 1971 г. В.И. Кулаков был принят на работу в Институт археологии АН СССР. На долгие годы судьба связала его сектором археологических сводов и карт, а с 1989 г. – с отделом славяно-русской археологии. Здесь он прошел долгий путь научного становления от лаборанта до ведущего научного сотрудника (с 1996 г.).

В 1974 г. В.И. Кулакову было поручено руководителем сектора В.В. Седовым провести разведку памятников археологии Калининградской области по государственной программе “Свода памятников истории и культуры народов СССР”. С этого года началась история возглавляемой В.И. Кулаковым Балтийской археологической экспедиции (БАЭ), которая продолжалась до 2014 г. Всего на этой территории было обследовано около 400 памятников археологии различных эпох, собран исчерпывающий материал по памятникам археологии земли пруссов, неоднократно использовавшийся в опубликованных им статьях и монографиях. Балтийской археологической экспедицией были проведены стационарные раскопки на 20 памятниках археологии, самые значимые из которых – могильник Ирзекапинис (1977–1986 гг.), могильник Хюненберг-“Гора Вели-

канов” (1985–1994 гг.), могильник Долъкайм-Коврово (1992–2002 гг.), могильник и поселение Кауп (1979–2014 гг.).

Владимир Иванович является специалистом по проблемам археологии и истории Балтии раннего железного века и эпохи средневековья. В 1982 г. им была защищена кандидатская диссертация “Древности пруссов VI–XIII вв.”, которая была монографически опубликована в 1990 г. В 1994 г. В.И. Кулаков защитил докторскую диссертацию на тему “Пруссы в эпоху раннего средневековья”, изданную в виде монографии в том же году под названием “Пруссы. V–XIII вв.”. К настоящему времени В.И. Кулаков опубликовал 539 научных работ, в том числе 30 монографий, преимущественно посвященных проблемам до- и протоистории юго-восточной Балтии. Его работы выходили не только в России, но и в Англии, Германии, Польше, Литве и других странах. Научный анализ археологических и исторических источников, проводимый В.И. Кулаковым, представляет собой новый этап изучения прошлого земли пруссов – одного из важнейших регионов Центральной Европы.

Полевые исследования помимо научных статей и монографий легли в основу многочисленных докладов В.И. Кулакова на научных конференциях (в основном международных), выступлениях в прессе, ав-

Институт археологии РАН,
Москва

торского цикла передач “Древности земли пруссов” на Калининградском телевидении.

Научные достижения Владимира Ивановича неоднократно были отмечены коллегами и ответственностью. В 2002 г. он был награжден дипломом в номинации “Связь времен” Калининградского городского конкурса “Человек. Событие. Время”, в 2003 г. – почетной грамотой Российской академии наук, в 2013 г. – медалью “За заслуги перед Калининградской областью”. В 2004 г. В.И. Кулаков был избран членом-корреспондентом Немецкого Археологического Института (Берлин).

Последние годы Владимир Иванович активно занимается преподавательской деятельностью. В 2004–2012 гг. он работал в должности профессора кафедры гуманитарных дисциплин Института туризма Российской международной академии туризма (Москва), в 2013–2016 гг. – в должности профессора-консультанта Института рекреации и туризма Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Хотелось бы пожелать от имени коллег Института археологии, коллег из Германии, Польши, Литвы и от себя лично дорогому юбиляру долгих лет жизни, новых творческих успехов, новых статей, книг и жизненной силы для осуществления всего этого.

А. В. Кашкин

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА ПРЯХИНА (1939–2018)

9 июня 2018 г. ушел из жизни старейший воронежский археолог, ведущий специалист по эпохе бронзы восточноевропейской лесостепи, заслуженный деятель науки Российской Федерации Анатолий Дмитриевич Пряхин. Более тридцати лет профессор А.Д. Пряхин возглавлял кафедру археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета. В последней четверти XX в., благодаря его усилиям, ВГУ превратился в один из ведущих российских университетских археологических центров.

А.Д. Пряхин родился 23 августа 1939 г. в старинном русском городе Ельце. Окончив в 1957 г. среднюю школу, он поступает на историко-филологический факультет Воронежского госуниверситета, где на всю жизнь определяется его выбор – археология. С первого курса А.Д. Пряхин становится одним из самых активных членов научного студенческого археологического кружка под руководством археолога-слависта Анны Николаевны Москаленко, поэтому первоначальные научные исследования А.Д. Пряхина были посвящены проблемам славяно-русской археологии.

Первые самостоятельные раскопки на Воргольском городище он провел в 1961 г. еще студентом. После завершения обучения А.Д. Пряхин в 1962–1966 гг. работает в должности ассистента кафедры истории СССР досоветского периода ВГУ. Совместно с А.Н. Москаленко он исследует славянские памятники на Дону (Боршевский курганный могильник, Большое и Малое Боршевское, Архангельское городища и др.). Однако молодой ученый не идет по проторенному пути своего учителя — видимо, ему было тесно в том, уже освоенном археологическом “домене”, в котором успешно работала А.Н. Москаленко. Для научных изысканий он избирает почти неисследованную в Воронежском регионе эпоху бронзы. Этому выбору он остается верен всю жизнь.

В изучении проблематики бронзового века в наибольшей степени раскрылся научный талант А.Д. Пряхина. В 1966 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию, в которой были систематизированы материалы по бронзовому веку Верхнего и Среднего Подонья (II — начало I тыс. до н.э.). Важным этапом его становления как археолога явились проводившиеся на рубеже 1960–1970-х годов совместно ВГУ и Институтом археологии АН СССР масштабные новострочные раскопки разновременных памятников в зоне строительства Воронежского водохранилища (Шиловское, Масловское, Северо-Восточное поселения). Полученные при раскопках Шиловского поселения материалы во многом предопределили направление дальнейшей научной деятельности А.Д. Пряхина — изучение абашевских древностей. В 1970-е годы, следуя территориальному распространению абашевских племен, он расширяет географический диапазон полевых работ. В ходе его совместных раскопок с Уральским госуниверситетом, Башкирским и Самарским пединститутами в Поволжье и Приуралье изучаются Сурушское, Береговское, Синташтинское поселения, Береговской курганный могильник и др.

В 1977 г. А.Д. Пряхин успешно защищает в Диссертационном совете при Институте археологии АН СССР докторскую диссертацию на тему “История древних скотоводов II тыс. до н.э. лесостепных районов Поволжья и Южного Урала (абашевская культурно-историческая общность)”. Защите предшествовала публикация двух монографий: “Поселения абашевской общности” (1976) и “Погребальные абашевские памятники” (1977). Эти исследования знаменовали появление в советской археологии крупного специалиста по проблематике эпохи бронзы. Надо отметить особую роль профессора А.Д. Пряхина в развитии в ВГУ научного направления “Археология восточноевропейской лесостепи”. К 90-м годам прошлого века это направление получает официальное признание в качестве одной из ведущих научных школ Воронежского университета.

В развитии археологии в Воронежском университете особую роль сыграли раскопки под руководством

А.Д. Пряхина Мосоловского поселения металлургов-литейщиков срубной культурно-исторической общности на р. Битюг. В 1977–1984 и 1989 гг. поселение было исследовано практически полностью, обнаружены многочисленные свидетельства производственной деятельности. Впервые для евразийской степи и лесостепи были получены археологические свидетельства существования клана ремесленников с разными технологическими навыками. Материалы и результаты изучения этого памятника хорошо известны специалистам и живут в науке уже “своей жизнью”.

Научный поиск, а затем увлечение “металлургической” тематикой эпохи бронзы уводят А.Д. Пряхина далеко за пределы нашего региона: сначала это Среднее Поволжье и Урал, а затем и Восточная Украина. Благодаря его энергии в 90-х годах прошлого века создана совместная экспедиция Института археологии НАН Украины, Донбасского горно-металлургического института и ВГУ. Она приступила к систематическому изучению поселений и древних медных рудников в Картамышском археологическом микрорайоне (Луганская область). Помимо раскопок здесь ежегодно проводились научные полевые семинары, бессменным сопредседателем которых являлся профессор А.Д. Пряхин. За научные достижения в области изучения древней металлургии ему было присвоено почетное звание доктора *honoris causa* Донбасского горно-металлургического института.

Научная деятельность А.Д. Пряхина не ограничивалась эпохой бронзы. Благодаря его усилиям в 80–90-е годы новый импульс получило изучение славяно-русских древностей на Дону и Воронеже. Большое значение имели проводившиеся под его руководством в 1984–1988 и 1990 гг. раскопки Семилукского городища на Дону. Здесь открыты остатки древнерусской крепости домонгольского времени, которая, по мнению А.Д. Пряхина, могла быть летописным Воронежем. В нижних слоях городища обнаружены свидетельства страшной катастрофы — десятки скелетов людей, погибших в конце скифской эпохи. Памятник сразу привлек внимание специалистов и породил в скифологии научную дискуссию, которая продолжается и поныне. В рамках федеральной программы “Археология и археологическое наследие народов Российской Федерации” в 1993–1995 гг. в нижнем течении р. Воронеж был проведен мониторинг славянских городищ и курганных могильников; в результате выделен археологический микрорайон памятников, которому А.Д. Пряхин дал условное название “Вантит”. Следует отметить также разведки и раскопки поселений на территории Ельца, родного города А.Д. Пряхина, в рамках научно-прикладной программы “Елец и его округа — уникальная историко-культурная территория России”.

Научные открытия А.Д. Пряхина можно перечислять, как он любил говорить, “до бесконечности”.

Активные полевые исследования Анатолий Дмитриевич сочетал с аналитической работой. Им опубликовано более 600 работ, в том числе 19 монографий и учебных пособий. Изучение памятников эпохи бронзы позволило А.Д. Пряхину выявить особенности развития исторического процесса на лесостепных пространствах Евразии во II тыс. до н.э. и выделить новые археологические культуры (воронежская, доно-волжская абашевская, донская лесостепная срубная).

Помимо археологических исследований в центре внимания А.Д. Пряхина находилась проблема сохранения археологического наследия. Им написаны многочисленные статьи и научно-популярные книги: “Археология... Наследие” (1988), “Археология и археологическое наследие” (1995). В последние годы жизни он вновь обратился к истории отечественной археологии. Последней его работой стала монография “Археология в Воронежском госуниверситете”. В этом смысле воронежским археологам повезло — у них появился свой “историограф”, который не только детально отслеживал каждый их шаг в науке, но и давал ему свою оценку.

А.Д. Пряхиным разработана и введена в Воронежском университете специализация по археологии, включавшая систему взаимосвязанных спецкурсов и спецсеминаров по эпохам бронзы, раннего железного века, средневековья и др. Для ее осуществления активно привлекались ведущие академические ученые: В.П. Алексеев, Е.Н. Черных, Д.Б. Шелов, К.Ф. Смирнов и С.А. Плетнева (все — Институт ар-

хеологии АН СССР), В.Ф. Генинг (Институт археологии АН Украины) и др. Его усилиями были открыты археологический музей ВГУ (1983), лаборатория естественно-научных методов в археологии (1989), совместная с Институтом археологии и этнографии СО РАН лаборатория историографии археологии Евразии (1999). С 1979 г. под редакцией А.Д. Пряхина издается сборник научных трудов “Археология восточно-европейской лесостепи”. Долгие годы он являлся членом редколлегии журналов “Российская археология” и “Археология, этнография и антропология Евразии”. Под его председательством в 1997 г. при Воронежском университете открыт Диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по специальности “археология”, который уже в начале этого века стал докторским.

Приоритетной задачей для А.Д. Пряхина всегда оставалась подготовка кадров археологов высшей квалификации. Под его руководством подготовлены 20 кандидатов, а на кафедре археологии и истории древнего мира ВГУ сейчас трудятся 5 докторов исторических наук. Выпускники кафедры работают в различных университетах и научных учреждениях России, Азии, Африки. За свои заслуги А.Д. Пряхин удостоен звания “Заслуженный деятель науки России”, а также “Почетный гражданин г. Ельца”.

С уходом Анатолия Дмитриевича заканчивается целая эпоха в истории воронежской археологии. Он останется в памяти коллег и сотен выпускников исторического факультета, а его начинания и идеи будут жить в трудах его учеников и продолжателей.

*А.П. Медведев, А.З. Винников,
Е.Ю. Захарова, И.Е. Сафонов, М.В. Цыбин*

Воронежский государственный университет

АЗГАР ГАТАУЛЛОВИЧ МУХАМАДИЕВ (08.09.1933–25.04.2018)

25 апреля 2018 г. не стало Азгара Гатауловича Мухамадиева, видного нумизмата, археолога и историка, доктора исторических наук, профессора.

А.Г. Мухамадиев родился 8 сентября 1933 г. в деревне Сынгаряново Илишевского района Башкирии. Там же он окончил среднюю школу. В 1954–1958 гг. служил в Военно-Морском Флоте в качестве машиниста на боевом крейсере. Вернувшись после службы на флоте, в 1958 г. Азгар поступил на историко-филологический факультет Казанского государственного университета. Начав учебу на филологическом отделении, будущий ученый вскоре понял, что ему более интересна историческая проблематика. Занимаясь по индивидуальному плану, в 1963 г. Азгар Гатаулович закончил историческое и филологическое отделения,

получив специальность “историк-археолог”, и был оставлен на кафедре истории СССР в качестве стажера-исследователя.

Уже первые публикации А.Г. Мухамадиева были посвящены джучидской нумизматике (Семеновский клад золотоордынских монет XV в. // Сборник студенческих работ историко-филологического факультета Казанского гос. ун-та. Вып. 1. Казань, 1964. С. 87–99; Два клада татарских монет XV в. // СА. 1966. № 2. С. 259–273), которая станет его основной научной тематикой на многие годы.

Еще в годы учебы в Казанском университете А.Г. Мухамадиев принимал активное участие в раскопках Царевского городища в Волгоградской области, которые тогда возглавлял

крупнейший специалист в области изучения Золотой Орды Г.А. Федоров-Давыдов, проводивший широкие целенаправленные раскопки нижеволжских золотоордынских памятников и создавший современную школу изучения археологии Улуса Джучи. С 1964 г. Азгар Гатауллович стал самостоятельно вести раскопки Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище, готовить их материалы к публикации (Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970; в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым и И.С. Вайнером).

В 1965–1968 гг. А.Г. Мухамадиев обучался в очной аспирантуре Московского государственного университета под научным руководством Г.А. Федорова-Давыдова. Учеба в одном из ведущих центров мировой науки – Московском университете – не только углубила знания Азгара Гатаулловича по золотоордынской нумизматике, но и дала представление об истории Улуса Джучи в целом. Он с большим увлечением и интересом изучал нумизматические коллекции музеев Москвы и Казани, взвешивал и сопоставлял монеты, выявляя центры чеканки и новые монетные типы. Целый ряд из открытых А.Г. Мухамадиевым фактов по истории денежно-весовой системы Улуса Джучи XIII–XV вв. вошел в “золотой фонд” науки, были выявлены даже не известные ранее монеты золотоордынского правителя XV в. Гияс ад-Дина.

После успешной защиты кандидатской диссертации по археологии “Булгаро-татарская денежно-весовая система XIII–XV вв.” (1969 г.) Азгар Гатауллович вернулся в Казань и работал научным сотрудником

Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР.

С середины 1960 – начала 1970-х годов А.Г. Мухамадиев вел многолетние исследования таких известных золотоордынских памятников, как Селитренное, Царевское и Водяньское (Раскопки двойного дома на Водяньском городище в 1970 г. // Города Поволжья в средние века. М., 1974) городища. Его участие в исследовании нижеволжских археологических памятников Улуса Джучи продолжалось более полувека. Результаты полевых работ ученый отразил в заметках в “Археологических открытиях”, статьях (Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае // СА. 1970. № 3; Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая // Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А.В. Арциховского. М., 1972; Раскопки усадьбы на Царевском городище // Вестник МГУ, серия IX, история. 1978. № 3; все в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым) и отчетах о полевых исследованиях.

В 1971 г. А.Г. Мухамадиев стал старшим преподавателем кафедры истории СССР досоветского периода Башкирского государственного университета. С этого времени его судьба была неразрывно связана с преподавательской деятельностью.

Уже в 1974 г. Азгар Гатауллович вновь возвращается в Казань на должность старшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР и параллельно по совместительству начинает читать курсы лекций по истории СССР, нумизматике и археологии в Казанском университете, в котором он проработал до последних дней своей жизни. В 1980 г. А.Г. Мухамадиев окончательно переходит в Казанский государственный университет и становится доцентом кафедры истории СССР. После защиты докторской диссертации (1992 г.) Азгар Гатауллович становится профессором Казанского государственного университета, а в 1993 г. получает ученое звание профессора; в 1994–1998 и 2001–2007 гг. он заведовал кафедрой археологии и этнологии. С 2014 г. А.Г. Мухамадиев являлся заслуженным профессором Казанского университета.

Азгар Гатауллович вел активную научную работу. Обширный нумизматический материал по монетной чеканке и денежному обращению в Улусе Джучи и Волжской Булгарии позволил ему уточнить свои прежние выводы и сделать целый ряд новых открытий (Клад татарских монет XIV в. // МИА. 1969. № 169; Об обрезанных монетах в Волжской Булгарии в конце XIV в. (Мало-Атрясинский клад) // Нумизматика и эпиграфика. Т. VIII. 1970; Деньги, денежная терминология и денежный счет Булгара в предмонгольский период // СА. 1972. № 2). Результаты его многолетних исследований были обобщены в монографии “Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв.” (М.: Наука, 1983. 164 с.). Расширил первоначальные хронологические рамки своей работы, А.Г. Мухамадиев изучал

монеты и денежное обращение ранних государств Восточной Европы – Хазарского каганата и Волжской Булгарии, а также денежно-весовые системы народов Среднего Поволжья (Бронзовые слитки – первые металлические деньги Поволжья и Приуралья (I тыс. н.э.) // СА. 1984. № 3). Результаты этих исследований были изложены им в ряде монографий – “Древние хазарские и булгаро-татарские монеты” (Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 176 с.; на тат. яз.), “Древние монеты Поволжья” (Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 159 с.) и “Древние монеты Казани” (Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 200 с.). Десятилетия упорных работ позволили А.Г. Мухамадиеву защитить в 1992 г. в Институте истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге докторскую диссертацию по археологии “Денежное обращение Поволжья и Приуралья VI–XV вв.” в форме научного доклада.

Научная деятельность Азгара Гатаулловича была тесно связана с исследованиями Казани. В 1976–1977 гг. он совместно с А.Х. Халиковым и Л.С. Шавохиным руководил раскопками Казанского Кремля. Одновременно, в 1976 г., вместе с Р.Г. Фахрутдиновым изучал Русско-Урматское селище. В дискуссии о времени основания Казани Азгар Гатауллович, как и другие казанские археологи, историки и лингвисты, отстаивал точку зрения, что город на кремлевском холме возник во второй половине XII в., критикуя попытки отнести его основание к концу XIV в. С 1995 г. А.Г. Мухамадиев возобновил свои работы в Казанском Кремле, давшие новые интересные материалы, которые позволили Азгару Гатаулловичу сформулировать предположение, что основание Казани следует, возможно, отнести к концу X в.

Большое внимание уделял А.Г. Мухамадиев обобщению материалов по истории Улуса Джучи. Прекрасное знание разнообразных источников по данной теме (археологических, нумизматических и письменных) позволили ему выработать свою концепцию истории этого государства. Подробно характеризует он политическое развитие государственности Улуса Джучи, а также закономерности его образования и распада (Золотая Орда // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995; Новый взгляд на

историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 159 с.).

Другой темой, которая являлась предметом давних размышлений и исследований А.Г. Мухамадиева, была проблема происхождения и развития тюркского языка. Он считал, что нумизматика является еще явно недостаточно используемым источником для изучения истории языка. В качестве обоснования этого подхода исследователь приводил данные, собранные им на основе надписей на золотоордынских и раннесредневековых среднеазиатских монетах, в результате ученый предложил свой вариант прочтения домусульманской хорезмийской письменности.

Азгар Гатауллович принимал активное участие в работе Академии наук Республики Татарстан, в 1995 г. он был избран ее членом-корреспондентом. А.Г. Мухамадиев был активным участником научных конференций различного масштаба, в том числе международных. Его успехи были высоко оценены общественностью и правительством Республики Татарстан – в 1994 г. ему было присвоено звание “Заслуженный деятель науки Республики Татарстан”, а в 2008 г. – присуждена Государственная премия Республики Татарстан в области науки и техники.

Деятельность Азгара Гатаулловича не ограничивалась только научными исследованиями. Многого он сделал в области преподавания археологии и нумизматики – практически все студенты, окончившие в последние десятилетия Казанский университет по историческим специальностям, обучались у него. А.Г. Мухамадиев был членом диссертационных советов по историческим наукам и археологии, готовил аспирантов по археологии и истории Улуса Джучи, среди его учеников – кандидаты и доктора наук. Молодые историки и археологи учились у А.Г. Мухамадиева любви к науке и творчеству, простоте, выдержке, товарищеским отношениям с друзьями и коллегами, отзывчивости и готовности помочь. Азгар Гатауллович не боялся высказывать свою точку зрения, был активным, трудолюбивым человеком, настоящим патриотом своей Родины. Память об этом ученом, преподавателе и прекрасном человеке сохранится у всех, знавших его.

Казанский федеральный университет

Л.Ф. Недашковский

ГЛЕБ ЮРЬЕВИЧ ИВАКИН
(Гліб Юрійович Івакін)
30 января 1947 – 22 мая 2018

Глеб Юрьевич Ивакин ушел из жизни после продолжительной, упорной борьбы с болезнью. Она считается неизлечимой, но временами казалось, что мужественное сопротивление в конце концов позволит Глебу одолеть недуг. Увы, чуда не произошло.

Глеб Юрьевич хотя и был истинным киевлянином и главным археологом Киева, но семейные корни его подлинно интернациональны. В нем текла кровь французов и немцев, он числил в роду литовскую шляхту и горожан из польско-украинского Станислава, из Лубен и городов Приднепровья, среди которых к началу XX в. появились ученые-естественники: дед Алексей основал кафедру анатомии в Киевском университете и написал первые на украинском языке учебники по биологии и анатомии. И гуманитарии: отец, Юрий Алексеевич (1916–1983), доктор наук, изучал творчество Тараса Шевченко и был писателем-сатириком. Он близко знал многих деятелей культуры и был центром творческой молодежи послевоенного Киева, куда вернулся, дойдя до Пруссии, инвалидом войны. Мать, Галина Людвиговна Гасснер (1914–1991), тоже филолог, была также и музыкантом.

Уже в школе Глеб, под влиянием отца, знакомится с памятниками исторической мысли и документами, читает “Архив Юго-Западной России”, журнал “Киевская старина”, “казацкие летописи” XVII–XVIII вв. В университете он знакомится с историком М. И. Мар-

ченко, а под руководством В. А. Дядиченко учится скорописи XVI–XVIII вв. Закончив исторический факультет Киевского государственного университета (1970), Глеб ушел в армию, служил командиром взвода в ГДР, собирался в аспирантуру, но перед демобилизацией попал в катастрофу и пропустил экзамены.

После двух лет работы в историко-культурном заповеднике “Софийский музей” (1973–1974) под руководством историка искусства И. Ф. Тоцкой и в экспедиции Института археологии АН УРСР под руководством П. П. Толочко (где он поработал вместе с К. Н. Гупало, одним из исследователей киевского Подола) Глеба взяли в отдел археологии Киева ИА АН УРСР. В результате его интерес к истории Украины и общей проблематике Средних веков получил развитие в археологии послемонгольского периода (тогда ею почти не занимались), истории архитектуры, изучении Византии на пространстве от Киева и Чернигова до Крыма.

Работая в Институте археологии АН Украины Глеб Юрьевич прошел все ступени: от старшего лаборанта до заведующего отделом археологии Киева, а с 2003 г. — заместителя директора по научной работе. Археология Киева стала его судьбой — и, несомненно, этому городу повезло. Глеб видел Киев целиком, так сказать, снизу доверху, воспринимая “поздние” слои как ценные (хотя понимал, конечно, приоритет домонгольского этапа). Соединив археологические и исторические материалы, Глеб Юрьевич смог стереть белое пятно, простиравшееся в хронологии и историографии Киева от монголо-татарского разгрома 1240 г. до по меньшей мере середины XVII в., а то и позже. Представление о “неинтересном”, целиком погибшем городе, где с трудом теплится жизнь, а развитие культуры замерло на столетия, оказалось неверным и предвзятым. Это Глеб Юрьевич доказал в двух трудах: диссертации “Киев во второй половине XIII — первой половине XVI века” (1985) и монографии “Историческое развитие Киева XIII — первой половины XVI столетия” (Киев, 1996), за которую ему присвоили докторскую степень (1997).

Работы Глеба Юрьевича в Киеве были широко-масштабными, можно сказать повсеместными, они проводились во всех районах средневекового города. Глеб участвовал в раскопках Подола, изучая католический храм XVII в. (построен из сполій Десятинной церкви) и армянскую церковь XIV–XV вв.; работал в исторических урочищах Гончары и Кожемяки. В 1996 г. Глеб Юрьевич возглавил архитектурно-археологическую экспедицию для работ по восстановлению разрушенных в XX в. памятников, таких как церковь Успения Богородицы Пирогощей (1996, 1997:

выявлены первоначальные части стен и фундамента). Целый ряд открытий принесла работа в Михайловском Золотоверхом монастыре (1996–1999: открыты остатки курганной группы; найдена плита овручского камня с изображением св. Евстафии Плакиды второй половины XI в. и клад денежных гривен и золотых вещей конца XII – начала XIII в.; обнаружены остатки надвратной церкви конца XII в. и сделаны другие открытия). Параллельно в 1996–1999 гг. Глеб Юрьевич исследовал Успенский собор Печерского монастыря, открыв новые погребения в шиферных саркофагах и трапезную церковь начала XII в.

Исключительна роль Глеба Юрьевича в длительных (2005–2011 гг.) раскопках на участке Десятинной церкви с целью получить материалы для натурной реконструкции (совместно с О.М. Иоаннисяном и др. учеными Санкт-Петербурга). Для восстановления храма в аутентичных формах данных было недостаточно, зато новая информация во многом уточнила и изменила представления об истории первого каменного храма Древней Руси. После работ М.К. Каргера считалось, что галерея и западная часть храма построены в 1030-х годах, но оказалось, что они одновременны основному объему 989–996 гг., хотя в ходе строительства в них вносили изменения, а в XI–XII вв. храм действительно перестраивали. Была предложена и новая гипотеза о генезисе сооружения: место группы столичных, константинопольских мастеров занял “болгарский след” в строительной технике, уводивший на Балканы или в Малую Азию. В киевской архитектурно-археологической экспедиции выросла и плеяда учеников Глеба Ивакина.

Для развития фундаментальной науки не менее важен поворот в сторону “позднего слоя” Киева. В 1990-х годах мы не раз обсуждали с Глебом Юрьевичем необходимость изучать памятники не только XIV–XV вв., но и “козацкого” периода, причем повсеместно (например в Батурине). Первым шагом к нему стали масштабные работы Глеба Юрьевича на территории Старого арсенала, где в ходе создания музейного комплекса были открыты сотни погребений (в том числе в саркофагах), собрана коллекция поливной керамики, стекла и предметов быта XVII–XVIII вв. Так началось развитие “исторической археологии” не только Киева, но всей Украины, для которой именно материалы XIV–XVII вв. обладают первостепенной важностью. Конечно, мы с глубоким интересом следили за открытиями домонгольских памятников Киева, но не менее близок нам и поиск основ национальной археологии. И для России, и для Украины это – археология Позднего Средневековья и Нового времени.

Глубокий знаток древнерусского наследия, Глеб Юрьевич стремился вписать его в европейскую (в конечном счете – латиноязычную) культуру, не вырывая при этом из византийской (в основе своей греческой) почвы. В результате византинистика в исследованиях Глеба Юрьевича заняла особое место. Он стал секретарем

Украинского национального комитета византинистов, организовывал конференции в сотрудничестве со Всемирной ассоциацией византинистов, охотно участвовал в международных проектах, связанных с историей Византии. В числе наших общих планов 2000-х годов (родившихся между Херсонесом и Киевом) была мечта о большом общем курсе византийской археологии – увы, мы так и не решились приступить к этому.

При взгляде из Москвы не менее впечатляющим выглядит вклад Глеба Юрьевича в организацию системы работ на территории мегаполиса. То, что городская археология Киева была доверена именно академической структуре, а не одной из коммерческих фирм (существующих, как известно, и в Киеве, и в Москве) – во многом его заслуга. Удалось добиться устойчивого контроля и сопровождения строительных работ и сформировать охранные зоны. В этом Глеб Юрьевич был исключительно активен: работал над охранными документами, консолидировал исторический материал, составлял обоснования, неустанно консультировал работы по сохранению и музеефикации памятников культурного наследия, участвовал в создании свода памятников истории и культуры Украины.

У Глеба было много научно-организационных и общественных нагрузок, начиная с научно-методических советов Министерства культуры, Министерства строительства Украины, Главного управления охраны культурного наследия Киева – до ученых советов национальных историко-культурных заповедников (“София Киевская” и Киево-Печерский заповедник, “Стародавний Чернигов” и “Чигирин”) и общественных организаций. Он успешно руководил научными исследованиями Института археологии, редактировал множество периодических и непериодических изданий – административной работы, что называется, хватало. Но Глеб обладал мощной волей и развитым талантом организатора, руководителя, необходимого каждому археологу. Он умел не бояться трудностей, не отступал перед проблемами и опасностями, но справлялся с ними в рабочем, чуть не в игровом режиме, принимая ответственность без алармизма.

Рациональный и, несомненно, деловой человек, Глеб Юрьевич никогда не опускался до низкого, унылого прагматизма. Истинный ученый, он не шел на сделки с совестью. Так, вместе с другими серьезными специалистами, он не принял бесчисленных натяжек и необоснованных построений, из которых пытались сконструировать 1000-летие Софийского собора. Трезвый подход к интерпретации археологических контекстов не позволил совершить ошибку и при идентификации погребений с кладбища церкви Спаса на Берестове (в одном из них попытались увидеть гроб Юрия Долгорукого). Несомненно, Г.И. Ивакин был убежденным противником фальсификации прошлого, будь то в угоду политическим тенденциям или в силу развития паранаучных тенденций.

За сорок с лишним лет исследований Г.Ю. Ивакин оставил (первая статья вышла в 1975 г.) более 300 работ, среди которых фундаментальные коллективные труды, такие как “Новое в археологии Киева” (Киев, 1981); “История Киева” (Киев, 1986); “Археология Украинской ССР”, (Киев, 1987. Т. 3); Древняя история Украины (Киев, 2000. Т. 3); “История украинского искусства” (Киев, 2010. Т. 2). Он стал лауреатом Государственной премии УССР в области науки и техники (1983) и Государственной премии Украины в области науки и техники (2002), получив эти награды по праву. В 2009 г. Глеб Юрьевич был избран в члены-корреспонденты Национальной академии наук Украины.

Но, возможно, главным в ученом был его характер. Человеком он был ярким, веселым, на редкость жизнелюбивым, свободным в общении. Смерть, небытие — слова, плохо вяжущиеся с его образом. Глеб был сама жизнь, сама внутренняя сила. И он всегда был способен делиться ею. Не было более задушевного, открытого к друзьям человека. Спокойный, неторопливый, рассудительный Глеб умел, однако, действовать стремительно, был легким на подъем. Его встречали то в европейских столицах, то где-нибудь в Старой Рязани, куда он приезжал по проселочным дорогам на тряском экспедиционном автобусе в окружении спутников и единомышленников. Глеба Юрьевича хорошо знали в России, мы публиковали его работы, а напечатанный стараниями Глеба в Киеве, но выполненный в Москве перевод книги американского исследователя Роберта Оустерхаута о византийских строителях стал образцовым примером международного трехстороннего научного сотрудничества. Когда к 70-летию коллеги почтили Глеба Юрьевича

Институт археологии РАН,
Москва

сборником, в нем оказались примерно поровну представлены (парой десятков громких имен каждая) обе страны — Украина и Россия. Готовность к сотрудничеству, открытость, простота при глубокой интеллигентности делали его ключевой фигурой, желанным участником многих международных проектов, прежде всего проектов российско-украинских. Очень многое осталось неосуществленным — но сколько же было сделано, раскопано, сказано, издано! И как внешне легко, красиво (уместно сказать — изящно) совершалась им огромная работа!

Глеб Юрьевич свободно чувствовал себя в пространстве древней архитектуры, да и в среде искусства как таковой: рассказы о богатейшей коллекции авангарда, собранной его отцом, вошли в экспедиционный фольклор (в последние годы жизни Глеб опубликовал о ней прекрасные воспоминания). Творческая сторона натуры, присущая отнюдь не каждому ученому, не давала Глебу Юрьевичу поживать на лаврах — его легко было воспылнить новой идеей, подбить на исследовательскую авантюру (качество, обычно оставляющее людей после 40 лет). Ум ученого не был ни сухим, ни прямолинейным, его наполняла интуиция, художественное, творческое начало.

Сократовское лицо Глеба запомнится нам как лицо истинного мыслителя. Его душа с нами на Владимирской и на Печерах, на Контрактовой и на Андреевском спуске. Мы не забудем бесчисленные встречи, праздники мысли, да и просто праздники (в них он чувствовал себя не менее уверенно). Мы потеряли общего друга, сына Украины и России. Мы скорбим вместе — ведь всюду, где Глеба знали, его искренне любили. Да иначе и быть не могло.

*Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков,
Н.А. Макаров, А.В. Чернецов, В.Ю. Коваль*

ПАМЯТИ ПАВЛА ЮРЬЕВИЧА ЧЕРНОСВИТОВА (25.02.1944–11.01.2018)

Павел Юрьевич Черносвитов родился в Москве в 1944 г. Со школьных лет он ездил в геологические экспедиции, в которых начал формироваться будущий полевой исследователь. После окончания школы Павел Юрьевич поступил и в 1967 г. окончил Московский авиационный институт по специальности “Авиационное приборостроение и САУ”. Но “охота к перемене мест”, приобретенная в экспедициях, не способствовала рутинной работе в проектной организации. С 1975 г. Павел Юрьевич резко меняет профессию и становится сотрудником Института археологии. Он принимает участие во многих археологических экспедициях в разных регионах страны (По-

волжье, Северный Кавказ, Алтай, Восточная Сибирь, Чукотка, Командорские острова).

В короткое время П.Ю. Черносвитов осваивает методику полевой работы и методы исследования археологических материалов. При этом неожиданногодились знания, полученные в авиационном институте. Одним из основных методов, которые применял Павел Юрьевич в своих археологических изысканиях, был системный анализ, который он освоил еще в студенческие годы.

В 1982 г. Павел Юрьевич становится сотрудником Шпицбергенской экспедиции Института археологии. И, как и многие члены экспедиции, “заболел” Се-

вером. Всего он посвятил Шпицбергену 15 полевых сезонов. Много нового внес П.Ю. Черносвитов в полевую практику Шпицбергенской экспедиции: по его предложению памятники стали вскрываться по слоям и квадратам, не ориентируясь исключительно на остатки деревянной архитектуры. Усовершенствовалась и методика фиксации археологических объектов. Именно благодаря П.Ю. Черносвитову на принципиально новый уровень вышел такой немаловажный фактор любой полярной экспедиции, как организация быта: появились легко разбирающиеся каркасы для палаток, разборный полевой дом, переносная печь, рация. Для экспедиции Павел Юрьевич оказался незаменим и как художник: прекрасно владея карандашом и пером, он не только зарисовал практически все археологические находки, но и создал серию рисунков, посвященных природе Шпицбергена, будням экспедиции. Выставки графических работ П.Ю. Черносвитова неоднократно экспонировались в поселке Баренцбург на Шпицбергене и всегда пользовались неизменным успехом.

Раскопки на Шпицбергене дали богатую пищу для научной деятельности П.Ю. Черносвитова. Анализ разнообразных материалов, включая опыт экспедиционных работ на Чукотке и Командорских островах, послужил фактологической базой для фундаментальной работы «Освоение Крайнего Севера. Опыт имитативного моделирования по материалам археологии». В монографии на основании системного подхода рассмотрены результаты обобщающих работ по археологии северных регионов Восточной Европы и Западной Сибири, охватывающих весь период голоцена. Главным результатом исследования стало

создание теоретической модели освоения Севера и ее пролонгация для случая, когда основой модели является сложная иерархическая система типа «государство».

Монография «Освоение Крайнего Севера» была защищена П.Ю. Черносвитовым в 1999 г. в качестве диссертации кандидата исторических наук по специальности историческая культурология.

Девяностые годы оказались, пожалуй, наиболее трудными в жизни Павла Юрьевича — тяжелая болезнь надолго лишила его возможности полноценной полевой и научной работы. Но и в это время он не прекращал своих изысканий.

В начале 2000-х годов П.Ю. Черносвитов принял активное участие в подготовке многотомного издания «Материальная культура русских поморов», в котором опубликован обширный комплекс предметов материальной культуры русских поморов на архипелаге Шпицберген. В этом издании впервые представлен весь круг вопросов, связанных с русским мореплаванием на архипелаг в XVI–XVIII вв. Несомненной заслугой Павла Юрьевича стала графическая реконструкция поморского коча, выполненная на основании глубокого всестороннего анализа остатков судовых деталей, найденных на Шпицбергене.

Важным этапом в научной карьере П.Ю. Черносвитова стал 2003 г. — защита диссертации доктора искусствоведения на тему «Эволюция «Картины мира» как адаптационный процесс». Глубокое проникновение в суть одной из основополагающих методологических проблем — культуры как целостной самоуправляемой системы — позволило автору сформулировать гипотезу, суть которой заключается в том, что «все проявления культуры имеют *адаптивный* характер и все культурные трансформации имеют *адаптивную* направленность».

Как ученого Павла Юрьевича отличала широта мысли: он не замыкался в рамках конкретной проблемы, но рассматривал ее всесторонне, иногда парадоксально, но всегда аргументированно, привлекая широкий круг источников и аналогий. В этом плане несомненный интерес представляет небольшая статья П.Ю. Черносвитова «Ремесло как часть системы жизнеобеспечения социума», опубликованная в сборнике «Древние ремесленники Приуралья» (Ижевск, 2001). В этой работе на примере новаций в древнем производстве делается вывод о значении ремесла как вида деятельности, способствующего накоплению объективной информации о ресурсах и провоцирующего их расширенный поиск и совершенствование технологий, а также утилизации для самоподдержания непосредственно ремесла. И далее следует глобальный вывод о влиянии ремесленного производства на развитие социума: «Развитие системы жизнеобеспечения в указанном направлении провоцирует отбор в передовые ряды ... людей с опре-

деленным типом психики — левополушарников, способных к аналитическому типу мышления и выявлению объективных законов мироустройства. Именно они становятся настоящими ремесленниками-профессионалами, а на более поздних исторических стадиях — организаторами и руководителями промышленного производства”.

Институт археологии РАН,
Москва

Нет сомнения, что научное наследие П.Ю. Черно-свитова еще ждет обобщения и внимательного изучения. Идеи, заложенные в его работах, продолжают жить и развиваться в трудах археологов, культурологов, этнологов и других специалистов, изучающих культуру в различных аспектах ее проявления.

*В.Л. Державин, В.И. Завьялов,
В.Ф. Старков*

ПАМЯТИ ЕКАТЕРИНЫ ГЕОРГИЕВНЫ ДЭВЛЕТ (1965–2018)

23 августа 2018 г. ушла из жизни Екатерина Георгиевна Дэвлет. Перечисление ее званий и должностей не сможет описать, насколько тяжела эта потеря для российской археологии, Института археологии РАН, ее близких и друзей. Уникальный исследователь с обширным кругом интересов — от Центральной Америки до Дальнего Востока и Китая, ученый секретарь Института археологии РАН и руководитель Центра палеоискусства, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), любимая жена и мама, Екатерина Георгиевна контактировала с огромным количеством людей, для которых эта утрата невосполнима.

Екатерина Дэвлет родилась 16 августа 1965 г. в Москве в семье Марианны Арташировны Дэвлет — крупнейшего специалиста нашей страны в области наскального искусства. В 20 лет она поступила на

работу в Институт археологии АН СССР, где и проработала до конца своей жизни, пройдя путь от лаборанта и курьера до ученого секретаря и руководителя Центра палеоискусства.

В 1990 г. Екатерина Дэвлет закончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по кафедре археологии, а в 1994 г. — заочную аспирантуру Института археологии РАН. Во время обучения в аспирантуре у доктора исторических наук В.И. Гуляева Екатерина Георгиевна была переведена на должность стажера-исследователя отдела теории и методики Института археологии. В мае 1995 г. она защитила кандидатскую диссертацию “Искусство индейцев Нижней Центральной Америки в доколумбову эпоху (художественные изделия из камня)”, которая в дальнейшем стала основой для монографии “Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки” (М., 2000). Ее первая плановая научная тема в отделе — “Функциональные художественные каменные предметы из Центральной Америки”, и хотя в дальнейшем Екатерина Георгиевна полностью посвятила себя теме изучения и сохранения памятников наскального искусства, любовь и интерес к американистике сохранила до конца своих дней.

Ее незаурядные организационные способности и волевой характер особенно ярко проявились во время экспедиционных исследований. С 1986 г. она выезжала на памятники наскального искусства Абхазии, Киргизии, Сибири, Дальнего Востока, а также в Мексику, Гватемалу. Четыре полевых сезона (2005–2008 гг.) под ее руководством проводилась экспедиция по изучению самого северного местонахождения петроглифов в нашей стране — на р. Пегтымель (Чукотка). Организация полевых работ в этом далеком регионе на труднодоступном памятнике требовала невероятных усилий, но в результате данное местонахождение наскальных изображений (открытое в год рождения Екатерины Георгиевны и впервые исследованное Н.Н. Диковым в 1967 г.) было всесторон-

не обследовано и документировано, и сейчас на нем известно порядка 350 плоскостей с рисунками, часть из которых к настоящему времени опубликована.

Характер Екатерины Георгиевны был лидерским, она старалась всегда идти впереди и ставить, казалось бы, неразрешимые задачи, что проявилось не только в выборе сложнейших памятников, которые она изучала (чукотские, амурские петроглифы и др.), но и в постановке научных задач. Она внесла большой вклад в разработку методики документирования объектов наскального искусства, одной из первых в стране внедрив метод трасологии для изучения особенностей техники нанесения рисунков, активно разрабатывала методы исследования изображений, выполненных краской, а также предложила незаурядные идеи в вопросах изучения стиля, хронологии и семантики рисунков. Результаты ее исследований обобщены в книге «Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование» (М., 2002), в докторской диссертации на ту же тему, защищенной в 2003 г., в многочисленных научных статьях.

Новой вехой в научной биографии Екатерины Георгиевны стало создание в 2015 г. Центра палеоискусства ИА РАН, который она и возглавила. Коллектив Центра под ее руководством осуществлял оригинальный проект по отработке методов современного документирования наскальных изображений, на практике реализуя междисциплинарный подход в изучении наскального искусства, вовлекая специалистов разного профиля: трасологов, химиков, физиков и т.д., что также в нашей стране было незаурядным и прорывным.

Экспедиции Петроглифического отряда ИА РАН под руководством Екатерины Георгиевны проводились в Хабаровском крае, на памятниках Сикачи-Алян, Шереметьево, Кия — местонахождениях наскального искусства в нижнем течении рек Амур и Усури. Ежегодные исследования команды Центра палеоискусства и хабаровских коллег позволили по-новому увидеть и оценить этот уникальный памятник, выявить серию неизвестных ранее петроглифов, дополнить информацию о памятниках наскального искусства региона в целом, а также привлечь внимание к проблеме сохранения знаменитых объектов.

Екатерина Георгиевна успешно совмещала исследовательскую, преподавательскую и административную деятельность. С 1997 г. она была ученым секретарем диссертационного совета ИА РАН, а с 2001 г. назначена ученым секретарем института. В 2000 г. Екатерина Георгиевна была приглашена преподавать в учебно-научный Мезоамериканский центр имени Ю.В. Кнорозова РГГУ, где более 15 лет вела курсы «Археология», «Первобытное искусство», «История и культура доколумбовой Америки» для студентов — историков и искусствоведов, руководила студенческой практикой и работой аспирантов. В 2007 г.

ей присвоено звание профессора истории и теории исторической науки.

Исследования Е.Г. Дэвлет были представлены на многочисленных международных конференциях, она побывала на разнообразных памятниках наскального искусства Европы, Азии и Америки, свободно ориентировалась в мировой литературе по вопросам, связанным с изучением и сохранением древнего искусства. Ее блестящий организаторский талант проявился и во время подготовки и проведения многих международных конференций и конгрессов, в том числе секций на Всероссийских археологических съездах, Северных археологических конгрессах, VIII Всемирном археологическом конгрессе (Киото, Япония), съездах Европейской ассоциации археологов, конгрессах по наскальному искусству в США и Европе, а также Австралийской ассоциации исследователей наскального искусства и др.

Список научных и научно-популярных трудов Е.Г. Дэвлет составляет более 300 наименований, среди них многочисленные работы на разных языках, 7 монографий и книг просветительского характера, опубликованных в России, Кореи и Великобритании. Статьи Екатерины Георгиевны переведены на английский, испанский, корейский, китайский языки. Многие работы написаны в соавторстве с М.А. Дэвлет, среди них и уже ставшая библиографической редкостью книга «Мифы в камне. Мир наскального искусства России» (М., 2005), в которой обобщены данные о разновременных региональных традициях в наскальном искусстве, сформулированы их особенности, приведены семантические интерпретации рисунков. За эту книгу в 2012 г. авторы были награждены премией Президиума РАН имени И.Е. Забелина.

Большое внимание Е.Г. Дэвлет уделяла теме сохранения и популяризации наскального искусства не только через статьи и книги, но и с помощью современных технологий. По ее инициативе и руководством созданы электронно-информационные интернет-ресурсы, в том числе «Петроглифы Северной Евразии» (<http://rockart-studies.ru>), выпущен диск (CD) «Петроглифы Пегтымеля». Изготовлена серия факсимильных копий петроглифов Пегтымеля, которые экспонируются в ряде музеев и привлекают внимание посетителей, в том числе на многочисленных выставках, проведенных в Москве, Санкт-Петербурге, Андыре, Анкоридже (США), Шпицбергене (Норвегия) и др. В 2005 г. в Москве ею была организована представительная международная конференция «Мир наскального искусства», вызвавшая большой резонанс среди исследователей наскального искусства разных стран. Многие годы она была идейным вдохновителем и организатором ежегодной конференции «Археологические исследования в России: новые материалы и интерпретации» Института археологии РАН.

В 2017 г. в результате плодотворного сотрудничества с французскими коллегами Екатерина Георгиевна организовала в музее наскального искусства “Пещера Руффиньяк” (Франция) выставку, посвященную истории археологических исследований на Алтае и исследованиям алтайских петроглифов.

Екатерина Георгиевна была членом редколлегии журналов “Российская археология”, “Уфимский археологический вестник” и редакционного совета журналов “Археология, этнография и антропология Евразии”, “Проблемы истории, филологии и культуры”, “Теория и практика археологических исследований”, а также членом Международного комитета по наскальному искусству ИКОМОС, совета при Президенте Башкирской Республики по сохра-

нению пещеры Шульган-Таш (Капова) и активным участником дискуссии о включении памятников наскального искусства России в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Помимо этого она принимала активное участие в деятельности Межрегиональной общественной организации “Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства” – как президент (2005–2008 гг.), позднее – один из вице-президентов.

Человек огромного мужества, Екатерина Георгиевна была способна преодолевать космические нагрузки, что особенно поражало в последние годы, когда она была уже не совсем здорова. Это величайший пример для всех нас, низкий Вам поклон, незабвенная Екатерина Георгиевна...

Институт археологии РАН,
Москва

Санкт-Петербургский государственный университет
Кемеровский государственный университет

Е.С. Леванова, Г.Г. Король

*Д.Г. Савинов
О.С. Советова*

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 2018 ГОД

- Абрамзон М.Г.** Клад позднебоспорских статов из окрестностей Гермонассы (2016 г.). № 1, 150–163
- Авилова Л.И.** Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. Кульгово-административный центр IV – III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. Т. 2. М.: ТАУС, 2016. № 1, 173–176
- Агаджанян А.К.** см. Дэвлет Е.Г.
- Акопян А.В.** Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: экономические системы Евразии в раннее средневековье. М., 2017. № 3, 177–182
- Албегова З.Х.-М.** Погребение аланской культуры III в. н.э. с керамическим столиком. № 3, 23–35
- Амиров Ш.Н.** К 90-летию Р.М. Мунчаева. № 3, 5–8
- Амиров Ш.Н.** см. Мунчаев Р.М.
- Амиров Ш.Н.** см. Мунчаев Р.М.
- Андреева М.В.** Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-Западный Каспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН, 2013. № 1, 187–192
- Бабенко А.Н.** см. Коробов Д.С.
- Баранова С.И.** Описи И.Ф. Мичурина как источник изучения материальной культуры XVI –XVII вв.: деревянный дворец и церкви села Коломенское. № 3, 168–176
- Баталов А.Л.** “Арабский цветок”: к вопросу о генезисе декоративных мотивов в московской архитектуре XIV – XV вв. № 3, 153–163
- Беговаткин А.А.** Археологическая карта Чувашской Республики / Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Т. 1–3. Чебоксары, 2013–2015. № 4, 174–178
- Беляев Л.А.** см. Ивакин Г.Ю.
- Беляев Л.А.** Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: итоги раскопок 2012–2014 гг. № 2, 148–161
- Беляев Л.А.** Глеб Юрьевич Ивакин. № 4, 186–188
- Беляев Л.А.** см. Руденко К.А.
- Березуцкий В.Д.** Курганы скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону (раскопки 2005 г.). № 1, 82–92
- Борисов А.В.** см. Коробов Д.С.
- Булочников Е.В.** см. Хлопачев Г.А.
- Вагнер М.** см. Пахунов А.С.
- ван дер Плихт Й.** см. Трифонов В.А.
- Винников А.З.** см. Медведев А.П.
- Волкова Е.В.** Ольга Сергеевна Гадзяцкая (1931–2017). № 2, 190
- Володин С.А.** погребальные традиции на Среднем Дону в скифскую эпоху: к вопросу об интерпретации бескурганых захоронений. № 1, 69–81
- Ворошилов А.Н.** см. Голофаст Л.А.
- Гаврилов К.Н.** см. Зарецкая Н.Е.
- Гадзяцкая О.С.** см. Ковалевская В.Б.
- Гайдуков П.Г.** см. Беляев Л.А.
- Гайдуков П.Г.** см. Ивакин Г.Ю.
- Гайдуков П.Г.** см. Макаров Н.А.
- Гиппиус А.А.** см. Кукушкин И.П.
- Глазунова О.Н.** Печать изразечника XVII в. из Ново-Иерусалимского монастыря. № 3, 164–167
- Голенищев Ф.Н.** см. Трифонов В.А.
- Голофаст Л.А.** О времени функционирования гончарной мастерской в Иерихоне (по материалам раскопок 2017 г.). № 3, 97–110
- Гуляев В.И.** Богиня Кибела – владычица зверей – в скифском искусстве. № 1, 105–117
- Дакович Г.** см. Чечушков И.В.
- Дервянко А.П.** V (XXI) Всероссийский археологический съезд (Барнаул – Белокураха, 2017). № 3, 186–190
- Державин В.Л.** Памяти Павла Юрьевича Черносветова. № 4, 188–190
- Днепровский К.А.** см. Эрлих В.Р.
- Дэвлет Е.Г.** Пополнение bestiaria Каповой пещеры (об изображении верблюда в зале Хаоса). № 2, 19–32
- Дэвлет Е.Г.** см. Дервянко А.П.
- Дэвлет Е.Г.** см. Пахунов А.С.
- Елкина И.И.** см. Пахунов А.С.
- Ершов И.Н.** см. Кренке Н.А.
- Жмур О.В.** см. Хлопачев Г.А.
- Журбин И.В.** см. Модин Р.Н.
- Завьялов В.И.** Технологический анализ средневековых тиглей из Переяславля Рязанского. № 3, 43–51
- Завьялов В.И.** см. Державин В.Л.
- Зайдов О.Н.** Новые данные о комплексе памятников у д. Хотяжи на Москве-реке (к проблеме славянской колонизации Подмосковья). № 4, 130–148
- Зализняк А.А.** см. Кукушкин И.П.

- Зарецкая Н.Е.** Геохронологические данные и археологические представления о времени существования опорных памятников восточного гравейта на Русской равнине. № 1, 3–16
- Захарова Е.Ю.** см. Медведев А.П.
- Зеленков Н.В.** см. Сердюк Н.В.
- Золотарев П.М.** см. Березуцкий В.Д.
- Ивакин Г.Ю.** К юбилею П.П. Толочко. № 3, 191–192
- Иванова М.Г.** см. Модин Р.Н.
- К 75-летию** Анатолия Пантелеевича Деревянко. № 2, 3–7
- К юбилею** Валерия Ивановича Гуляева. № 1, 59–60
- Каргин Ю.Ю.** Археологическая карта Республики Калмыкия. Ч. I (Ики-Бурульский, Приютненский, Целинный, Черноземельский районы) / Под ред. П.М. Кольцова. Элиста, 2016. № 1, 176–186
- Кастеллучча М.** Крепости железного века в Закавказье. № 2, 49–67
- Кашкин А.В.** К 70-летию Андрея Евгеньевича Леонтьева. № 3, 193
- Кашкин А.В.** см. Беговаткин А.А.
- Кашкин А.В.** К 70-летию Владимира Ивановича Кулакова. № 4, 180–181
- Кирпичников А.Н.** О.В. Двуреченский. Холодное оружие московского государства XV–XVII веков. Тула, 2015. № 2, 186–187
- Кичанов С.Е.** см. Сапрыкина И.А.
- Ковалевская В.Б.** Памяти Айны Петровны Погожевой (1933–2017). № 2, 191–192
- Ковалевская В.Б.** см. Волкова Е.В.
- Коваль В.Ю.** см. Макаров Н.А.
- Коваль В.Ю.** А.А. Чижевский, Е.М. Черных, А.А. Хисметдинова, А.Е. Митряков, Е.А. Спиридонова, М.Д. Кочанова, А.С. Алешинская. Скорняковское городище на Вятке. Казань, 2016. № 2, 182–185
- Коваль В.Ю.** см. Беляев Л.А.
- Козленко Д.П.** см. Сапрыкина И.А.
- Кокорина Н.А.** см. Руденко К.А.
- Копылов В.П.** Тяжеловооруженная конница в войске Восточной Скифии. № 1, 61–68
- Корневский С.Н.** В.И. Молодин, А.Е. Гришин. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск, 2016. № 2, 175–181
- Коробов Д.С.** Комплексное исследование каменных загонов в окрестностях Кисловодска. № 2, 113–129
- Коробов Д.С.** Третья международная конференция “Археология и геоинформатика” (Москва, 2017 г.). № 2, 188–189
- Король Г.Г.** см. Леванова Е.С.
- Корочкова О.Н.** Погребальные комплексы святилища эпохи бронзы Шайтанское озеро II на Среднем Урале. № 1, 135–149
- Корочкова О.Н.** Средний Урал в начале бронзового века: коптыковская культура. № 4, 17–35
- Кочкаров У.Ю.** см. Пахунов А.С.
- Кренке Н.А.** Новые исследования урочища Смядынь в Смоленске. № 3, 123–133
- Кренке Н.А.** см. Заидов О.Н.
- Кренке Н.А.** см. Сердюк Н.В.
- Ксенофонтова И.В.** см. Эрлих В.Р.
- Кузьминых С.В.** см. Руденко К.А.
- Кукушкин И.П.** Первая берестяная грамота из Вологды. № 1, 164–172
- Лазукин А.В.** см. Заидов О.Н.
- Леванова Е.С.** Памяти Екатерины Георгиевны Дэвлет. № 4, 190–192
- Лещинская Н.А.** Бронзовые чаши и изделия из них на раннесредневековых памятниках Камско-Вятского междуречья. № 4, 66–80
- Лихтер Ю.А.** Е.К. Столярова. Стекло средневековой Москвы: XII–XIV века. М., 2016. № 3, 183–185
- Лопатин Н.В.** Керамика городищ Тушемля и Банцеровщина: к вопросу о тушемлинско-банцеровской культуре. № 4, 53–65
- Лопатина О.А.** см. Завьялов В.И.
- Лукин Е.В.** см. Сапрыкина И.А.
- Макаров Н.А.** Раскопки в восточной части московского кремля в контексте изучения городов северо-восточной Руси XII–XIII вв. № 4, 95–113
- Макаров Н.А.** К 70-летию Л.А. Беляева. № 3, 93–96
- Макаров Н.А.** см. Беляев Л.А.
- Макаров Н.А.** см. Деревянко А.П.
- Макаров Н.А.** см. Ивакин Г.Ю.
- Малашев В.Ю.** см. Албегова З.Х.-М.
- Малашев В.Ю.** Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии. № 4, 36–52
- Мандрыка П.В.** Культурная принадлежность памятников развитого средневековья южнотаежной зоны Средней Сибири. № 2, 98–112
- Матвеева Н.П.** Поминальные обряды раннесредневекового могильника Ревда 5 в Западной Сибири. № 1, 36–46
- Медведев А.П.** Памяти Анатолия Дмитриевича Пряхина. № 4, 181–183
- Мимоход Р.А.** Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. № 2, 33–48
- Мишина Т.Н.** см. Ковалевская В.Б.

- Модин Р.Н.** см. Макаров Н.А.
- Модин Р.Н.** Междисциплинарные исследования и реконструкция оборонительных сооружений Ушманского городища / Уччакар. № 2, 83–97
- Молодин В.И.** Двухсторонняя иконка-медальон, найденная на Московско-Сибирском тракте. № 3, 52–57
- Мосунова А.В.** см. Корочкова О.Н.
- Мошкова М.Г.** см. Волкова Е.В.
- Мошкова М.Г.** см. Ковалевская В.Б.
- Мунчаев Р.М.** Homo dominus. О знаках собственности в Северной Месопотамии эпохи поздней первобытности (Часть 1). № 3, 9–22
- Мунчаев Р.М.** Homo dominus. О знаках собственности в Северной Месопотамии эпохи поздней первобытности (Часть 2). № 4, 5–16
- Мунчаев Р.М.** см. Ивакин Г.Ю.
- Недашковский Л.Ф.** Азгар Гатауллович Мухамадиев. № 4, 183–185
- Неолит Северо-Востока** Европы в балтийской перспективе
- Нордквист К.,** Крийска А.. № 2, 162–174
- Нечушкин Р.И.** см. Зарецкая Н.Е.
- Носкова Л.М.** см. Эрлих В.Р.
- Олейников О.М.** Металлическое зеркало китайского типа из Великого Новгорода. № 3, 141–152
- Панин А.В.** см. Зарецкая Н.Е.
- Пастушенко И.Ю.** см. Лещинская Н.А.
- Пахунов А.С.** см. Дэвлет Е.Г.
- Пахунов А.С.** Шерстяные ковры из аланских погребений VIII–X вв.: качество шерсти и технология изготовления. № 4, 81–94
- Петренко В.Г.** см. Волкова Е.В.
- Петренко В.Г.** см. Ковалевская В.Б.
- Петрухин В.Я.** “Реликварий” cum grano salis. № 3, 111–117
- Разуваев Ю.Д.** Новые поселенческие материалы начала раннего железного века на Верхнем Дону. № 1, 93–104
- Родинкова В.Е.** Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации днепровских раннесредневековых кладов I группы. № 2, 130–147
- Руденко К.А.** см. Олейников О.М.
- Руденко К.А.** Наталья Дмитриевна Аксенова (к 90-летнему юбилею). № 4, 179–180
- Рыбина Е.А.** О печатях Федора Оксентьева. № 4, 161–166
- Савинов Д.Г.** см. Леванова Е.С.
- Сапрыкина И.А.** Возможности нейтронной томографии в археологии на примере исследования древнерусских украшений из Тверского клада 2014 г. № 3, 36–42
- Сапрыкина И.А.** см. Родинкова В.Е.
- Сафарова И.А.** см. Беляев Л.А.
- Сафонов И.Е.** см. Медведев А.П.
- Свиридов А.Н.** см. Суханов Е.В.
- Севастьянов В.С.** см. Трифонов В.А.
- Седов Вл.В.** О конструкции в жертвеннике церкви Бориса и Глеба в Кидекше. № 3, 134–140
- Сенотрусова П.О.** см. Мандрыка П.В.
- Сергеев А.Ю.** см. Коробов Д.С.
- Сердюк Н.В.** Остеологическая коллекция селища Хотьжи 1. № 4, 149–160
- Симеон П.Керамика** среднеазиатского ремесла IX–XI вв. из Хульбука (столицы Хутталя). № 1, 47–58
- Ситдиков А.Г.** см. Руденко К.А.
- Слободин С.Б.** Мезолитическая традиция черешковых пластинчатых наконечников Северо-Востока Азии. № 3, 58–74
- Советова О.С.** см. Леванова Е.С.
- Сорокин А.Н.** Лисицын С.Н. Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе, 2017. № 4, 167–174
- Спиридонов И.А.** см. Корочкова О.Н.
- Старков В.Ф.** см. Державин В.Л.
- Стефанов В.И.** см. Корочкова О.Н.
- Строков А.А.** К изучению социальной структуры позднеантичного Азиатского Боспора. № 1, 17–35
- Судаков В.В.** см. Завьялов В.И.
- Сударев Н.И.** см. Абрамзон М.Г.
- Суханов Е.В.** Новые раннесредневековые погребения с территории Западного Предкавказья. № 4, 114–129
- Сыроватко А.С.** см. Трошина А.А.
- Сычев С.А.** см. Родинкова В.Е.
- Сычевская Е.К.** см. Сердюк Н.В.
- Тарасов П.Е.** см. Пахунов А.С.
- Тишкин А.А.** см. Дервянко А.П.
- Торгоев А.И.** см. Малашев В.Ю.
- Трифонов В.А.** “Шуба” эпохи ранней бронзы из дольмена у станицы Царская (1898 г.) на Северо-Западном Кавказе: методика и результаты комплексного исследования. № 1, 118–134
- Трошина А.А.** Палеоландшафты округа Щуровского могильника в I тыс. н.э. (данные спорово-пыльцевого анализа культурного слоя). № 2, 68–82
- Хлопачев Г.А.** Неизвестный ранее тип поделки из бивня мамонта со стоянки Авдеево (новый объект). № 2, 8–18

- Хохлов А.Н.** см. Беляев Л.А.
Цетлин Ю.Б. см. Волкова Е.В.
Цыбин М.В. см. Медведев А.П.
Чернецов А.В. Роковая женщина X в. глазами средневековых миниатюристов. № 3, 118–122
Чернецов А.В. см. Беляев Л.А.
Чернова О.Ф. см. Трифонов В.А.
Чернышева Е.В. см. Коробов Д.С.
Чечушков И.В. Архитектурно-планировочные решения синташтинско-петровских поселений и проблема военного дела эпохи бронзы. № 3, 75–92
- Шишлина Н.И.** см. Трифонов В.А.
Шуныков М.В. см. Деревянко А.П.
Энговатова А.В. см. Макаров Н.А.
Энговатова А.В. см. Макаров Н.А.
Эрлих В.Р. Памяти Александра Михайловича Лескова. № 3, 194
Якимов А.С. см. Чечушков И.В.
Янгулов С.Ю. см. Копылов В.П.